ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГАРРИ ГАРРИСОН

СПАСАТЕЛЬНАЯ ШЛЮПКА
ЧУМА ИЗ КОСМОСА

Спасательная шлюпка. Чума из космоса

Гарри Гаррисон

Аннотация
Гарри Гаррисон. Спасательная шлюпка. Чума из космоса
Спасательная шлюпка
Чума из космоса

Аннотация

Гарри Гаррисон (1925–2012) – американский писатель-фантаст, художник, иллюстратор. Популярность пришла к нему с первых же романов, позже развернувшихся в циклы: «Неукротимая планета» (1960) и «Крыса из нержавеющей стали» (1961). Сотрудничал со многими известными художниками, писателями, популяризаторами науки, например, с Уолли Вудом, Джимом Барнсом, Гордоном Диксоном, Робертом Шекли, Марвином Минским.

«Спасательная шлюпка». Межзвездный лайнер альбенаретцев терпит бедствие. Горстка выживших заперта в спасательной шлюпке. Надежда на спасение призрачна, к тому же в тесном пространстве приходится сосуществовать людям и инопланетянам, и у каждого свои представления о том, что делать в кризисной ситуации.

«Чума из космоса». Исследовательский космический корабль, вернувшийся с Юпитера, привез на Землю смертельную болезнь, от которой, кажется, нет спасения. Анархия,

паника, отчаяние населения, глупость и продажность политиков – кризисные события нарастают как снежный ком. Лишь немногие смельчаки встанут на защиту человечества…

Гарри Гаррисон
Спасательная шлюпка. Чума из космоса

Harry Harrison
The Lifeship Plague from Space

Перевод с английского
О. Колесникова («Спасательная шлюпка»)
Г. Корчагина («Чума из космоса»)

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Harry Harrison, 1965, 1976
© Перевод. О. Колесников, 2021
© Перевод. Г. Корчагин, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Спасательная шлюпка

1

Взрыв, от которого весь корпус альбенаретского звездолета вздрогнул и загудел, случился как раз тогда, когда Джайлс подошел к лестнице, ведущей из багажного отделения наверх, в зону пассажиров. Джайлс вцепился в перильный поручень этой винтовой лестницы, состоявшей из обычных горизонтальных перекладин, но за первым ударом вдруг последовал второй, оторвавший его от поручня и швырнувший на противоположную стену коридора.

Еще не совсем очухавшись, он с трудом поднялся на ноги и заставил себя начать подниматься по лестнице, действуя все быстрее. В голове постепенно прояснялось. Он решил, что пребывал без сознания не более нескольких секунд. Поднявшись, постарался поскорее выбраться в один из главных коридоров, ведущий на корму и в его личную каюту. Но в этом широком проходе оказалась масса препятствий в виде перепуганных низкорослых мужчин и женщин в серой одежде — представителей сословия трудяг, направля-

ющихся на Белбен; и поверх всего этого вдруг зазвучал и продолжил затем выть беспрестанно громкий сигнал сирены, означавший, что корабль потерял управление. В воздухе коридора уже чувствовался едкий привкус дыма, и трудяги, попадавшиеся Джайлсу по пути, взывали к нему о помощи.

Происходило невероятное. Огромный звездолет под их ногами и вокруг них от двух взрывов оказался охвачен пламенем и теперь стал беспомощной, эфемерной звездочкой, падающей в бездонные глубины космоса. Считалось, что на звездолетах, особенно таких огромных, как альбенаретские, пожар невозможен — но этот горел.

Джайлса охватил легкий озноб, потому что воздух вокруг него становился все теплее и коридор заволакивало дымом, а испуганные выкрики трудяг терзали его сознание, как острые зазубренные сосульки.

Он поборол в себе реакцию на вопли окружавших его испуганных человеческих существ, отгородившись от них яростью. У него есть дело, долг, который нужно исполнить. Прежде всего это, все остальное потом. Трудяги на борту корабля — не под его ответственностью. Он перешел на бег, уворачиваясь от тянущихся к нему рук,

смутно различимых сквозь дым, отводя их со своего пути и перескакивая иногда через упавших, которых нельзя было обойти.

В глубине его хладнокровной сущности все это время разгоралась ярость. Он прибавил скорости. Ярость разгоралась в нем, окутывая сознание и подгоняя тело вперед. Теперь в коридоре изредка попадались обломки оборудования, кое-где стенные панели, видневшиеся сквозь дым, расползались и оседали, словно листы тающего воска. Ничего подобного не должно было случиться. Для такой глобальной катастрофы не могло быть причин. Но сейчас не было времени разбираться, что пошло не так. Стоны и выкрики пассажиров-трудяг продолжали терзать его сознание, но он неистово рвался вперед.

Внезапно в дыму перед ним проступила темная и более узкая, чем любой из людей, фигура. Длинная, невероятно костлявая рука с тремя пальцами ухватила его за ярко-оранжевый комбинезон космического путешественника.

— На спасательную шлюпку! — прогудел альбенаретец, передавая человеческие слова странным жужжанием. — Развернуться. Идти к носу! Не к корме!

Джайлс подавил инстинктивный позыв сдер-

нуть вцепившуюся руку. Хоть он был крупным и сильным, сильнее любого из трудяг, кроме лишь тех, кто воспитан и обучен для сильной физической нагрузки, но знал, что лучше не пытаться вырваться из этих хрупких с виду пальцев.

— Прошу меня извинить! — прокричал он чужаку первые пришедшие в голову слова из тех, что способен воспринять разум альбенаретца. — Обязанность… у меня есть долг! Я *Стальной* — Джайлс Стальной Эшед, магнат! Единственный здесь из магнатов! Может, вы меня помните?

Несколько мгновений он и чужак оставались неподвижными. Безгубое темное узкое лицо уставилось на него с расстояния в несколько дюймов. Затем пальцы разжались, и чужак издал сухой кашляющий смешок, который мог означать что угодно, но только не веселье.

— Идите! — сказал представитель экипажа. Джайлс повернулся и поспешил прочь, переходя на бег.

Совсем скоро он оказался у двери своей каюты. Металлическая ручка обожгла ему пальцы, он отпустил ее и с силой пнул дверь ногой, отчего та распахнулась. От едкого густого дыма в каюте у него тут же запершило горло.

Джайлс ощупью нашел свою дорожную сумку,

рывком открыл ее и достал металлическую коробку. Закашлявшись, набрал нужные цифры, замок щелкнул и крышка открылась. Джайлс торопливо перебрал кучку бумаг, лежавших внутри, пока не нашел ордер на экстрадицию, запихнул его в карман комбинезона и снова сунул руку в коробку, чтобы нажать на кнопку механизма самоуничтожения, испепеляющего коробку со всем ее содержимым. Полыхнула белая вспышка, и металл коробки растаял, как лед. Он повернулся к выходу, но после некоторого колебания вынул из кармана комбинезона инструменты. Предполагалось, что он спрячет их получше после завершения работы, но теперь прятать что-либо стало бессмысленным. Надрываясь от кашля, он кинул инструменты в жар еще пылающей коробки, выбежал в коридор, где воздух был почище, и устремился, наконец, в сторону носа звездолета, к конкретной спасательной шлюпке, на которую ему следовало прибыть в случае чрезвычайной ситуации.

Альбенаретца на прежнем месте не оказалось. Освещаемый потолочным светом коридор был затянут дымом, но трудяг в нем теперь не было. В Джайлсе вспыхнул огонек надежды: должно быть, кто-то уже позаботился о них. Он бежал

не останавливаясь. Спасательная шлюпка уже где-то неподалеку. Впереди послышались голоса, а затем что-то большое и темное возникло перед ним словно ниоткуда, а еще что-то, похожее на гигантскую мухобойку, сбило его с ног.

Он на миг утратил координацию движения, но тут же пришел в себя и упал на мягкий пол коридора. В голове прояснилось, и еще секунду он просто лежал, стараясь не потерять сознание. Здесь, внизу, дым был реже, и он понял, что налетел на дверь, оставленную кем-то открытой. Послышались голоса трудяг — один принадлежал мужчине, другой молодой девушке.

— Ты же слышала? Корабль разваливается, — сказал мужчина.

— Тогда нет никакого смысла ждать сейчас здесь. До спасательной шлюпки нам надо совсем немного пройти по коридору. Пойдемте.

— Нет, Мара. Подожди… Нам следует подождать…

Голос мужчины стих.

— Чего вы боитесь, Грос? — В голосе девушки зазвучали нотки раздражения. — Ведете себя так, будто и дышать не смеете без разрешения?! Вы хотите остаться здесь и задохнуться?

— Тебе-то что… — пробормотал мужчина. — А

я никогда ни в чем не был замешан. Мой послужной список безупречен.

— Если вы думаете, что это имеет какое-то значение…

В голове у Джайлса наконец полностью прояснилось. Он быстрым движением вскочил на ноги, обошел открытую дверь и присоединился к двум невысоким фигурам в серых одеждах.

— Отлично, — сказал он. — Ты права, девочка. Спасательная шлюпка чуть дальше по коридору, почти рядом. Ты… как тебя там? Грос? Веди!

Трудяга молча повернулся и двинулся по коридору, автоматически подчиняясь командному тону наследственного магната, которому повиновался всю жизнь. Это был коренастый круглоголовый мужчина средних лет. Джайлс мельком взглянул на девушку — невысокая, как и все из низших классов, но для трудяги вполне симпатичная. Бледное лицо, обрамленное коротко остриженными светло-каштановыми волосами, было спокойным, без тени испуга.

— Ты славная девушка, — сказал Джайлс чуть помягче. — Теперь следуй за мной. Хватайся за мой комбинезон, если дым станет слишком густым.

Он погладил ее по голове, прежде чем двинуть-

ся впереди нее, и, всматриваясь в другую сторону, не заметил внезапной вспышки негодования и гнева, исказившей ее лицо при прикосновении его руки. Впрочем, эта реакция была мгновенной и тотчас же сошла на нет. Девушка последовала за ним с обычным невозмутимым спокойствием, присущим трудягам.

Джайлс потянулся вперед и положил руку на правое плечо Гроса. Тот вздрогнул.

— Веди же! — рявкнул Джайлс. — От тебя требуется только выполнить приказ. Живее!

— Слушаюсь, ваша светлость, — неуверенно пробормотал Грос. Но плечо его под пальцами Джайлса распрямилось. Он увереннее зашагал по задымленному коридору.

Дым становился гуще. Все они закашлялись. Джайлс почувствовал, как рука девушки, Мары, нащупала сзади его комбинезон и вцепилась в него.

— Не останавливаемся! — сказал Джайлс между приступами кашля. — Это должно быть близко.

Внезапно что-то преградило им путь.

— Дверь, — сказал Грос.

— Открой. Идем дальше! — нетерпеливо рявкнул Джайлс.

Трудяга подчинился, и вскоре они очутились

в небольшом помещении, где дым был реже. Мара закрыла за собой дверь, через которую они вошли.

Прямо перед ними была еще одна дверь, тоже закрытая. Тяжелая дверь шлюза. Опередив Гроса, Джайлс толкнул ее, но та даже не шелохнулась, затем ударил кулаком по пусковой кнопке. Дверь медленно открылась, убравшись внутрь. За ней располагалось внутреннее пространство шлюза и далее еще одна дверь, открытая.

— Идите, — коротко сказал Джайлс трудягам, указав на открытый шлюз. Мара тут же двинулась вперед, но Грос медлил в нерешительности.

— Ваша светлость, — спросил он, — пожалуйста, скажите, что случилось с лайнером?

— Что-то взорвалось на корме. Я не знаю почему, — кратко ответил Джайлс. — Ну, вперед. Спасательная шлюпка за вон той дверью.

Грос все еще медлил.

— А если придут еще другие, сэр?

— Всем остальным следует поторопиться, — сказал Джайлс. — С таким дымом в коридорах у нас не много времени. Эта спасательная шлюпка скоро отчалит.

— Но что, если, когда я войду…

— Когда ты войдешь, альбенаретец там скажет

тебе, что делать. На каждой спасательной шлюпке есть отвечающий за нее инопланетянин. Ну, давай!

Грос вошел. Джайлс повернулся, чтобы проверить, что входной люк за ним закрылся. Вокруг клубился дым, хотя причина существования воздушных потоков была неясна, ведь шлюз теперь был закрыт. Динамик над закрытой дверью внезапно донес отдаленный кашель.

— Сэр, — раздался вдруг позади него голос Гроса, — на спасательной шлюпке еще нет альбенаретца.

— Вернись назад. Жди там! — рявкнул он на трудягу, не поворачивая головы. Звуки кашля из динамика стали громче, донесся негромкий топот неуверенных шагов. Один из идущих, взмолился Джайлс, просто обязан быть альбенаретцем. Сам он не раз водил свою яхту по Солнечной системе, но управлять спасательной шлюпкой чужаков…

Он нажал кнопку открытия шлюза. Внутренний люк широко распахнулся. Сквозь дым смутно проступали приближающиеся фигуры. Джайлс выругался. Это были люди, все в одинаковых серых костюмах трудяг. Пятеро, сосчитал он, когда они подошли ближе, цепляясь за одежду друг друга, и некоторые из них хныкали, когда не

кашляли. Первой шла седая женщина с резкими чертами лица, и, увидев его, она машинально склонила голову в знак почтения. Он открыл внутреннюю дверь и жестом приказал им входить, посторонившись, чтобы они его не задели. Прежде чем вошел последний, лампы на потолке мигнули, вспыхнули снова — и погасли окончательно.

Джайлс закрыл дверь за вошедшими и нажал кнопку подсветки своих часов. Обычно циферблат светился вполне ярко, но сейчас высвечивал только клубящийся дым, проникший в шлюз. Сам воздух тоже стал горячее — пожар бушевал где-то неподалеку. Джайлс снова не смог удержаться от кашля, и голова у него уже раскалывалась от этого дыма.

В помещении, связывающем корабль со шлюпкой, часть стены со скрежетом исчезла, и Джайлс повернулся в ту сторону. Поток воздуха из непонятного источника усилился, и он обнаружил овальный проход там, где раньше был сплошной металл. Дым быстро всасывался туда, в частично очистившемся воздухе появилась высокая худая фигура, наклонившая голову, чтобы выйти к шлюзу.

— Вовремя! — произнес сквозь кашель

Джайлс.

Альбенаретец ничего не ответил и торопливо проследовал в шлюпку типичной походкой чужаков — словно у него перебиты ноги, — а Джайлс следовал за ним по пятам. Как только оба оказались внутри, альбенаретец повернулся и закрыл внутренний люк. Действие говорило само за себя, и лязг закрывшегося люка показался Джайлсу стуком захлопнувшейся крышки гроба.

Когда они вошли внутрь, голоса трудяг смолкли, и те осторожно расступились перед чужаком. Не говоря ни слова, тонкая фигура сунула руку в просвет под мягким полом и вытащила оттуда металлический каркас, обтянутый гибким пластиком. Это была противоперегрузочная койка, покрытая толстым слоем пыли.

— Откройте койки вот так, — приказал альбенаретец, в его устах человеческие слова казались щелкающими и шипящими. — Пристегнитесь. Двигаться будем резко.

В затянувшемся безмолвии альбенаретец повернулся, прошел к пульту управления на носу шлюпки и пристегнулся ремнем безопасности к одному из двух кресел перед ним. Его трехпалые руки шустро задвигались. На панелях засветились огоньки, перед ним ожили два обзорных

экрана, показывающие пока лишь размытое изображение стен отсека спасательной шлюпки. Джайлс и трудяги едва успели вытащить для себя ложа, как шлюпка стартовала. На них обрушилось внезапное ускорение, и они вцепились в каркасы своих коек.

Заряды взрывчатки разнесли секцию корпуса, прикрывавшую спасательную шлюпку. Ускорение вдавило их всех в койки, когда шлюпку выбросило из чрева корабля в космос. Сила тяжести изменила направление, когда заработал двигатель шлюпки, унося их от умирающего звездолета, и тошнотворное ощущение пробрало всех людей, когда они оказались за пределами гравитационного поля большого корабля и начало действовать слабенькое гравитационное поле шлюпки.

Джайлс воспринимал это лишь краем сознания. Вцепившись в раму своего ложа, чтобы его не сбросило, он не отрывал взгляда от правого обзорного экрана. На левом были только звезды, правый же заполнял горящий, умирающий звездолет.

Эти останки ничем не напоминали тот лайнер, на который они садились двенадцать дней назад высоко над земным экватором. Раскаленный

добела, искореженный и разорванный металл сиял в космической тьме. При этом некоторые секции корпуса еще оставались освещенными, но большая часть была темной. Пылающие останки, уносясь прочь, съежились на экране до размера горящих углей, затем медленно переместились к краю экрана и перешли на другой экран. Альбенаретец говорил что-то в решетку под одним из экранов на своем гудяще-жужжащем языке. Судя по всему, он несколько раз повторил одни и те же слова, пока из динамика не донеслось терзающее слух неприятное шипение и ему ответил другой голос. Последовала быстрая дискуссия, тем временем горящий звездолет переместился в центр экрана и стал расти на глазах.

— Мы возвращаемся! — истерически выкрикнул в темноте кто-то из трудяг. — Остановите его! Мы летим назад!

— Замолчи! — машинально отреагировал Джайлс. — Всем молчать, это приказ! — И спустя секунду добавил: — Альбенаретец знает, что делает. И никто другой не сможет управлять шлюпкой.

Трудяги молча следили за тем, как останки звездолета, увеличиваясь, заполнили весь экран, и стало понятно, что они углубляются в этот хаос.

Ловкая игра шести длинных пальцев альбенаретца на пульте управления повела спасательную шлюпку внутрь, огибая зазубренные стальные края, возникавшие на экране переднего обзора. Внезапно перед ними оказалась целехонькая неповрежденная секция, и они с лязгом в нее ударились. С глухим стуком сработали магнитные присоски, и шлюпка задергалась, завозилась со скрежетом, как бы пристраиваясь к чему-то. Затем чужак поднялся с кресла и зашагал к шлюзу. Открылся внутренний люк — а затем внешний.

Это не вызвало ни малейшего движения воздуха — они надежно пристыковались к люку одного из воздушных шлюзов звездолета. Покрытый снаружи инеем люк со скрежетом приоткрылся и замер. Альбенаретец обмотал руки полами своего похожего на халат одеяния, ухватился за край люка и потянул так, что тот окончательно распахнулся. Проникающий через него дым на мгновение рассеялся, открывая проход воздушного шлюза и фигуры еще двух тощих альбенаретцев.

Трое инопланетян быстро переговорили между собой. На морщинистой темной коже их лиц Джайлс не смог разобрать какого-либо выражения, и по их круглым глазам тоже ничего нельзя

было понять. Иногда они подчеркивали свои слова щелкающими жестами трехпалых рук, резко сводя разведенные пальцы. Разговор их оборвался внезапно. Первый альбенаретец и один из тех двоих, протянув руки, коснулись кончиками пальцев рук третьего, стоявшего в шлюзе дальше всех от шлюпки.

Двое инопланетян, стоявшие ближе, проследовали на шлюпку. Тот, кого они оставили, не двигался и не пытался следовать за ними. Лишь когда дверь люка начала задвигаться, все трое одновременно рассмеялись своим высоким щелкающим смехом и продолжали смеяться после того, как дверь разделила их. И когда шлюпка уже уходила в пространство, капитан и второй альбенаретец продолжали смеяться. Постепенно их смех затих под ошеломленное молчание окружающих их трудяг.

2

Потрясение от катастрофы, усталость или то, что они наглотались дыма, а может, все это вместе повергло людей в оцепенение, и они молча уставились покрасневшими глазами на горящий звездолет на экране заднего обзора в носовой части шлюпки. Изображение уменьшалось, пока

не превратилось в маленькую звездочку, ничем не отличающуюся от тысяч других, светившихся на экране.

Наконец она и вовсе исчезла. Тогда высокий альбенаретец, первым пришедший на спасательную шлюпку и выведший ее из космического лайнера, встал с кресла, повернулся и направился к землянам, оставив второго заниматься чем-то непонятным на пульте управления. Остановившись на расстоянии вытянутой руки от Джайлса, он поднял вверх длинный темный палец, средний из трех на его руке.

— Я капитан Райумунг. — Палец повернулся, указывая на второго инопланетянина. — Инженер Мунганф.

Джайлс кивнул в знак понимания.

— Вы их предводитель? — спросил капитан.

— Я — магнат, — холодно ответил Джайлс. Даже принимая во внимание естественное невежество чужаков, нелегко снести предположение, что ты просто один из группы трудяг.

Капитан отвернулся. Как если бы это послужило сигналом, сразу несколько трудяг тут же стали задавать ему вопросы, но капитан всех их проигнорировал. Но голоса стихли, когда высокая фигура вернулась к пульту управления, извлекла

из специальной ниши прямоугольный предмет, обернутый в золотистую ткань, ритуально подержала его на вытянутой руке и положила на отведенное ему место на панели управления. Инженер встал рядом с ним, и капитан положил палец на золотистую ткань. Они молча склонили головы над этим предметом и так застыли.

— Что это? — раздался голос Гросса за спиной Джайлса. — Что они достали?

— Угомонитесь, — резко сказал Джайлс. — Это их священная книга — альбенаретский звездный справочник астрогатора, содержащий навигационные таблицы и другую информацию.

Грос замолчал. Но тут, нарушив приказ, решительно заговорила Мара:

— Ваша светлость, сэр, — сказала она ему почти на ухо, — прошу вас, скажите нам, что происходит.

Джайлс покачал головой и прижал палец к губам, не решаясь нарушать тишину, пока двое чужаков, подняв головы, разворачивали золотистую ткань. Освобожденная книга напоминала нечто из человеческого прошлого — хотя, конечно, относилась к прошлому альбенаретцев: переплет из кожи животного, страницы выделаны из сырья растительного происхождения.

— Ну так вот, — сказал Джайлс, наконец оборачиваясь и обнаруживая девушку прямо возле себя. И стал объяснять ей и одновременно всем трудягам. — Религия и звездоплавание для альбенаретцев неразделимы. Все, что они делают для управления этой шлюпкой, как и любым другим кораблем, — священное и ритуальное действо. Всем вам должны были рассказать об этом на Земле перед отправкой на борт космического лайнера.

— Нам ровно это и рассказали, сэр, — сказала Мара, — но не объясняли, что именно они делают и почему.

Джайлс глянул на нее с легким раздражением. Не его дело быть наставником для трудяг. Потом он смягчился. Вероятно, будет лучше, если они узнают больше. Им предстоит прожить вместе в суровых условиях и тесноте несколько дней, а может, и недель. Они смогут лучше приспособиться к ожидающим их лишениям, если будут понимать.

— Что ж, слушайте все, — сказал он. — Космическое пространство альбенаретцы воспринимают как Небеса. Планеты и все прочие обитаемые твердые небесные тела для них — местопребывание Несовершенства. Путешествуя через космос,

альбенаретцы приближаются к Совершенству. Чем дальше они путешествуют и чем дольше не совершают посадки на планеты — тем большего Совершенства достигают. Если вы помните, капитан назвал себя Райумунг, а инженера — Мунганф. Это не имена, а их ранги в отношении продвижения к Совершенству. Они никак не связаны с их обязанностями на корабле, разве что более ответственный пост обычно доверяют достигшему более высокого ранга.

— Но что же тогда эти ранги означают? — снова не сдержалась Мара. Джайлс улыбнулся.

— Ранги зависят от количества полетов и проведенного в них времени. Но не только от этого. Чем тяжелее выполняемая миссия, тем сильнее растет ранг. Например, за полет в этой спасательной шлюпке ранг капитана и инженера поднимется очень сильно — не потому, что они спасали нас, но поскольку для этого им пришлось отказаться от возможности погибнуть в горящем звездолете. Видите ли, окончательная и главная цель летящего через космос альбенаретца — умереть в итоге именно в космосе.

— Но это значит, что их ничто не заботит! — резко высказала, почти с испугом выкрикнула, другая девушка-трудяга, темноволосая, такая же

молодая, как Мара, но без признаков характера на лице. — Если что-то пойдет не так, они просто позволят нам умереть, чтобы самим получить возможность умереть!

— Конечно же, нет! — оборвал ее Джайлс. — Даже и не думайте такое. Смерть — величайшая награда, возможная для альбенаретца в космосе, только после того, как он сделает все возможное для выполнения своего долга. Только когда не остается других вариантов, альбенаретец может позволить смерти забрать его.

— Но если эти двое решат, что шансов никаких нет, или что-то в этом роде? Тогда они просто умрут и…

— Хватит болтать! — рявкнул Джайлс на трудяг. Он внезапно устал объяснять, испытывая стыд и отвращение к ним ко всем — за их глупые жалобы, неприкрытый страх, отсутствие малейшего контроля и самообладания, за бледные от долгого пребывания в закрытых помещениях, без солнечного света, лица. Все то, что свидетельствовало в них о принадлежности к низшему классу, вызывало у него тошноту. — Угомонитесь! Займитесь делом: пусть каждый разместит свое ложе так, чтобы оказаться по соседству с тем, с кем хочет находиться, пока мы будем в шлюпке. Эти места

станут постоянными. Я не собираюсь разбирать ваши ссоры и пожелания о перемене места! Сейчас я осмотрю шлюпку, затем познакомлюсь со всеми вами и скажу каждому, чем он будет заниматься, пока мы находимся здесь. Ну, давайте!

Все они без малейших колебаний отвернулись от него и занялись делом, за исключением, пожалуй, Мары. Джайлсу показалось, что девушка секунду помешкала, прежде чем повиноваться, и это его удивило. Возможно, она из тех несчастных трудяг, что оказались воспитаны, обласканы и чрезмерно избалованы в какой-нибудь семье магнатов, так что чуть ли не считали себя принадлежащими к высшему классу. Трудяги, получившие подобное воспитание, как правило, оказывались плохо приспособленными к последующей жизни. Не обретя должных привычек в свои ранние годы, они, став взрослыми, не могли нормально подстроиться под требования общества. Если ей выпала такая участь — очень жаль. Во всем остальном она производила хорошее впечатление.

Отвернувшись от трудяг, он моментально выбросил их из головы и занялся внимательным изучением спасательной шлюпки. Она нисколько не походила на те роскошные комфор-

табельные и максимально автоматизированные частные космические корабли, на которых он, как и большинство наследственных магнатов, часто пересекал Солнечную систему.

— Сэр… — прошептал кто-то сзади. — Вы не знаете, они женщины?

Джайлс обернулся и увидел Гроса. Его лицо было бледным и в поту. Джайлс мельком глянул на альбенаретцев. Различить их пол было не просто, и на космических кораблях их мужчины и женщины не различались в обязанностях — как, впрочем, и на любых мирах. Но более длинный торс капитана и необычайно прямая осанка давали ключ к разгадке. Капитан был женщиной. Инженер — мужчиной.

Джайлс снова присмотрелся к болезненно бледному от страха Гросу. Среди трудяг ходили тысячи ужасных историй о поведении альбенаретской женщины в особые периоды не только по отношению к мужчинам своего вида, но, как суеверно считали трудяги, и по отношению к любым другим разумным существам мужского пола. В основе их легенд был тот факт, что альбенаретская «самка» — два их пола не в точности совпадали с человеческим понятиям о мужчине и женщине — во время полового акта забирала у

«самца» не только специфические мелкие оплодотворяющие организмы, который он произвел для ее яйцеклетки, но все генитальную часть его тела. Эта часть помещалась полностью в яйцеклеточную сумку, присоединялась к ее собственной кровеносной системе и становилась частью ее тела и источником питания эмбриона во время беременности.

Отторжение мужского полового органа, естественное с точки зрения альбенаретцев, в представлениях людей означало ужасное увечье, причиненное мужчине женщиной. Мужчина тем самым эффективно лишался половой жизни до того времени, пока гениталии не отрастут снова, то есть примерно на два года по земному времени — как раз достаточно, чтобы альбенаретский ребенок родился и научится сносно передвигаться на своих ногах. Земные ксенобиологи разработали теорию, гласившую, что в доисторические времена этот эволюционный механизм, временное лишение альбенаретского самца возможности размножения, гарантировал, что он обеспечит защиту своей самке, вынашивающей потомство, в самый уязвимый период, когда она и ее ребенок не способны сами о себе позаботиться.

Но столь сложная интерпретация инопланетных обычаев, подумал Джайлс, недоступна пониманию трудяг, перешептывающихся в темных углах. Грос, очевидно, испытывал характерный для примитивных представителей человечества страх перед тем, что может сделать с ним альбенаретская женщина, особенно будучи возбуждена. И вполне возможно, что и другие мужчины-трудяги будут реагировать так же, если кто-то из них узнает, какого пола капитан.

— Они пилоты! — рявкнул Джайлс. — С чего ты решил, что они женщины?!

Снова на лице Гросса проступило облегчение.

— Нет, ваша светлость. Нет, сэр, конечно нет… благодарю вас, сэр. Большое спасибо.

Он, пятясь, отошел. Джайлс отвернулся от него и продолжил изучать спасательную шлюпку. Однако затем ему пришло в голову, как поражены будут трудяги, если стремление к размножению возобладает над парой инопланетян до того, как они совершат посадку на планету. Конечно, он понятия не имел, при каких условиях такое может произойти, и потому выбросил это из головы. Пока что все было в порядке, и большего ему не требовалось. Он сосредоточился на осмотре шлюпки.

3

В полете: 1 час 2 минуты

По форме шлюпка представляла собой правильный цилиндр. Заднюю половину цилиндра занимал искривитель пространства и питавший его ядерный реактор. В носовой части располагался пульт управления и два обзорных экрана; оставшееся пространство имело форму трубы около четырех метров диаметром и двенадцати метров в длину, усеченной с одной стороны плоским полом. По этому полу, из лилового мягкого губчатого материала, было неудобно ходить, зато удобно сидеть или лежать на нем. Складные койки, в которых они лежали, когда удалялись от космического лайнера, хранились как раз под губчатым полом.

По потолку по всей длине шлюпки тянулась полоса ярких бело-голубых огней. Как узнал Джайлс еще на Земле, когда изучал альбенаретцев и их космические корабли, они никогда не выключались, даже когда шлюпка не использовалась. Постоянное освещение требовалось лозе жизнеобеспечения, покрывавшей всю свободную поверхность помещения от средней части и до самой кормы. Это растение означало жизнь для

пассажиров шлюпки, как землян, так и альбенаретцев, ибо устьица его плоских красновато-зеленых листьев выделяли кислород. Золотые круглые плоды, свисавшие, как украшения, на длинных тонких стебельках, были единственным источником пищи на борту шлюпки. Ствол лозы жизнеобеспечения, толщиной в человеческую ногу, выползал из похожего на гроб металлического ящика на корме, содержащего питательный раствор для этого растения. Пыльный металлический люк на этом ящике прикрывал отверстие, куда сваливались все остатки еды и все отходы для переработки. Простая и действенная система выживания, замкнутый цикл, в котором все санитарные удобства состояли из раковины под краном с холодной водой и контейнера с крышкой позади ящика.

Пассажиры-трудяги пока что не знали, как все это ограничит их жизнь на борту корабля чужаков. Они еще не разобрались в тех новых обстоятельствах, в которых оказались. Осознание повергнет их в глубокий шок. И они не магнаты, которые в подобных ситуациях стараются, прибегнув к самоконтролю, сохранить самообладание и ни в коем случае не поддадутся страху и не впадут в отчаяние, сколь бы ужасным это

ни казалось.

Не следует их пугать, отметил для себя Джайлс и пошел обратно к трудягам, уже разобравшимся, где чья койка будет стоять до тех пор, пока они не совершат посадку на планету.

— Все разместились? — спросил он.

Последовали одобрительные кивки. Он глядел на них сверху вниз, будучи на голову выше любого, за исключением крупного чернорабочего, стоявшего чуть поодаль за их спинами. Другие, похоже, сторонились его, машинально отметил он, считая существом более низкого класса, чем они сами. Не следует допускать здесь таких расслоений.

Чернорабочий был ростом с Джайлса и килограммов на 20 тяжелее. На этом сходство заканчивалось. Из всех присутствующих только у Джайлса была загорелая кожа, правильные красивые черты лица и зеленые глаза с морщинками от солнца в уголках, что свидетельствовало как о правильном воспитании, так и о жизни на свежем воздухе. Уже это заметно выделяло его, даже если не было бы ярко-оранжевого комбинезона из дорогой сверкающей ткани, резко контрастирующего с серой бесформенной одеждой трудяг. Даже лица его было достаточно, чтобы напом-

нить остальным, что его дело командовать, а их — подчиняться.

— Хорошо, — сказал он. — Я *Стальной* Джайлс Эшед. Теперь, один за другим, назовите себя. — Он повернулся к Маре, занявшей первую койку слева от него. — Начнем с тебя, Мара.

— Мара 12911. Специалист по контролю необходимых запасов, направлена по контракту на Белбен, как и остальные.

— Ясно. — Он повернулся к Гросу, стоявшему у койки правее Мары. — Будем двигаться в этом направлении. Говори разборчиво, Грос. Твое имя и номер специальности.

— Грос 5313, контракт на три года, отдел компьютерного контроля, «Белбеновские шахты и фабрики».

— Отлично, Грос. Рад видеть, что твой компьютер при тебе.

— Я всегда с ним, сэр. Без него как без рук.

Джайлс заметил, что некоторые улыбнулись этой затасканной шутке. Считалось, что компьютерные специалисты не способны ничего обдумать, не подсчитав сперва все варианты. Неплохо: паника их уже отпустила. Следующий за Гросом был тощий блондин, пальцы которого отстукивали на бедрах неслышные ритмы.

— Эстевен 6786, организация шоу и развлечений, — сказал он приятным тенором. — Буду налаживать новую радиовещательную систему на Белбене вместо прежней, полностью автоматической.

— Ага. В сумочке у тебя звуковой аппарат?

— Да, ваша светлость, сэр. Хотите посмотреть? С многоканальной системой хранения музыки.

— Отлично. Сможем использовать его для ведения бортового журнала.

Джайлс протянул руку. Эстевен шагнул вперед, но все же помешкал, прежде чем вытащить плоский футляр.

— Но вы ведь не станете стирать всю музыку для ведения журнала, ведь правда, сэр? Ну пожалуйста. У нас будет хоть какое-то развлечение здесь, на маленьком корабле…

Джайлс внутренне содрогнулся, услышав умоляющую ноту в голосе мужчины. Даже трудяга не должен так унижаться.

— Не всю музыку, — успокоил он, — не волнуйся. Освободи для меня один час. Этого должно хватить. Если не хватит, я попрошу тебя удалить еще.

— Всего час? — Лицо Эстевена просияло. — Разумеется, сэр. Один час — совсем не проблема. Тут

есть всего понемногу. Могу стереть что-нибудь из джазпопа или старых симфоний. Или есть много музыкальной рекламы… — Он с надеждой улыбнулся, остальные засмеялись, но смех тут же стих, когда они увидели, что Джайлс даже не улыбнулся. — Простите, ваша светлость, я не это имел в виду, конечно же! Просто шутка. Вот, пожалуйста, удалил час, и тут все настроено. — Он передал звуковой аппарат, его рука слегка дрожала.

— Я запишу сюда все имена; нам нужно это как-то сохранить. — Джайлс наговорил в микрофон уже названные имена и числа.

— Теперь остались только вы четверо.

— Бисет 9482. Надзор и контроль, контракт на год, — сказала стоявшая напротив Эстевена высокая седая женщина, которая привела к спасательной шлюпке группу выживших. Явно умеет общаться с власть имущими, подумал Джайлс. Жизнь научила ее этому, в отличие от Мары. За ней стояли двое молодых трудяг — черноволосый юноша и такая же черноволосая девушка. Они держались за руки, пока все присутствующие не обратили на них взгляды. Девушка вспыхнула, юноша ответил за обоих:

— Фрэнко 5022. Это… моя жена, Ди 3579. Мы оба

связисты, контракт на 7 лет.

— Оба только что окончили техникум, оба на первом контракте — и уже поженились?

Хохот трудяг — ненатужный и искренний — несколько снял общее напряжение. Фрэнко кивнул, улыбнувшись, и Ди тоже улыбнулась, оглядываясь, явно довольная всеобщим вниманием. Это была та самая девушка, которая запаниковала, когда Джайлс рассказывал, что альбенаретцы ищут в космосе смерти как высшей награды. Джайлс произнес их имена в микрофон и взглянул на рослого рабочего.

— Теперь твоя очередь, парень.

Тот коснулся пальцами лба чуть ниже шапки коротко остриженных черных волос, как бы отдавая честь, прежде чем ответить.

— Хэм 7624, ваша светлость, — сказал он. Его почти квадратное лицо было молодым, без морщин, но в голосе слышалась грубая хрипотца, как у пожилого. — Выполняю физическую работу, без специальности. Зато безупречный послужной список.

— Отлично, — сказал Джайлс, — нам повезло, что ты с нами на борту, Хэм, и можно в случае чего положиться на твою силу. — Он обвел взглядом остальных трудяг и увидел, что они уловили

социальный подтекст его слов. Двое из них покраснели, некоторые потупили взоры. Но Мара оказалась не из их числа. Им явно не понравилось, что он поставил Хэма вровень с ними, но пришлось с этим смириться.

Джайлс подержал звуковой аппарат на вытянутой руке, и Эстевен подошел и забрал его.

— На этом пока все, — сказал Джайлс. — А теперь я пойду поговорю с капитаном, может, узнаю что-нибудь. Пока что ясно лишь, что либо мы столкнулись с чем-то, либо что-то взорвалось, и, похоже, кроме нас, никто больше не спасся.

— Больше двухсот человек — людей — было на борту, если точно, то двести двенадцать, — хрипло сказал Грос, вводя эту цифру в свой компьютер, как бы для того, чтобы сделать ее более весомой.

Джайлс внутренне содрогнулся, снова ощутив острые угрызения совести.

— И двенадцать чужаков, команда звездолета, — громко добавил он. — Так что нам повезло. Помните об этом, если дела пойдут совсем плохо. Эти шлюпки предназначены лишь для выживания, комфорта здесь нет. Вы уже разобрались, как обращаться с койками. Вот этими ягодами лозы жизнеобеспечения мы будем питаться после того, как отожмем из них воду. Они на три четверти

состоят из воды, так что ее нам хватит. Растение специально выведено для такой цели. В ягодах много белка, так что голодать мы не будем.

— А каковы они на вкус, сэр? — спросила Ди. Было ясно, что в своей жизни она пробовала только готовую еду в столовой.

— Ну а все дела делать… вон там? — спросила седая женщина, Бисет, демонстративно шмыгнув носом и указав в сторону бака с крышкой.

— Боюсь, что да, — ответил Джайлс. — Но где-то здесь, под полом или на стенах, должны быть перегородки. Я спрошу у капитана. Мы сможем устроить какое-то подобие уединения.

— Спросите его, зачем мы возвращались за этим сухим заморышем. — Теперь, когда первый страх прошел, Грос стал проявлять негодование. — Мы ведь могли погибнуть, все мы!

— Наверняка у капитана были веские причины так поступить. Я спрошу его о них. Но послушайте вот что! Очевидно, никто из вас ранее не бывал в космосе, однако все вы слышали десятки невероятных историй об альбенаретцах. Забудьте их немедленно! Мы полностью зависим от этих двух чужаков, и только благодаря им у нас есть шанс выжить. Чтобы я больше не слышал слова «заморыш»! Понятно? А теперь внимательно

осмотрите ваши койки, все ли с ними в порядке, и говорите потише, пока я буду беседовать с капитаном.

Во время разговора с работягами Джайлс то и дело поглядывал на альбенаретцев. Извлеченный из золотой упаковки звездный справочник поместили на его священное место, в специальные зажимы на пульте управления, инкрустированные драгоценными камнями. Некоторые панели по бокам пульта управления были сняты, и инженер осторожно изучал внутренности усиками какого-то инструмента. Капитан молча сидела, скрестив руки на груди и глядя в пустоту космоса. Джайлс подошел к ней и встал рядом.

— Я хочу поговорить с Райумунг, — сказал он на жужжащем альбенаретском. Капитан медленно повернула к нему лоснящееся морщинистое лицо.

— Вы говорите на нашем языке?

— Я из клана *Стальных*. Я отправился в космос, потому что к этому призвал меня долг. И по этой же причине изучил ваш язык. Прошу сообщить то, что мне требуется знать.

— Мой звездолет разрушен, и я не могу умереть вместе с ним. В ближайшее время мы направимся на Белбен.

— На Белбен? — удивился Джайлс.

— На Белбен, — подтвердила капитан.

— И как долго будет длиться это путешествие?

— Пока что не знаю точно. Примерно сто корабельных суток. Здесь слабая двигательная установка, малоэффективная, так что Мунганфу не повезло лететь с нами.

— Сочувствую ему. Но почему произошла авария?

— Никакой аварии не было. Мой звездолет разрушен преднамеренным взрывом.

Впервые капитан проявила хоть какие-то эмоции, ее тон повысился, пальцы переплелись.

— Это невозможно… — начал Джайлс.

— В этом нет сомнений. В районе взрыва были только пустые грузовые отсеки. Там нечему было гореть. Чтобы поджечь пол, способный гореть только при очень высокой температуре, требовалась ядерная бомба.

Джайлс переступил с ноги на ногу.

— Это серьезное обвинение. Но кому могло понадобиться взрывать альбенаретский звездолет?

— Не знаю. Но преступление было совершено. — Темные глаза чужака смотрели прямо на Джайлса. — Преступление, которое не способен совершить ни один представитель моего народа.

— Возможно ли, что причиной взрыва был несчастный случай? Ваш звездолет был стар, Райумунг. Как и многие корабли альбенаретцев.

— Возраст тут ни при чем. Это не было несчастным случаем.

Теперь голос капитана не изменился, но длинные трехпалые руки крепко сцепились — признак сильнейшего волнения у альбенаретцев, насколько помнил Джайлс. Он переменил тему:

— Вы сказали, что на этой шлюпке до Белбена около ста дней пути. Нет ли чего-нибудь поближе?

— Порт назначения был Белбен. Он им и остался.

— Конечно, но не разумнее ли было совершить посадку в ближайшем пригодном для этого порту?

— Я, мои офицеры и команда потерей корабля отброшены далеко назад на пути к Совершенству. — Взгляд темных глаз отпустил Джайлса. — Мой инженер и я не можем позволить себе даже искупительной смерти. Не достичь назначенной цели — значит еще более усилить бесчестье, и это немыслимо. Поэтому да будет так. Наш разговор окончен.

В Джайлсе вспыхнул гнев, но он сдержался и

продолжил спокойным тоном:

— Но я еще не окончил разговор, Райумунг. — Капитан снова повернулась к нему. — Я отвечаю за других людей, находящихся вместе со мной на борту шлюпки. Я официально заявляю просьбу сократить время их пребывания здесь, выбрав ближайший пункт приземления.

Капитан некоторое время молча смотрела на него.

— Человек, — наконец сказала она, — мы дозволяем вам путешествовать на бортах наших священных кораблей через священное пространство, потому что у вас нет своих достойных внимания звездолетов, а помощь другим, пусть даже чужакам, не понимающим Совершенства, — это шаг вперед по Пути. Кроме того, плата за перевозку позволяет большому количеству из нашего народа чувствовать себя свободными от суетного мира. Но тем не менее вы всего лишь то, что мы перевозим на борту. Не тебе обсуждать со мной порт назначения.

Джайлс открыл было рот для ответа, но глаза капитана уже перестали смотреть на него, и она снова заговорила:

— На борту этой шлюпки вы представлены нежелательным для меня образом. Вас восемь.

Это не оптимальное количество.

Джайлс уставился на нее.

— Я не понимаю вас, Райумунг.

— Ваше количество, — повторила капитан, — не оптимальное для Совершенства при нашем путешествии на Белбен. Было бы лучше, будь вас на одного меньше. Может быть, вы сократите это число на одного человека? — она указала на ящик на корме. — Конвертор сможет переработать дополнительный материал.

Джайлс напрягся.

— Убить трудягу только ради потворства вашей идее Совершенства?! — возмутился он.

— Почему бы и нет? — Темные круглые глаза смотрели на него не мигая. — Ведь вы используете их как рабов, а на таком маленьком корабле так много рабов вам ни к чему. Что такое один из них в сравнении с моей доброй волей, от которой зависят все ваши жизни? Зачем вам беспокоиться о ком-либо из них?

Шок, словно ледяным топором ударили между лопаток, лишил Джайлса дара речи. Лишь через несколько секунд он смог взять себя в руки и заговорить.

— Да, они трудяги! — Он заметил, что жужжащие альбенаретские слова в его устах превра-

лись в подобие рыка. — Они трудяги, а я магнат, магнат из семьи, сохраняющей власть в течение уже двадцати поколений! Попытайтесь положить в конвертор меня, Райумунг, если считаете, что сможете это сделать. Но если вы троньте пальцем хоть кого-то из тех, кто сейчас оказался под моей защитой, клянусь Богом моего народа и тем Совершенством, которому вы поклоняетесь, что эта шлюпка не достигнет пункта назначения вообще и вы умрете в бесчестье, даже если для этого мне придется разнести ее корпус голыми руками.

Капитан угрожающе нависла над ним. Поблескивающее бесстрастное лицо оказалось совсем близко.

— Я лишь предложила, а не приказала, — сказала она. Редкие нотки эмоций, что-то вроде мрачного юмора, проявились в ее голосе. — Вы в самом деле думаете, что можете потягаться со мной, человек?

Она отвернулась. Джайлс обнаружил, что от ярости весь дрожит, как сухой лист на осенней ветке. Он постоял секунду, ожидая, пока дрожь успокоится, и лишь затем повернулся. Трудяги должны видеть его только в состоянии полного самообладания.

Он позволил себе реагировать не подумав, и результат оказался почти катастрофичным как для него самого, так и для его миссии. Необходимо всегда сохранять самоконтроль. Но уничтожение незначительного человеческого существа вовсе не такой уж пустяк, как считает альбенаретский капитан. Но теоретически миссия Джайлса гораздо важнее, чем жизнь любого трудяги на борту этой шлюпки, и по логике ему следовало бы без колебаний принести в жертву любого из них, если этого требует его долг. Более того, в «штурмовой группе» Окэ многие магнаты поступили бы так без колебаний. И тем не менее в глубине души он знал, что, если капитан предложит это же еще раз, его ответ не станет другим.

Он *Стальной* — из древнего и благородного рода, который все еще процветает и работает с металлом, давшим ему столь высокий ранг и богатство — в отличие от *Медных, Спутсвязов* или *Бытуслугов*, семей, могущество которых давно уже основывалось только на власти над своими трудягами. Металл, сталь, возвысил человека, позволил ему подняться по первым ступеням его пути к цивилизации. Эйфелева башня и мост во Фриско все еще стоят как памятники этого подъема. Любой из клана *Стальных* счел бы

бесчестным стоять сложа руки и наблюдать, как оскорбляют беззащитного трудягу, не говоря уж о его убийстве.

Он вернул себе внутреннее и внешнее спокойствие. Происходившее не имело никакого отношения к его долгу. Он должен следовать своим внутренним побуждениям — и пусть все остальные живут или умирают, как смогут.

Он повернулся к трудягам с невозмутимым видом и даже легкой улыбкой на лице.

4

3 часа 17 минут

Панели для перегородок были сухие и старые, как и почти все на этой спасательной шлюпке. Обтягивающая их ткань рвалась в сильных руках здоровяка Хэма, когда он вытаскивал панели из ниш под полом. Джайлс, лежа на койке, наблюдал, как Грос и Эстевен усердно заклеивают разрывы липкой пленкой, вытягивающейся из машинки, найденной в ремонтной сумке, предоставленной альбенаретским инженером. Сами инопланетяне отгородились встроенными позади их кресел, обращенных к пульту управления, перегородками, которые оставалось только поднять и зафиксировать. С того момента, как

они это сделали, земляне их почти не видели, чем Джайлс был очень доволен. Чем меньше трудяги будут видеть альбенаретцев, тем лучше с ними уживутся. И как только сами они починят и установят перегородки, он собирался поручить паре женщин набрать ягод лозы жизнеобеспечения. Пока что внутреннее пространство было слишком загромождено панелями и работами по их ремонту.

Он перевел взгляд со своих подопечных на потолок шлюпки, сделанный из серого металла. Да, далеко ей до его межпланетной яхты… Его мысли вернулись к текущим проблемам и цели его путешествия.

К счастью, ему удалось сохранить ордер. Без ордера предстояло бы совершить убийство в колониальном мире, методы работы полиции которого ему незнакомы. Джайлс горько усмехнулся. Прежде магнаты не имели нужды убивать друг друга, но Пол Окэ запустил цепь событий, которая теперь неумолимо вела к тому, чтобы уничтожить его самого. Ох, если бы Пол ограничился ролью философа и наставника, указавшего всем им — молодым магнатам, юношам и девушкам, образовавшим шесть лет назад «штурмовую группу» Окэ, — путь к очищению и пробуждению

человеческого духа!.. Но нечто извращенное, какое-то стремление к саморазрушению заставило его сразу шагнуть дальше и не медля ни минуты попытаться распахнуть двери Свободных учебных центров для трудяг.

— Пол, ты сошел с ума? — спросил тогда Джайлс.

— Нелепый вопрос, — холодно ответил Пол.

— В самом деле? — сказал Джайлс. — Ты же должен знать, что если сделать такое без подготовки, это вызовет хаос: люди окажутся выброшены на улицы умирать с голода, правительство перестанет контролировать ситуацию, производство остановится. Надо делать все постепенно. Как ты думаешь, почему наши предки установили нынешнюю социальную структуру? Просто не хватало ни места для проживания, ни промышленных мощностей, чтобы обеспечить потребности населения при новых технологиях. Выбора не было. Все это понимали. Пришлось остановить развитие цивилизации — непрерывный стремительный рост населения и темпов прогресса — хотя бы на какое-то время, чтобы раса поддерживала себя, не истощая планету. Сейчас мы почти пришли к тому, что можно убрать разделение на магнатов и трудяг — а ты

хочешь уничтожить все достигнутое, попытавшись сразу вознести всех на небеса, на полсотни лет раньше срока.

— Я считал, — сказал Пол (его правильные классические черты лица не выдали волнения, как и полагалось настоящему магнату), — ты разделяешь мои принципы штурмовиков Окэ.

— Разделял и разделяю те принципы, которые нужно воплотить в жизнь. Штурмовики Окэ состоят из наследственных магнатов, не забывай об этом, Пол. Если кто-то из нас ошибается, я, как и ты, не буду закрывать на это глаза. Даже если этот кто-то — ты. Ты создал организацию, Пол, но она тебе не принадлежит. Ты всего лишь один из тех, кто готов действовать, чтобы покончить с этой уродливой двухсотлетней социальной системой. Если не веришь, спроси у других. Ты увидишь, что им тоже не нравится твоя идея совершить революцию прямо сейчас. Это попахивает погоней за славой, желанием устроить фейерверк, чтобы потешить свое эго.

— Погоней? — спросил Пол. — За славой? — намеренно разделяя слова.

— Именно так я сказал, — ответил Джайлс столь же спокойно. И только другой наследственный магнат, глядя на них и слушая, как беседуют два

высоких уравновешенных юноши, понял бы, что оба готовы взорваться. — Сказал ровно то, что думаю. Повторяю, спроси у других «штурмовиков». Я не одинок в своем мнении.

Пол несколько долгих секунд задумчиво смотрел на него.

— Джайлс, несколько раз я уже сомневался в разумности твоего мнения. Сомневаюсь и теперь. У тебя развилась ошибочная концепция долга, который для нас — все. Мы опекаем всю остальную часть расы, пока ситуация и собственное развитие не сделают людей готовыми стать самостоятельными. Это наш высший долг. Если бы ты проникся им, то понял: не имеет значения, что открытие учебных центров сейчас вызовет всеобщий упадок и голод — как, впрочем, и потом, если его отложить. Если настала пора — надо действовать. Но в тебе, Джайлс, есть изъян. Ты отчасти романтик — и всегда был таким. Ты беспокоишься о людях, а не о великих переменах и ходе человеческой истории.

— История — это люди, — сказал Джайлс. Его тон и внешнее поведение не изменились, но внутри он ощущал что-то типа отчаяния. Вспышка гнева на непонятливость Пола утихла столь же быстро, как и возникла. Наследствен-

ные магнаты не имеют друзей, по крайней мере в старом смысле этого слова. Как и сказал Пол, долг — это всё. Но если уж речь зашла о дружбе, то Пол был его старейшим и лучшим другом. Их отношения восходили к проведенным вместе первым годам в Академии. Они сидели рядом в длинных обеденных залах и холодных классах, всегда оказывались поблизости в аскетичных спальнях и на спортивных площадках. Вместе они превратились из детей, хорошо помнивших и стремящихся хотя бы к ограниченной семейной близости наследственных магнатов, в членов правящего класса, ведающих только свой долг, как и сказал сейчас Пол, и не нуждающихся ни в ком и ни в чем другом.

С той поры они жили каждый сам по себе, как отдельные сформировавшиеся человеческие личности, избавленные от слабости какой-либо близости с другим человеческим существом. Такими им следовало стать, чтобы коррупция и человеческие слабости не разъели жесткую структуру нацеленного на выживание общества, созданного их предками, которую требовалось поддерживать до тех пор, пока не станет достаточно жилья, пищи и всего прочего, чтобы все человечество снова смогло быть свободным.

Пока что свободен не был никто. В сущности, трудяги были рабами наследственных магнатов, а те были рабами своего долга — программы выживания, заложенной два века назад. Они не подвергали сомнению этот план, поскольку тот обеспечивал выживание расы, и не позволили бы трудягам подвергать его сомнению.

Такое положение вещей было нормальным. И возможно, что Пол был прав, сказав, что Джайлс романтик и в его чувстве долга есть изъян. Но все же Пол заблуждался, требуя скорейшего открытия учебных центров. Если он будет настаивать на этом, то другим членам их «штурмовой группы» придется остановить его, что по сути в данном случае означало: уничтожить. Ни один наследственный магнат не отступится от того, что считает верным, лишь из-за сильного сопротивления или из-за угрозы его жизни. Джайлс не хотел, чтобы Пол погиб. Он сделал очень много хорошего. Он слишком полезен, чтобы так просто потерять его. Поэтому он снова попытался воздействовать на него аргументами.

— Среди трудяг уже появился раскол, и не один, Пол, — сказал он. — Ты знаешь это не хуже меня. Вспомни хотя бы группу «Черный четверг», этих оголтелых революционеров. Или собирающихся

в банды и избивающих других трудяг просто ради развлечения. Особенно трудяг-чернорабочих, которые для них идеальные жертвы — ведь все знают, что они генетически выведены так, чтобы быть безвредными, и устраивают только дружеские потасовки у себя в бараках. И наконец, среди трудяг есть бюрократическая прослойка, которая за двести лет развилась в нечто вроде класса надсмотрщиков из числа наследственных трудяг, преданных нам, наследственным магнатам. Задумайся над мотивацией этих трех групп, каждая из которых имеет свой интерес и игнорирует общий план выживания, который у тебя и у меня в крови. Неужели ты думаешь, что если завтра открыть учебные центры, все они будут сидеть и сложа руки ждать, пока план осуществится своим чередом? Ты знаешь ответ не хуже меня. Ты же понимаешь, что каждая из них постарается усилить хаос, вызванный ослаблением общественного порядка, чтобы получить для себя как можно больше власти. Они раздерут класс работяг на части, Пол. Все они найдут приверженцев, и в этом израненном мире снова разгорится война. Война на улицах, где каждый будет готов уничтожать своих соседей!

Джайлс замолчал. Ему больше нечего было ска-

зать об опасности реакции трудяг. Он пристально посмотрел на Пола, ожидая от него возражений, хоть каких-нибудь, чтобы иметь надежду продолжить дальше с опорой на логику. Но на лице Пола не было заметно никаких признаков, что его проняло, даже видимых лишь наследственному магнату. Он только сказал:

— И это все твои аргументы, Джайлс?

— Нет, — ответил тот, внезапно ощутив надежду. — Не совсем. Еще нужно принять во внимание альбенаретцев.

— До чужаков нам нет дела, — сказал Пол. — Они изначально не были учтены в нашем плане. Хотя, правда, оказались довольно полезны, потому что гораздо выгоднее рассчитываться с ними товарами за межзвездные перевозки, чем строить звездолеты самим. С их помощью нам удалось основать колонии на нескольких мирах с расходами вдвое меньше, чем обошлось бы без них. Но теперь мы все равно будем создавать свой флот, и альбенаретцы больше не понадобятся. В дальнейшем мы сможем их просто игнорировать.

— Нет! — мрачно заявил Джайлс. — Наша раса не может вступить в контакт с другой, попользоваться ею около двухсот лет, а затем просто уйти. Если нам они были просто полезны, то их мы

спасли. Поскольку наши технологии и трудовые ресурсы позволили им сэкономить тот труд, который пришлось бы выполнять представителям их расы, они смогли отправить в космос больше своих кораблей, чем могли бы без этого. Ты же читал приватные доклады Совета. Но даже с нашей поддержкой их экономика в последние десятилетия находится в таком глубоком кризисе, что они не способны строить новые звездолеты — а ведь космос для них основа религии. Дошло даже до того, что они набирают команды на давно устаревшие звездолеты и не собираются снимать их с эксплуатации, поскольку ни один альбенаретец не может отказать другому альбенаретцу в праве жить и умереть в Священном Космосе.

— Нас это не касается, — сказал Пол. — Пусть каждая раса позаботится сама о себе.

— Нас это тоже касается! — настаивал Джайлс. — Говорю тебе, словами от этого не отбиться! Теперь уже недостаточно плана, решающего только человеческие проблемы. Любое реалистичное решение обязано принимать во внимание альбенаретцев и их проблемы; они должны ради нас, как и ради самих себя, разобраться со своей религией, которая требует жизни в космосе для каждого из них и полностью

игнорирует необходимую для поддержания этой жизни планетарную экономику.

— Повторяю, — сказал Пол, — проблемы альбенаретцев нас не касаются. Можно их игнорировать, пусть живут так, как хотят. Единственный наш долг — забота о выживании нашей расы. И независимо от всех этих твоих рассуждений, я думаю, что другие «штурмовики» поддержат меня, а не тебя.

Он бросил взгляд на старинные, богато украшенные напольные часы, занимавшие центральное место у дальней стены его кабинета. Едва уловимое движение глаз, тут же снова уставившихся на Джайлса, но для наследственного магната такого было более чем достаточно.

— Извини, — сказал Джайлс, вставая, — если я отнял у тебя слишком много времени, но я считаю, что это очень важная тема. Возможно, в ближайшее время мы сможем обсудить это подробнее.

— Возможно, — ответил Пол. Единственное слово, произнесенное совершенно без эмоций, более ясно говорило «нет», чем любая страстная речь.

— В таком случае, — сказал Джайлс, — я поговорю с другими «штурмовиками». И мы каким-либо способом скоро с тобой свяжемся.

— Как угодно, — сказал Пол. — Всего хорошего.

— Всего хорошего.

Джайлс повернулся и вышел. Себе же он в тот момент сказал, что не надо говорить с единомышленниками прямо сейчас. Нужно хотя бы несколько дней, чтобы обдумать позицию Пола. Возможно, есть еще шанс сотворить чудо убеждения.

Но не прошло и шести недель после их беседы, как Пол исчез; и не прошло еще и шести месяцев, как среди низших трудяг распространился его манифест, призывающий всех трудяг требовать уравнять их в правах с наследственными магнатами.

Конечно, после этого Пола стали разыскивать. И спустя неделю Джайлс и другие «штурмовики» были убеждены — хотя Всемирная полиция их уверенности не разделяла, — что Пол Окэ уже покинул Землю, а то и Солнечную систему. Трудяги каким-то образом помогли ему скрыться, вероятно, отправив на каком-то грузовом звездолете в один из отдаленных миров.

Это уже означало наличие какой-то организации. Следовательно, как минимум некоторые трудяги объединились в революционные группы для борьбы за ликвидацию контрактов и свободу

передвижения, проповедуемые Полом.

Сам по себе этот факт — существование организации трудяг — означал, что Пол должен умереть, как только Джайлс сможет его найти. Для постройки звездного флота, который должен прийти на смену кораблям чужаков, необходимы послушные трудяги и верные долгу наследственные магнаты. Много трудяг и много земных лет. Нельзя позволить гениальному интеллекту Пола Окэ преждевременно возглавить и попытаться осуществить революцию трудяг.

Но убить своего старого знакомого — непростая задача, подумал Джайлс. Однако какое бы отвращение ты к ней ни испытывал, это придется выполнить, когда настанет время, потому что обязательство исполнить свой долг встроено в тебя, словно железный прут, помещенный на место позвоночника.

Из панелей собрали перегородки. Одна из них протянулась почти через все занятое людьми пространство, как бы разделяя его на две большие комнаты. Другая, заметно короче, отгораживала то, что использовалось в качестве туалета. Для большей уединенности проход к этому санузлу был устроен со стороны кормы шлюпки. Джайлс поднялся со своей койки.

— Мара и Ди, — сказал он. — Идите сюда. Вы двое будете отвечать за сбор ягод.

— Я никогда не занималась этим, — попыталась отговориться Ди. В ее голосе ощущалась обычная для трудяг боязнь ответственности.

— Думаю, будет совсем не сложно научиться, — успокаивающе сказал Джайлс. — Подойдите сюда. Видите, как эта ягода крепится на окончании стебелька? Нужно покрутить стебелек, чтобы ягода упала в руку. Не вырывайте сам стебель, чтобы не повредить лозу. Наберите по дюжине ягод и приносите сюда. — Он повернулся к чернорабочему: — Хэм, как ты, готов сегодня показать свою силу?

Отдыхавший на своей койке Хэм моментально вскочил на ноги и ухмыльнулся.

— В бараках никому не удавалось со мной справиться, сэр. — Его крепкие, покрытые шрамами кулаки сжались при воспоминании об этом. — Покажите, что нужно сделать, ваша светлость.

— Нет, бить пока никого не надо, по крайней мере сейчас, — успокаивающе сказал Джайлс. — Хотя уверен, что в этом ты не оплошаешь. Есть кое-что, требующее человека с сильными мускулами.

— Значит — меня!

— Отлично. Вот пресс для выжимания сока. — Джайлс указал на тяжелый металлический аппарат, закрепленный на стене. Наверху у него было круглое отверстие, в центре выступал длинный рычаг, снизу крепились потертые пластиковые контейнеры. — Надо поднять рычаг и положить сюда ягоды, вот так. Потом с силой опускаешь рычаг. Сок вытекает вот отсюда, а когда поднимаешь рычаг обратно, вот сюда выпадает мякоть. Готов повторить этот процесс?

— Запросто смогу это сделать.

На самом деле особых усилий не требовалось, тем более от Хэма, но тот с готовностью включился в работу.

— Контейнеры полны, сэр, — доложил он вскоре, закончив работу.

— Отлично. Ну, кто готов попробовать это первым?

Говоря откровенно, Джайлс не мог не согласиться, что эта золотисто-зеленая мякоть выглядит отвратительно. Трудяги отпрянули. Джайлс усмехнулся, зачерпнул мякоть чашкой, взял из нее кусочек. Ничего похожего на ложку на шлюпке не оказалось, так что пришлось воспользоваться пальцами. Месиво оказалось склизким и пахло плесенью, как подъеденная червями

древесина. Он положил его в рот и принялся усердно жевать. К счастью, вкуса почти не было, но консистенция казалась не очень приятной. С соком повезло больше. Почти чистая вода, слегка подслащенная. Он протянул чашку с мякотью Ди, и та после некоторого колебания осторожно взяла кусочек. И тут же его выплюнула.

— Фу! Какая гадость!

— Мне кажется, не так уж и плохо. Сможем к ней привыкнуть. Кто-нибудь еще голоден?

Желающим оказался лишь Хэм. Разжевывая и проглатывая без всякого выражения на лице, он прикончил целую чашку. Очевидно, вкус или, точнее, его отсутствие не имели для него особого значения.

— Сносная жратва, — сказал он наконец.

— Итак, уже есть один довольный клиент, — сказал Джайлс. — Я не собираюсь никого принуждать, но вот здесь мякоть ягод лозы жизнеобеспечения. В течение двенадцати часов все вы должны попробовать это. Здесь только такая еда, и мы будем ее есть. Думаю, никто от нее не заболеет, и она будет поддерживать наши силы.

Для пущей убедительности он снова наполнил чашку и смог доесть все ее содержимое, не покривившись. Часто бывает, что легче вести за собой,

чем идти за кем-то. Он хотел ополоснуть после этого руки, но почти не преуспел, поскольку в качестве воды был только сок. В этот момент к нему подошла Мара.

— Сказал ли капитан, как долго нам лететь, сэр?

Он ожидал, что кто-нибудь об этом спросит. Мара заслуживала ответ.

— Путь будет долгим, — сказал он. — Это совершенно точно. Когда капитан рассчитает точнее, я сообщу.

— Он не сказал, почему они оставили на звездолете своего сородича?

Этого вопроса Джайлс тоже ждал и уже нашел удовлетворительный, на его взгляд, ответ. Но, конечно, трудяги запаникуют, если узнают, что с двигателями что-то не так.

— Чтобы понять альбенаретцев, нужно знать их философию… или религию, или как бы там это ни называлось. Для них само пребывание в космосе — благословение. Проведя в космосе много лет, они обретают то, что мы, пожалуй, назвали бы «святостью». Но самая высокая честь для них — умереть в космосе, после того как в нем прошла жизнь. Так что тем, кто остался на звездолете, по их меркам здорово повезло — в

том числе тому, кто имел шанс полететь с нами, но остался. С этой точки зрения происшедшее с ним — самое важное для него событие.

Она нахмурилась.

— Это как-то слегка безумно, не правда ли? Я имею в виду, что находиться в космосе — это всего лишь находиться в космосе. И смерть здесь, конечно же, тоже ничего особенного не значит.

— Очевидно, альбенаретцы думают иначе. — Он попытался вернуть разговор к текущим делам: — Вы собрали достаточно ягод?

— Даже более чем. Никто не хочет их есть, но мы наполнили мякотью два контейнера, и амбал аж вспотел, выдавливая сок.

— Амбал? — Джайлс никогда не слышал раньше этого слова.

Она посмотрела на него настороженно, затем напряженность в ее лице сменилась улыбкой.

— Амбал… это кличка для людей низкого ранга. Я имела в виду Хэма, но вы не должны его так называть.

— Почему?

— Ну… в общем, это слово обозначает человека, которого мама в детстве уронила, так что у него с головой не все в порядке. Для нас… это просто фигура речи, но если вы его так назовете, он вос-

примет это буквально.

Он с интересом посмотрел на нее.

— Ты хорошо умеешь формулировать свои мысли.

На секунду Джайлсу показалось, что он уловил в ее взгляде вспышку гнева, но та исчезла прежде, чем он успел в этом удостовериться.

— Вы имели в виду: для трудяги, — сказала она. Ее голос был невозмутимым и спокойным.

— Конечно, — сказал он. — Ты ведь не получила разностороннего образования.

— Вы в самом деле думаете так? Тогда мне следует поблагодарить вас за комплимент.

— Комплимент? — Это его озадачило. Он мог бы сделать комплимент женщине-магнату, но не такой девочке, как эта. — Я просто констатировал факт — хотя возможно, что для тебя это лестно.

— О да, это так. — В ее голосе почудилось легкое раздражение, почти сразу исчезнувшее. Остались лишь нотки грусти, и девушка перевела взгляд на губчатый пол спасательной шлюпки. — Как и все остальные, я рада тому, что выжила. Когда перестаю думать о том, сколько человек там, на Земле, отдали бы все на свете, чтобы оказаться здесь, в космосе, пусть и на борту спасательной шлюпки…

Он уставился на нее озадаченно.

— Ты хочешь сказать, что есть трудяги, которым нравится летать в космосе?

Мара повернула к нему лицо и посмотрела в ответ. На секунду ему почудилось, что она сейчас рассмеется над ним — непростительное нарушение приличий, норм поведения для такого человека, как она, при общении с магнатом.

— Нет, конечно, — ответила она, — я говорю о возможности отправиться в один из колониальных миров — возможности убраться с Земли.

— Убраться с Земли? — Голова этой девушки полна странных мыслей. — Расстаться с безопасной жизнью на Матери Планет — с увеселительными парками и развлекательными центрами — и отправиться туда, где приходится тяжело работать в суровых условиях и со скудной едой? Зачем это нужно трудягам?

— А зачем это наследственным магнатам? — сказала она. — Но ведь многие из вас поступают так.

— Это же совсем другое дело. — Он нахмурился. Как объяснить этой простой девушке, при ее ограниченности, что значит принимать самодисциплину и целеустремленность, обязательные для любого магната с того момента, как он начи-

нает ходить? Лишь очень смутно — как давно это было! — он помнил свое одиночество в четырехлетнем возрасте, когда его разлучили с семьей и отправили в школу-интернат, чтобы начать подготовку к обязанностям будущего лидера расы. В первую ночь после этого он плакал — как ни стыдно было это вспоминать — молча, уткнувшись в подушку. И многие из его сверстников в том бараке тоже плакали в первую ночь, но лишь один из них не скрывал этого… Этот мальчик плакал и во вторую ночь, и в последующие ночи, и через неделю его забрали из интерната. Куда — никто из них так и не узнал, потому что ни учителя, ни воспитатели этого не рассказывали.

— Это совсем другое дело, — повторил он. — Для нас это вопрос ответственности, как ты знаешь. Магнаты отправляются в колониальные миры не потому, что предпочитают их Земле. Они отправляются из-за того, что к этому взывает их долг.

Она внимательно посмотрела на него.

— Вы в это действительно верите? Неужели вы никогда не делали чего-то просто потому, что этого хочется?

Он рассмеялся.

— Ну, Мара, каким магнатом я оказался бы, если бы мог ответить «да» на такой вопрос?

— Магнатом-человеком.

Джайлс покачал головой, удивленный, но при этом сбитый с толку.

— Ваша светлость, — прошептал кто-то ему на ухо. Он обернулся и увидел подошедшего Фрэнко, явно ожидавшего некоторое время возможности привлечь его внимание.

— Что тебе, Фрэнко?

— Вас хочет видеть капитан. Он обратился ко мне на упрощенном нашем языке, бейсике, и попросил позвать вас.

Когда Джайлс зашел за перегородку, закрывавшую кресла чужаков, кончики пальцев капитана покоились на книге, лежащей перед ним на предназначенном для нее месте. Рядом невозмутимо стоял инженер.

— Вы хотели поговорить со мной? — спросил Джайлс по-альбенаретски.

— Мунганф разобрался, что не так с нашей двигательной установкой.

— Я не сомневался в его компетентности.

Инженер сложил два пальца в жесте, означавшем «вы мне льстите», потом указал в сторону двигателя:

— С нашим энергогенератором все в порядке, искривитель пространства функционирует в пре-

делах допустимых параметров. Неисправность в корректирующем излучательном двигателе, установленном снаружи. Его необходимо отремонтировать.

— Это возможно?

— Вполне. Здесь есть скафандр, и у меня есть все знания и инструменты, необходимые для ремонта.

— Замечательно. — Джайлс кивнул.

— Даже более того. Для меня это будет величайшая награда.

Инженер поднял с пола объемистую пластиковую упаковку и достал из нее скафандр. Когда он встряхнул его и протянул в сторону Джайлса, ткань захрустела.

— Посмотрите вот сюда и сюда, на швы. Они потеряли эластичность от времени, растрескались. От внутреннего давления воздуха они могут разойтись, и тогда тот, кто надел этот скафандр, погибнет в космосе. А поскольку необходимо сделать ремонт, то именно я должен надеть его!

Прежде чем Джайлс сумел что-либо сказать, инженер затрясся от громкого и долгого смеха.

5

Джайлс подождал, пока смех стихнет, затем обратился к инженеру:

— Итак, Мунганф приближается к следующему Повороту Пути. Что ж, поздравляю.

— Еще рано говорить об этом с уверенностью, — сказал инженер. Он повернулся и взглянул на темное, испещренное морщинами лицо другого чужака. — Кроме того, много времени и пути через пространство она была моим капитаном, и мне будет одиноко идти дальше без нее. Но поскольку причиной дефекта скафандра в конечном итоге надо считать взрыв, уничтоживший наш звездолет, моей ответственности в происходящем нет, и я могу надеяться на достойное завершение.

— Мунганф прожил достойную жизнь и теперь может совершить следующий шаг, — сказала капитан. — Но не будем обсуждать это сейчас, Мунганф. Происходящие события величайшей значимости человек видит словно бы через густой туман. Людям непонятны наш Путь и его значение.

— Это действительно так, — сказал инженер, оглянувшись на Джайлса. — В данную минуту я

сожалею об этом. Но пусть говорит мой капитан.

— Я позвала вас сюда не ради Мунганфа, — обратилась капитан к Джайлсу. — Мне требуется ваша помощь. Причем именно лично ваша. Я не могу доверить это никому из ваших рабов.

— Они не рабы, — медленно и четко произнес Джайлс. — Не мои и не кого-либо еще.

— Они живут только для того, чтобы работать, размножаться и умирать. Другого термина для обозначения таких существ я не знаю. Пойдемте, я покажу вам, что нужно сделать.

Она прошла мимо него и повела к воздушному шлюзу. Слева от внутренней двери губчатое покрытие стены было отодвинуто, открывая большую панель, на которую капитан надавила, а затем сдвинула в сторону, открывая приборный щиток с экраном и двумя углублениями прямо под ним, размером с кулак.

— Суньте ваши руки в отверстия, — приказала капитан.

Джайлс подошел и сделал это. В каждой нише оказалось по вертикальному стержню, закрепленному у основания, а в остальных отношениях свободно вращающемуся, с углублениями под три пальца альбенаретской руки. В каждом углублении имелся как бы подпружиненный

неострый шип, уходящий при нажатии внутрь.

Как только он коснулся стержней, экран включился, и на нем появились два манипулятора, каждый с тремя металлическими пальцами, а за ними секция внешней обшивки шлюпки. Когда он пошевелил стержнями и попробовал давить на шипы, манипуляторы потянулись вперед и задвигались в разные стороны, а металлические пальцы на них согнулись. Очевидно, он управлял чем-то, установленным на корпусе снаружи, инопланетным эквивалентом уолдо — механические руки, движение которых полностью зависело от его собственных рук, лежащих на рычагах управления и нажимающих на шипы.

— Я буду нужна у главного пульта управления, — сказала капитан, — чтобы переключать двигатель на разные режимы, пока инженер будет с ним работать. Оттуда я могу перемещать крепление этих манипуляторов по корпусу. Но управлять ими придется вам — и если потребуется, используйте их, чтобы перенести инженера внутрь, если он так и не сможет справиться с ремонтом или если ему не удастся вернуться в шлюз самостоятельно.

— Мне нужно попрактиковаться, — сказал Джайлс. — Незнакомая мне система и не предна-

значена для моих рук.

— Для этого еще будет время, — сказала капитан. — Сперва нужно провести подготовку. Для размещения необходимого оборудования потребуется вся кормовая секция этого судна, от шлюза и далее до конца. До особого разрешения все ваши люди должны держаться отсюда подальше.

— Я позабочусь об этом, — сказал Джайлс.

Он прошел в сторону кормы, туда, где трудяги установили последнюю панель, создающую как бы комнату, в которой размещался конвертор и пресс, а всю стену заполняла лоза жизнеобеспечения. В этой же комнате стояли две койки — Фрэнко и Ди. Молодая пара устроилась здесь при молчаливом согласии всех остальных, поскольку за этой перегородкой было максимальное приближение к уединенности, какое возможно на спасательной шлюпке. По сути, конечно, лишь иллюзия уединенности — перегородка пропускала все звуки, и малейшее движение или шепот мог услышать любой любопытствующий.

Когда Джайлс вошел, кроме них двоих никого тут не было. Они сидели на своих койках лицом друг к другу, взявшись за руки, и перешептывались между собой.

— Фрэнко… Ди… Прошу прощения, но мне при-

дется на некоторое время лишить вас укромного уголка. Инженеру требуется выйти наружу, чтобы провести ремонтные работы, и вся эта часть корабля будет использована для размещения вспомогательного оборудования. Сможете вернуться сюда, когда все закончится. Можете занять пока мою койку и достать и поставить рядом с ней еще одну из запасных.

Оба со смущенным видом встали.

— Хорошо, ваша светлость, — сказал Фрэнко. — А сколько это продлится?

— Не дольше, чем будет необходимо, — ответил Джайлс. — Вообще-то это дело нескольких часов. У вас что-то случилось? Какие-то проблемы?

— У Ди как обычно, сэр, — сказал Фрэнко. — Ее прежние проблемы со сном остались даже здесь, наедине со мной. Ей снятся кошмары — и всегда снились, — и потому она боится заснуть. Ничего не удается с этим поделать, ей совсем не удается отдохнуть.

— Сочувствую, но с этим помочь не могу. Будь это земной корабль, здесь наверняка нашлись бы лекарства, и тогда я смог бы дать ей что-нибудь, чтобы уснуть. Но, увы, это не так. Я пущу вас сюда сразу, как только это будет возможно.

Огорченные Фрэнко и Ди поднялись со своих

коек и послушно двинулись к выходу из ограждённого пространства.

— И передайте всем остальным, — сказал Джайлс, повысив голос, так что «все остальные» могли и сами прекрасно это слышать, — что никто не должен даже смотреть в эту сторону до тех пор, пока я не разрешу. Альбенаретцы требуют соблюдения тишины, и я обещал им это. Все люди должны держаться отсюда подальше. Это приказ.

— Хорошо, ваша светлость, — хором ответили Фрэнко и Ди, исчезая.

Едва они вышли, в проем вступила капитан и замерла, осматривая помещение.

— Здесь ничего не повреждено, — сказала она Джайлсу по-альбенаретски. — Это хорошо. Инженер уже занимается приготовлениями. Я подготовлю это место. Вы можете идти. Когда я позову вас, можете вернуться.

Хотя Джайлс с пониманием относился к словам капитана, выбор выражений вызвал у него инстинктивное раздражение.

— Если вы позовете меня, — сказал он ледяным тоном на прекрасном альбенаретском, — мое чувство долга заставит меня откликнуться на ваш зов.

Темные круглые глаза капитана уставились на него. Он не мог прочитать в них никакого выражения. Удивлена ли капитан, безразлична или рассержена — этого понять он был не в силах.

— Я позову вас только при крайней необходимости, — сказала она. — Идите.

Джайлс вышел и вернулся к люку и открытой панели, где ему предстояло работать. Он сунул руки в отверстие, взялся за стержни и стал экспериментировать, упражняясь в управлении. Поначалу все его действия были неуклюжими: у альбенаретских уолдо, как и на их руках, всего по три пальца, сходящихся под углом 120 градусов. Их невозможно свести точно друг против друга, как большой и указательный палец у человека, и несмотря на то что пальцы альбенаретцев заметно сильнее, это обстоятельство ослабляло захват.

Наконец он приспособился пытаться хватать не пальцами, а всей рукой. Эта концепция подразумевала, что он всякий раз давит одновременно на все три шипа, и результат стал похож на хватку альбенаретцев.

Он практиковался, отрабатывая эти движения, когда почувствовал движение рядом и, повернув голову, увидел Бисет, ожидавшую, когда он

обратит на нее внимание. Он прекратил упражнения.

— Хочешь со мной поговорить? — спросил он.

— Прошу вас, ваша светлость, не прерывайтесь, — сказала она. Немного помедлив в нерешительности, перешла с бейсика на другой язык и спросила на нем: — Ведь на эсперанто вы говорите, да?

Пока она медлила, Джайлс вернулся к своим экспериментам, но от внезапной смены языка ему не удался тот трехпалый захват, который он вроде бы уже хорошо освоил. Рефлекторно он ответил ей на том же языке, на котором прозвучал вопрос:

— Cu, jes me bonege parloas Esperanto![1]

Затем замолчал, отпустил оба стержня и повернулся, чтобы посмотреть на нее.

— Откуда ты его знаешь? — спросил он на бейсике, понизив голос. — Это старый международный язык. Я сам заинтересовался им около пяти лет назад. Откуда трудяга вообще может его знать?

— Сэр, прошу вас, — сказала она все еще на эсперанто, — продолжайте работать. Тогда остальные

---

[1] Примечания: 1
Да, хорошо знаю эсперанто.

сочтут, что не могут правильно разобрать слова из-за шума механизмов.

Он вернулся к упражнениям с уолдо.

— Я спросил тебя, — сказал он на эсперанто, — откуда трудяга может знать этот язык, да и вообще любой язык помимо бейсика? Земные языки прошлых времен изучаются только в высших учебных учреждениях, если только ты не родилась там, где на нем когда-то говорили; но на эсперанто нигде не говорили.

— Я — особый случай, — сказала она.

Не отрываясь от экспериментов со стержнями, он повернул голову и посмотрел на нее. Худое осуждающее лицо оказалось всего лишь в нескольких дюймах. Как и у Мары, в нем проглядывали признаки аристократической изысканности. Когда-то, должно быть, она была вполне симпатичной.

— Да, — сказала она, как будто услышав его мысли, — я не вполне обычная. Выросла в хорошей семье. Но об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас главное, что вы должны узнать: что на борту член «Черного четверга».

Джайлс тут же предельно насторожился. Внешне он остался спокоен и продолжал управлять манипуляторами, но прежде чем Бисет

успела продолжить, голос капитана позвал его на бейсике из носовой части шлюпки:

— Человек! Идите сюда!

Джайлс оторвался от приборного щитка и сказал:

— Оставайся здесь. Я поговорю с тобой позже.

Он миновал все перегородки, не обращая внимания на вопросы и озадаченные взгляды трудяг. Капитан и инженер стояли в носовой части, причем инженер уже облачился в скафандр. В полунадутом состоянии скафандр стал достаточно прозрачным, чтобы ясно различать внутри него руки и ноги. При ненадетом шлеме голова инженера торчала из шейного кольца, как темная косточка, выдавленная из мутной виноградины.

— Вы командир на этом корабле, — обратился Джайлс к капитану на альбенаретском, — поэтому во имя общих интересов я стараюсь многого не замечать. Тем не менее откровенная невежливость по отношению ко мне будет вызывать такую же реакцию. Когда обращаетесь ко мне на нашем языке в присутствии других людей, постарайтесь использовать вежливую форму обращения, иначе я не буду отзываться. У меня есть определенный статус, который я как лидер этих людей должен поддерживать. Это понятно?

— Воистину понятно, о благороднейший из людей, — ответила капитан. — Отныне, обращаясь на вашем языке, я буду называть вас «магнат». А теперь помогите мне — нужно обмотать скафандр так, чтобы даже в случае небольшой утечки инженер смог продолжить работу.

Она протянула Джайлсу что-то вроде коротких кусков пластикового шнура с металлической жилкой внутри — нечто среднее между веревкой и проволокой. На каждом с одного конца имелся зажим странной формы, и длины шнура хватало, чтобы дважды или трижды обернуть вокруг ноги или руки инженера, затем сунуть свободный конец в зажим и защелкнуть. Теоретически это было не трудно, но в слабом поле гравитации шлюпки оказалось непростым делом. Лучше всего получалось, когда инженер лежал горизонтально на одной из коек, но если Джайлс или капитан тянули или толкали, обматывая шнуром или закрепляя его, тело дергалось и подлетало в воздух. Вскоре они убедились, что наибольшая польза от Джайлса получается тогда, когда он просто удерживает тело инженера, пока капитан обвязывает скафандр.

Когда они закончили и инженер встал на ноги, придерживаясь рукой, как обычно делали все, за

опорную скобу, каких было много на потолке и на стенах, он походил на фигуру, составленную из огромных колбасных обрезков. Обвязки сжимали скафандр не настолько туго, чтобы не пропускать воздух внутри него, но в случае утечки их сдавливания будет достаточно, чтобы создать уплотнение.

Во всяком случае, на это надеются чужаки, подумал Джайлс, осматривая инженера, когда они закончили. Но ему не верилось, что эти обвязки окажутся эффективны в случае разрыва скафандра. Внезапно его осенило, что такое обвязывание, возможно, всего лишь ритуал, попытка защитить инженера в безнадежной ситуации. Подобный непрактичный жест вполне мог иметь смысл для представителей этой расы, поклоняющейся смерти. И все же это казалось Джайлсу странным.

— Хорошо, магнат, — сказала капитан. — Идемте с нами. Я выпущу инженера через шлюз и вернусь к главному пульту. Вы займетесь своей частью работы.

Они двинулись к корме мимо трудяг, с интересом следящих за тем, как магнат и капитан помогают инженеру неуклюже передвигаться в распухшем скафандре и с надетым уже шлемом-аквариумом.

Капитан надавила кнопку открытия шлюза, и внутренний люк открылся. На всех поверхностях внутри шлюза мгновенно образовался иней из-за того, что в него проник теплый воздух атмосферы шлюпки. Капитан обернула свои трехпалые руки пластиком, чтобы защитить их от ледяного холода металлических поверхностей, и занялась присоединением фала — группы гибких шлангов для подачи воздуха, тепла и энергии — к скафандру инженера.

Наконец она с этим справилась. Она отступила назад, и внутренний люк шлюза закрылся. Не сказав ни слова, капитан повернулась и отправилась в носовую часть, к главному пульту управления. Сам Джайлс подошел к своему приборному щитку и сунул руки в отверстия.

На экране, который снова ожил, как только Джайлс коснулся стержней, он увидел секцию корпуса с открытым наружным люком шлюза и фигуру инженера в скафандре, медленно выплывающую из шлюза. Через корпус проник снаружи скрежещущий звук, когда ботинки инженера на магнитной подошве клацнули о корпус и попеременно задвигались: инженер зашагал к корме. На экране перед Джайлсом теперь была его раздутая фигура, а к ней тянулся фал. Спустя

некоторое время послышался другой скрежет, и уменьшившаяся фигура инженера стала снова расти в размерах — то, на чем крепились манипуляторы и глаз системы управления ими, также заскользило по корпусу, догоняя ее.

Этим передвижением по поверхности корпуса явно управляла капитан. Джайлс понял, что сейчас от него ничего не требуется, и терпеливо ждал. Платформа с манипуляторами в конечном итоге остановилась прямо за спиной инженера, который на самой корме медленно снимал кожух с корректирующего двигателя.

Джайлс на всякий случай осторожно двинул вперед одну из своих механических рук, чтобы быть готовым помочь фигуре в скафандре.

— Стой! — Приказ капитана на альбенаретском прозвучал из приборной панели перед Джайлсом. — Магнат, пока я не скажу — ничего не делайте. Вы незнакомы с нашей техникой и скорее повредите двигатели, чем поможете. Повторяю, без моего приказа ничего не делать.

— Хорошо, — ответил Джайлс. Он ослабил пальцы, но не убрал их от стержней и стоял, наблюдая за происходящим на экране. Инженеру, очевидно, предстояло снять большую часть одного из двигателей чтобы добраться до того, что требова-

лось отремонтировать. Дело шло медленно — не только из-за большого объема работы, но и ввиду неудобства скафандра и отсутствия гравитации.

— Сэр, — раздался где-то возле его локтя голос Бисет на эсперанто. Джайлс уже совершенно забыл о начатом разговоре. Теперь он вдруг все вспомнил и повернулся, чтобы посмотреть на нее, не отрывая рук от стержней.

— Ах, да, — сказал он на эсперанто, — ты собиралась рассказать мне, откуда знаешь эсперанто.

— Нет, сэр, я собиралась предупредить вас, что здесь, на борту…

— Сначала о более важном, — спокойно перебил ее Джайлс, тоном давая понять, что возражать ему не следует. — Прежде всего я желаю знать, где ты выучила этот язык, а самое главное, откуда узнала, что им владею я?

— Что касается языка, то мне прочли спецкурс. Что касается знания о вас, ваша светлость, мне об этом сообщили. И то и другое было сделано исключительно для того, чтобы я могла общаться с вами наедине, как сейчас. Теперь же позвольте рассказать вам…

— Ах, да, о «Черном четверге». — У него было лишь несколько секунд, чтобы собраться с мыслями после ее второго появления, и он решил,

что лучшей стратегий будет пойти ей отчасти навстречу, а то и начать вести в этом обмене информацией. — Что кто-то из этой группы на борту шлюпки.

Ее глаза стали маленькими и острыми.

— Вы знаете об этих революционерах?

— Да, немало слышал о них, — беспечно сказал он. — В молодости я и сам был в каком-то смысле революционером, пока учеба не стала занимать почти все мое время…

— Да, мы знаем, что вы дружили с Полом Окэ и были членом так называемого «философского кружка». Но вы порвали с ним несколько лет назад.

Джайлс сурово взглянул на нее.

— Бисет, — сказал он тоном магната, разговаривающего с трудягой, — мне кажется, ты забыла о хороших манерах.

Она не съежилась; напротив, стала более жесткой.

— Прошу извинить меня, ваша светлость, но про это я никогда не забываю. Я вам говорила, что выросла в хорошей семье. При других обстоятельствах… я могла бы стать ее членом.

Это многое объясняло — и подобное же, вероятно, было причиной особенностей Мары и

признаков ее хорошего воспитания. Джайлс почти с жалостью посмотрел в ее напряженное лицо. Если для трудяги, выросшего в семье магнатов на правах любимой собачки, жизнь была нелегка, то для полукровок, незаконнорожденных, она была куда тяжелее. Им не было места среди магнатов, и ходили слухи, что обычные трудяги ненавидят и презирают всех тех в своей среде, в ком течет кровь магнатов.

— Извини, Бисет, — сказал он мягче, — но твои вопросы становятся слишком личными.

— Я спрашиваю не из любопытства, — сказала она, и ее блеклые глаза блеснули подобно льдинкам, попавшим под лучи солнца, пробившиеся сквозь облака. — Я представляю интересы полиции.

От этого у него внутри отчасти похолодело, но внешне он ничем не выдал своей реакции.

— Понятно, — спокойно сказал он. — Это, конечно, меняет дело. Однако ты сообщаешь нечто странное. С какой стати трудяге-революционеру отправляться на Белбен? Ему следовало бы оставаться на Земле, где он будет полезнее своей организации.

— Нам пока неизвестно, зачем он туда отправился, — сказала она. — Но это факт, что многие

колониальные миры зачастую вовсе не торопятся сообщать Всемирной полиции о прибывших туда преступниках. О чем свидетельствует, например, случай с вашим приятелем Полом Окэ — он тоже, судя по всему, перебрался на один из таких миров.

Итак, подумал Джайлс, полиция разделяет со штурмовиками Окэ предположения о местопребывании Пола. Значит, нужно найти его раньше полиции, иначе шансов убить Пола не останется. По закону полиция ограничена лишь теми методами воздействия, которые не вредят преступнику. Их методы убеждения хорошо действуют лишь на ограниченные умы трудяг. Поскольку им ни за что не побороть волю и могучий интеллект такого наследственного магната, как Пол, тот, фактически пребывая под охраной полиции, останется символом для трудяг-революционеров, которые продолжат вербовать себе сторонников от его имени».

— В самом деле? — сказал после паузы Джайлс. — И как же он туда попал?

— Ему помогли люди «Черного четверга». Их человек на шлюпке может быть даже посланным к нему курьером.

— Вот как?

Сказанное внезапно заинтересовало его. Если эта женщина права и он сможет узнать, кто именно курьер «Черного четверга» раньше нее, то курьер может привести его прямо к Полу. Конечно, это означает, что ему придется покровительствовать члену этой банды достаточно долго, чтобы тот смог вступить в контакт, и даже убить Бисет, если придется. Его глубокие внутренние устои вдруг воспротивились этой мысли. Убить равного себе и ценного представителя своего класса, как Пол, само по себе очень плохой поступок. Убить же беззащитного трудягу, одного из тех, кем он и его семья руководит многие поколения, стремясь привести к тому дню, когда миром перестанет править жестокая необходимость — это и вовсе…

Джайлс заставил себя перестать думать об этом. Он сделает всё, что потребуется. От необходимости не сбежишь. Если нужно убить трудягу, чтобы добраться до Пола, он ее убьет… раз уж этого требует долг.

— Ваша светлость, — прозвучал голос Бисет у самого его уха, — вы меня слушаете?

— Что? А, извини, мне нужно следить за экраном. — Джайлс кивнул на экран на своем приборном щитке, на котором инженер продолжал

копаться в двигателе шлюпки.

— Конечно, я и забыла. Пожалуй, это вы простите меня, сэр, но дело очень важное. Хотя у меня пока что нет доказательств, кто именно на борту из «Черного четверга», но я совершенно уверена, что это девушка по имени Мара.

— Мара?! — Он произнес это имя несколько громче, чем хотелось бы.

— Да, сэр. Именно поэтому я и говорю с вами сейчас. Мне нужны точные доказательства или ее признание в этом какому-либо третьему лицу; однако лишь на Белбене я смогу задержать ее для предварительного допроса; но вы бы удивились, узнав, как стойко способны держаться некоторые из этих трудяг-революционеров, избегая полноценного признания, пока мы ограничены средствами, допускаемыми законом при предварительном допросе.

— Конечно, — пробормотал Джайлс, в голове у него все смешалось. — Я помогу вам всем, чем смогу.

— Незачем магнату впутываться в это… — сказала Бисет, но он ее почти не слышал. К собственному удивлению, какая-то часть его сознания решительно отвергала мысль о возможной причастности Мары к организации «Черный

четверг». Их название восходило к тому дню, когда группа наивных трудяг, пребывающих в плену самообмана, организовала бессмысленную попытку ворваться на сессию Совета магнатов — верховного органа всей Земли. Толпы трудяг несли плакаты и транспаранты с надписями, призывающими Совет ограничить сроки пожизненных рабочих контрактов, необходимых для низших классов для получения образования.

Демонстранты, естественно, были безоружны… все, за исключением одного. Один юноша взял с собой полицейское короткоствольное оружие, украденное им со склада, где он работал кладовщиком. У него хватило глупости достать это оружие, из которого он, вероятно, и стрелять-то не умел, и размахивать им. Естественно, стражи порядка открыли огонь, и вся колонна протестующих обратилась в дымящиеся руины.

Случилось это в четверг, и вот недавно возникшая хитрейшая и скрытнейшая организация выбрала себе название «Черный четверг». Они вовсе не ограничивались плакатами. Ходили слухи, что члены этой организации поголовно вооружены, а те немногие, кого удалось захватить полиции, якобы имели капсулы с ядом и воспользовались им сразу же после ареста, до

того, как их смогли допросить.

«Худшая разновидность фанатизма, — подумал Джайлс, — заставляющая мужчин и женщин — пусть даже и трудяг — выбирать смерть, нежели избавление от своего заблуждения и возврат к рациональной и полезной жизни». Как он ни старался, ему не удавалось увидеть в Маре такой иррациональности. Он вспомнил, как она улыбалась, говоря, что сбор ягод — далеко не самая сложная работа на свете. Человек из «Черного четверга», носящий с собой яд, не может так улыбаться. Нет, такое просто немыслимо…

Джайлс прервал свои мысли.

— Извини, — сказал он Бисет, — я тут отвлекся на инженера… Так что ты там говорила?

— Я говорила, ваша светлость, что нет необходимости вам лезть во все это самому, совершая нечто не подобающее магнату. Девушка она молодая, а вы — противоположного пола, да еще из высшего сословия. И не будет ничего удивительного, если магната… — Как ни странно, но ее голос дрогнул. Она резко взяла себя в руки и продолжила: — Ничего удивительного, если магната влечет — временно, конечно, — к трудяге. И конечно же, люди из «Черного четверга» считают себя ничем не хуже магнатов. Уверена,

ваша честь, что если вы не отвергнете ее, когда она наконец дойдет до заигрываний с вами, то довольно скоро она почувствует себя свободнее. Как только она скажет что-нибудь компрометирующее, передайте это мне. Обо всем остальном я позабочусь.

— А ты уверена, что она почувствует себя… свободнее, по твоему выражению?

— Абсолютно уверена, — решительно заявила Бисет. — Ни один человек… извините меня, сэр, ни один наследственный магнат не знает их так, как я. Они душу продадут, чтобы пробраться в высший класс.

Джайлс посмотрел на ее плотно сжатые губы. «Возможно, она права, — мрачно сказал он себе, — но почему-то противно слушать, когда она говорит об этом такими словами. Что ж, долг есть долг, и в данном случае вывести «Черный четверг» из игры в интересах как полиции, так и штурмовиков Окэ. Но кто бы мог подумать, что эта прелестная, такая жизнерадостная Мара…»

Внезапно в его голове взорвалась новая мысль. Он пристально посмотрел на Бисет:

— Секунду, мы кое-что забыли. Ты говоришь, что ты из полиции, и мне приходится верить на слово, как в это, так и в то, что ты сейчас рас-

сказала. Но возможно, что ты сама из «Черного четверга», а Мара — из полиции.

— Конечно, сэр. Именно так, — ответила она.

Ее пальцы скользнули к язычку застежки-молнии комбинезона и, помедлив секунду, потянули его вниз не больше чем на пару дюймов. Ворот комбинезона раскрылся и обнажил тонкую, охваченную шнурком шею, в целом остающуюся в тени. В глубине этой тени светилось что-то крошечное, зеленый колеблющийся огонек.

Джайлс с интересом уставился на это. Он слышал о полицейских иденти-спорах, но никогда их не видел. Перед ним, насколько он знал, был миниатюрный пузырек из идеально прозрачного вещества, внутри которого жила особая спора, выращивание которой было одним из самых тщательно охраняемых секретов Совета и полиции. Пузырек крепился к коже на шее Бисет специальным физиологическим клеем, и тончайшая трубочка соединяла его с ближайшим капилляром. Через эту трубочку кровь питала спору, и та светилась — пока оставалась живой — особым уникальным огоньком, непохожим на цвет ее сестер.

Лишенная связи с кровотоком, эта спора погибнет, и пузырь перестанет светиться. Если ее

немедленно подсоединить к системе кровообращения другого человека, она все равно погибнет. Она взращена на индивидуальной биохимии Бисет, и биохимия любого другого тела для нее яд.

— Моя идентификационная карточка, — сказала она.

Джайлс опустил взгляд и увидел в ее руке маленькую белую карточку, покрытую слоем того же идеально прозрачного вещества — материала, делавшего подделку почти невозможной. Типичная идентификационная карточка обычного трудяги, но только один угол ее был окрашен в зеленый цвет. Джайлс взял карточку из ее руки и поднял так, что цветной уголок оказался лишь в нескольких сантиметрах от крошечной живой драгоценности на ее шее. Цвета совпали.

— Да, — сказал он, вздохнув чуть глубже обычного. — Благодарю. Теперь я тебе верю.

Он вернул ей карточку. Она взяла ее одной рукой, другой застегивая ворот комбинезона.

— Так я могу рассчитывать на вашу помощь, ваша светлость?

— Да, — неохотно ответил он, — можешь рассчитывать. Погоди… — Она уже начала поворачиваться, но внезапная резкая нота в его голосе заставила ее замереть. — Полиция служит Совету,

а Совет представляет наследственных магнатов. Здесь я единственный магнат. Так что ты обязана делать то, что я прикажу — и я запрещаю тебе арестовывать или допрашивать кого-нибудь на шлюпке, не получив предварительно моего согласия. То есть прежде чем сделать что-нибудь подобное, ты должна согласовать действия со мной. Это понятно?

Ее лицо было непроницаемым. Она колебалась только секунду, но как раз в этот момент раздался голос капитана:

— Действуйте! — внезапно выкрикнула она на альбенаретском из приборного щитка. Джайлс встрепенулся. Он позволил себе отвлечься, будучи успокоенным непониманием цели большинства действий инженера. Теперь он внезапно осознал, что воспринимавшееся им краем глаза за непрерывную работу фигуры в скафандре превратилось в бесцельное шарканье по установленному на место кожуху двигателя.

— Магнат! — сказала капитан. — Вы меня слышите? Теперь нужны ваши действия. Воспользуйтесь захватами, чтобы взять инженера. Сейчас осторожно… за тело… осторожно…

Джайлс лихорадочно манипулировал стержнями и шипами. Альбенаретские манипуляторы

уподоблялись земным только в том смысле, что многократно усиливали управляющие ими руки из плоти и крови; Джайлс сосредоточился на попытках обхватить инженера как можно аккуратнее за то, что по человеческим понятиям было бы талией.

Он действовал чересчур осторожно. Обхватив тело инженера всеми шестью пальцами, он все-таки упустил его. Скафандр отплыл от захватов и завис над корпусом шлюпки, удерживаемый только фалом. Джайлс попытался схватить его, но инстинктивно использовал два пальца вместо трех — и снова инженер отплыл от захватов.

Голос капитана надрывался в динамике приборного щитка, но Джайлс был слишком поглощен работой, чтобы слушать и переводить сказанное. Он предпринял очередную попытку, аккуратно управляя всеми тремя пальцами на каждой металлической руке, и на этот раз надежно ухватил тело инженера.

Снаружи послышался скрежет, и на экране Джайлса двигатели стали уменьшаться по мере того, как капитан перемещал механизм с манипуляторами обратно к воздушному шлюзу.

— Внимание, магнат! — произнес голос капитана из приборного щитка, и на этот раз Джайлс

услышал и понял его. — Сейчас труднейшая часть. Нужно затолкать его в шлюз и следить за тем, чтобы он не выплыл обратно, когда я стану закрывать внешний люк.

Джайлс хмыкнул. Конечно, любой альбенаретец справился бы с этим без особых хлопот. Но для неопытного землянина это все равно что балансировать вертикально стоящей тарелкой, а затем попытаться поставить другую тарелку сверху поперек первой. Ему придется отпустить инженера обеими уолдо, надеясь, что тот не улетит куда-то от шлюза, а затем перехватить его как-то по-другому, чтобы смочь направить его в шлюз. Если он ошибется и не схватит инженера сразу, то его отнесет куда-нибудь в сторону и придется снова ловить. И при этом чужак если еще не умер, то с каждой минутой все ближе к смерти.

Где-то на периферии сознания Джайлс отметил комизм ситуации. Он выбивается из сил, стараясь спасти существо, для которого смерть в космосе — величайшее благо! Однако, как ни странно, воззрения альбенаретцев не имели в данный момент для Джайлса никакого значения. Он же не альбенаретец, а человек. А для людей характерно сражаться со смертью, своей или любого живого существа, находящегося на твоем попечении,

пока есть надежда, до самого последнего рубежа.

Джайлс осторожно выпустил тело из хватки металлических пальцев. Затем быстрым поворотом стержней расположил манипуляторы под другим углом к инженеру и придвинул их, чтобы еще раз сомкнуть на нем все шесть пальцев.

Инженер уже начал отплывать от шлюпки, но Джайлс, сосредоточившись и действуя на адреналине, сумел точными движениями ухватить его всеми пальцами металлических рук. С секунду он переводил дух, а потом принялся медленно опускать инженера в воздушный шлюз.

Все прошло довольно гладко, однако заметная часть фала осталась снаружи и плавала в космосе. Он помешает люку закрыться, если не запихать его внутрь.

Джайлс решился на риск. Он прекрасно понимал, что не способен пользоваться двумя этими руками по отдельности, поскольку вообще не практиковался в этом. Но теперь, когда инженер уже был в шлюзе, нужно не позволить ему выплыть обратно наружу. Осторожно придерживая тело одной рукой, Джайлс другой потянулся к фалу.

На мгновение он ощутил отчаяние и раздвоение внимания, как любой человек, пытающийся

одной рукой похлопывать себя по голове, при этом другой рукой потирая живот круговыми движениями. Затем его механические пальцы подцепили фал и затянули его в шлюз.

Как только они оказались внутри, внешний люк начал закрываться. Капитан явно наблюдала за происходящим и не собиралась терять ни секунды. Когда внешний люк задвинулся настолько, что стало ясно, что ни фал, ни сам инженер уже не выплывут наружу и не заблокируют его, Джайлс отвел оба уолдо, оторвал ноющие руки от стержней, высвободил их из отверстий, повернулся и привалился к корпусу спасательной шлюпки, тяжело дыша. Его одежда пропиталась потом и липла к телу.

Капитан была права. То, что он сделал, было недоступно для трудяги. Эта работа требовала не только здорового организма, но и стальных нервов и тренированной психики, чтобы хорошо координировать все движения своего тела… Внезапно Джайлс осознал, что он не один. Похоже, все трудяги, кто здесь был, с Марой и Бисет в первом ряду, сгрудились у начала прохода, образованного установленной вдоль шлюпки перегородкой, и молча наблюдали за ним.

Он открыл было рот, чтобы приказать им

вернуться на свои места, но шипящий бейсик капитана опередил его:

— Назад! Прочь! Магнат, прикажите своим людям убраться с нашего пути и помогите мне, когда я открою люк.

— Вы слышали приказ! — выдохнул Джайлс. — Уходите. Сядьте на койки. Не мешайтесь на проходе. Через минуту мы пойдем с инженером, и я хочу, чтобы путь был свободен!

Они растаяли у него на глазах. Он повернулся, чтобы присоединиться к капитану, но та жестом остановила его.

— Стойте! — сказала она на своем языке. — Не касайтесь его, это опасно!

Джайлс понял, что она права, когда внутренний люк шлюза медленно открылся, и он увидел инженера. Скафандр его был покрыт инеем, как и все внутри шлюза, когда они открывали его перед этим. Капитан шагнула в шлюз и потянулась к инженеру руками, снова обернутыми в пластик. Неловко, но быстро она отсоединила фал и вытащила неподвижное тело через люк в спасательную шлюпку.

— Идите впереди меня, — сказала она Джайлсу. — Убедитесь, что в задней части корабля никого нет. Когда мы дойдем туда, его скафандр

достаточно прогреется, чтобы к нему можно было прикасаться.

— Понятно, — сказал Джайлс. Он поспешно прошел впереди двух чужаков в заднюю часть спасательной шлюпки, и капитан, следуя за ним, положила тело инженера на койку, принадлежавшую ранее Ди, и зафиксировала на ней свисающими с пояса скафандра ремешками для инструментов.

— Теперь можно…

Она сняла с рук пластик, осторожно зажала в трехпалых руках шлем и стала поворачивать его, пока тот не отщелкнулся. Послышалось шипение всасываемого воздуха, и затем шлем, все еще покрытый инеем, выпал из рук капитана. Они с Джайлсом уставились на лицо инженера.

Джайлс мало что понял в увиденном. Глаза инженера были закрыты, и темная кожа приобрела пепельный оттенок, словно ее слегка припудрили. Человек не знал, по каким признакам определить, дышит инженер или нет.

— Как он? — спросил Джайлс.

— Нормально. Какая-то жизнь еще осталась, — почти рассеянно ответила капитан. Ее руки сновали по скафандру, раскрывая замки и расстегивая застежки. — Магнат, на койке позади

вас лежат различные инструменты, среди них есть кусачки. Снимите с их помощью обвязки с рук и ног инженера. Не пытайтесь раскрывать зажимы, просто обрезайте. Это понятно?

— Понятно.

Джайлс обернулся и увидел кусачки, о которых говорила капитан.

Разрезая шнурки, он убедился своими глазами, что древний скафандр и впрямь не выдержал. В той части, где туловище, дырок не оказалось, но на руках и ногах, обвязанных шнурами, на каждой была по меньшей мере одна протечка. Обвязки в каждом случае сделали свое дело, однако в тех сегментах, где воздуха не было, тело оказалось вздуто и выглядело отвратительно. Разрезая стяжки, Джайлс невольно коснулся нескольких таких мест, и они легко проминались под его пальцами, как вздувшиеся волдыри.

К тому времени, как Джайлс разрезал все обвязки, капитан успела снять скафандр с верхней части туловища инженера. Через несколько секунд скафандр был снят полностью, и на инженере остались только пояс и пара перехватывающих тело ремней, составляющие обычную корабельную одежду альбенаретцев.

Глаза инженера оставались закрытыми. Он не

проявлял ни малейших признаков понимания, что его вернули на спасательную шлюпку и о нем заботятся. Он не шевелился, только пару раз издал какой-то глубоко гортанный шипящий звук.

— Что с ним? Он жив? — спросил Джайлс.

— Он умирает, — ответила капитан. Затем резко повернулась к Джайлсу. — Теперь уходите. Держите своих людей подальше от кормы. Я не хочу, чтобы они здесь были. Не хочу, чтобы они заглядывали сюда. Это понятно? Последние минуты жизни альбенаретца — не зрелище для чужаков.

— Я ухожу и сюда, конечно же, никого не пущу. — Он повернулся и вышел из огражденной части шлюпки туда, где его ждали трудяги. Позади внезапно раздался металлический скрежет. Оглянувшись, он увидел, что проход к корме дополнительно перекрыт поставленной вертикально койкой Фрэнко, для чего ее опоры были варварски погнуты.

Однако койка не полностью закрывала проход. Со стороны корпуса шлюпки осталась достаточно большая щель, чтобы мог пролезть человек, если бы захотел. Но она не позволяла видеть чужаков, стоя в средней части шлюпки, и служила напоминанием о требовании капитана.

— Надеюсь, вы все понимаете, что это значит? — сказал Джайлс трудягам. При этом с удивлением обнаружил, что его язык заплетается от усталости. Он указал на койку, перегораживающую проход. — Капитан запретила всем заходить туда и даже заглядывать. Я добавляю к этому мой запрет делать это. Никто из вас не должен приближаться туда, а тем более украдкой…

Он вдруг замолчал. Впервые с того момента, как они вступили на борт шлюпки, бело-голубые светильники над головой, никогда не выключавшиеся, поскольку они требовались для поддержания лозы жизнеобеспечения, потускнели. Теперь они давали лишь слабый красноватый свет, и резкое уменьшение их яркости сделало всех людей почти слепыми на то время, пока глаза адаптировались.

— Повторяю, — продолжал Джайлс. — Держитесь подальше от кормы. Там нет ничего, что вам может понадобиться. — Он многозначительно кивнул на примитивный санузел в средней части корабля, огороженный панелями. — До дальнейших распоряжений все оставайтесь здесь и не шумите. Если кто нарушит приказ, вполне возможно, что ему придется иметь дело не только со мной, но и с капитаном, который, вероятно,

примет свои меры — и не могу обещать, что в этом случае я смогу кому-то из вас помочь.

Джайлс повернулся, прошел, слепо выставив впереди руки, в огражденную часть и нашел там на ощупь свою койку. Взявшись руками за ее край, он сел на нее и откинулся назад. Сон моментально объял его.

Еще не успев проснуться, он уже вскочил на ноги и побежал. В воздухе стоял пронзительный человеческий крик. Освещение в шлюпке снова стало ослепительно-голубым. Неуверенно держась на ногах, он несся на крик — через выход из огражденного пространства и мимо группы трудяг, начинающих скапливаться возле перегороженного койкой прохода на корму. Проскочив мимо койки, отбросив ее в сторону, Джайлс ворвался в кормовую часть. Как только он это сделал, вопль прекратился, будто кричащему зажали рот.

Он оказался лицом к лицу с капитаном, державшей на длинных темных руках бесчувственную Ди, как сломанную куклу. Глаза девушки были закрыты, она безвольно обмякла. Инженера нигде не было видно, но капитан, пол вокруг и единственная оставшаяся здесь койка явно заляпаны темной кровью чужаков.

— Заберите ее, — сказала капитан, шагнув вперед и передавая ему бесчувственное тело девушки. — Она пришла сюда, несмотря на запрет, но я не причинила ей вреда.

Джайлс подхватил на руки Ди и остался стоять, глядя на капитана.

— А где инженер? — хрипло спросил он по-альбенаретски.

— Он с положенными почестями прошел в Последние Врата, — ответила капитан и вдруг перешла на бейсик: — Прошла та его часть, что составляла его личность. А оболочка, — она повернулась и кивнула в сторону конвертора, — могла быть использована и была использована.

Из-за перегородки донесся стон ужаса слышавших это трудяг. Джайлс посмотрел на конвертор. Его крышка была немного приоткрыта, и она достаточно велика, чтобы просунуть туда все тело инженера целиком. Необходимости расчленять труп не было. Он оглядел сваленные кучей инструменты и не заметил ни на одном из них следов крови.

— Чья это кровь? — спросил он по-альбенаретски.

— Человек! — сказала капитан. — Я устала от ваших вопросов и вопросов других людей.

Она резко устремилась в носовую часть корабля, едва не сбив его с ног. Трудяги расступились перед высокой фигурой, а потом все вошли в кормовую часть, разглядывая кровь, Ди и конвертор.

Джайлс осмотрел тело Ди сверху донизу. С обеих сторон шеи, ближе к затылку, начали проступать синяки: два с одной стороны и один с другой, явно оставленные очень сильной трехпалой рукой.

— Что случилось? — Это спросила Мара, стоявшая лицом к нему, поддерживая рукой голову остающейся без сознания Ди. — Фрэнко сказал, что ей снились кошмары. Должно быть, очнувшись от одного из них, она забыла, где находится, и отправилась искать свою койку. Но из-за чего же она кричала? Что она увидела?

— Бог его знает! — мрачно ответил Джайлс. И посмотрел на закрытые глаза на неподвижном лице Ди. — И если эти крики имели какую-то причину, вряд ли она захочет вспомнить, что это было, когда очнется. Возможно, мы никогда этого не узнаем.

6

Второй день, 16:15

Дилетантский прогноз Джайлса оказался вер-

ным. Когда Ди пришла в себя, на койке в средней части шлюпки, она ничего не помнила. Она казалась смущенной и неуверенной, как человек, пришедший в себя после приема сильнодействующего лекарства. Она плакала и прижималась к Маре или Бисет — кто был ближе. И пригрозила, что впадет в истерику, если к ней приблизится кто-нибудь из мужчин, даже Фрэнко, которого она словно бы совсем не узнавала.

В конечном счете две женщины стали сидеть с ней по очереди, и только так она смогла ненадолго погружаться в сон, иногда прерываемый криками. Постепенно яркость ее кошмаров, похоже, стала притупляться, и Ди удавалось спать дольше и при этом спокойнее. Но ей так и не удалось припомнить ничего из того, что она увидела в кормовой части шлюпки. Последнее, что она помнила — как инженера проносили на корму.

Фрэнко тем временем менее чем за сутки превратился из розовощекого подростка в бледного измученного мужчину на грани нервного срыва. Он не мог поверить, что Ди не желает его видеть, и готов был силой расчистить себе путь. Дошло до того, что Джайлсу пришлось поручить Хэму охранять Ди от посягательств Фрэнко.

Среди остальных же трудяг царил полный

разброд. За исключением Хэма, которого ничуть не смущало использование тела инженера, и Джайлса, заставлявшего себя есть, никто не прикоснулся к ягодам лозы жизнеобеспечения. Естественно, никто не пил и сока, пока жажда не вынудила сделать это даже самых упорных. Но поскольку есть они по-прежнему отказывались, Джайлс собрал всех в огражденном панелями сегменте центральной части шлюпки.

— Послушайте меня, — сказал он. — Постарайтесь понять. Мы здесь одни, в межзвездном пространстве, вокруг световые года пустоты, и эта спасательная шлюпка — все, что у нас есть, наш единственный шанс попасть когда-нибудь снова на планету. Если нам удастся добраться куда-то живыми, то благодарить за это мы должны будем спасательную шлюпку и ее капитана… да и инженера тоже. Не отворачивайтесь, когда я говорю это! Постарайтесь выйти за рамки того, с чем вы росли, чему научились и что принимали как должное. Здешний замкнутый цикл с применением конвертора — по сути такой же, как на Земле в целом, только упрощенный… Смотрите на меня, я с вами разговариваю!

Бледные лица, смотревшие в разные стороны, повернулись к нему. Только это он и мог

заставить их сделать — подчиниться прямому приказу. Удастся ли ему добиться того, чтобы они мыслили понятиями чуждых им обстоятельств? Что ж, хотя бы попытается…

— Я хочу, чтобы вы воспринимали происходящее, отбросив эмоции, — продолжил он. — Двигатель требовалось отремонтировать. Это непреложный факт. Инженер должен был выйти и отремонтировать его, даже сознавая, что, возможно, не выживет при этом. Это другой факт. Это стоило ему жизни, и капитан, чтобы вещества его тела не пропали даром, а пошли на пользу — нам, людям, а не исключительно только представителям его расы, — положил тело в конвертор, чтобы им воспользовалась лоза жизнеобеспечения. Вот таковы факты. Не чьи-то мнения, с которыми можно согласиться или нет, а факты. И кто не будет воспринимать их как факты, тому предстоит столкнуться с окончательным фактом: если вы не будете есть — вы умрете.

— Чтобы выжил он сам… — пролепетал кто-то.

— Кто это сказал? Эстевен? — Джайлс взглянул на говорящего. В отличие от прочих он не был бледен, а скорее даже слегка покраснел, и в глазах его читался вызов. — Что ты имеешь в виду — кто он сам?

— Да он — капитан! — сказал Эстевен уже громче. — Он тоже выживает благодаря ягодам лозы — и инженеру. Вот он и запихал того в конвертор, чтобы самому выжить, ваша светлость!

Последние слова были произнесены почти дерзко, но Джайлс не обратил на это внимания. Он старался привести в порядок собственные мысли, поскольку уже совсем забыл, что трудяги считают капитана мужчиной. На мгновение он задумался над идеей рассказать им правду об этом, но тут же отверг случайную мысль. Чем меньше на шлюпке внезапностей и смятения, тем лучше.

— Альбенаретцы не испытывают страха смерти, как мы, Эстевен. Ты же знаешь. Капитан руководствуется чувством долга, а не личным благополучием.

— Извините, ваша светлость, — обычно спокойный и смирный Эстевен вел себя почти враждебно, — но вы уверены в этом?

«Пора бы его осадить», — решил Джайлс.

— Если я что-либо говорю, Эстевен, — сказал он сурово и строго, — ты должен считать само собой разумеющимся, что я уверен в этом, иначе я бы этого не говорил. Теперь же, если не хочешь сказать мне что-либо более содержательное, сиди

спокойно и помалкивай. Понятно?

— Да, ваша светлость… — Вся его воинственность внезапно исчезла. Он снова стал молчаливым и задумчивым, как обычно.

— Ну и отлично, — сказал Джайлс, поворачиваясь к остальным. — Я не собираюсь заставлять вас есть. Я призываю лишь попробовать пересилить себя и поесть, а пока вы этого не сделаете, вам придется дважды в день смотреть, как мы с Хэмом едим. Первая трапеза состоится прямо сейчас… Хэм?

Тот поднялся, сходил в кормовую часть шлюпки и принес две чашки с мякотью. Одну он отдал Джайлсу, а сам присел с другой на койку.

Джайлс ел невозмутимо, ничем не выдавая своих чувств, скрывая свое отношение к инженеру и мякоти ягод лозы под маской безразличия, что освоил в первый же год обучения в интернате. Хэму и в самом деле было все равно. Остальные сидели молча, стойко перенося наблюдаемое зрелище — до того самого момента, когда Хэм, доев, стал слизывать остатки мякоти со своих пальцев. Тут сперва Ди, а потом Фрэнко и Грос резко побледнели и заспешили к «туалету».

Почти такая же сцена повторилась шесть часов спустя, а затем еще трижды, прежде чем Мара и

Бисет набрали себе в чашки не более столовой ложки мякоти ягод и поглотили ее. Еще два приема пищи спустя ели все, включая и Ди.

К этому времени Ди и Фрэнко вернулись в ложную уединенность в кормовой части, достав из-под пола другую койку вместо использованной капитаном в качестве ширмы. Все прочие остались в центральной секции, за исключением Хэма, который перенес свою койку поближе к носовой части, туда, где одиноко стояла койка Джайлса.

Довольно странно, что этот не уважаемый никем амбал смог совершить что-то по своей инициативе, но Джайлс не стал расспрашивать подробнее. Такие трудяги, как Хэм, обычно становились замкнутыми и косноязычными, когда их о чем-либо спрашивали, из боязни сказать в ответ что-то не то. После того как все люди приспособились наконец к условиям на спасательной шлюпке и снова правильно питались, жизнь потекла вполне гладко. Но Джайлс регулярно обдумывал ситуацию. Обычно он как-нибудь вознаграждал трудяг за хорошее поведение, усиливая этим положительный эффект. Но какие стимулы можно предложить здесь, на шлюпке?

Наконец он придумал возможность для этого.

Надо переговорить с капитаном, и в ходе беседы наверняка представится возможность поговорить об особом снисхождении. Он выждал, чтобы прошло несколько корабельных дней после смерти инженера, прежде чем направиться для разговора к оставшемуся альбенаретцу. Выбрав время, когда все трудяги были либо в средней, либо в кормовой части спасательной шлюпки, он подошел к перегородке, за которой капитан после смерти инженера пребывала в изоляции почти все время. Стоя за перегородкой, он сказал на альбенаретском:

— Капитан, я хочу с вами поговорить.

Последовала секундная пауза, затем голос чужака ответил:

— Подходите.

Джайлс обошел перегородку и повернулся лицом к капитану, сидевшей в кресле перед пультом управления. Не вставая, она развернула кресло к нему.

— Капитан, может быть, теперь вы уже скажете мне, через какое время эта спасательная шлюпка куда-то приземлится?

— Мы достигнем Белбена чуть менее чем за сто восемь корабельных суток.

— Понятно, — сказал Джайлс. — Это очень

долго!

— Столько времени для этого требуется, — сказала она. Джайлс не был способен на слух различать альбенаретские интонации и не заметил никаких изменений в том, как она сидела или говорила, но все же что-то создало у него впечатление, что она дистанцировалась не только от него, но и от спасательной шлюпки со всеми на борту.

— Разве нет более подходящего места назначения для полета шлюпки?

— Других мест назначения нет.

— Прошу капитана проявить терпение и выслушать. — У Джайлса возникло ощущение, что он идет по странному полю, усеянному минами и ловушками, причем такими, что он не мог их не только увидеть, но и даже вообразить. То, что ему предстояло сказать, опасно вторгалось в периметр эмоционального восприятия этих чужаков, их чести. — По нашим картографическим данным этой части космоса, на планете 20В-40 есть земная колония, специализирующаяся на добыче полезных ископаемых, и альбенаретский космопорт. Я из любопытства изучил карты перед тем, как отправиться в это путешествие. У меня, правда, нет опыта навигации, кроме пилотиро-

вания моей личной яхты в пределах Солнечной системы, но если я не ошибаюсь, в данный момент 20В-40 вдвое ближе к нам, чем Белбен.

— Возможно, — сказала капитан. — Но наш порт назначения — Белбен.

— Почему, если 20В-40 ближе?

— Нашим портом назначения был Белбен. Мой звездолет уничтожен, но моя честь может быть спасена, если я доставлю оставшихся пассажиров на Белбен, как было обещано.

— Но какая честь в том, чтобы доставить их в порт назначения мертвыми? Сто восемь дней — слишком большой срок, чтобы мои люди смогли выжить в таких условиях.

— Выжить? Ах да, я забыла, что вы, люди, не знаете Врат и Пути к ним и шарахаетесь в испуге при мысли о Переходе. Но выжить — это уже ваше дело. Мой долг — доставить вас, а живыми или мертвыми — для меня значения не имеет.

— А для меня имеет, — сказал Джайлс. — Я отвечаю за выживание моих соплеменников. Прошу вас доставить нас вместо Белбена на 20В-40.

— Нет, — ответила капитан и закрыла глаза, словно очень устала. — Я не могу позволить себе еще сильнее отклониться от пути.

— Капитан, — медленно начал Джайлс. — Я

из дома и клана *Стальных*, этот клан обладает огромным богатством, частью которого распоряжаюсь я лично. Даю вам обещание, что если вы измените курс и доставите нас на 20В-40 — а обещание магната почти то же самое, что подписанный контракт, — либо заплатить вам столько, чтобы вы могли построить другой звездолет, такой же, как тот, что вы потеряли, либо заплатить вашей расе, чтобы его построили ваши соплеменники, а затем предоставили вам. Так что вы ничего не теряете.

Капитан открыла глаза и секунду смотрела на Джайлса.

— Но я теряю. Вам, чужакам, этого не понять. Вся моя команда, все мои офицеры, а теперь и инженер, ушли, заслужив смерть при разрушении моего звездолета. Сам звездолет — просто вещь, которая ничего не значит. Это всего лишь будет мне приятно, но станет оскорблением памяти всей моей команды, которая прошла через Врата, и мне не сделает чести, если я приму то, что не смогу разделить с ними.

Она замолчала. Джайлс стоял неподвижно, глядя на нее сверху вниз, на мгновение потеряв всякую надежду. По сути, он предложил нищему целое состояние, и в голове у него не укладыва-

лось, как такое, величайшая цена из возможных, может быть отвергнуто.

— Вы совершенно правы, капитан, — медленно сказал он. — Я не понимаю. Но очень хотел бы понять. Возможно, если я пойму, мы сможем найти и другие пути взаимопонимания. Не объясните ли мне это так, чтобы я понял?

— Нет, — сказала она, — я не обязана обеспечить ваше понимание, и вы не обязаны понимать.

— Не могу согласиться. Я уже давно искренне верю, что человечество и альбенаретцев связывают не только торговые отношения и космические путешествия. У нас есть не только обязанность, но и реальная необходимость понимать друг друга, как в качестве самостоятельных личностей, так и в качестве представителей соответствующих рас.

— Ваше мнение не имеет значения. То, во что вы верите, не относится к области возможного. Вы не альбенаретец, не принадлежите к избранному народу. Поэтому никогда не сможете понять Путь, какие бы усилия я или кто другой для этого ни предпринимали.

— Я считаю, что сказанное вами сейчас — неправда. Это лишь ваше мнение, и это мнение ошибочное, в отличие от моего. Но я прошу лишь,

чтобы вы попробовали.

— Нет. Пытаться — значит тратить силы. Их у меня мало, и я не желаю тратить их попусту.

— Не попусту. Это жизненно необходимо для вас и вашей чести. Это жизненно необходимо для меня и моей чести. Это жизненно необходимо для моих трудяг. Это жизненно необходимо для вашей и моей расы, которые могут обе погибнуть, если не достигнут взаимопонимания.

Капитан снова закрыла глаза.

— Этот вопрос больше не обсуждается. Вы хотели поговорить со мной еще о чем-то?

Джайлс открыл было рот, но тут же снова закрыл его.

— На шлюпке лозы жизнеобеспечения значительно больше, чем нужно для такой маленькой группы, какая на ней сейчас. Когда инженер умирал, свет был ослаблен до менее яркого. Для моих людей будет большим облегчением, если свет включать регулярно хотя бы ненадолго. Несомненно, лоза при этом сможет обеспечить нас питанием в достаточно количестве.

— Этот свет должен оставаться постоянным, — сказала капитан, не открывая глаз. — Все должно оставаться неизменным, пока мы не достигнем порта назначения. Магнат, я уже устала от разго-

вора с вами и хочу побыть одна.

— Хорошо. Мне больше и нечего с вами обсуждать — по крайней мере сейчас.

Джайлс вернулся к своей койке и сел на нее, обдумывая разговор. Необходимо найти способ заставить капитана изменить порт назначения на колонию в ближайшем мире. Внезапно он осознал, что Хэм сидит на своей койке и молча наблюдает за происходящим.

— Не сиди здесь просто так! — раздраженно сказал Джайлс, выведенный из себя молчаливым взглядом амбала. — Займись хоть чем-то! Возвращайся к другим и поговори с кем-нибудь, слышишь? Если ты будешь сторониться людей, они так и не примут тебя в свою компанию.

Не сказав ни слова, тот встал и ушел в среднюю часть шлюпки, где сейчас были почти все остальные.

— А вы не уходите! — сказал Джайлс, повышая голос. — Хэм — один из нас, и я требую, чтобы вы относились к нему, как к равному! Запомните это!

Разумеется, он понимал, что просто вымещает на них свою злость из-за неудачи с капитаном, зная, что они ни в чем не будут ему противоречить. Он постарался приглушить эту мысль,

растянулся на койке и прикрыл глаза рукой, чтобы не видеть немеркнущего света ламп. Может быть, если «переспать» с этой проблемой, удастся придумать, как убедить капитана.

Проснулся Джайлс от какого-то шума. Из-за перегородки не доносилось никаких голосов трудяг, но он был уверен: что-то его разбудило. Он прислушался, но все, что мог расслышать — едва слышный звук, словно кто-то с трудом дышит.

Он тихо сел на койке и опустил ноги на пол. С этого места он мог видеть через щель между панелями койки в средней части шлюпки. Каждая из них была занята спящим, но от них не доносилось ни звука, как ни звука не слышалось и из кормовой части шлюпки, где спали Фрэнко и Ди.

Озадаченный, Джайлс прислушался повнимательнее. Постепенно ему удалось определить направление. Звук раздавался совсем рядом, и источник его располагался через проход от него — там, где стояла единственная, кроме его собственной, койка в носовой части шлюпки.

На ней спал Хэм, его кулаки были прижаты к лицу, тело свернулось калачиком на длинной, но узкой койке. Спит ли амбал на самом деле? Джайлс тихо поднялся и подошел к изголовью койки Хэма.

Огромный трудяга молча плакал. Могучие кулаки закрывали лицо, и каким-то образом он смог достаточно сильно оттянуть ткань, покрывавшую койку, и засунуть в рот, чтобы приглушить издаваемые звуки. Он лежал на боку, заткнув рот тканью, закрыв лицо кулаками, и слезы текли из-под его плотно сжатых век.

Джайлс нахмурился.

— Хэм, — тихо позвал он.

Амбал не отреагировал.

— Хэм, — повторил Джайлс, не громче, но с большей настойчивостью. Хэм открыл глаза и уставился на Джайлса с выражением то ли удивления, то ли паники.

— Хэм, что случилось?

Хэм затряс головой, так что слезы растеклись по щекам. Джайлс в недоумении сел рядом с койкой трудяги, так что его губы оказались возле уха Хэма, чтобы можно было говорить очень тихо.

— Ладно, Хэм, расскажи мне, что случилось?

Тот снова затряс головой.

— Ну же, — мягко, но настойчиво требовал Джайлс. — Что-то тебя беспокоит. Что?

Хэм постарался подавить рыдания и наконец убрал изо рта ткань ровно на такое время, чтобы почти неслышно выдохнуть:

— Ничего.

— Не может быть «ничего». Посмотри на себя. И скажи мне, что тебя расстроило? Или кто? Ответь.

— Мне плохо, — прошептал Хэм.

— Плохо? Отчего? Заболел?

Но Хэм снова зажал во рту ткань и ничего не отвечал.

— Хэм, — мягко сказал Джайлс, — когда я задаю тебе вопрос, ты должен отвечать. Что у тебя болит? Живот?

Хэм закрутил головой.

— Что же? Рука или нога? Голова?

Хэм, тряся головой, отверг все эти предположения.

— Так отчего тебе плохо? Что-то болит? — Хэм снова затряс головой. Потом закрыл глаза и кивнул. Слезы полились у него из глаз.

— Тогда что же?

Хэм вздрогнул. Не открывая глаз, он убрал ткань изо рта и произнес:

— Да.

— Что «да»? Что именно болит? Голова, руки, ноги? Что же?

Хэм только молча покрутил головой. Джайлс сдержал свой гнев, стремившийся вырваться

наружу. Хэм не виноват, что не умеет высказать свои эмоции. Найти слова, чтобы сформулировать, что не так с амбалом, должен не трудяга, имеющий весьма ограниченный лексикон, а магнат, пытающийся с ним объясниться.

— Скажи, Хэм, если можешь, когда тебе стало плохо? Сразу после того, как мы оказались в шлюпке? Несколько часов назад? Или уже было плохо на большом звездолете?

Наконец, отдельными словами и бессвязными обрывками фраз, дело сдвинулось. К Хэму, похоже, вовсе не относилось то, о чем Мара говорила, что все трудяги стремятся к этому. Меньше всего на свете он хотел оказаться в каком-то далеком мире. Причина этого, как выяснил Джайлс, крылась в условиях жизни Хэма на Земле, в его статусе и цели существования — о которых Джайлс знал всю свою жизнь, но до сего момента нисколько не ценил.

Чернорабочие, исключительно мужчины, специально подготовленные для выполнения задач, связанных с тяжелой физической нагрузкой, были особой подкастой трудяг, заметно отличающейся от всех остальных. Чтобы удержать от проявлений недовольства простыми, часто повторяющимися задачами, их генетически

удерживали на низком уровне интеллекта и наделяли теми качествами, которые усиливали покорность и зависимость от руководителей. Формально для них не было никаких дополнительных ограничений по сравнению с другими трудягами. Иногда кто-то из них переселялся из рабочего барака ради заведения семьи с какой-либо женщиной-трудягой, но такое скорее было необычным.

Несмотря на свою огромную силу, они были чрезвычайно робки и стеснительны. Большинство из них коротало свой недолгий век — по некоторым причинам они были значительно сильнее уязвимы для болезней, особенно пневмонии, и мало кто из них жил дольше тридцати пяти, — почти исключительно среди товарищей по работе.

Хэм ничем особым от большинства не отличался. Бараки были всем его миром, а друг-собутыльник Джейс — неким подобием семьи. Зачатый, в сущности, в пробирке, выращенный в яслях для наименее интеллектуальных детей вроде него и закончивший в тринадцать лет обучение в трудовых бараках, Хэм психологически нисколько не был готов к резкому отрыву от привычного образа жизни и полету бог знает куда в компании

более образованных трудяг, избегающих общения с ним. Он лишился всего, с чем был знаком. Никогда ему не вернуться в барак, полный старых друзей. Никогда не участвовать в дружеской попойке и не менее дружественных потасовках, шутках и розыгрышах или радоваться работе в компании своих товарищей. А главное, он никогда больше не увидит Джейса.

Не сразу Джайлс научился разбирать бессвязный и прерывистый шепот здоровяка. Услышанное открыло ему глаза на ошибочность многих успокаивающих представлений об этом низшем классе трудяг, которые он сам разделял вместе со многими, не задумываясь над тем, чтобы изучить их получше. Люди типа Хэма считались неисправимо жизнерадостными в силу своего невежества, безусловно храбрыми, ибо из-за ограниченности ума не знали, что такое страх, и совершенно бескорыстными, поскольку собственные размеры и сила делали их равнодушными к мнению более слабых, но более умных людей.

Как теперь понял Джайлс, все это было неправдой. Но не это открытие его озадачило. Хэма грызло нечто большее, чем просто разница между его истинной природой и представлениями

окружающих. Мягкие, но настойчивые вопросы с ответами в той же отрывочной манере, в какой Хэм высказывался обо всем остальном, вскрыли для него более глубокую проблему.

Важнейшим существом для Хэма был его напарник по работе Джейс. Носили ли их отношения сексуальный оттенок — едва ли можно было понять по описаниям в характерной для Хэма детской манере. Важно, что никто больше Хэма не любил — ни мать, ни отец, ни брат, ни подруга. Только Джейс. И Хэм отвечал ему тем же. Вот уже двенадцать лет они жили в одной казарме и были приятелями по пиву, что по сути означало, что после работы они всегда выпивали вместе.

Но внезапно Хэма забрали и отправили в какую-то непонятную колонию на далекой планете, где он вряд ли встретит человека своего круга, с которым можно будет поговорить. Он не мог даже написать Джейсу — не потому что был неграмотен, а просто изложение чего-либо, помимо бесчувственных голых фактов, требовало от Хэма чрезмерных творческих усилий.

И вот, переживая эту потерю, он все глубже погружался в отчаяние, чего не замечал никто из его так называемых коллег. Объяснить другим свою эмоциональную проблему он не мог. У него не

было слов для обозначения новой терзавшей его боли; он даже не связал ее сознательно с настоящей причиной — но Джайлсу удалось, понемногу вытягивая из него нужную информацию, прийти к пониманию того, в чем Хэм не мог признаться даже самому себе.

Хэм, лишенный Джейса, нуждался в том, чтобы к кому-нибудь привязаться. Бессознательно он выбрал для этого Джайлса, единственного среди окружавших его чужаков и более образованных трудяг, кто имел такой же рост, силу и другие качества, которыми обладали прежние друзья Хэма.

Реакция здоровяка-работяги не так уж и удивительна, подумал Джайлс. Они с Хэмом находились на противоположных концах социальной лестницы, но безжалостная рука норм поведения и правомочий подхватила их, пока они были еще слишком молоды, чтобы понимать происходящее, и придала обоим направление той жизни, которую они будут вести. «Оба одинаково прокляты, — подумал Джайлс, — но нет, Хэм даже в лучшем положении. У него оставалась свобода любить — пусть даже кого-то из сотоварищей». У Джайлса тоже была тесная дружба с Полом Окэ, возможно, теснее, чем с кем-либо еще, но при

этом нельзя сказать, что они были «друзьями» даже в упрощенном смысле этого слова, как понимают его в бараках Хэма.

Что же касается девушек… женщин, то внезапно Джайлс осознал, что ни в одном из кратковременных увлечений не дал другой стороне ничего особенно памятного, да и сам не получил. Впервые он понял, что его никто не любил, и сам он не любил ни одного человека. Его родители еще живы, но отдалены от него нормами поведения и возрастом. Братья и сестры если бы у него и были, все воспитывались бы отдельно от него и стали бы добродушными незнакомцами. Он не страдал от отсутствия привязанностей, которые для Хэма были среди основных составляющих жизни, но всего лишь признавал возможность их существования. Любовь для него была долгом, а долг — любовью. Далее долга его эмоциональная сфера не простиралась, и не похоже было, что когда-нибудь станет иначе.

Его мысли снова вернулись к Хэму. Тот, сам не сознавая, сжал руку Джайлса в своем огромном кулаке и плакал над ней в безмолвном отчаянии. Ему никогда не удастся осознать, понял Джайлс, почему он страдает. Пожалуй, самым удачным в привязанности Хэма к Джайлсу было то, что

хотя амбал ее и испытывал, но был совершенно неспособен признать это. Даже сама мысль о том, чтобы стать другом магната в любом доступном ему смысле, была настолько несовместима с его представлениями о жизни, что сознание милосердно не допускало ее. Единственное, что могло прийти ему в голову — это отчаянное желание сделать что-нибудь для Джайлса, что-то значительное и опасное, вплоть до того, чтобы отдать за него свою жизнь. Об этом он и пытался сообщить Джайлсу отрывочными фразами.

— Хорошо, — сказал Джайлс. — Хорошо, Хэм. Я понял это. Не беспокойся. Как только ты мне понадобишься, я тебя немедленно позову.

— Вы сделаете это? — спросил Хэм.

— Конечно, — ответил Джайлс. — Пусть тебя это не беспокоит. Все будет хорошо.

— В самом деле? — Хэм по-прежнему плакал, но теперь уже от благодарности и облегчения — сам он не смог бы этого сформулировать, как не мог раньше объяснить причину своего горя. Плакал, вцепившись в руку Джайлса.

Джайлс терпеливо посидел с ним немного, пока тот не уснул. Затем, осторожно освободив руку, встал и потянулся, разминая затекшие мышцы. От долгого сидения на полу ноги свело. Он сделал

мысленную пометку выяснить, когда они сядут на планету, есть ли в этом мире другие чернорабочие. Скорее всего, невозможно вернуть Хэма обратно на Землю, но наверняка можно устроить, чтобы он попал на работу в такое место, где найдет товарищей своего же круга — если подобное место вообще существует в колониальном мире.

Джайлс снова улегся на свою койку и закрыл глаза. Должен же быть какой-то способ убедить капитана изменить курс спасательной шлюпки на 20B-40. Теперь он знал, что Всемирная полиция тоже считает, что Пол находится где-то в колониях, а значит, они могли отправить туда кого-то охотиться за ним. Но Джайлс никак не ожидал, что чужак-пилот, управляющий спасательной шлюпкой, кем бы он ни был, будет так упрямо придерживаться курса к исходному месту назначения корабля.

Почему? — вот в чем вопрос. Почему капитан так непреклонна в своем отказе поступить разумно и направиться к ближайшей планете с космопортом? Может быть, если он сможет разобраться, чем она руководствуется…

7

Двое корабельных суток спустя Джайлс все еще не нашел ответа на свой вопрос, не придумал решения проблемы, как направить спасательную шлюпку к 20В-40. Но, видно, не судьба была ему подумать об этом спокойно. Едва он сел на свою койку со звуковым аппаратом Эстевена, чтобы надиктовать события предыдущего дня, за ближайшей перегородкой, окружавшей койки в средней части корабля, раздался бурный шум. Крики, вопли, звук падения тела.

Он сунул звуковой аппарат в карман и выбежал в среднюю часть шлюпки, раздвинув панели, примерно с той же поспешностью, как когда кричала Ди после смерти инженера. Там Грос прижал Эстевена к стене шлюпки и пытался выбить из него дух. Грос был минимум лет на десять старше Эстевена, а кроме того, ниже ростом, легче и явно не имел представления, как надо драться, кроме общей идеи, что нужно сжать кулаки и махать ими, пытаясь попасть в другого человека. Но ярость компенсировала все эти недостатки. Эстевен, прижатый спиной к стене между двумя койками, не мог сбежать от обезумевшего компьютерщика, и не вызывало сомнений, что если

его не спасти, то Грос рано или поздно сможет нанести ему серьезный вред.

Джайлс перемахнул через две койки, отделявшие его от них, и схватил Гросса за воротник и за складку комбинезона у пояса.

— Остановись! — рявкнул он, отодвигая компьютерщика от Эстевена, уже привалившегося к стене. — Успокойся, Грос. Нет, нет, не пытайся ударить меня, веди себя спокойно. А ты, Эстевен, сядь вон на ту койку и расскажи, что случилось.

— Он, он… — Эстевен почти всхлипывал. Неестественный румянец, который Джайлс уже замечал однажды, снова появился на его щеке, а палец, которым он указывал на Гроса, дрожал. — У него есть всё для развлечений. И компьютер у него есть, и книга… Я хотел лишь взять из нее пару страниц, чтобы записать музыку, которую сочинил…

— Всего лишь!.. — возмущенно выкрикнул Грос. — Всего лишь пару страниц?! Целая куча листов вырвана из книги моего предка по пропозициональному исчислению! Я в свободное время потихоньку продираюсь через этот сложный текст, но сама книга — она бесценна! Ей более двухсот двадцати пяти лет! Я не могу позволить вырывать страницы из древнего наследия нашей

семьи, чтобы он нацарапал какую-то доморощенную мелодийку! Да и зачем ему вообще сочинять музыку? Все знают, что теперь музыку уже никто не пишет…

— Грос! — сказал Джайлс. Тот замолк.

— Он думает… — начал Эстевен.

— И ты тоже, — сказал Джайлс. — Успокойся, Грос. Покажи-ка мне книгу.

Бросив на Эстевена свирепый взгляд, Грос сунул руку в карман комбинезона и достал томик в коричневой обложке, маленький, умещающийся на ладони. Открыв его, Джайлс увидел, что на маленьких страницах действительно много пустого места между диаграммами и возле них.

— Это и в самом деле какой-то учебник по математике, — сказал он. — Говоришь, пропозициональное исчисление?

— Именно так, ваша светлость, — уже менее резко ответил Грос. — Мой дед купил ее еще до Зеленой Революции. Фамильная реликвия — вещь еще с тех времен, когда компьютеры занимали целые этажи зданий.

— Этой книге двести двадцать пять лет? Нельзя винить тебя в том, что ты не позволяешь повреждать ее.

Он вдруг нахмурился и, зажав уголок страницы

большим и средним пальцами, потер его.

— В очень хорошем состоянии для такой старой книги, — сказал он. — Как…

— Ее пластифицировали, — гордо ответил Грос. — Все исходные материалы заменили на мономолекулы. Моему отцу это обошлось в месячный заработок, но зато за прошедшие пятьдесят четыре года нисколько не затерлась.

— Пластик? — странным голосом спросил Эстевен и уставился на книгу в руках Джайлса.

— Именно так, Эстевен, — сказал Джайлс. — Грос не обманывает. И что с того?

— Ну… ничего, — сказал тот, все еще не отрывая взгляда от книги. — Только… пожалуй, если это пластик, мое стило не будет на нем писать. Эти листы мне не подходят.

— Какого же черта ты не догадался спросить об этом, прежде чем пытаться украсть мою книгу?! — возмутился Грос.

— Ну я же сперва попросил тебя…

— И я сказал тебе «нет»! Неужели я должен давать объяснения, почему нельзя рвать книгу, доставшуюся мне по наследству?

— Несколько мудрее было бы все же объяснить ему это, — сухо заметил Джайлс, возвращая книгу. — Вот. Отныне постарайся хранить ее

понадежнее, чтобы никто не попытался вырвать страницы.

Он направился в переднюю часть корабля, к своей койке. За его спиной включился звуковой аппарат, и послышались знакомые три аккорда Боссера, подкрепляющие задумчивое хриплое пение Сингха.

Сев на койку, он обнаружил, что Мара последовала за ним и встала теперь рядом.

— Да? — сказал Джайлс, подняв на нее взгляд.

— Можно вам кое-что показать? — спросила она с очень серьезным видом.

— В чем дело?

— Если вы пойдете со мной…

Из средней части донесся новый взрыв голосов, и Боссер с Сингхом вдруг сменились пронзительно-завывающей мелодией сольного инструмента.

Вбежав в огражденное пространство, Джайлс увидел, что Грос пытается вырвать звуковой аппарат из рук Эстевена.

— Чтоб я больше не слышал ничего подобного! — кричал Грос. — Верни нам Боссера и Сингха, было же здорово!

— Минутку, минутку, — умолял Эстевен. — Послушай немного этот спайни…

— Какой, к дьяволу, спайни? — ревел Грос. — Это дерьмовый кайлин, ненавижу музыку в стиле кайлин!

— Сэр! — воззвал к Джайлсу Эстевен. — Вы же разбираетесь в музыке, ваша светлость? У вас же высшее образование. Вы ведь можете определить разницу? — Дрожащие пальцы Эстевена постукивали в такт этой музыке.

— Верно, это спайни, — сказал Джайлс. — Но у меня нет каких-либо музыкальных пристрастий. Боссер и Сингх устраивают меня в той же мере, что и все остальное.

Он уже было повернулся, чтобы выйти, как Эстевен умоляюще поднял руку, и Джайлс из смутного чувства жалости к нему согласился его выслушать.

— Я не сомневался, сэр, что вы разбираетесь в музыке. Вы ее понимаете. А знаете, кто исполняет здесь соло? Да, именно я. Это моя работа — аранжировка и исполнение таких фрагментов. Конечно, я могу задать программу для инструментов и получить прекрасное звучание из синтезатора. Но сейчас осталось мало таких, как я, кто знает и понимает свои инструменты… И я всегда чувствую, кто больше вкладывает в запись, особенно если есть одна-две подобные

партии… то есть когда играет живой музыкант…

Соло внезапно оборвалось — Грос дотянулся-таки до кнопки. Вернулась мелодия Боссера и пение Сингха. Эстевен открыл было рот, чтобы протестовать, но затем молча закрыл его.

— Грос, — сказал Джайлс. Тот посмотрел на него снизу вверх. — Это звуковой аппарат Эстевена, а не твой. Как и книга твоего деда — твоя, а не его. Если тебе не нравится, какую музыку он ставит, приди ко мне и скажи. Я не хочу, чтобы ты снова прикасался к звуковому аппарату.

— Хорошо, сэр, — пробормотал Грос, уставившись на свою койку.

— А ты, — сказал Джайлс Эстевену, — включай полчаса то, что хотят они, а полчаса — все, что тебе заблагорассудится.

— Хорошо, ваша светлость. — От выражения собачьей преданности в его глазах почти тошнило. Джайлс повернулся к Маре, стоявшей за его спиной:

— Ладно, так что мне надо увидеть?

— Пойдемте со мной, — сказала она.

Она повела его в кормовую часть, где сейчас никого не было. Там она подошла ближе к стене, заросшей лозой, какое-то время рылась среди листьев, затем подняла один из стеблей растения

и указала на него пальцем:

— Посмотрите-ка на эту ягоду.

Он подошел ближе и пригляделся. Сначала не заметил ничего, что отличало бы ее от других ягод, какие он видел и ел. Но затем, прикрыв глаза от слепящего света вечно сияющих огней над головой, он различил что-то под поверхностью ягоды, какие-то темные пятна прямо под кожицей.

— Мне попадалось еще несколько таких ягод, — тихо сказала Мара ему на ухо. — Но ни на одной не было столько пятен, как на этой. Найдя эту, я внимательнее осмотрела лозу и нашла с дюжину ягод, у которых по два-три таких пятна.

— Можешь показать мне другие?

Она кивнула и повела его дальше вдоль лозы. После недолгих поисков показала ему несколько ягод с такими же пятнами, хотя и в меньшем количестве, чем на первой.

Джайлс принялся сам осматривать лозу. Внешне она выглядела вполне нормальной, но вскоре он нашел почерневший и свернувшийся лист. Он задумчиво сорвал его и продолжил поиски таких же. Найдя и сорвав четыре таких листа, он вернулся к первой показанной Марой ягоде.

— Я отнесу это капитану, — сказал он, одоб-

рительно глядя на нее сверху вниз. — Ты мудро поступила, что пока что не рассказала никому, кроме меня.

Она ответила слабой, чуть заметной улыбкой.

— Даже у трудяг есть здравый смысл, ваша светлость.

Он не смог определить, была ли в этом какая-то насмешка.

— Конечно, я сообщу тебе, что узнаю от капитана. Я ценю то, что ты пришла и рассказала мне. Держи пока при себе и никому ничего не рассказывай.

— Конечно.

Он направился в носовую часть шлюпки, пряча в ладонях листья и ягоды, пока шел через среднюю секцию. В нем зашевелилось смутное беспокойство. Конечно, даже самая надежная и простая система не может функционировать вечно. Когда шлюпка не использовалась, растение продолжало жить, и для этого его питательный бак регулярно пополнялся. Эта система не идеальная, но, насколько он знал, способна прокормить полный набор пассажиров на такой шлюпке по меньшей мере в течение полугода. А сейчас на борту всего несколько человек. Он шагнул за перегородку, отгораживающую капитана.

Та по-прежнему сидела, закрыв глаза.

— Райумунг, — обратился к ней Джайлс. — Мне нужно с вами поговорить.

Она не ответила, даже не открыла глаза. Он подошел ближе, к самому подлокотнику ее командирского кресла. Оказавшись глубоко за экраном, закрывавшим ее, он обратился снова, не громче, но почти в крошечное темное отверстие уха чужака.

— Капитан. Капитан Райумунг!

Она пошевелилась. Затем открыла глаза и повернула к нему голову.

— Да?

— Позвольте отвлечь вас на минуту, — сказал он. — Дело касается лозы жизнеобеспечения.

— С лозой жизнеобеспечения не надо ничего делать. Просто употребляйте ягоды, как указано.

— Капитан, не изменяет ли вам память? Вы не давали нам указаний, как пользоваться лозой жизнеобеспечения. Я сам проинструктировал людей, как ею пользоваться, на основе своих знаний.

— Эти сведения вполне доступны. Действуйте в соответствии с ними. — Глаза на темном морщинистом лице снова закрылись.

— Повторяю, — сказал Джайлс громче. — Мне

требуется ваше внимание. С лозой что-то не в порядке.

— Не в порядке? — Глаза открылись.

— Может, капитан сама посмотрит на эту ягоду? — Джайлс протянул ту ягоду, которую Мара показала ему сначала. Три темных пальца инопланетянина взяли ее в свой тройственный захват. Капитан мгновение подержала ее перед лицом, затем вернула Джайлсу.

— Не ешьте этого. Утилизируйте.

— Но почему? Что с ними не так?

— Вы можете заболеть. Возможно, даже умрете. Не ешьте такие ягоды.

— Мне не требовалось ваше предупреждение. Я хочу знать, что с ними не так.

— Они небезопасны.

— Это тоже было очевидно. — Джайлс ранее уже совершил ошибку, дав волю гневу, и теперь не желал повторять это. Его голос, произносящий слова на жужжащем альбенаретском, имел ледяной тон и был таким же сдержанным, как и голос капитана. — Теперь посмотрите на эти листья.

Он протянул капитану четыре скрученных и потемневших листка. Та взяла их, тоже недолго подержала перед лицом и вернула.

— Листья умерли.

— Это я вижу. И хочу знать, почему. Почему умерли листья и почему небезопасны ягоды. Что случилось с растением?

— Понятия не имею. — Голос капитана звучал отстраненно, почти равнодушно. — Я пилот, а не биотехник. Специалистов, способных в этом разобраться, здесь нет.

— Вы можете провести какую-нибудь проверку? Возможно, что-то не так с питательным раствором в конверторе? Каким способом можно выявить, в чем дело?

— Для этого на шлюпке нет нужных приборов.

— Я вижу, на этой шлюпке вообще мало что есть, — мрачно заметил Джайлс. — Как и все ваши корабли, капитан, она разваливается от старости и отсутствия должного ухода.

Он надеялся вывести капитана из странного состояния апатии и привести ее в ярость. Но этого не удалось.

— Вы не понимаете, — сказала она тем же отстраненным тоном. — Корабли умирают. Альбенаретцы тоже умирают. Но не так, как низшие расы. Никто из нас не желает бессильно свернуться и распасться в атмосферном супе, чтобы затем уйти в почву или даже во что-то более неопределенное, из чего мы вышли. Мы предпо-

читаем гордо идти навстречу смерти, проходя один поворот Пути за другим, пока вся наша раса не перестанет существовать. Вам, чужакам, не понять. Никогда. Лоза жизнеобеспечения на этой шлюпке тоже умирает — неважно почему. Поскольку вы от нее зависите, то и вы умрете. Таковы законы природы.

— А как же ваша ответственность за пассажиров?

— Об этом вам уже было сказано. Моя обязанность — доставить их, и не важно, живы они или мертвы.

— Я в это не верю. Когда возле Земли вы взяли нас на борт вместе с остальными пассажирами-людьми, вам не было безразлично, достигнут они цели живыми или мертвыми.

— Это было до того, как кто-то из вас уничтожил мой звездолет, и все альбенаретцы на его борту лишились чести. Если действия самих людей запускают цепочку событий, ведущих к их смерти, — при чем тут я?

— Я не согласен с вами, — заявил Джайлс, — и, что касается меня, я все равно отвечаю за жизнь людей на борту этой шлюпки. Хоть вы и считаете, что ваши действия имеют оправдание, предупреждаю, что ни я, ни кто-либо другой из людей не

простит их, и при этом вашей расе необходимы металлы и энергия, которыми мы вам платим, чтобы ваши корабли могли летать еще пять тысяч лет — или сколько понадобится, чтобы вы все умерли должным образом.

— Не стану с вами спорить. Все, что произойдет после вашего прибытия на Белбен, живых или мертвых, будут заботой моих соплеменников. Но уже не моей.

— Но уже не… — Джайлса озарила догадка. — Райумунг, вы сами не предполагаете достичь Белбена живой?

— Верно. Не предполагаю.

Джайлс уставился на темную худую фигуру в капитанском кресле.

— Но почему?

Капитан отвернулась от него, переведя взгляд на один из двух обзорных экранов перед ней, на котором отражалась бездонность космоса, усыпанная огоньками звезд.

— В ягодах лозы жизнеобеспечения нет тех питательных веществ, которые мне сейчас необходимы. Собственно, для меня одной лозы хватило бы, чтобы прожить сколь угодно долго. Но я не одна. Я несу в себе новую жизнь — свободную от перенесенного мною позора и способную

продолжить поиски того, кто уничтожил мой корабль. При необходимости новая жизнь станет родоначальником целого рода, который продолжит непрестанные поиски до тех пор, пока не удастся установить истину. Это жизнь нашего корабля, зачатая мною и Мунганфом, но при этом носитель чести всех моих офицеров и членов команды, которые были со мной, пока мой корабль жил. Я умру, но дитя корабля получит от моего тела все необходимое и выживет, чтобы достигнуть Белбена, стать офицером и смыть позор произошедшего.

Она замолчала. Джайлс долгое время не находил слов. Внезапно в его голове все встало на свои места — он понял, что эластичные повязки на скафандре инженера предназначались не для того, чтобы спасти ему жизнь в случае утечки воздуха, а защищали от декомпрессии репродуктивную часть его тела. Понял, что увидела Ди, когда забрела к капитану и умирающему инженеру, и почему на койке появилась альбенаретская кровь.

— Но вы могли бы выжить, если бы не сделали… этого. Почему бы вам самой не смыть позор?

— Я обесчещена настолько, что не могу рассчитывать на помощь кого-либо, кроме членов моей

команды, а они все погибли. А новая жизнь во мне, свободна от позора, и ей без особой причины не смогут отказать в помощи; и помощь будет необходима для поисков того, кто уничтожил звездолет.

Снова повисла пауза.

— Хорошо, — сказал наконец Джайлс. — Как вы и говорите, я не альбенаретец, и признаю, что не все понимаю. Но почему бы вам не изменить курс этой шлюпки на ведущий к 20В-40 и не позволить выжить нам? Даже более того, теперь я официально настаиваю на этом.

— Нет, — бесстрастно ответила капитан. — Существо во мне незапятнанно, но этого недостаточно. Моему ребенку нужно унаследовать толику чести, чтобы увеличить его шансы стать офицером звездолета. Эти шансы малы даже для альбенаретцев. Если шлюпка доставит пассажиров — живых или мертвых — на Белбен, это почетно. А повернуть — в этом будет только целесообразность.

— Разве нет чести в спасении людей? — возмутился Джайлс.

— Конечно, нет. Жизнь, спасенная кем-либо, кроме ее владельца, — это вторжение на территорию его собственной чести — в его собственную

ответственность за отсрочку прохождения очередного поворота Пути. Кроме того, это жизни всего лишь людей. Будь вы альбенаретцами, для вас было бы честью помочь мне в исполнении своего долга, то есть лететь на Белбен. Но вы люди, а значит, для вас это никакой роли не играет. Итак, мы летим на Белбен, магнат, и никуда больше. — Она закрыла глаза.

— Райумунг…

Темная фигура не ответила. Джайлс повернулся и вышел, оставив ее в одиночестве.

В ближайшем секторе он увидел Хэма, лежавшего на койке, и Мару, ожидавшую его. На секунду он уставился на нее, озадаченный. Затем вдруг сообразил. Он говорил с капитаном на чужом языке, и Мара, конечно же, ничего не знает.

Он улыбнулся, стараясь успокоить ее.

— Капитан мало что знает об этих растениях. Это не его специальность. Так что пока будем просто избегать есть такие ягоды. Если заметишь пятна на ягоде — кидай сразу в конвертор. Расскажешь об этом остальным?

— Да, — ответила она, но не ушла сразу, и ему показалось, что она смотрит на него с некоторым любопытством. — И это все, что вам удалось узнать у капитана за столь долгое время?

— Мы с капитаном всякий раз немного ссоримся. Пожалуй, я не узнал больше ничего такого, о чем стоило бы рассказать. Но я потом еще поговорю с капитаном, и если будет какая-то информация — поделюсь ею. А пока что, как я и сказал, просто не ешьте пятнистые ягоды, и не волнуйтесь. Скажи это остальным.

— Обязательно.

Она ушла в среднюю часть шлюпки, и он слышал, как сквозь музыку пробивается ее голос, но слов разобрать не удавалось. Звуковой аппарат, таким образом, служил отличным средством маскировки разговоров, что было совсем неплохо.

Джайлс лег на койку и снова задумался над тем, как уговорить капитана. Их место назначения необходимо изменить на 20В-40 до того момента, как капитан потеряет физическую возможность это осуществить.

8

Шестой день, 23:57

Все, кроме Джайлса, спали. Хотя свет над головой сиял непрерывно, они все же установили некий распорядок, смену периодов сна и бодрствования. Примерно в полночь, по их понятиям, Джайлс диктовал в звуковой аппарат отчет о

событиях минувших суток:

— Шестой день. Ягод пока вполне достаточно, но число пятнистых растет. Листья отмирают и опадают. Моральный дух тоже стремительно падает. Конец шестого дня.

Он положил звуковой аппарат на пол у изголовья своей койки, чтобы Эстевен мог забрать его утром, и потянулся за повязкой, сделанной из рукава комбинезона. Кусок рукава оранжевого цвета, от запястья до плеча, был достаточно длинным, чтобы сделать повязку на глаза, завязывающуюся за головой двумя кончиками, и достаточно плотным, чтобы не пропускать свет, мешающий спать. На борту спасательной шлюпки не было возможности увидеть свое отражение, но он вполне мог представить себе это зрелище: одна обнаженная мускулистая рука и курчавая шестидневная щетина придавали ему дикий разбойничий вид. Как ни странно, из трудяг никто так не выглядел. Хотя бороды отросли и у Гроса, и у Эстевена — при этом у Гроса пробивалась седина, — они казались скорее неопрятными и немытыми, чем дикими. Растущее у Фрэнко и Хэма не заслуживало названия бороды: у Фрэнко на нижней части лица изредка попадались мягкие черные волоски, а у Хэма были слегка

взъерошенные светлые усы и небольшая щетина песочного цвета на скулах от подбородка до верхней части щек.

Все они, кроме Бисет, пожертвовали частью своей одежды на повязки для глаз. Сейчас он слышал доносящееся из-за перегородки сонное дыхание. Никто из них, к счастью, не храпел — ни тяжело, ни размеренно; лишь Хэм иногда переворачивался на спину и издавал какое-то глубокое горловое урчание.

Джайлс надел на глаза повязку и лег на койку. Он ждал сна, но тот не торопился приходить. В такие минуты он особенно остро ощущал тесноту и духоту на шлюпке и барьер из нерешенных проблем, отделяющий его от безопасного приземления на 20В-40, не говоря уже о выполнение своей миссии. Он беспокойно заворочался, устраиваясь поудобнее.

Допустим даже, что ягод вполне хватит и курс будет изменен — выдержат ли трудяги еще тридцать или сорок таких дней?

Что-то вторглось в его мысли. Что-то еле слышное, словно бы крик, оборвавшийся прежде, чем успел вырваться наружу. Джайлс прислушался… но ничего не услышал.

Он продолжил вслушиваться. Никаких посто-

ронних звуков, только тяжелое ночное дыхание; даже Хэм почти не хрипел.

Ничего… или все-таки?..

Он сел на койке и стянул с головы рукав. Яркий свет ламп ударил ему в глаза в полную силу. Когда зрение приспособилось, он различил то, что, как ему показалось, и привлекло его внимание — тихий глухой стук со стороны носа корабля.

Он поднялся на ноги и огляделся. Тихий стук доносился из-за перегородки, закрывающей пульт управления спасательной шлюпкой и капитанское кресло. Джайлс подошел к перегородке, обогнул ее — и увидел, что инопланетянин душит Эстевена. Лицо музыканта потемнело, руки беспомощно хватались за пальцы капитана, небрежно обхватившие его горло, а каблуки издавали почти неслышное постукивание, привлекшее внимание Джайлса, барабаня по обтянутому тканью полу.

Джайлс бросился на капитана.

— Отпустите его! — крикнул он на альбенаретском, стараясь оторвать ее пальцы от шеи Эстевена. Это походило на попытку разогнуть стальные прутья. — Отпустите этого человека! Вы его убиваете!

— Да, я от него избавляюсь, — холодно ответила

капитан, не ослабляя хватки. — Он святотатственно обращался с книгой навигации и по законам чести должен исчезнуть из нашего круга.

— Вы сами лишаете себя чести! — возразил Джайлс. — Он не ваш, чтобы распоряжаться его жизнью! Вы отбираете то, на что не имеете права! Это мой человек, лишь я могу решать, сохранить его или убить — не вы! Вы… вы совершаете бесчестную кражу!

Реакция последовала почти мгновенно. Капитан буквально выронила Эстевена, и тот свалился на пол. Длинные пальцы поднятых рук теперь были направлены на Джайлса, который изготовился отразить атаку инопланетянки.

Но руки опустились. Капитан отвернулась от Джайлса и опустилась в свое кресло, чтобы уставиться на экран переднего обзора.

— В таком случае заберите его. — Голос альбенаретки был холодным и безразличным. — Он осмелился прикасаться к страницам святая святых — Книги Навигации — и листать их. Делайте с ним все, что хотите. Но если я еще раз увижу его здесь, то буду считать, что кто не может уследить за своей собственностью, не имеет права владеть ею.

Джайлс рывком поставил Эстевена на ноги и,

не обращая внимания на его слабое сопротивление, стал толкать перед собой из капитанского закутка, затем через переднюю секцию шлюпки в среднюю часть.

Остальные трудяги, разбуженные выкриками на альбенаретском, уже столпились в передней секции. Теперь они отступали от Джайлса и Эстевена, словно волна, и когда в средней секции Джайлс наконец их догнал, то толкнул Эстевена в их объятия и поманил к себе Мару. Она медлила в нерешительности, и ему пришлось буквально притянуть ее к себе, чтобы его слов не услышала капитан:

— Присмотри за Эстевеном. Капитан душила его, но с ним вроде бы все в порядке.

— Что?.. — требовательно начала Бисет, но он осек ее свирепым взглядом.

— Я спас жизнь этому идиоту, так что потише! — прошипел он. — И не могу обещать, что спасу еще кого-то из вас, кто не будет меня слушаться. Не выпускайте Эстевена в носовую часть корабля, если вам дорога его жизнь.

Он отпустил Мару и отвернулся. Позади него Эстевен рухнул на пол, всхлипывая:

— Я не хотел ничего плохого. Я не мог уснуть, я подумал, что это просто книга, что ее можно

полистать, почитать…

Джайлс вернулся к себе в носовую часть, вместе с ним и Хэм.

— Хэм, — сказал он здоровяку, — не подпускай ко мне никого. Мне нужно кое-что обдумать.

Хэм кивнул и встал в проходе, а Джайлс лег на койку и стал думать о происшедшем. Теперь, в довершение ко всему, появилась загадка Эстевена. Он ни на секунду не поверил, что тот просто хотел взглянуть на навигационную книгу. Джайлс был готов поклясться, что у Эстевена не хватило бы мужества вот так запросто вторгнуться в личную зону капитана.

И к тому же что он мог узнать, полистав эту книгу? Вряд ли он поймет альбенаретскую математику, и в навигационном справочнике нет чистых полей, как в старинной книге Гроса, на которых Эстевен мог бы записывать сочиняемую музыку…

В средней секции шлюпки снова заиграла знакомая мелодия Боссера и Сингха. Загадки в голове Джайлса, казалось, всплывали и погружались, кружили в повторяющемся ритме музыки…

Внезапно он проснулся и понял, что задремал. Над его койкой навис Хэм.

— С вами хочет поговорить Мара, ваша свет-

лость.

— А? — Джайлс протирал глаза, чтобы скорее вернуть полноценное зрение. Вскоре он увидел Мару, стоящую на некотором расстоянии словно перед невидимым барьером. — Садись, — сказал он ей, указывая на край своей койки. — Побереги силы. Нам всем нужно беречь оставшиеся силы.

Она ненадолго замерла в нерешительности — на секунду, наверное, во всяком случае так ему показалось. Затем села.

— Вы, конечно, правы.

Джайлс усмехнулся. У нее была невероятная особенность — говорить фразами, которые воспринимались бы как дерзость, если бы не ее невинный тон. Не ей, трудяге, судить о верности того, что он говорит. Он тут же вспомнил про мысль, возникшую у него сразу, как он впервые с ней познакомился.

— Скажи, Мара, а ты, случайно, выросла не в семье магнатов?

— Я? — Она рассмеялась. — Вовсе нет. Мой отец умер, когда мне было три года. В нашей семье было восемь человек детей — из-за ошибки компьютера выдали разрешение на такое количество, а когда обнаружилось, что это ошибка, было уже слишком поздно. Поэтому, когда умер

отец, матери позволили все время проводить с детьми, и она даже получила разрешение на то, чтобы к нам переехала бабушка, чтобы помогать ей. Так что я росла примерно так, как если бы родилась сто пятьдесят лет назад, до Зеленой Революции.

Он посмотрел на нее с удивлением.

— А как же учеба?

— О, все обычные курсы я прошла. Но при такой большой семье, как наша, всякий раз, оказываясь дома, я попадала в среду, созданную нами самими. Так что у меня было типичное для средних веков семейное окружение.

— Ясно. — Он ощутил к ней жалость. Неудивительно, что такая девушка могла попасть под влияние «Черного четверга». На секунду у него возникло искушение предупредить ее, что Бисет опознала в ней революционерку, но привычка подчинять себя долгу заставила промолчать. — О чем ты хотела со мной поговорить?

Она оглянулась через проход на среднюю секцию шлюпки, но музыка звучала достаточно громко, так что ей не требовалось даже понижать голос, чтобы говорить с ним так, будто они наедине.

— Об Эстевене. Думаю, вам это будет интерес-

но. Я не дипломированная медсестра, но когда училась в средней школе, то целый год работала стажером в медицинской службе. Специального образования у меня нет, но я вижу, что с ним что-то не так. У него холодные руки — здесь, в парниковой атмосфере шлюпки, — а пульс учащенный и неровный.

Джайлс посмотрел на нее с уважением.

— Это хорошо, что ты заметила и рассказала мне об этом. Есть ли у тебя какие-то предположения, из-за чего такие симптомы?

Она покачала головой.

— Как я сказала, это была всего лишь практика в течение года, к тому же в те времена, когда я была подростком.

Джайлс кивнул.

— Ладно, в любом случае хорошо, что я теперь в курсе. Попробую поговорить с самим Эстевеном и выяснить, знает ли он сам, что с ним не так.

— Что бы с ним ни было, мы бессильны. На этой инопланетной спасательной шлюпке нет ни лекарств, ни медицинского оборудования. Я не представляю, что делать.

— Это не твоя забота. За все это отвечаю я.

— О да, — сказала она, махнув рукой, словно бы отмахиваясь от этого утверждения. — Вы — маг-

нат и считаете, что должны все взвалить на свои плечи. Но вы застряли здесь с кучей трудяг, а что вы знаете о трудягах?

— Что я?.. — удивленно начал он и осекся, уловив в ее словах отголоски давнего разговора с Полом Окэ, говорившего ему почти то же самое. Изумление заставило его забыть о том, что вовсе не следовало бы пытаться обсуждать с ней столь нелепое обвинение. — Не ты ли тот самый трудяга, что сказал мне, мол, все представители низших классов мечтают о шансе попасть в какой-нибудь колониальный мир?

Он помолчал и взглянул на соседнюю койку. Хэма там не было, и нигде поблизости его не видно. В любом случае Хэм не проводил много времени в огороженной средней секции, если его нет в передней, то скорее всего он отправился собирать ягоды или подыскивает, какую съесть самому. Тем не менее Джайлс понизил голос:

— На днях я долго разговаривал с Хэмом. Он в отчаянии от того, что его отправили невесть куда и разлучили с товарищами по работе, которых он знал. Он бы все отдал за то, чтобы вернуться на Землю. Возможно, я знаю о трудягах немного больше, чем тебе кажется.

— А, Хэм… Это аморально — добиваться гене-

тическими манипуляциями, чтобы несчастные беспомощные дети вроде него вырастали в таких вот рабочих.

— Тсс, — шикнул он, искренне беспокоясь за нее. — Придержи язык, кто-нибудь на борту может донести на тебя.

Мара заговорила тише, но с прежним презрением:

— Вы про шпика? Я ее не боюсь.

— Шпика?

— Агента полиции, Бисет.

Он внимательно посмотрел на нее, не веря своим ушам.

— Ты… тебе уже известно, что она из полиции?

— Конечно. Все на корабле знали про это. Всегда есть шпик. У полиции есть свой агент на каждом звездолете, везущем трудяг. Любой трудяга в курсе дела.

— Что еще ты о ней знаешь?

— Знаю, что она пишет доносы на каждого, кто ей не нравится, независимо от того, совершил ли он что-то. Если она решит, что я ей не нравлюсь, то все равно придумает чего-нибудь для доноса.

Джайлс мрачно посмотрел на нее.

— И тебя, похоже, это не очень беспокоит?

— Говорят, на колониальных мирах полиция

не очень-то прислушивается к шпикам вроде нее, когда те докладывают о плохом поведении, революционной болтовне и тому подобном. Потому что уже бывало много таких, прибывших с группами и создававших кучу проблем, прежде чем их отправляли обратно на Землю.

— Думаю, ее обвинение может оказаться куда серьезнее. — Джайлс послал к черту чувство долга. Таких, как Бисет, встречается десяток на дюжину, а Мара, с ее прямотой и смелостью, была бриллиантом среди кучи камней — прочих трудяг. — Она считает, что ты из «Черного четверга».

Мара взглянула на него.

— Ого…

Внезапно между ними вырос невидимый барьер. Они не были более людьми, сидящими вместе; они были противниками, смотрящими друг на друга через полоску спорной территории. Джайлс ощутил сильное желание уничтожить то, что их разделяло, — желание, сила которого удивила его самого. Но сейчас у него не было времени разбираться с эмоциональным аспектом ситуации.

— Она мне это прямо сказала. Но я не поверил.

— Это довольно мило с вашей стороны, ваша

светлость. Конечно, вы правы. Я не одна из них.

— Ни на мгновение так не подумал.

Но барьер между ними не исчез.

— Но все же спасибо, что рассказали, магнат. — Она встала.

— Не за что, — ответил он машинально. — Спасибо за информацию об Эстевене.

— Я хотела помочь вам.

Она повернулась и ушла. Джайлс не стал ее останавливать. Вид того, что она уходит, вызвал в нем странную душевную боль. Он не понимал, что же пошло не так.

Открыв глаза несколько часов спустя, когда в средней секции громко заиграла музыка, он увидел Бисет, стоявшую рядом с его койкой. Она тут же, без предисловий, едва он ее увидел, заговорила с ним на эсперанто.

— Прошу прощения, ваша светлость, — начала она, но в ее голосе не было ни намека на извинительные интонации. — Боюсь, мне необходимо поговорить с вами. Я уже предупреждала вас об этой девушке, Маре, и ее революционных связях. Должна напомнить вам, что ваш ранг не дает вам права игнорировать власть полиции. Вы слишком многое ей позволяете.

— Она приходила рассказать мне о… — Джайлс

замолчал. Он уже собрался было объяснить, что Мара сообщила о возможной болезни Эстевена, но сообразил, что снисходит до того, что отчитывается перед ней. Холодная ярость затопила его. — Проваливай! — прорычал он.

Движимый гневом, он даже поднялся на ноги, но к тому моменту, когда он полностью распрямился, Бисет уже ушла. Он ощущал собственный пульс, особенно биение в артерии под подбородком.

Он прошел в огражденную панелями секцию в средней части шлюпки и мимоходом увидел в углу Бисет, смотревшую на него широко раскрытыми глазами. Мары здесь не было. Он задержался у звукового аппарата ровно настолько, чтобы одним движением пальцев перевести его на полную громкость, а затем вышел в сторону задней секции. Там снова обосновались Ди и Фрэнко, а Мара сейчас выискивала на лозе ягоды с пятнами и относила их в конвертор.

— Оставьте нас, — бросил он Фрэнко и Ди. Те посмотрели на него с изумлением и поспешили покинуть заднюю секцию. Он остался наедине с Марой, озадаченно уставившейся на него, когда он подошел ближе.

— Бисет, — сказал он; стоя с ней лицом к лицу,

в нескольких дюймах друг от друга, он почти не перекрывал музыку, говоря спокойным тоном; их уединенность была почти идеальной, — только что пришла ко мне и нагло потребовала, чтобы я не разговаривал с тобой.

Мара открыла рот.

— Может, — начала Мара тем же официальным тоном, которым закончила предыдущий разговор, но затем ее лицо и голос изменились на более участливые, — может, и в самом деле не стоит?..

— И это она *мне*? — сказал он. — Я — Джайлс Эшед *Стальной*. Не обращай на нее внимания. Я собирался сказать тебе кое-что другое. Я хочу сказать, что если Бисет попытается создать тебе неприятности — не важно, каким способом, — обращайся ко мне. Подозреваю, что она даже может попытаться обвинить тебя в том, что это ты подложила бомбу, взорвавшую космический лайнер.

Мара уставилась на него.

— Значит, и в самом деле была бомба? Но почему вы, или она, или еще кто-то так уверены в этом?

— Она не может быть уверена, — коротко ответил Джайлс. — Я — уверен. Потому что это я ее подложил. — Он стиснул зубы при этом вос-

поминании. — Причинять серьезный вред не планировалось, и уж точно не задумывалось уничтожение звездолета. Предполагалось только немного повредить его на определенном участке полета, чтобы ему пришлось завернуть для ремонта на ближайшую планету — шахтерский мир под названием 20В-40.

На секунду она потеряла дар речи.

— Все эти люди… — сказала она. Но не окончила фразу и подалась вперед, чтобы положить руку на его плечо. — Но ведь вы не хотели причинить вреда? Что-то пошло не так?

У него заныли мышцы челюсти. Он вдруг осознал, что стиснул зубы. Приложив усилие, он разжал их.

— Не знаю, — сказал он. — Полагаю, что чертов кретин… я был кретином, да и все мы… мы недооценили, насколько прогнил от времени этот альбенаретский звездолет. Переборка, которая должна была сдержать взрыв в грузовом отсеке, полностью рассыпалась, и начался пожар — ты его видела.

Она еще сильнее сжала его плечо и пристально посмотрела ему в лицо.

— Зачем вы мне это рассказываете?

Несколько мгновений он мрачно смотрел на

нее.

— Возможно, — медленно сказал он, — возможно потому что доверяю тебе. Не знаю почему — не могу объяснить. Но я вдруг ощутил, что… Мне внезапно захотелось об этом кому-нибудь рассказать, и только ты годилась для этого.

Он обнаружил, что она смотрит на него так, как еще никто никогда не смотрел. Это вызывало беспокойство, и к тому же, как ни странно, чувство робости. Он не подозревал, что женщина может смотреть таким взглядом. Ему вдруг захотелось сказать ей кое-что, но годы тренировок и дисциплины не дали произнести эти слова.

Он неловко похлопал ее по руке, державшей его локоть, и отвернулся. Мара разжала пальцы, отпуская его. Джайлс прошел через среднюю секцию, задержавшись на секунду, чтобы убавить громкость музыки. При этом все трудяги молча смотрели на него, в том числе Бисет.

Не обращая на них внимания, он прошел к себе в носовую часть и лег на койку. Натянув повязку из рукава, погрузился в уединение искусственной темноты.

9

Десятый день, 11:22

Ди плакала. Сидела на своей койке и плакала. Первые дни после того, как она пробралась на корму к капитану и умирающему инженеру, ей удавалось успокоиться лишь при участии другой женщины. Потом ей вроде бы стало лучше, и присутствия Фрэнко хватало, чтобы успокоить ее, когда она просыпалась от ночного кошмара. Но в последние дни ничто не помогало, и она часто плакала, будучи неспособной объяснить, из-за чего.

— Ну а что я могу сделать? — говорил Фрэнко. Он стоял вместе с Джайлсом и Марой в огражденном пространстве задней части шлюпки. Только что Ди оттолкнула его, когда он попытался присесть рядом с ней.

— Не знаю, — задумчиво сказал Джайлс, глядя на девушку. — Очевидно, ей нужна медицинская помощь. Очевидно, что никто из нас не способен ее оказать. Не вини себя, Фрэнко…

— Но ведь это была моя идея — подать заявку на отправку в колониальный мир! — с отчаянием воскликнул Фрэнко. — Моя! Шансы были один из тысячи, и мы были счастливы, когда попали в

число избранных! А теперь…

— Я же сказал — не вини себя. У депрессии Ди могут быть самые разные причины. Возможно, это еда или что-то в атмосфере шлюпки. А может, это в ней уже давно и проявилось бы, даже если бы вы остались на Земле. Но мы ее не бросим и сделаем для нее все, что можем. Зови меня, если понадобится какая-то помощь.

— И меня зови, — сказала юноше Мара, — в любое время.

— Спасибо, — устало ответил Фрэнко тоном человека, потерявшего всякую надежду.

— Держись! — ободряюще сказал ему Джайлс. Это было единственное, что он мог бы сказать в такой ситуации магнату; но Фрэнко от этого съежился, и Джайлс вспомнил, что говорит с трудягой. — Если сможем поддержать ее до посадки, то далее уже все будет в порядке.

— Да, ваша светлость, — ответил Фрэнко, сделав над собой усилие, чтобы вложить побольше бодрости в свои слова и немного оживления в унылое лицо.

— Вот и хорошо. А сейчас почему бы тебе не оставить ее? Ты же видишь, что она предпочла бы побыть одной, а тебе не помешало бы отдохнуть. Иди в носовую часть, можешь полежать на

моей койке.

Фрэнко посмотрел на него с благодарностью.

— Спасибо, ваша светлость. Но вы уверены… вы полагаете, что я ничем не смогу ей помочь, даже если она будет вести себя так, будто я ей нужен?

— Уверен. За ней присмотрят, пока тебя не будет.

Фрэнко кивнул.

— Да, — сказал он. — Спасибо. Спасибо всем… Пожалуй, я и в самом деле пойду прилягу ненадолго в носовой части.

Он вышел. Джайлс повернулся к Маре.

— Ты что-нибудь ела? Выглядишь так, будто худеешь.

Она одарила его подобием улыбки.

— Все мы худеем. Не представляю, как мы продержимся оставшиеся восемьдесят дней до Белбена, если лоза будет продолжать увядать, а мы худеть.

— Да-а… — Джайлс вдруг почувствовал боль в челюстях, что означало, что он снова слишком сильно их стиснул. Это уже начало входить у него в привычку.

— В чем дело? — Мара посмотрела на него.

— Есть еще кое-что… — Он взглянул на Ди, но та их не слушала, затерянная во мраке своих

страданий и в море слез, а музыка из звукового аппарата в средней секции не позволяла никому их подслушать. — Помнишь, я говорил, что бомба нужна была для того, чтобы изменить курс на ведущий к 20В-40.

— Помню.

— Был критический период, в течение которого такое изменение места назначения практически осуществимо. Этот период начался в день взрыва. С тех пор я считаю дни. У нас осталось меньше шести дней. После этого менять курс станет уже слишком поздно. Проще будет продолжить лететь на Белбен.

Ее глаза стали большими. Или, быть может, худоба ее лица создавала такой эффект.

— А как близко находится эта 20В-40?

— Прямо сейчас? Мы будем там примерно через тридцать дней.

— Но тридцать дней мы вполне продержимся! Я не понимаю…

— Капитан отказывается изменить курс. Не смогу тебе это объяснить. Я и сам толком не понимаю. В общем, поверь мне, это как-то связано с их понятиями о чести…

— Но что ему в этом не нравится? Конечно же, это почетно…

— Не «ему». Это как раз то, что я с самого начала скрывал от трудяг, чтобы они не пугались. — Он прервался на короткий смешок. — Знаешь, я почему-то перестал воспринимать тебя как трудягу. На борту этой шлюпки мы все постепенно скатываемся к примитивному общему ярлыку «человеческая тварь». Нет, капитан — женщина. И к тому же она беременна. Отец ребенка — инженер, он стал им незадолго до своей смерти. Именно это их… спаривание наблюдала Ди, случайно оказавшаяся здесь, в то время, которое она не может вспомнить.

Мара глубоко вздохнула.

— Вот оно как…

— Ее беременность и альбенаретские понятия о чести каким-то образом связаны, так что она должна довести шлюпку к месту назначения, даже если все мы — и она в том числе — умрем прежде, чем достигнем его.

— Но если она умрет, то как же ребенок?

— Он не умрет. Каким-то образом он выживет за счет ее тела. — Этот момент Джайлса не особо интересовал. Почему-то, как и в случае с бомбой, он почувствовал себя значительно лучше от того, что смог рассказать кому-то о капитане, ее беременности и 20В-40. — Во всяком случае, все это

приводит к тому, что мне нужно найти способ убедить капитана изменить курс на ведущий к 20В-40 в течение ближайших шести корабельных дней.

Мара покачала головой.

— Я все еще не понимаю, — сказала она. — Почему бы нам не взять все в свои руки и не изменить курс самим? Я знаю, что эти инопланетяне очень сильные, но она одна, а нас все-таки восемь…

Он улыбнулся ей немного печально.

— У тебя есть представление о том, что значит изменить курс?

— Нет, — сказала она, — говоря откровенно, ни малейшего представления. Но ведь это делается с помощью панели управления на носу корабля, не так ли? Вы же изучали альбенаретцев и их корабли, чтобы рассчитать, когда нужно взорвать бомбу? Неужели вы не знаете, как управлять их кораблями?

— Проблема не в управлении. Проблема в том, чтобы рассчитать новый курс, который приведет нас на 20В-40, и вычислить поправки к текущему курсу, которые положат шлюпку на новый маршрут.

— У нас есть Грос и его компьютер. Грос поможет вам с любыми расчетами, какие потребуются…

Он отрицательно покачал головой, и она замолчала.

— Но почему бы и нет?

— Извини, но ты действительно не представляешь, как осуществляется межзвездная навигация. Разобраться с тем, как пользоваться панелью управления, не сложно, и математические расчеты можно выполнить на компьютере Гроса. Но навигация здесь, в межзвездном пространстве, сама по себе довольно сложная наука. Для такой задачи требуется освоивший эту науку, и желательно с опытом навигации.

— А как же вы? Вы — наследственный магнат, многие из вас умеют водить яхты, на которых летают между Землей и другими планетами. Неужели вы раньше не делали ничего подобного?

— Сотни раз, — ответил он. — Но на межпланетных яхтах, таких, как моя, в управляющие программы заложено огромное количество информации, которую здесь придется рассчитывать с нуля. Первая проблема в межзвездном пространстве — выяснить, где вы находитесь… и уже от этого проложить маршрут. Нет, уж если менять курс, то это должна сделать капитан, и сделать это, пока она еще в форме, чтобы справиться с задачей. Сейчас она постепенно становится все

менее подвижной, все более замкнутой и безразличной. Из ее слов я понял, что это из-за того, что «новая жизнь» внутри нее высасывает питательные вещества, в которых она сама нуждается.

Мара упрямо скривила рот.

— Должна же быть какая-то возможность.

— Нет. Это должна сделать капитан… Почему бы тебе самой не отдохнуть? А я бы пока поразмыслил над этой проблемой

— Я могу присмотреть за Ди. Вы сможете подумать без помех.

Он снова покачал головой.

— Наблюдение за ней не мешает мне думать.

Мара медленно поднялась на ноги.

— Позовите меня, если потребуется помощь.

— Конечно.

Он наблюдал, как она вышла из огороженного пространства в кормовой части шлюпки, дошла до средней секции и скрылась из виду. От накопившейся усталости его так и подмывало лечь и вытянуть ноги, хотя бы на несколько минут, но он знал, что лучше этому не поддаваться. Если он ляжет, то не сможет сопротивляться желанию спать, которое в последние дни регулярно вцеплялось в него.

Ему нужно держать свой ум в тонусе и сосре-

доточиться на проблеме. В любой не слишком безумной ситуации можно найти выход. Отказ капитана от изменения курса вызывает у него затруднения лишь потому, что связан с незнакомыми ему психологическими и социальными особенностями чужаков. Если найти способ дать альбенаретской женщине то, что ей требуется, не жертвуя при этом человеческими жизнями и не нарушая его собственный долг…

Он вздрогнул и проснулся, осознав чье-то присутствие у левого локтя. Он повернулся, чтобы посмотреть. Это был Эстевен.

— Сэр, сэр… — прохрипел он.

В безжалостном ярком свете ламп над головой его покрывшееся испариной лицо казалось серым.

— В чем дело?

— Я… — Слова, казалось, требовали от него больше усилий, чем он мог приложить. — Мне нужна ваша помощь, сэр. Вы… вы поможете мне, ваша светлость?

— Конечно, если смогу. Лучше сядь, пока не свалился.

— Нет… нет, спасибо, ваша светлость… — Эстевен покачнулся. — Мне нужна… Это всего лишь просьба, маленькая просьба. Но это необходимо.

Прошу вас, магнат, пойти мне навстречу. Вы же знаете, я… а капитан…

— Ну так что ты хочешь сказать? Сосредоточься. Говори яснее.

— Это то, что мне просто нужно… У вас есть… ваша светлость… клочок бумаги… может, в вашем бумажнике…

— Бумаги? Нет, у меня нет ни блокнота, ни ручки… — Джайлс замолчал, пристально глядя на собеседника. — Ты что, снова собираешься писать музыку? Но зачем?..

— Нет, сэр! Нет, ваша светлость! — Отрицание сорвалось криком с бледных губ Эстевена. — Не могу объяснить. Но мне нужен клочок бумаги. Просто прикоснуться. Просто посмотреть. Прошу вас, пожалуйста…

В голосе Эстевена ощущалась неподдельная боль. Джайлс автоматически принялся рыться в карманах своего комбинезона. В них нашлось много всяких мелочей, но ничего похожего на бумагу не оказалось. Конечно, у него был ордер, но ценность его безмерна. И Эстевену не следовало о нем знать. Бумага стала почти коллекционной редкостью, во всяком случае на Земле. Лишь в колониях она еще производилась в заметном количестве. С чего вдруг Эстевен ожидает, что

Джайлс прямо здесь, на этой инопланетной спасательной шлюпке, не имея с собой никаких вещей, только ту одежду, что на нем, достанет раритетную…

Тут его осенило. Он вытащил из правого кармана брюк удостоверение личности в обложке. Под обложку была заткнута сложенная сувенирная банкнота, выпущенная в одной маленькой африканской стране около шести лет назад, еще до того, как последняя из независимых валют была уничтожена в пользу единой международной расчетной системы. Эстевен тут же схватил ее, но Джайлс выхватил банкноту из его трясущихся пальцев.

— Минутку, — резко сказал он. — Ты сказал, что хочешь только посмотреть на бумагу, потрогать ее…

— Почувствовать, подержать… Если бы я мог хоть ненадолго оставить ее у себя…

В уголках рта Эстевена проступила слюна. Нижняя челюсть совершала странные жевательные движения. Джайлс уставился на это, на выпученные глаза и странную серую бледность его лица — и вдруг осознал истину.

— Тонк! — Джайлс рефлекторно выдернул банкноту из рук Эстевена, и вопль разочарования

подтвердил его догадку. — Жеватель тонка! Я слышал об этом наркотике — это псевдогаллюциноген, не так ли? Ты съедаешь его, и тебе все кажется нереальным. Так вот что с тобой!

— Ваша светлость! — Эстевен пытался дотянуться до банкноты, которую Джайлс убрал за спину. Его подбородок весь был в слюне. — Прошу вас! Вы не представляете, каково это! Любая малейшая неправильность в звучании причиняет боль. Даже двигаться больно…

Джайлс оттолкнул его. Это было все равно что толкнуть ребенка, настолько беспомощным казался Эстевен. Он налетел на койку, сел на нее, сполз с койки на пол и скорчился, тяжело дыша.

— Образумься, — холодно сказал Джайлс, хотя внутренне был взволнован и испытывал отвращение при виде мужчины в таком состоянии. — Даже если я отдам тебе эту банкноту, ее хватит на две-три дозы, а планеты, где ты сможешь достать еще бумаги, мы достигнем лишь через месяцы. Тонк ведь необходимо употреблять с бумагой, не так ли? Нужно, чтобы этот наркотик впитало что-то на основе целлюлозы, иначе можно отравиться. Как ты вообще смог решиться принимать такую гадость?

— Что об этом может знать такой магнат, как

ты! — едва не закричал на него Эстевен с пола. — Я умею играть на тридцати двух инструментах, но кому теперь это нужно? Вот и приходится участвовать в развлекательных программах. Я придумываю и создаю идиотские записи идиотской музыки для идиотов-трудяг, и в этом вся моя жизнь. Другой у меня не будет — ни на Земле, но в колониях. О, прошу вас, дайте мне половину этого кусочка бумаги… хотя бы обрывок его, чтобы принять оставшуюся у меня горсточку тонка.

— Нет. — Джайлс встал и сунул банкноту обратно в карман. — Я не могу помочь тебе калечить себя. Я ничем не стану тебе помогать. Тебе придется столкнуться с жизнью без наркотика, когда он закончится, так что привыкай уже сейчас!

Он вышел через проход между панелями и направился в носовую часть шлюпки, подальше от жалобных стенаний Эстевена. Все его внутренности словно бы сжала огромная рука. Все то, чему он учился в подростковом возрасте, все, во что он привык верить, теряло всякий смысл при виде Эстевена, корчившегося на полу и умоляющего дать ему клочок бумаги. Джайлса мучило удушье, и его едва не стошнило. Сам он не способен был так ныть и пресмыкаться — чего бы ни сделали с ним наркотики, люди или инопланетяне. Все,

что угодно, предпочтительнее такого состояния.

В носовой части он принялся расхаживать туда-сюда. Проблемы все множились. Теперь, когда он знает, что происходит с Эстевеном, нужно придумать, как помочь этому человеку. Очевидно, Эстевену придется обходиться без наркотика — и если повезет, при этом он избавится от зависимости. Но ему, несомненно, потребуется внимание и забота в период ломки.

Джайлс нахмурился, стараясь вспомнить все, что ему было известно об этом наркотике — одном из запрещенных токсических веществ, производимых и распространяемых среди трудяг. Если он ничего не путает, это чисто синтетический наркотик, изначально разработанный как вспомогательное средство при лечении психических заболеваний, и лишь спустя какое-то время обнаружились его опасные свойства и быстрое привыкание к нему.

Это было вещество со сложной молекулярной структурой с длинной цепочкой, непосредственно воздействующее на нервную систему, вызывая отравление и смерть, если не замедлить его усвоение. Поскольку оно обладало сродством к углеводам, любой из них замедлял его действие, если принимать одновременно с небольшим

количеством препарата в виде серого порошка. Самым удобным и эффективным углеводным дополнением к принятой дозе оказалась обычная целлюлоза в виде бумаги. Тонк, тщательно пережеванный вместе с бумагой, впитывался ею, цепляясь к молекулам углеводов, а затем извлекался в организме человека очень медленно, в течение нескольких часов или даже нескольких дней. Это означало, что даже небольшая доза наркотика давала долгий эффект. А также приводила к тому, что побочное воздействие наркотика тоже становилось длительным — и потому умственная и физическая деградация наступали довольно быстро.

Ягоды лозы жизнеобеспечения богаты белками, но бедны клетчаткой. Содержащиеся в них углеводы легко и быстро усваиваются, и от них мало проку для замедления воздействие тонка, поглощенного вместе с ними. Вот почему Эстевен пытался добраться до навигационной книги — ее страницы сделаны из растительного волокна…

Вой оторвал его от этих мыслей. Он резко поднял голову и посмотрел в просветы между панелями.

Эстевен шел к носу спасательной шлюпки, разинув рот, из которого длинной нитью сви-

сала слюна, и повторял снова и снова тот звук, который только что услышал Джайлс, прерываясь лишь для того, чтобы сделать жевательные движения и сглотнуть, и выл снова. При этом он слепо шарил протянутыми вперед руками. Он явно не видел и не замечал Джайлса.

Он принял наркотик в чистом виде, без бумаги, понял Джайлс. И тут же бросился мимо среднего сектора спасательной шлюпки навстречу Эстевену.

— Я помогу тебе! — крикнул он наркоману. — Держись! Мы сделаем что-нибудь.

Пристальный взгляд Эстевена пронзал его насквозь. Джайлс схватил его за плечи и поволок обратно. Какое-то время Эстевен сопротивлялся с непостижимой силой. Затем, шатаясь, отступил за перегородку кормовой секции и оказался возле пресса для ягод. Его вытянутая левая рука ухватилась за рукоятку пресса, он дернул ее изо всех сил, и изъеденная ржавчиной рукоятка отломилась. В руке Эстевена оказался длинный кусок железа, похожий на зазубренную дубинку.

Он снова двинулся вперед, издавая вой и размахивая дубинкой. Джайлс кинулся к нему, стараясь уклониться от удара, но это удалось лишь отчасти. Дубинка скользнула сбоку по его голове.

Стараясь по-прежнему удержаться на ногах, он пошатнулся среди ревущего красного мрака на самом краю бессознательного состояния.

Лишь смутно он осознал, что Эстевен проходит мимо.

— Книга… — прохрипел Джайлс остальным людям. — Навигационная книга… Он идет за ней… Остановите его!

В голове у него прояснилось. Но он увидел, что никто из трудяг в средней секции не предпринимает никаких попыток остановить Эстевена. Вместо этого они уступали дорогу, стараясь держаться от него как можно дальше. Джайлс, собрав остатки сил, пошатываясь, побрел за обезумевшим.

В носовой секции в проходе поднялся Хэм. Эстевен снова взмахнул дубинкой, и Хэм крякнул от удара, пришедшегося ему по правому предплечью и отбросившего в сторону. За Хэмом, заслоняя книгу в инкрустированном обрамлении, появилась высокая, худощавая, темная фигура капитана.

— Эстевен, нет! — крикнул Джайлс, бросаясь вперед. Но не успел догнать человека до того, как он добрался до чужака, преградившего ему путь. В третий раз Эстевен ударил дубинкой.

Увернуться было некуда. Человек не смог бы избежать удара. Но капитан покачнулась, резко и грациозно наклоняясь в сторону, и дубинка просвистела мимо, промахнувшись на несколько дюймов. Ее правая рука тут же метнулась вперед, не хватая, а нанося удар, и три ее длинных пальца сложились вместе, образуя жесткий стержень, который вонзился в грудь Эстевена.

Сила этого удара отбросила человека, сбив с ног. Он выронил дубинку и секунду лежал, явно стараясь обрести дыхание. Затем издал еще один сдавленный вопль и вскочил на ноги. Очевидно, он получил какие-то повреждения, по крайней мере дышал тяжело, возможно, были сломаны ребра; но благодаря действию наркотика все еще двигался. Пошатываясь и словно бы ничего не видя, он снова устремился к навигационной книге.

Капитан уже стояла наготове. Но прежде чем Эстевен успел добраться до чужака, преграждающего ему путь, Джайлс догнал его, обхватил сзади и повалил на пол.

— Нет! — крикнул Джайлс капитану на бейсике, а затем перешел на альбенаретский: — Я запрещаю вам! Он не сознает, что делает!

— На этот раз я прикончу его, — сказала капитан. Она повернулась к Джайлсу, и теперь ее

мощные пальцы были нацелены на него. — Я же предупреждала вас!

Эстевен начал подниматься с пола, но теперь над ним навис Хэм. Он занес левую руку, и тяжелый кулак был готов булыжником обрушиться на затылок Эстевена.

— Не убивай его! — крикнул Джайлс.

Но здоровяк уже начал наносить удар. Однако ему как-то удалось слегка отклонить его от цели. Кулак опустился Эстевену почти на макушку, а не в уязвимую верхнюю часть позвоночника.

Джайлс повернулся к капитану как раз в тот момент, когда та собиралась оттолкнуть его в сторону.

— Нет! Постойте. Подумайте. Вы сильнее любого из нас, но справитесь ли со всеми нами одновременно? И если не боитесь за себя, то как насчет новой жизни, которую вы несете в себе? Не боитесь того, что мы все вместе можем сделать с ним?

Капитан нечеловечески замерла среди движения, застыв так неподвижно, счто стала похожа на скульптуру.

— Теперь я знаю, что у него за болезнь, — сказал Джайлс. — Раньше не знал. Теперь я могу гарантировать, что он никогда не появится в

носовой части шлюпки и не будет прикасаться к вашей книге.

Капитан по-прежнему стояла без движения. Волна адреналина, удерживавшая Джайлса на ногах после того, как его ударили металлической ручкой, начала ослабевать. Он почувствовал, как сознание покидает его.

— Поверьте мне! — с упорством заявил он. — Либо одно, либо другое. Я не позволю вам убивать моих людей!

Какое-то мгновение жизнь Эстевена, а может, и всех остальных, висела на волоске. Джайлс постарался распрямиться и решительно смотрел в темные непроницаемые глаза капитана. Про себя же молил бога, чтобы альбенаретка не поняла, насколько сильно он травмирован. Хэм сейчас может действовать лишь одной рукой, а остальные, если атаку не возглавит он сам или Хэм, будут кроликами против волка.

— Ладно, — сказала капитан, отступая назад. — Я отдаю вам жизнь этого человека в последний раз. Больше шансов не будет. — Она развернулась и скрылась за своей перегородкой.

Джайлс обернулся, теряя сознание, и обнаружил, что его удерживают с полдюжины рук, в том числе руки Мары и Бисет.

10

Пятнадцатый день, 16:19

— Вам лучше? — спросила Мара.

— Вроде да, — сказал Джайлс и тут же мысленно упрекнул себя за столь уклончивый ответ. — Да что я говорю? Мне значительно лучше. Чувствую себя прекрасно.

— Не прекрасно, — возразила Мара, пристально глядя на него. — Уверена, что это не так. Но во всяком случае вы выживете.

— Выживу? Конечно, выживу. А почему бы и нет? — удивился он.

— Потому что у вас, вероятно, было сотрясение мозга. Когда сталкиваются металл и кость, крепче обычно оказывается металл.

— Ну это не самое важное. — Он притронулся рукой к своей забинтованной голове, довольный, несмотря ни на что, что его здоровье кого-то заботит. — Должен признаться, что события последних дней несколько туманны… Как долго я?.. — он пытался подыскать подходящее слово.

— Как долго вы в таком состоянии? Пять дней.

— Пять дней? Не может такого быть.

— Пять, — печально подтвердила Мара.

Он почувствовал, что устал от разговора, и с

минуту лежал неподвижно, пока она что-то делала в ногах койки, на которой он лежал.

— Это не моя койка! — внезапно сказал Джайлс, пытаясь сесть. Мара толкнула его обратно. Он успел понять: это огражденное пространство в задней части шлюпки.

— Отдыхайте, — сказала она. — Лежите неподвижно. Мы принесли вас сюда, чтобы капитан не увидела вас беспомощным.

— Хорошо, — сказал он, вглядываясь в свечение над головой. — Вы поступили мудро.

— Благоразумно.

— Ладно, пусть будет благоразумно. — Он начал припоминать: — Как Хэм?

— С ним все в порядке.

— Рука не сломана? Мне за него было страшно.

— Нет. Только ушиб. Кости у него как у лошади.

Джайлс вздохнул с облегчением.

— Эстевен?..

— Сломано два ребра. Пришлось связать его на два дня, пока у него была ломка из-за отсутствия наркотика. — Мара подошла к изголовью его койки и протянула маленький пластиковый пакетик с несколькими столовыми ложками серого порошка. — Вот весь его оставшийся запас. Мы

подумали, вы предпочтете, чтобы это хранилось у вас.

Он взял пакетик, сам удивившись тому, каких усилий это от него потребовало, и спрятал остатки наркотика в нагрудный карман своего комбинезона.

— Так вам пришлось связать его? И как он сейчас?

— Ведет себя спокойно. Даже слишком. Приходится за ним постоянно следить. Несколько раз он пытался покончить с собой. Бисет говорит, что наркоманы часто впадают в подобную депрессию во время ломки, когда боли уже прекратились. Она не раз наблюдала подобное, когда полиция арестовывала наркоманов, и тем приходилось вынужденно бросать свою отраву. Депрессия может длиться неделями. Она также сказала, что нам всем будет лучше, если он действительно покончит с собой.

— Бедняга парень, — сказал Джайлс.

— Он не парень и вовсе не бедняга, — сказала Мара. — Он очень несчастный, может быть, психически больной взрослый человек, который пристрастился к наркотикам и чуть не убил нас всех.

Он озадаченно уставился на нее.

— Может, я неправильно выразился, но я не понимаю…

— Да, — сказала она. — В том-то и беда. Вы не понимаете!

Мара повернулась и ушла. Ему захотелось подняться и пойти за ней, чтобы заставить объясниться. Но при первой же попытке сесть закружилась голова. Он откинулся на спину, ненавидя свое бессилие, однако поделать ничего не мог.

Потом он заснул. Когда же проснулся, для остальных, похоже, наступил период сна. Звуковой аппарат воспроизводил что-то совсем тихо, но голосов слышно не было. Джайлс чувствовал себя гораздо лучше, и в голове прояснилось.

Он огляделся. Кроме него, в кормовой секции спасательной шлюпки никого не было. Все выглядело таким же, как прежде. Даже сломанная ручка пресса приварена на место. Интересно, с помощью чего? Ди и Фрэнко отсутствовали — должно быть, перебрались в другую секцию. Мысль о том, что они, наверное, перебрались туда из уважения к нему, была трогательно приятной. Любопытно. Прежде, до этой миссии, ему казалось само собой разумеющимся, что любой трудяга всегда готов убраться с того места, кото-

рое ему понадобилось.

Пол Окэ был прав — он вообще не понимал трудяг. По крайней мере, не понимал их так хорошо, как сейчас, прожив лишь с несколькими из них в этом тесном помещении пятнадцать дней. Но при этом Мара закончила разговор тем, что он, мол, их не понимает, и, без сомнения, — он криво усмехнулся самому себе, — это тоже правда.

Но понимает он или нет — к делу это сейчас не относится. Наверное, он вел себя глупо, рискуя своей миссией и жизнью, пытаясь спасти Эстевена от капитана. Но зато теперь знает о себе достаточно, чтобы понимать, что в некоторых случаях обречен на подобную глупость. Странно…

Маре не понравилось, что он называл Эстевена *парнем*. Он произнес это слово не задумываясь, как любой магнат в подобной ситуации. Но, конечно, Мара права: Эстевен — не *парень*, хотя магнаты привыкли считать трудяг простыми, подобными детям личностями, ограниченными в силу своего происхождения и воспитания.

Занятно, но сейчас ему показалось, что все в точности наоборот. Трудяги на борту шлюпки были кем угодно, но только не примитивными, не вполне взрослыми людьми. На самом деле,

возможно, за исключением Ди и Хэма — а если подумать, то и не исключая их, — они были не просто взрослыми, но матерыми взрослыми, изуродованными и искалеченными той жизнью, которую вели, до такой степени, что некоторые черты характера стали неразличимы.

Сам же он, напротив… скорее, именно он не вполне взрослый. Личный же набор черт характера и реакций Джайлса был заранее готовым набором доспехов, надетым им в столь юном возрасте, что он еще не имел никаких суждений, чтобы его оценить. С тех пор он бездумно продолжал носить его. И только после этой миссии, отлета с Земли, горящего космического лайнера, спасательной шлюпки с горсткой выживших после гибели звездолета трудяг, он начал ко многому относиться по-другому и меняться под своей броней. То, что он пережил, и те перемены, которые в нем произошли, — все это обескураживало, и он перестал понимать, что правильно, а что неправильно в том, что прежде всегда воспринимал как само собой разумеющееся.

Теперь он ощущал себя потерявшимся и слабым. В нем была какая-то странная неудовлетворенность, разобраться в которой не удавалось. Будто ему чего-то не хватало… чего-то необходи-

мого. На какое-то короткое время он успокоил себя тем, что, наверное, это просто физическое недомогание, естественное последствие контузии от удара по голове. Но нет, не очень похоже…

Он решил не думать сейчас об этом. Были вопросы и поважнее. Если он находился без сознания целых пять дней, то теперь оставались лишь часы до того момента, когда спасательная шлюпка покинет тот участок своего пути, на котором, если отказаться от курса на Белбен, то можно гораздо быстрее долететь до 20В-40. Настал тот момент, когда капитан должна без промедления внести такие изменения, и сейчас Джайлс впервые считал, что нашел способ убедить ее это сделать.

Сейчас самое подходящее время поговорить с капитаном — пока все остальные спят.

С некоторой осторожностью, почти ожидая, что любое резкое движение вызовет головокружение, какое было ранее при попытке сесть, Джайлс сначала уселся на краю кровати, а затем медленно поднялся на ноги. Но с головой все было в порядке. Он ощущал лишь какую-то хрупкость, словно выше плеч был сделан из стекла и мог от сильной встряски разлететься на осколки, но в остальном чувствовал себя совершенно обычно.

Медленно и осторожно Джайлс прошел между панелями и двинулся к носовой части корабля. По пути он внимательно осматривал лозу жизнеобеспечения. Мертвых листьев теперь стало много, и лишь изредка попадались ягоды без пятен, при том, что созревало гораздо меньше ягод, чем раньше. Добравшись до передней секции, где стояла его собственная койка, он увидел резервуар, в который собирали сок из ягод лозы. Теперь он оказался приварен в другом месте — прямо посреди перегородки, закрывающей капитана и пульт управления, на обращенной к людям стороне. Только сама альбенаретка могла это сделать. Джайлс даже не подозревал, что на борту есть инструменты, с помощью которых можно снять этот бак и приварить в новом положении.

Он обошел перегородку, закрывавшую капитанскую часть шлюпки. Инопланетянка сидела в той же позе, что и в прошлый раз, в дальнем от него командирском кресле. Ее глаза были закрыты, и она не пошевелилась даже когда он подошел к другому командирскому креслу и уперся в него коленями, отчего кресло задребезжало.

— Капитан, — обратился Джайлс по-альбенаретски.

Ответа не последовало. Вытянутая темная фи-

гура не шевельнулась.

— Райумунг, мне нужно с вами поговорить. Настало время принять решение.

По-прежнему никакой реакции.

— Если вы не хотите обсуждать со мной этот вопрос, я буду действовать без обсуждения.

Круглые темные глаза медленно открылись. Голова медленно повернулась в его сторону.

— Вы ни в коем случае не станете действовать, магнат. — Жужжащая речь чужака была такой же невыразительной, как и прежде, но теперь звучала так, будто капитан говорила с ним издалека. — Я еще не настолько беспомощна, чтобы не контролировать все, что происходит на этой спасательной шлюпке.

— Пока что, — ответил Джайлс. — Но с каждым днем вы отдаете часть сил новой жизни внутри себя. Я считаю, что вы слабеете быстрее, чем мы, ослабевающие только из-за недостатка еды и питья.

— Нет, я сильнее вас и останусь такой.

— Готов допустить это, если вы настаиваете, — согласился Джайлс. — Но важно не это. Важно лишь то, что очень скоро окажется слишком поздно менять курс на ведущий к 20В-40.

Темные глаза долго неподвижно смотрели на

него.

— Откуда вам это известно?

— Мне это известно, — ответил Джайлс. — Вот все, что имеет значение. Возможно даже, что я сам смогу изменить наш курс на 20В-40…

— Нет, — заявила капитан. Джайлсу впервые показалось, что в ее голосе он уловил следы эмоций. — Вы мне лжете. Глупо лжете. Вы беспомощны здесь, в космосе, как и любой из вашей расы.

— Не любой из нашей расы, — возразил Джайлс. — Некоторые из нас знают, как прокладывать курс между звездами. Но вы меня перебили. Я собирался сказать, что независимо от того, могу ли я изменить курс на ведущий к 20В-40, я крайне уважаю решения, принятые непосредственно лицом, отвечающим за космическое судно.

— В таком случае уважайте и решение держать курс на Белбен.

— Не могу. Подобно тому, как вы несете ответственность за новую жизнь в вашем теле, я несу ответственность за семь других человеческих жизней на борту этой шлюпки.

— Жизнь рабов ничего не стоит.

— Они не рабы.

— А на мой взгляд, они рабы и не имеют ценности.

— А на мой взгляд, они полноценные люди. И должны выжить. И чтобы они выжили, я готов дать капитану то, что ей нужно.

— Вы? — Взгляд чужака не отрывался от лица Джайлса. — Вы не способны вернуть мою честь.

— Способен. Я могу установить, кто уничтожил ваш звездолет. И могу передать это лицо в ваши руки.

— Вы… — капитан привстала с кресла. — Вы знаете, кто это сделал?!

— Только прикоснитесь ко мне, — спешно сказал Джайлс, поскольку ее тонкие длинные руки почти касались его горла. — Только прикоснитесь ко мне, и я клятвенно пообещаю, что вы никогда этого не узнаете.

Капитан упала обратно в кресло.

— Скажите мне, кто это, — попросила она. — Ради чести всех тех, кто трудился вместе со мной на моем корабле, ради чести того, кого я ношу в себе… скажите мне, магнат!

— Я скажу вам, — заявил Джайлс. — И передам человека, которого назову, в ваши руки, и только в ваши руки, чтобы вы могли поступить с ним на ваше усмотрение, как только все люди на этой

шлюпке благополучно окажутся на 20В-40.

— Вы склоняете меня изменить курс, отказаться от места назначения, соответствующего требованиям чести и долга! — заявила капитан. — Вы будете скрывать это имя до тех пор, пока я не изменю курс, потеряв последнюю надежду обеспечить изначальной честью еще не рожденного последнего представителя моего рода, а потом, когда мы приземлимся и вы окажетесь среди себе подобных, они станут защищать вас, несмотря ни на что. Вы обманете меня, человек!

Последние слова прозвучали на повышенных тонах, почти как крик.

— Я назову этого человека и передам его в ваши руки, чтобы вы могли поступить с ним как пожелаете, — уверенно сказал Джайлс. — Это мое обязательство, мое слово, мой контракт. Ваша раса уже несколько веков ведет дела с магнатами, капитан Райумунг. Был ли случай, когда наследственный магнат обманул вас?

— Такого не было, — сказала капитан, уставившись в экран перед собой, словно надеясь найти там поддержку и гарантии. — Насколько мне известно, обязательства таких, как вы, всегда исполнялись.

Она замолчала. Джайлс ждал. В маленьком

закутке за перегородкой, закрывающей пульт управления и командирские кресла, повисла тишина, если не считать звуков его собственного дыхания. Наконец капитан пошевелилась.

— Мне придется поверить вам, — произнесла она таким же словно доносящимся издалека голосом, каким начала отвечать Джайлсу. — Если я этого не сделаю, а вы были честны, то усилю бесчестие, павшее на меня и моих близких, упустив возможность вернуть утраченную честь.

Джайлс осторожно выдохнул. Он и сам не заметил, что почти не дышит, ожидая решения капитана.

Она снова повернула голову и посмотрела на него.

— Я проведу первую коррекцию курса прямо сейчас, вторую несколько позже. Угол отклонения слишком большой, чтобы можно было сделать это одним импульсом двигателей. После того как я сделаю первую коррекцию, нам придется оставаться на том же курсе двенадцать часов, прежде чем можно будет сделать вторую, окончательную.

11

Шестнадцатый день, 17:09

— Не могу заверить вас, что у нас все хорошо, потому что на самом деле ситуация крайне тяжелая. Нам предстоит провести на шлюпке еще как минимум двадцать семь дней, а ягод лозы жизнеобеспечения все меньше и меньше, и причины этого капитану понятны не более, чем нам. Похоже, что-то отравляет лозу. Я не уверен, но, кажется, капитан считает, что ядовито для лозы именно присутствие нас, людей. Важно здесь то, что еды становится все меньше и меньше.

Далее, мы, скорее всего, способны протянуть на минимуме еды двадцать семь дней, но эти же самые ягоды для нас единственный источник воды. Держите эту мысль в голове и старайтесь привыкнуть расходовать как можно меньше жидкости.

Для разъяснения ситуации на их корабле Джайлс собрал всех трудяг, включая Эстевена, который уже поправился, в средней части спасательной шлюпки. К этому моменту он уже рассказал им правду о половой принадлежности капитана и о том, что произошло между ним и капитаном, когда он требовал, чтобы шлюпка

повернула к системе 20В-40. Они слушали молча, за исключением волны перешептываний после того как он сообщил, что, возможно, они приземлятся намного раньше, чем предполагалось. Но в целом реагировали спокойнее, чем он ожидал.

Он пришел к выводу, что они, по сути, пока не осознали опасности той ситуации, в которой оказались. А в таком случае они и сейчас, скорее всего, не понимают. Эта мысль терзала Джайлса, пока он смотрел на них.

— Вы ведь все поняли, что я говорил? — резко спросил он, оглядывая присутствующих. — Понимаете, что нам предстоит? Настоящее испытание силы воли и решимости выжить. Вам необходимо будет сохранять бодрость духа и стараться поменьше напрягаться. Вы же понимаете это и всю тяжесть ситуации, даже несмотря на то, что мы изменили курс?

Последовала пауза, а затем тихий шепот согласия с их стороны, прерванный слабым, но необычным звуком, донесшимся с носовой части шлюпки, из сектора капитана. Звук был такой, будто альбенаретка прочищает горло — словно бы капитан слушала из своего закутка, а теперь вежливо подает знак кашлем, что все слышала и сама хочет что-то сказать.

Джайлс посмотрел в сторону носа корабля. Это же сделали и все остальные, но звук не повторился.

— Что это было? — спросила Мара.

— Не знаю. Как раз сейчас капитан должна была сделать второе изменение курса, чтобы направить нас к 20В-40. Возможно, что-то случилось…

Он встал.

— Оставайтесь здесь, — сказал он трудягам и пошел в носовой сектор.

Он обошел край капитанской перегородки. Альбенаретская навигационная книга была повернута на подставке так, что ее страницы были обращены к ближайшему командирскому креслу. В этом кресле сидела капитан, положив руки на подлокотники, выпрямив спину и закрыв глаза.

— Капитан Райумунг? — спросил Джайлс на альбенаретском. — Вы хотели сказать что-то важное? Какая-то проблема?

Ответа от инопланетянки не последовало. Ни движения, ни какой-либо другой реакции.

— В чем дело, капитан? Что случилось? — продолжал спрашивать Джайлс.

По-прежнему никакого ответа. Рот капитана был слегка приоткрыт, дыхание ровное, а тело

совершенно неподвижно. Джайлс протянул руку и осторожно приподнял одно из темных век. Под ним зрачок глаза закатился и скрылся из виду.

— Что случилось?

Услышав голос Мары у своего локтя, он обернулся. Вопреки его приказу, все трудяги последовали за ним и теперь стояли полукругом, глядя на капитана.

— Она без сознания. Не знаю почему. Осмотри ее, Мара. Попробуй найти хоть какую-нибудь причину.

Мара подошла ближе и стала нащупывать пульс на длинном запястье капитана. Вскоре она оставила эти попытки и подняла веко, как это делал Джайлс. Затем стала проводить руками по телу капитана, ощупывая его в разных местах, и наконец ее пальцы замерли на затылке альбенаретки, в том месте, где заканчивалась кость округлого черепа.

— Я нашла пульс, — сказала она. — У кого-нибудь есть секундомер? Нет? Грос, дай мне отсчет с помощью какой-нибудь программы твоего компьютера.

— Сейчас, — ответил тот. Пробежался по клавишам и начал считать, глядя на дисплей: — Один, два, три…

Он досчитал до тридцати, прежде чем Мара убрала руку от головы капитана.

— Хорошо, достаточно. Магнат, — она повернулась к Джайлсу, — она жива. Но я с трудом могу в это поверить. Пульс всего шестнадцать ударов в минуту. Вы не знаете, их пульс должен быть намного медленнее нашего?

Джайлс покачал головой.

— Понятия не имею. Но сомневаюсь, что нормальный пульс так редок. Они живут не дольше нас, столь же теплокровны и активны. Если сердцебиение настолько редкое по сравнению с нормальным — у человека это около семидесяти, то… — Он порылся в памяти, но не мог найти подходящего сравнения. — Похоже, капитан находится в коме… или в состоянии спячки, или еще что-то в этом роде.

Именно Бисет высказала тот вопрос, который был у всех на уме:

— Интересно, успела ли она провести второе изменение курса до того, как отключилась? Как вы думаете, ваша светлость?

— Очень на это надеюсь.

Он оглядел панель управления, но увиденное не дало ему никакой информации, имеющей отношение к вопросу Бисет.

— Я изучу приборы пульта управления, — сказал Джайлс, — и попробую что-нибудь выяснить. У нас нет повода предполагать худшее, пока мы не знаем наверняка. Капитан сама была крайне заинтересована… — Он прервался. Разумеется, он не рассказал трудягам о своем обещании сдать того, кто несет ответственность за бомбу, как только спасательная шлюпка совершит посадку на шахтерский мир. — У нее были свои веские причины стремиться туда попасть. Эта кома, или что бы там ни было, может быть естественным состоянием альбенаретки в определенный период вынашивания потомства. Наверняка капитан знала, что скоро впадет в такое состояние, и позаботилась провести вторую коррекцию курса до того, как потеряла сознание.

— А если это случилось с ней внезапно? — спросила Мара.

— Уверен, она успела, — ответил Джайлс с фальшивой улыбкой на лице. — Найдите для нее койку и уложите. Давайте же! — рявкнул он, раздраженный их нерешительностью. — Вы не умрете, если прикоснетесь к ней!

После этого понукания Хэм, Грос, Мара и Бисет подняли обмякшее тело инопланетянки и унесли. Джайлс продолжил изучение пульта

управления.

Мало что понимая в этих приборах и инструментах управления, он методично рассматривал все, что можно было рассмотреть, одно за другим. Все это было инопланетным, но при этом не оказалось ничего совершенно незнакомого. Многие приборы напоминали те, что использовались для управления его собственной и другими космическими яхтами; еще были приборы, назначение которых в целом он понимал, исходя из своих ограниченных знаний межзвездной навигации. Назначение некоторых — вроде обзорного экрана — было и вовсе очевидным. Но независимо от того, насколько знакомым был прибор, он внимательно изучал его, как будто раньше никогда не видел ничего подобного.

Результаты этого изучения оказались нулевыми.

Отсутствовали не только признаки того, что что-то пошло не так — не было и никаких явных свидетельств того, что капитан сделала вторую коррекцию курса, прежде чем впасть в нынешнее бессознательное состояние.

Он уже собирался закончить и временно сдаться, пока будет пытаться разобраться с этой проблемой чисто умозрительно и исходя из логи-

ческих допущений, когда его внимание привлек навигационный справочник.

Если бы он понимал информацию, содержащуюся в нем, то, вероятно, мог бы получить те ответы, которые ему нужны. Конечно, он не мог ее понять — не только из-за инопланетной математики, но и потому что она была частью незнакомой ему системы космической навигации.

Но все равно он взглянул на страницы книги. На каждой странице были две колонки коротких строк из символов, выглядевших словно какие-то закорючки — совершенно бессмысленные с виду каракули, какими арабский язык кажется неискушенному европейцу.

Затем Джайлс заметил, что в раскрытом развороте книги между страницами располагается рваный край отсутствующего листа. Он наклонил голову, чтобы рассмотреть получше. Никаких сомнений — из книги вырвана целая страница. С чего бы это капитану…

Эстевен!

— Эстевен! — взревел он. — Или сюда!

Спустя недолгое время появился Эстевен, которого подталкивали — возможно, «пинали» было бы более подходящим словом, подумал Джайлс

— остальные трудяги. Джайлс дождался, когда тот подошел поближе, затем повернулся и указал на книгу.

— Эстевен… — начал он.

Эстевен разрыдался и упал на колени. Затем обхватил ноги Джайлса и прижался к ним. Он явно пытался объясниться, но переполнявшие эмоции делали его речь совершенно бессвязной.

Джайлс посмотрел поверх головы Эстевена на остальных.

— Я звал только Эстевена. Разве я просил прийти всех?

Они смущенно попятились и исчезли за краем перегородки. Джайлс продолжал смотреть им вслед, пока они не скрылись из виду, потом нагнулся и поднял Эстевена на ноги.

— А теперь скажи мне, — прошептал он, — когда ты вырвал страницу из этой книги? Пока я был без сознания?

— Нет… нет… — всхлипнул Эстевен. — Это было раньше… гораздо раньше. Еще до того, как эта ханжа… как капитан поймала меня в первый раз. Поверьте мне… — Эстевен отчаянно вцепился в руку Джайлса. — Я не лгу. Я не стал бы лгать вам. Вы трижды спасали мне жизнь. Сначала не позволив капитану убить меня два раза, а затем

когда помогли отвыкнуть от тонка. Я с таким никогда прежде не встречался — что кому-то есть дело до того, жив я или мертв. Но вам было не все равно — хотя вы даже не знали меня, просто я оказался на этой спасательной шлюпке вместе с вами. Я сделаю для вас все, что угодно. Поверьте — я взял только одну страницу, давным-давно. Всего одну страницу…

— Ладно, — сказал Джайлс, смущенный неприкрытым проявлением эмоций этого человека, но тем не менее тронутый этим. — Я тебе верю. А теперь возвращайся к остальным и не рассказывай им, о чем мы тут говорили. Не говори, что вырвал страницу. Понимаешь?

— Спасибо… спасибо, ваша светлость! — Эстевен попятился, повернулся и исчез за перегородкой.

Джайлс вернулся к книге. В его душу прокрался холод. Он пролистал страницы, предшествующие и следующие за той, что была вырвана, пытаясь найти какой-нибудь аналог нумерации страниц. Ничего похожего на них не оказалось, но, несмотря на это, его подозрения все усиливались, и когда они стали совсем близки к уверенности, к которой сам он готов еще не был, за его спиной вдруг раздался голос Мары:

— Так вот почему капитан потеряла сознание, — спокойным тоном произнесла Мара, словно эта информация была не вопросом жизни и смерти, а всего лишь поводом для непринужденной беседы. — Она открыла страницу, необходимую для второй коррекции, и обнаружила, что Эстевен ее съел.

Он резко обернулся.

— Не думай, что если… — начал он, но Мара перебила его. Она обладала удивительной для такой молодой девушки особенностью — способностью всегда смотреть ему прямо в глаза.

— Мы не дураки и не простофили, магнат. Не стоит считать нас полными идиотами.

Он пристально посмотрел на нее.

— Ладно, вероятно, ты совершенно права. Эстевен украл и съел страницу из навигационной книги задолго до того, как капитан его схватила. И вполне возможно, что страница, которую он уничтожил, оказалась именно той страницей, которая была нужна капитану для второй коррекции курса.

— А это значит, что второй коррекции курса не было, и мы вовсе не направляемся к 20B-40, но при этом не направляемся и к Белбену. Мы летим в никуда.

— Да. Похоже, что дело обстоит именно так. — Он внимательно посмотрел на нее. — Ты очень неплохо перенесла эту новость. Прямо скажу, Мара, ты меня удивляешь. Большинство тягот этого путешествия ты переносишь лучше всех мужчин-трудяг на борту. В этом отношении к тебе приближается только Бисет, и она тоже женщина.

— Женщины всегда были сильнее мужчин, магнат. Вы разве не знаете этого?

— Да, конечно, но ты… — он осекся, но она продолжила его мысль:

— Но мы — трудяги? Это не делает нас слабее, скорее даже наоборот. Когда мужчины угнетенной группы терпят поражение, это делает женщин сильнее, а не слабее. Их делает сильнее необходимость.

Он медленно кивнул.

— Когда-нибудь, когда все это кончится, возможно, мы с тобой подискутируем на эту тему. Но здесь и сейчас не стоит тратить силы на споры.

— А для чего их беречь?

— Для… — Он улыбнулся так же мрачно, как порой она улыбалась ему. — Мара, ты, возможно, сдалась. Я — нет.

Она вдруг сделалась более дружелюбной.

— Хорошо. Я не сомневалась, что вы не сдадитесь. Значит, вы действительно собираетесь взяться за пилотирование и провести второе изменение курса, чтобы мы попали на 20В-40?

— Взяться за пилотирование этим кораблем? — От того, что она так запросто это допустила, у него перехватило дыхание. — Я ведь постарался объяснить, почему это невозможно.

— Но что еще остается делать? — удивилась она. — Если вы еще на что-то надеетесь, то, значит, считаете, что мы способны добраться до 20В-40. А если мы собираемся туда попасть, кто еще способен это сделать?

Он рассмеялся. Однако собственный смех показался ему ироничным, и это удивило его самого. Но удивило ли Мару, понять было невозможно. Он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на пульт управления.

— Ну хорошо. Оставьте меня на какое-то время. Мне нужно побыть здесь одному, чтобы попытаться во всем этом разобраться, и если совершить чудо возможно, то уж я постараюсь!

12

Двадцатый день, 20:45

— Вот что, Грос, — сказал Джайлс, — садись и

слушай меня внимательно. Если что-нибудь не поймешь — тут же спрашивай. Обрывай меня и спрашивай сразу же. Сейчас совсем не такая ситуация, к которой…

Он сдержал себя, что часто делал в последнее время. Он собирался сказать Гросу, что сейчас совсем не так, как часто бывает на Земле, когда можно притвориться понимающим при отсутствии понимания, и это ничем не грозит. Но появившаяся в нем с недавних пор щепетильность не позволила высказаться так.

— Сейчас совсем не такая ситуация, — повторил Джайлс, — когда мы можем позволить себе не вполне правильно понимать друг друга. Понимаешь?

Грос кивнул. Выражение его лица оставалось самым обычным, но Джайлс почувствовал волнение, исходящее от маленького тела в командирском кресле рядом с ним.

— Хорошо. Я в общих чертах представлю, что требуется делать. Сначала нам нужно определить свое местонахождение — в каком месте на линии курса находится наша движущаяся точка. Затем нужно установить положение желаемого места назначения — опять же как положение движущейся точки на линии его курса, — и исходя из

этого определить, на какой угол и в какую сторону нужно изменить наш нынешний курс, чтобы в итоге попасть к этому месту назначения.

К его удивлению, Грос кивнул:

— Это не сложно.

— Наверное, так кажется, потому что я для объяснения все упрощаю. Дело в том, что все совсем не так просто. Так оно было для капитана. Она проводила наблюдения с помощью этих приборов или использовала числа из своей книги, чтобы определить итоговый пункт назначения, а затем использовала книгу каким-то другим способом, о котором я ничего не знаю, чтобы вывести из этой информации курс и поправочные коэффициенты. Я могу провести наблюдения с помощью этих приборов — и это все, что я могу сделать. Еще я могу ввести курс и поправочные коэффициенты в управление двигателем. Но не хватает того, что капитан брала из книги. Как мне получить числа для коррекции из тех позиционных сведений, которые я получу в результате наблюдения?

— В чем смысл этих поправок?

— Двигатель этой шлюпки такого же типа, как и на альбенаретском звездолете, искривляющий пространство. Ты этого не ощущаешь, но при-

мерно каждые одиннадцать минут двигатель сворачивает пространство, прокалывает его, и через миллисекунду мы выходим в нормальное пространство в другом месте. При свернутом пространстве за одну миллисекунду мы покрываем огромное расстояние, но так нельзя двигаться дольше, чем несколько миллисекунд, потому что точность направления движения при этом порядка восьмидесяти процентов. Понимаешь? Вероятность, что мы движемся точно в нужную сторону, восемьдесят процентов. При введении правильных поправочных коэффициентов компьютер спасательной шлюпки корректирует наш курс таким образом, что он снова ведет к месту назначения. Если наблюдать за нашими перемещениями снаружи, это выглядит так, будто мы движемся шатаясь, хаотично сбиваясь с курса. Если мы не сможем определить правильный поправочный коэффициент, то нам потребуется останавливаться и заново определять наше местоположение после каждого искривления пространства — что сейчас происходит несколько сотен раз в день, — пока не окажемся возле той звездной системы, в которую хотим попасть, и нам понадобится тысяча лет, чтобы куда-то добраться, — тысяча лет, которых у нас нет.

Грос покивал головой с уверенностью и оптимизмом.

— Вычисления — это моя стихия, и я смогу рассчитать любую нужную константу на своем компьютере, если у меня будут остальные данные этой задачи. С чего начнем?

— Начнем с того, — мрачно сказал Джайлс, — что я попытаюсь применить межпланетную навигацию к межзвездному пространству. В принципе, нам нужно решить чисто геометрическую задачу, только точки движущиеся, а не неподвижные…

Он продолжил свое объяснение. В этой ситуации любопытным было то, что для решения задачи им требовалось обучить друг друга. Как установил Джайлс, Грос рассуждал скорее формулами, чем пространственными соотношениями. Условия задачи Джайлсу предстояло переработать в математические, доступные пониманию трудяги.

— Вот смотри, — сказал он, — представь себе, что ты вырезал треугольник из картона или чего-то в этом роде и держишь его за два конца большим и указательным пальцами. — Для наглядности он поднял большой и средний пальцы. Грос кивнул, нахмурившись. — Тогда та точка…

тот угол, — продолжал Джайлс, — к которому ты не прикасаешься, может свободно вращаться по кругу. Понимаешь? — Грос кивнул. — Хорошо. Теперь представь, что два угла, на которых твои пальцы, это и есть уже известные координаты. Тогда твое местоположение — угол, которого ты не касаешься, — где-то на этой окружности; и чтобы точно определить его координаты, ты берешь третью известную точку и измеряешь угол между ней и любой из первых двух.

— Ага! — воскликнул Грос, и лицо его просветлело от радости понимания. Пальцы забегали по клавишам компьютера, а сам он стал похож на музыканта, играющего на своем инструменте.

— Эти три первые точки, — продолжал Джайлс, — должны быть уникальными по визуальным особенностям, располагаться вне Галактики и на удобном для наблюдений расстоянии от галактической плоскости — помнишь, я объяснял тебе, что такое галактическая плоскость?

— Да.

— Тремя такими подходящими точками могут быть S Золотой Рыбы, ядро галактики Туманность Андромеды и ядро галактики Водоворот — она же туманность M51 в созвездии Гончих Псов.

— Я не… — начал Грос.

— Конечно, тебе эти названия ничего не говорят. Но не беспокойся. Главное, что они находятся за пределами Галактики, вне галактической плоскости, и их можно опознать из любой точки нашей галактики. Я хочу, чтобы ты просто понял, как мы используем их для определения наших координат.

— Я понял, — решительно подтвердил Грос. — Конечно. Это просто трехмерная геометрия, как вы и сказали.

— Хорошо. Тогда двигаемся дальше. Теперь, используя те опорные точки, которые я только что назвал, мы способны определить в целом наше местоположение в Галактике, настолько приблизительное, что область будет охватывать и Солнечную систему, и Землю, и Белбен, и 20В-40. На практике после получения нашего глобального местоположения по этим точкам за пределами галактики мы должны свериться со звездными лоциями, выбрать известные три яркие звезды в нашей окрестности и повторить эту процедуру, чтобы получить более точное местоположение. Но в нашем случае нет нужды это делать. Я заранее изучил звездные окрестности нашего первоначального маршрута к Белбену и

имею представление, примерно в каком месте мы находимся.

Грос кивнул. Ему, очевидно, не пришло в голову спросить, зачем Джайлсу понадобилось изучать звездные лоции и прочие необходимые для космической навигации материалы.

— Я также знаю общее расположение 20B-40 в его области пространства и по отношению к более крупным звездам по соседству с ним, — продолжал Джайлс. — Итак, единственное, что нам нужно выяснить, — это наше собственное положение прямо сейчас, как можно точнее, и угол между нашим направлением полета и направлением на 20B-40. Отклонившись от первоначального маршрута до Белбена, мы корректировали курс только один раз, и держу пари, что это включало в себя один угловой сдвиг. Следовательно, наш курс сейчас отличается не более чем на один угловой поворот от первоначальной линии движения, и мы сейчас все еще в той звездной области, где я могу распознать наиболее яркие звезды и некоторые другие источники света на вот этом экране. — Он ткнул пальцем. — И я действительно их распознал. Поэтому вычисление нашего нынешнего положения должно быть относительно простым. Я достаточно разобрался,

как пользоваться приборами на пульте управления этой спасательной шлюпки, чтобы замерить углы для тех трех звезд, о которых говорил раньше; и это даст нам наше местоположение, исходя из чего мы сможем вычислить угловую разницу между нашим нынешнем направлением движения и направлением на 20В-40. Тогда мы узнаем, какой нужно сделать угловой сдвиг.

— А как насчет того, о чем вы говорили раньше? — спросил Грос. — То, что вы рассказали сейчас, очень просто. Я мог бы рассчитать что-то подобное, даже во сне. Но что делать с теми поправками, о которых вы упомянули? Вы же сказали, что при искривлении пространства мы будем перемещаться с точностью всего лишь восемьдесят процентов даже после того, как переведем спасательную шлюпку на верный курс?

— Вот именно, — сказал Джайлс. Затем откинулся на спинку кресла и тяжело вздохнул. — Это реальная проблема. Поправочный коэффициент отражает тенденцию судна дрейфовать при искривлении пространства. Этот дрейф зависит от размеров судна и направления движения. Капитан брала его из своей книги. Нам нужно каким-то образом его рассчитать — конкретно для этого судна, нашей спасательной шлюпки, и

конкретно для нашего курса — направления от того места, где мы находимся, к нашему пункту назначения 20B-40.

— И как мы это сделаем?

Джайлс снова вздохнул.

— Единственный способ, который я могу придумать, такой, — сказал он. — Нужно рассчитать наш курс, затем определить наше новое положение после перемещения, чтобы увидеть, насколько мы сбились при перемещении. Будем продолжать это делать, перемещение за перемещением, пока не накопим достаточно данных об ошибке за перемещение, чтобы прикинуть значение поправочного коэффициента. Другими словами, то, что спасательная шлюпка делает автоматически примерно каждые десять минут, нам придется снова и снова делать вручную, пока не получим достаточно данных, чтобы оценить поправочный коэффициент.

Грос пожал плечами.

— Что ж, ваша светлость, я считаю, что можно приступить к расчетам.

И они начали. Теоретически, уверял себя Джайлс, им предстоит просто повторять необходимые наблюдения и вычисления до тех пор, пока не накопится достаточно данных. Рано или

поздно это произойдет. Затем наступала менее определенная часть — угадывание поправочного коэффициента, и тут был повод для беспокойства. Но до того момента все, как он предполагал, должно пройти вполне гладко.

Но гладко не получалось. Прежде всего потому что лоза жизнеобеспечения давала все меньше и меньше ягод, и это оказывало влияние на всех на борту.

Крошечная порция еды на человека, производимая лозой, казалась вполне достаточной; настоящего аппетита ни у кого не было. Но количество сока, получаемого из мякоти, теперь стало заметно меньше, чем всем им хотелось бы, даже тем, кто сначала считал его тошнотворно сладким и не утоляющим жажду. Жажда теперь правила всем. В любое время бодрствовали хотя бы трое или четверо из них, ревниво присматривая за собранными ягодами и контейнером с соком. Кожа у людей стала натянутой и блестящей, во рту всегда было сухо.

Друг на друга все смотрели с подозрением.

Вдобавок ко всему этому капитан все еще лежала на койке, куда ее положили, дыша так слабо, что было трудно понять, дышит ли она вообще, ни живая, ни мертвая, но способная автоматиче-

ски проглотить дневную порцию сока, которую Джайлс приказал давать инопланетянке наравне со всеми остальными. Ропот людей по поводу такой расточительности в конце концов вынудил Джайлса отложить расчеты, чтобы собрать их всех вместе.

— Но зачем? — стонала Ди. — Она даже не человек. И это из-за нее мы в такой тяжелой ситуации! Притом она, скорее всего, уже мертва…

— Она жива! — рявкнул Джайлс. Из-за жажды он с трудом сдерживался. — Если мы в этой ситуации откажем в помощи альбенаретцу, это даст им повод отказать в помощи людям, если когда-нибудь случится другая ситуация, подобная этой, но именно у альбенаретцев окажется шанс сохранить сок и все, что им нужно, для себя. Мы обязаны обращаться с этой инопланетянкой именно так, как хотим, чтобы обращались в подобном случае с нами при противоположной ситуации.

— К черту такую обязанность! — пробормотал мужской голос. Джайлс быстро оглянулся и встретился взглядом с угрюмыми лицами Фрэнко, Гроса и Эстевена. Только во взгляде Хэма не было и намека на бунт.

— Не будем посылать к черту обязанности, пока

я здесь, — медленно произнес Джайлс, посмотрев на каждого из них по очереди. — Ясно?

Все промолчали. Они еще не были готовы к открытому неповиновению, но с тех пор он взял за правило прерывать работу и присутствовать в тот момент, когда кто-то из них поднимал голову инопланетянки и подносил к ее бесчувственным губам наполненную наполовину чашку драгоценного сока. Дважды он ловил их на том, что манипуляции проводились с пустой чашкой. После этого он сам стал приносить капитану сок и поить ее.

Между тем и в расчетах, которыми занимались он и Грос, не все шло гладко. Испытывая от постоянной жажды мучительный дискомфорт, Джайлс винил лишь себя за то, что был недостаточно внимательным, когда получились первые явно неправильные результаты. Ведь компьютер Гроса, как-никак, для жажды неуязвим. Призвав в помощь другого человека, он тщательно пересчитал результаты, нашел сбой в расчете, который не заметил из-за утомления, и в итоге получил цифры, заслуживающие доверия.

Но когда то же самое повторилось несколько раз, Джайлс наорал на Гроса, однако тот настаивал на невиновности:

— Ошибся? Как я могу ошибиться? Я никогда не ошибался. Никогда! Это ваши цифры неверны… ваша светлость!

При этом «ваша светлость» прозвучало как запоздалая добавка. Грос продолжал еще с минуту объяснять в обиженном тоне, что ни он, ни его компьютер никогда не ошибаются.

— Ладно, ладно, верю тебе, — наконец сказал Джайлс. — Давай спокойно пересчитаем.

Но хотя они повторили этот расчет дважды, полученный результат все равно был равно неправильным.

— Мы не могли переместиться так далеко за одно искривление пространства, — пробормотал Джайлс. — При таком раскладе величина случайного фактора превысит величину самого перемещения… Грос, дай-ка мне посмотреть твое устройство.

Грос неохотно протянул ему компьютер. Джайлс осмотрел его, но не нашел ничего необычного. Тот представлял собой просто запаянную коробочку с рядами клавиш с цифрами или символами на них. Даже если бы ему удалось открыть ее, он не смог бы определить, все ли в порядке с ее содержимым, и Грос разбирался в этом не больше.

— Ладно, — сказал Джайлс, возвращая компьютер. — Проделаем все еще раз сначала с самого начала, медленно, дважды проверяя каждый шаг.

Они начали перепроверку. Джайлс обнаружил, что невольно следит за каждым действием Гроса с какой-то параноидной одержимостью. Многие из тех действий, которые Грос совершал с клавишами, выглядели для Джайлса совершенно бессмысленными, но когда дело касалось того, что другой человек вводил в компьютер числа, которые Джайлс ему диктовал…

– *Грос!* — вдруг взревел Джайлс, и пальцы компьютерного специалиста замерли на клавишах, словно их парализовало. — Грос! — Теперь голос Джайлса звучал тише, но крайне сердито. — Грос, я сказал тебе «девять», а ты нажал «пять».

Грос перевел взгляд с компьютера на лицо Джайлса и открыл было рот, чтобы возразить. Но не произнес ни звука. По выражению его лица Джайлс понял, что на его собственном лице, должно быть, написана жажда убийства. Слова тихо и злобно сами собой вырывались из его рта:

— Значит, ты и твой компьютер никогда не ошибаетесь? Ты никогда не ошибаешься…

Голос его становился громче, и он ничего не

мог с этим поделать. В его горле пульсом билось безумие, порожденное жаждой и отчаянием. Он уже начал подниматься с кресла, но нарастающую волну его ярости внезапно прервал хриплый крик Хэма:

— Это неправильно! Отпусти ее и отойди. Ваша светлость, подойдите сюда! Скорее!

Джайлс вскочил с кресла и пронесся мимо Гроса, сидевшего в другом командирском кресле. Широкими шагами он быстро оказался у прохода между панелями и увидел, что все остальные столпились возле койки, на которой лежало длинное темное тело капитана. Хэм одной мощной рукой держал за плечо Бисет, другая была сжата в кулак, которым он предупреждающе грозил остальным.

— Ваша светлость! — Его лицо просветлело от радости, когда он увидел Джайлса. — Я знаю, что вы этого не позволите. Я сказал им, что вы против, но она все равно подошла к ней…

Он указал кулаком на Бисет. Женщина-полицейский встретила взгляд Джайлса с решительностью и без страха.

— Это, — она кивнула на тело капитана, — угроза всем нашим жизням. Я хотела избавить ее от страданий.

Рот и нос капитана были частично накрыты рукавом, оторванным от стандартного рабочего комбинезона.

— Я не знаю, испытывает ли она какие-то страдания. И ты об этом судить не можешь, — жестко сказал Джайлс. — В любом случае не вам — никому из вас — решать, как с ней поступить.

Он обвел взглядом остальных. Никто из них не отвел глаз. Даже лицо Мары осталось спокойным и решительным.

— И ты тоже? — спросил он Мару.

— Я тоже, — уверенно ответила она. — Сама бы я такого не сделала, но не смогу встать на пути людей, пытающихся выжить. Это не Земля, магнат. Мы на спасательной шлюпке, затерянной где-то в космосе, с людьми на борту, оказавшимися здесь не по своей воле, у которых есть право жить.

Ее спокойный взгляд обвинял его в бомбе, установленной на борту звездолета, — бомбе, из-за которой все они и стали потерпевшими кораблекрушение среди звезд. На секунду он хмуро задумался, что бы они сказали, узнав, что он дал слово капитану — слово, которое он безусловно сдержит, выживет капитан или нет, — отдать себя в качестве оплаты за то, чтобы всех их доставили на 20В-40. Но, конечно, как бы ни

отреагировали Мара и остальные, это не имеет значения. Он не стал бы рассказывать им о том, что сделал, ради склонения их к сотрудничеству, как и не стал бы нарушать данное капитану слово. Он был заперт и одинок в той броне, вместе с которой вырос.

— Правильно это или нет, — сказал он, — но никто, ни человек, ни инопланетянин, не будет убит на борту этого корабля, пока я могу этому помешать. Хэм, отнеси капитана на мою койку в носовой части корабля и с этого момента присматривай за ней. Если тебе понадобиться оставить ее, позови меня. Что касается всех остальных: если я обнаружу, что она ранена или мертва, тот, кто это сделал, лишится своего собственного рациона сока. Если мне не удастся установить, кто это сделал, я обещаю вам как магнат, что буду ежедневно брать сок, который она получила бы, и выливать его на пол спасательной шлюпки!

Он сделал паузу, ожидая их реакции, но все молчали.

— Хорошо. С другой стороны, я понимаю, каково всем вам сейчас. Но мы должны действовать вместе, а не воевать друг с другом. Поэтому я даю вам слово магната, что если мы все — включая капитана — доберемся живыми до 20В-40, я вы-

куплю все ваши контракты, перепишу их на вас самих и отдам вам в подарок. Все вы будете вольны построить себе собственный дом, заплатить за образование своих детей или тратить свои доходы на обустройство собственной жизни, как вам заблагорассудится. Это обещание, а не взятка. Мне все равно, чем вы занимаетесь, пока вы сохраняете себя в живых и помогаете выжить всем остальным вместе с вами. Я даю вам слово.

Он повернулся и пошел обратно в носовую часть, где все еще сидел Грос. Удивительно, но тот не последовал за ним, чтобы посмотреть, в чем дело. Глянув на него, Джайлс догадался, что испуг от его гнева слишком шокировал компьютерного специалиста, чтобы он рисковал сделать еще что-то, способное подтолкнуть магната к какому-то действию, которое могло бы навредить Гросу или даже полностью уничтожить его.

— Вернемся к работе, — сказал Джайлс, усаживаясь в свободное кресло.

Они продолжили свою работу. Прошел один корабельный день, потом второй… Грос дремал в те периоды, когда он не требовался Джайлсу, но сам Джайлс продолжал работать, подпитываемый из какого-то бездонного источника внутренней решимости, о существовании которого прежде

не подозревал. Он не всегда вполне сознавал, чем занимается, и с трудом понимал, спит или бодрствует. Но что-то заставляло его продолжать работу. Действуя все медленнее и медленнее, но продвигаясь…

Каким-то образом наконец они получили результат. С экрана компьютера Гроса на них смотрело итоговое число.

— Так что, это именно он? — спросил Грос. — Поправочный коэффициент, который нам нужен?

— Да, хотя возможно, что этот поправочный коэффициент отправит нас прямиком в ад. — Свой собственный голос Джайлс слышал как бы со стороны, доносящимся из какого-то бездонного колодца. Он занес руки над пультом и дрожащими, как у алкоголика, пальцами ввел поправочный коэффициент в изменение курса, уже заданного в управляющем компьютере спасательной шлюпки.

— Поехали… — сказал он и нажал клавишу ввода.

Они это сделали. Никакого ощущения движения или изменения направления не было, но они это сделали! Джайлс неуклюже поднялся на ноги и двинулся мимо Гроса прочь от панели управления.

— Вам необходимо поспать, — тихо сказала Мара, подошедшая сзади. Она коснулась его плеча, поддержав, когда он пошатнулся, и Джайлс почти бессознательно накрыл ее пальцы своей рукой. Кожа у нее оказалась гладкой и почему-то прохладной на ощупь.

— Да, — сказал он, воспринимая это словно издалека. — Надо…

— Простите, — тихо произнес ее голос почти ему в ухо. — Я тогда намекнула… что вы знаете о том, что Бисет пыталась убить капитана…

— Ничего. Это не имеет значения.

— Должно иметь.

Она подвела его к койке. Его собственной койке. Тощее тело капитана лежало на койке Хэма, и он осознал, что сам Хэм стоит рядом на страже. Джайлс тяжело опустился на койку и лег на спину.

— Немного поспать, — сказал он, — да, совсем немного…

И тут же уплыл куда-то в беспросветную даль, из которой уже какое-то время доносился его голос, покинув корабль, трудяг и капитана-альбенаретку.

13

Тридцать четвертый день, 11:45

Эта ягода была последней. Все наблюдали, как Джайлс сорвал ее и бережно взял в руки. Она была крупная, набухшая и полная сока и оставалась на лозе до самого последнего мгновения. Контейнер с соком был полон на три четверти, при половинном пайке этого должно хватить на неделю.

Они долго шли к этому моменту, когда был сорван последний плод и получена последняя жидкость. Но что теперь?..

Хэм осторожно поднял ручку пресса, чтобы Джайлс положил ягоду в отверстие. Затем здоровяк нажал несколько раз, пока в контейнер не упала последняя капля, выжатая из мякоти. Джайлс достал мякоть и разделил ее на восемь равных частей.

— Ешьте прямо сейчас. В мякоти осталось немного влаги, поэтому сегодня сок не выдаем. А с завтрашнего дня паек будет сокращен наполовину, пока не закончится весь запас сока. Это единственный путь. Нам нужно растянуть то, что имеем, на возможно долгое время, пока еще есть надежда.

Возражений не последовало. Они старательно

жевали мякоть, чтобы выжать сок до последней капли, а потом досуха вылизывали чашки. Джайлс осторожно вылил сок последней ягоды в контейнер, а затем отправился проводить полуденную проверку их курса. Сейчас он делал эту операцию заметно быстрее, чем раньше. В первый раз у него ушло на это около шести часов. Звезды на экране казались неизменными и неподвижными, и приходилось изо всех сил бороться с отчаянием, норовившим захлестнуть его. К нему подошла Мара, передвигаясь медленно, как и все остальные теперь, одежда мешком висела на ее худом теле. Посмотрев на экран, она указала на него рукой.

— И какая из них? Не сама планета, я знаю, что ее нельзя увидеть, а ее звезда, солнце для 20В-40?

Он постучал пальцем по пятнышку света, ничем не отличающемуся от многих других.

— Разве она не должна становиться больше или ярче?

— Нет. Звезда не станет больше до самого последнего нашего искривления пространства. Этот экран годится только для навигации. В любом случае яркость звезды никак не изменяется до последнего дня или двух полета.

— Но мы летим в правильную сторону? — В

голосе Мары чувствовалась потребность, чтобы ее успокоили.

— Думаю, что да.

— Если курс правильный, сколько нам еще лететь?

— Судя по тому, что говорила мне капитан, должно оставаться десять дней. Но это если бы управляла она, при идеальных условиях. Я не думаю, что мы можем рассчитывать на такую хорошую навигацию, если она вообще правильная. Скорее всего, получится больше десяти дней.

— Не очень-то вы меня обнадежили. — Она сделала слабую попытку улыбнуться.

— Извини… — сказал он, не отрываясь от приборов. Голос перестал его слушаться. Он не мог придумать, что еще сказать ей.

Разговор прекратился сам собой, как и большинство разговоров в последнее время, затих без какого-то итога или окончания. Он немного вздремнул в кресле, а когда открыл глава, она уже ушла. Звезды же казались безжизненными и холодными.

Сорок первый день, 12:00

С тихим шлепком в чашку упала из крана последняя капля сока. Самая последняя. Обсуждать им было больше нечего, и каждый молча выпил

полагающуюся ему порцию. Последнюю.

Новых побегов на лозе, на которых могли бы появиться ягоды, не было, хотя они регулярно искали.

Ни новых побегов, ни каких-либо признаков ягод. Сама лоза жизнеобеспечения выглядела вполне здоровой и дала прекрасный урожай глянцевых плоских листьев. Они пытались жевать листья, но без толку: те были очень сухими и горькими, и слюны, похоже, требовалось больше, чем удавалось получить жидкости.

Сорок второй день

Сорок третий день

Сорок четвертый день

Сорок пятый день

Сорок шестой день

— Вы все еще проверяете курс? — шепотом спросила Мара с горечью в голосе. — Проверяете?

— Да. Должен… — прошептал в ответ Джайлс. Его состояние было не лучше, чем у остальных. «У жажды нет почтения к представителям высшего класса», — пришла ему в голову туповатая шутка.

— Мы все умрем, теперь я знаю. Ди впала в беспамятство, уже давно не открывала глаз. Думаю,

она умрет первой. Я не хочу умирать вот так, просто сдавшись. Вы можете меня убить?

— Нет. — Он поднял голову. — Если выживет кто-то — выживут все.

— Вы не хотите мне помочь. Вы хотите, чтобы я страдала. — Впервые в ее голосе он заметил раздражение, будто бы она могла заплакать, если бы у нее были слезы.

Он сидел в занятом им командирском кресле. Остальные лежали на койках или на полу без сил и желания двигаться. Из звукового аппарата негромко лилась музыка, и ни у кого не нашлось сил его выключить. Довольно однообразно завывал визгливый девичий голосок, и слово «любовь» при этом повторялось необычно много раз. Фоном к этому монотонный ритм отбивал барабан с чрезмерной перкуссией. Джайлса такое обычно раздражало, но сейчас ему было все равно. У него болело горло, горели глаза, тело казалось совершенно иссушенным; все желания и ощущения испарились ввиду неодолимой жажды. Возможно, Мара права: это не лучший способ умереть. Певица взвизгнула, барабан ударил с долгими отзвуками, внутренняя дверь шлюза спасательной шлюпки открылась.

Реальность уступила место иллюзиям. Он

оказался в плену галлюцинаций, его видение проникло в шлюпку через открытую дверь шлюза и приняло облик худощавого альбенаретца в скафандре, снимающего шлем.

Когда девушка за его спиной взвизгнула, а затем простонала, он понял, что и другие подверглись этой галлюцинации. А может, это не галлюцинация? Тяжело дыша, он приподнялся на локтях, затем встал на ноги, для устойчивости держась за панель управления. Рука со снятым шлемом опустилась, на Джайлса уставилось морщинистое темное лицо альбенаретца.

— Вы не ответили на вызов по системе связи, — прожужжал инопланетянин на сильно исковерканном бейсике.

— Воды… — прохрипел Джайлс, собственный голос драл ему горло как наждачная бумага.

— У меня ее нет. Ее доставят. Мы вызывали вас по связи…

— Я не знаю, где тут связь и как она работает. Воды!..

— Какие-то проблемы с лозой жизнеобеспечения?

Джайлс сел на койку, беззвучно смеясь, не способный сдержать смех, держась за живот и покачиваясь взад-вперед перед недоумевающим

чужаком. Воды… Какие-то проблемы с лозой жизнеобеспечения! Воды! Все они хотели воды!

Что-то тяжело ударилось о корпус. Это был сорок шестой, последний день путешествия.

14

— Невероятная история, магнат, — пробормотал управляющий горнорудного комплекса 20В-40. Это был невысокий розовощекий толстяк, получивший хорошее образование трудяга, по-видимому, самостоятельно поднявшийся до такой высокой должности. «Невероятно высокая должность для трудяги», — сказал себе Джайлс. По статусу Амоса Барси вполне можно было бы назвать представителем Земли на 20В-40. — Налить вам еще этого напитка?

Джайлс улыбнулся в знак согласия, передал высокий бокал и с удовольствием стал наблюдать, как он наполняется холодным местным темным пивом. Прекрасное зрелище. Его худые, почти птичьи пальцы потемневших от долгого пребывания в спасательной шлюпке рук — в освещении там было много ультрафиолета — схватили покрытый бисеринками влаги бокал, заметно контрастируя с пухлыми розовыми пальцами Барси.

— Благодарю, — сказал Джайлс. — Вы очень любезны:

Он пил, ощущая, как прохлада льется ему в горло.

— Все еще не могу поверить, что наше приключение закончилось. Я оказался более хорошим навигатором, чем ожидал. Но никто из нас не подозревал, что передатчик шлюпки в промежутках между искривлениями пространства постоянно передавал запрос помощи.

— Знаете, это не помогло бы, если бы шлюпка не оказалась в окрестностях нашей системы, чтобы здешние альбенаретцы его услышали. — Барси неожиданно ухмыльнулся. — Я никогда не видел их такими переполошенными. Все никак не могут поверить, что их капитан не смогла управлять шлюпкой, а вы с этим справились.

— Ее вины в этом не было.

— Конечно же, не было. — Барси искоса посмотрел на Джайлса из-под густых бровей, и тон его стал сухим и отстраненным. — Пропала страница … и все такое прочее. Просто загадка. Но мне кажется, что книгу могли повредить те же, кто уничтожил космический лайнер.

— Вполне возможно, — согласился Джайлс.

— Да… — Барси развернул свое плавающее в

воздухе кресло, чтобы взять со стола какую-то распечатку. — Вот другая загадка: лоза жизнеобеспечения. Не самая важная проблема, но все же. Альбенаретцы считают, что она была чем-то отравлена, но на здешней ремонтной станции нет оборудования для такого анализа. Они дали образец жидкости для анализа в нашей лаборатории. В нем большое разнообразие органических соединений, но ничего такого, что, на наш взгляд, могло бы оказаться вредным для растения. Может, их эксперты разберутся? И есть след еще кое-чего… — Он внимательно посмотрел на Джайлса, затем снова отвел взгляд в дальний угол своего кабинета. — Наркотик, используемый людьми, гадкая штука под названием тонк. Наш химик считает, что он мог оказать воздействие на ягоды, если его было много или если он попадал в питание растения длительное время. Конечно, невозможно определить, когда именно он туда попал. Это могло произойти из-за любого пассажира-человека, использовавшего эту спасательную шлюпку в качестве безопасного места хранения своего запаса наркотика во время любого из последних пятидесяти рейсов космического лайнера. Поэтому я сказал химику, что нет смысла сообщать об этом альбенаретцам. Только

усилит недоброжелательство с их стороны.

Его взгляд снова встретился со взглядом Джайлса. Распечатку он держал двумя пальцами за уголок.

— Так что да, полагаю, нет смысла сообщать им об этом. — И он опустил распечатку в уничтожитель бумаг на столе. — Только сильнее все запутаем, ведь наши медики, обследуя ваших людей после посадки, не нашли ни у кого из них следов зависимости от тонка.

— Да, не думаю, что кто-нибудь из них проявит пристрастие к наркотику.

— Хорошо, достаточно об этом. Вот еще кое-что. Вы настаивали на том, чтобы наши медики вернули вам тот комбинезон, в котором вы были на шлюпке. Вот он.

Он снова потянулся к столу, выдвинул ящик и достал оттуда драный оранжевый комбинезон Джайлса.

— Спасибо. — Джайлс пошарил в карманах костюма. Там осталась всякая всячина, но ордера, который он спас из пылающего космического лайнера и старательно сохранял, не было.

— Что-нибудь пропало? — спросил Барси, внимательно наблюдая за ним.

— Ничего такого, без чего нельзя обойтись.

Это было и в самом деле так. Юстикар колонии 20В-40, подписавший ордер, заодно был тем самым контактным лицом, с которым Джайлс должен встретиться от имени «штурмовой группы» Окэ, как только прибудет сюда. Имя этого человека он запомнил. Теперь оставалось связаться с ним и либо получить новый комплект документов, либо узнать от него, где скрывается Пол, чтобы уничтожить его прямо здесь, на 20В-40. Убийство Пола на 20В-40 приведет к тому, что Джайлса неминуемо арестуют и будут судить; но, сказал он себе, если уж отступить от всего этого сейчас, то по более весомой причине, чем просто не желая быть арестованным; он доставил трудяг на 20В-40, не потеряв ни одного, так что его доброе имя Стального осталось незапятнанным. То, что произойдет затем, поскольку сделанное послужит на благо всех землян, не имеет большого значения для него лично. Тогда как гибель тех, кто оказался в ловушке на пылающем космическом лайнере, все еще оставалась на его совести, и искупить ее могло именно то, что предполагалось сделать — поступок, обеспечивающий будущее для всего человечества. Он же, возможно, поспособствует лучшему будущему для альбенаретцев. Их экипаж и офицеры, погибшие на горящем

корабле, приняли смерть по своей воле, но все же… Джайлс отвлекся от мыслей, услышав, что управляющий обращается к нему.

— …Это довольно изолированная и пустынная планета. Здесь, кроме вас, нет наследственных магнатов; и то, что в колониальных мирах мы все крайне зависим друг от друга, сильно сближает нас — даже с альбенаретцами, у которых здесь станция. Вы сами увидите… — он откашлялся. — Мы воспринимаем все немного иначе, чем оставшиеся на Земле, как трудяги, так и — уж извините — магнаты. — Он заставил себя остановиться и переменил тему. — Ну вот, я вовсе не собирался болтать без умолку. Через два дня прибудет звездолет, следующий отсюда на Землю. Насколько я понимаю, вы захотите на нем улететь.

— Конечно. — Джайлс встал. — Но перед этим хотел бы повидаться со старым другом. Вы его наверняка знаете. Это один из здешних юстикаров — Олаф Ундстед.

— Ах, Олаф! Приношу соболезнования… — Барси с несчастным видом поднялся на ноги. — Он умер… на прошлой неделе. Говорите, он был вашим старым другом?

— Я готов был прилететь сюда, чтобы увидеть

его.

— Какое несчастье!.. Но я дам его адрес. — Барси взял стило и нацарапал что-то на листке. — Вместе с ним жил его помощник по дому. Трудяга, но свободный. Его зовут Уилло. Арнэ Уилло.

Он протянул листок Джайлсу, тот машинально взял его, ощущая холодок в груди, и автоматически поблагодарил:

— Спасибо.

— Арнэ вам все о нем расскажет. Если я могу сделать для вас еще что-то, приходите без стеснения.

— Хорошо. Думаю, мы скоро увидимся…

Джайлс повернулся и покинул кабинет. Выйдя из управления горнодобывающего комплекса, он взял двухместное автоматическое транспортное средство и задал ему адрес, нацарапанный Барси на бумаге.

Он предполагал, что место с указанным адресом — где-то под куполом, накрывающим постройки самого Комплекса. Атмосфера 20В-40 была пригодной для дыхания, но большую часть года арктической по своим характеристикам — впрочем, сейчас, в летние месяцы, на широте комплекса окружающее выглядело как бесснежная зима в бесплодном краю каких-то лавовых

полей и раздробленных скал. Но выяснилось, что за последние годы появились жилища и за пределами гигантского купола комплекса — отдельно стоящие или группами, под своими небольшими куполами. Транспортное средство доставило его к выезду наружу, где дежурный облачил его в термокостюм, включающий прозрачный шлем, и посадил на водительское место тележки для перевозки руды — почти примитивного трехколесного транспортного средства на электродвигателях, тоже оснащенного автопилотом, которому задали нужный адрес.

Еще через секунду он оказался уже за пределами купола, и его транспортное средство на огромных колесах с тряской понесло его по неровной каменистой поверхности. Невероятно далекое белое карликовое солнце шахтерского мира светило не сильнее, чем полная Луна на Земле, создавая почти такое же жутковатое сочетание бледного освещения и густо-черных теней. Покинутый им купол Комплекса походил на какое-то огромное притаившееся чудовище, уменьшавшееся по мере того, как Джайлс удалялся от него.

Автопилот тележки уверенно вел ее к невидимой пока еще цели. В тусклом свете карликового

солнца поверхность 20B-40 выглядела небольшим каменистым плато, окруженным бесчисленным множеством звезд. Джайлсу пришло в голову, что, как ни странно, после стольких дней, проведенных в крошечной спасательной шлюпке, лишь теперь, когда он уверенно стоит на поверхности планеты, непостижимые глубины пространства стали доступны его чувствам. На спасательной шлюпке звезды были всего лишь светящимися точками на экране. Здесь же они ничем не закрыты и реальны, и выглядят настолько близкими, словно их можно потрогать.

Реальность в чистейшем виде обступила его. Она проникала сквозь термокостюм и холодила, как прикосновение ветра, способного заморозить до костей, если он осмелится встретиться с ним лицом к лицу без защиты. В слабом свете далекой дневной звезды, повелевающей этим безжизненным миром, его представления о месте во Вселенной людей и альбенаретцев, а также все его личные планы и обязанности уменьшились в мысленном взоре, превратились во что-то едва заметное, несущественное, мимолетные прикосновения тепла среди бескрайнего холода. Прикосновения, которые будут появляться и исчезать, всякий раз не оставляя никаких следов

или признаков того, что они происходили.

В конечном счете, настаивала глубоко скрытая, атавистическая часть его существа, есть только выживание. Все остальное не имеет значения. Остальное неважно.

Нет, возражал его упрямый разум. Еще необходим смысл. Выживание без смысла — ничто.

«Выживание», — требовала глубинная часть его сущности.

«Смысл», — настаивала высшая часть.

«Выживание…»

Он заставил себя отвлечься от внутреннего спора. Тележка приближалась к куполу, который, судя по размерам, вмещал только одну жилую постройку. Тележка катилась прямо на него, словно собиралась разбиться о гладкую, загибающуюся назад внешнюю стену. Но когда оставалось с полудюжины метров, в стене открылась диафрагма, тележка вкатилась внутрь, и диафрагма закрылась за ним.

Первое внутреннее помещение оказалось достаточно большим, чтобы вместить еще три таких же рудовозных тележки, на какой он приехал. Он поставил тележку на стояночное место, выбрался из нее и подошел к двери на дальней стене. С этой стороны от двери была кнопка

вызова, и Джайлс нажал на нее, но никто не откликнулся, чтобы спросить, кто пришел. Тогда он попробовал коснуться фиксатора замка, и тот среагировал на прикосновение.

Дверь перед ним открылась. Он вступил в просторную гостиную с белым потолком и несколькими удобными креслами — почти пустую. С одного из кресел тут же поднялся крупный мужчина. Это был Хэм с лазерным пистолетом в руке.

15

— Хэм! — Джайлс инстинктивно перешел на приказной тон. — Не направляй на меня эту штуку! Положи ее!

Мгновение Хэм казался весьма озадаченным, затем на его лице проступило раскаяние.

— Простите, ваша светлость. — Он сунул пистолет за пояс своих серых рабочих штанов. Джайлс облегченно вздохнул.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Меня оставили здесь, — заявил Хэм. И просиял. — Охранять вас.

— Охранять меня? — Джайлс ощутил холодное покалывание на спине пониже шеи, где выступили капли холодного пота. Он хотел было

приказать Хэму отдать оружие, но если тот получил указания насчет оружия, это не сработает, поэтому решил применить другую тактику. — Но все-таки, что тут делаешь ты, Хэм? Разве здесь живет не Арнэ Уилло?

— О да, но он уехал в другое место на несколько дней.

Джайлс осознал, что начинает сердиться. Он заставил себя успокоиться. Хэм не виноват, что от физически сильных рабочих обычно требуются лишь простые ответы на простые вопросы. Здесь что-то происходит; отчасти поэтому у него лазерный пистолет — в его руках столь же опасная игрушка, как боевая граната в руках пятилетнего ребенка. Вполне показательно, что он сунул лазерный пистолет за пояс, а не положил, как приказал Джайлс. Впрочем, это еще ничего не значит. Здесь требуется тщательно формулировать вопросы.

— Значит, ты здесь один, Хэм?

Тот кивнул.

— Они все ушли, чтобы убедиться, что вслед за вами не поехал еще кто-то.

— Кто «они», Хэм?

— Вы знаете их, ваша светлость, сэр. Все. Все те, кто был на шлюпке.

— Понятно. Ты имеешь в виду Мару, Бисет, Гроса и остальных?

Хэм снова кивнул. Казалось, он уже позабыл о существовании лазерного пистолета. Джайлс начал медленно приближаться к здоровяку. Если он сможет подойти достаточно близко, чтобы просто протянуть руку забрать у Хэма оружие…

— А скоро они вернутся, Хэм? — спросил он, продолжая двигаться. Если отвлекать его разговором, амбал не сможет сосредоточиться на возможных действиях Джайлса. Хэм кивнул.

— А знаете что, ваша светлость?..

— Погоди минутку, — сказал Джайлс, продолжая спокойно и уверенно приближаться, — а потом я попробую угадать. Для начала, я хочу знать, кто вам сказал, что я сюда приеду?

— Она знала.

— Она? Ты имеешь в виду Мару?

Хэм покачал головой.

— Нет, не Мара. Шпик… Бисет.

— Так вот в чем дело. — Теперь Джайлс был всего лишь в нескольких шагах от Хэма. — Значит, Бисет знала, что я приеду сюда. А откуда она это знала?

Хэм озадаченно покачал головой.

— Не знаю, ваша светлость. Этого она нам не

сказала. Сказала только, что мы все должны собраться здесь, потому что вы рано или поздно сюда придете. А когда вы войдете, всем лучше пойти посмотреть и убедиться, что за вами никто не гонится. Поэтому как только в гараже зажегся свет, все вышли посмотреть. Все, кроме меня.

Джайлс замедлил шаг, борясь с неодолимым искушением обернуться и посмотреть, не идет ли кто-то за ним. Если Бисет и остальные вышли за пределы купола этого здания ненадолго, они могли уже вернуться. Он рискнул быстро оглянуться через плечо и окинуть комнату взглядом, но здесь по-прежнему было пусто и тихо, только он и Хэм.

— Как вы думаете, ваша светлость? — повторил свой вопрос Хэм. Джайлс повернулся обратно к нему и увидел перед собой широкое лицо, буквально светящееся от счастья.

— О чем? — спросил Джайлс, приближаясь к нему еще на шаг.

— Я возвращаюсь домой! Я возвращаюсь обратно — на Землю! — Хэм почти кричал.

— Домой? — Джайлс так удивился, что не сделал следующий шаг. — Возвращаешься, говоришь?

Хэм энергично кивнул.

— Я снова увижу Джейса! Я ему скажу: «Джейс,

угадай, где я был?» И Джейс скажет: «Где? Тебя переселили в другой барак?» А я скажу: «Я побывал далеко от Земли, я был в звездолете, в шлюпке, а затем на совсем другой планете. Смотри, Джейс, я привез тебе кусочек другой планеты, чтобы показать». Вот… — Он порылся в кармане широких брюк и достал маленький камень, кусок магматической породы, очевидно, подобранный где-то снаружи. — И Джейс скажет мне: «Ого! Здорово, что ты вернулся!» Он скажет: «Я ждал твоего возвращения. Поэтому так и не нашел себе нового приятеля по пиву».

Джайлс насторожился. Кажется, в глубине здания послышался какой-то звук. Нет, похоже, это просто его воображение. Он повернулся к Хэму, который все еще представлял свой разговор с другом и собутыльником, когда они снова встретятся.

— Погоди, Хэм, — сказал Джайлс, воспользовавшись тем, что собеседник сделал секундную паузу, чтобы перевести дух. — А почему ты думаешь, что вернешься на Землю?

— Она сказала, — ответил счастливый Хэм.

— Она?

— Бисет.

— Черт бы ее побрал! — сказал Джайлс с вне-

запным приступом гнева. — Хэм, послушай меня. Бисет никак не способна повлиять на то, где ты будешь работать. Она не может устроить так, чтобы тебя отправили обратно в бараки на Землю.

— Может, конечно, — уверенно заявил Хэм. — Она же шпик. А шпики могут всё. Это каждый знает.

— В самом деле всё?

— Конечно, сэр. Они могут посадить в тюрьму, избить, держать в заключении до конца жизни. И могут перевести в любое место, если ты им понравился. Могут даже убить тебя, а судья и все остальные скажут, что все в порядке.

Джайлс напряженно уставился на здоровяка.

— И кто же рассказал тебе всю эту чушь? Полиция никого не избивает. Подобное запрещено вот уже пару сотен лет.

— О да, конечно, ваша светлость! — Хэм был очень серьезен. — Не избивает наследственных магнатов, но любого трудягу, зашедшего куда не положено или не сделавшего что приказано, бьют, хотя и не часто. Даже офисных трудяг. Однажды двое из них избили нашего табельщика за то, что он отпустил в город сразу несколько бригад из наших казарм, а как-то раз потребовали, чтобы вообще никого из нас не отпускали.

Конечно, офисных трудяг они обычно просто отправляют в тюрьму или переводят в какое-нибудь плохое место.

— Послушай меня, Хэм, — строго сказал Джайлс. — Тебя запугали множеством небылиц. Ты не понимаешь. В наши дни для того, чтобы кто-то из полиции вышел сухим из воды, требуется содействие судебного и учетного департамента, почти всех других ветвей общественного контроля.

Хэм выглядел несчастным.

— Но ведь это происходит, ваша светлость! И они способны послать вас куда угодно. Она… Бисет может отправить меня обратно на Землю!

Джайлс понял, что зашел в тупик. Следовало переменить тему.

— Ладно, Хэм, об этом мы поговорим в другой раз. Но почему она собирается помочь тебе вернуться? Это ты мне можешь сказать?

— Да, сэр, — сказал Хэм, снова повеселев. — Она сказала, что исключительно из-за вас. Потому что я помогу ей с вами.

— Поможешь… — начал было Джайлс, но осекся. Улыбающийся Хэм явно не понимал значения слов Бисет. Расспрашивать его было бессмысленно.

Шорох сзади, словно шарканье ног по гладкому полу, заставил его похолодеть. Он обернулся — они все были здесь: Мара, Грос, Эстевен, Ди и Фрэнко — и Бисет, как и Хэм, с лазерным пистолетом в руках. Но, в отличие от Хэма, женщина-полицейский не держала свою руку небрежно.

— Не двигайтесь, — сказала она. — Не шевелитесь, пока я не скажу это сделать!

Ее лазерный пистолет был направлен ему прямо в грудь. Джайлс замер — и тут из-за занавесок в дальнем конце комнаты вышел седьмой. Это был высокий и стройный магнат с исхудалым красивым лицом, но не загорелым, как обычно у магнатов.

— Итак, ты здесь, Пол, — сказал Джайлс.

— Привет, Джайлс, — ответил Пол Окэ, останавливаясь рядом с Бисет. — Ну вот, ты все-таки выследил меня.

— Но не надолго, — сказала Бисет почти с удовольствием.

— Да, не надолго. — На секунду лицо Пола омрачилось. — Я надеялся, что из всех наследственных магнатов в прославленном уже обществе, основанном мной, именно ты увидишь свет истины. Пришло время перемен, и ничто их не остановит. Помнишь «Смерть Артура» Теннисона? «Порядок

старый изменен, и новый вслед ему грядет…»

— Конечно же, — согласился Джайлс. — Я верю в это. Старый порядок вот-вот изменится, но не обязательно так, как это видится тебе, Пол.

— Да ну? — Темные брови Пола Окэ поползли вверх.

— Именно. Например, никто не подумал, что альбенаретцы стоят перед такой же задачей. Однако их восприятие смерти настолько чуждо нам, что никто не увидел параллели. Но мы с ними можем помочь друг другу…

— Джайлс, Джайлс! — перебил его Пол, покачивая головой. — Как долго ты и тебе подобные будут цепляться за соломинку в надежде добиться чего-то без жертв? Перемены никогда не происходят легко. Посмотри правде в глаза. В нашем случае цена их — всего лишь удаление из общества двух ненужных и тормозящих его развитие элементов, благодаря чему верх сможет взять истинная, срединная культура человеческой расы.

— Удаление? — Джайлс пристально посмотрел на него.

Пол кивнул на Хэма, как кивают на столб или на привязанное к столбу животное. Его голос стал более проникновенным.

— Пока существуют магнаты и генетически подавляемые трудяги вроде него, изменения невозможны. Но они неизбежны. Мы должны совершить их любой ценой и сформировать новый, сильный управляющий класс из лучших трудяг для нового общества, предназначенного для трудяг и состоящего только из трудяг.

— Лучших трудяг? — Джайлс скептически посмотрел на него. — С каких пор тебя стали интересовать *лучшие* трудяги?

Аристократическое лицо Пола стало еще бледнее.

— Не придирайся к словам, Джайлс. Очевидно, какая-то группа должна находиться у власти, пока поднимается общий уровень.

— Что за группа? И что ты имеешь в виду, говоря о любой цене? Не можешь же ты просто взять и перестрелять всех чернорабочих и наследственных магнатов?

— О боже! — воскликнул Джайлс. — Ты действительно задумал так и сделать! Ты планируешь уничтожить миллионы людей — миллионы! — ради каких-то нереальных перемен!

— Это необходимо, Джайлс, — ответил Пол. — Вот почему мы не могли допустить, чтобы ты меня нашел. Нужно выждать еще полгода для

организации внезапного и полного уничтожения чернорабочих и наследственных магнатов…

— Эй, — сказал Хэм неестественно старым, хриплым голосом, прерывая Пола. — Вы же не собираетесь убить Джейса? Вы не будете этого делать?

Джайлс на слова Хэма почти не обратил внимание. Он уставился на Пола волчьим взглядом.

— Кто эти «мы», Пол?

— Слушай, Бисет, — сказал Хэм, переведя взгляд на женщину-полицейского. — Можете не возвращать меня на Землю. Только не трогайте там Джейса.

Бисет рассмеялась.

— Не думаешь ли ты, амбал, что мы отправляем тебя на Землю только потому, что ты об этом попросил? Нет, не поэтому — мы просто тебя используем.

— Используем? — растерянно повторил Хэм.

— Используем, — подтвердила Бисет.

Она хладнокровно подняла лазерный пистолет и нажала на спуск. Как только бледная подсветка прицела лазерного луча слегка коснулась груди трудяги, его колени подогнулись. Пока он медленно падал, Бисет еще раз выстрелила ему в грудь.

— Больно, — произнес Хэм. — Зачем…

И замолчал. Его веки дрогнули, глаза закрылись, и он застыл.

— Зачем? — сказала Бисет трупу. — Чтобы любой, кто придет сюда за твоим великим и могущественным другом-магнатом, уперся в тупик.

Она повернулась к Джайлсу, все еще держа в руке лазер.

Он понял, что сейчас в него выстрелят, и хотел было отпрыгнуть. Но прежде чем успел что-то сделать, мертвящий холод пронзил его левое плечо, и его колени внезапно ослабли. Чтобы не упасть, он ухватился за спинку кресла. Словно сквозь туман он видел, как Мара выхватила у Бисет оружие. Затем зрение прояснилось, и Джайлс увидел, что теперь Мара стоит, направив лазерный пистолет в сторону Бисет.

— Идиотка! — прокричала она на полицейскую. — Я же объясняла, что стрелять в него должна я! Рана должна быть такой, чтобы он оставался в живых, пока не окажется подальше отсюда. Теперь ты все усложнила!

Бисет злобно оскалилась и почти зарычала, как зверь.

— Не приказывай мне! Не ты и твоя горстка фанатиков из «Черного четверга» вершите дела. Ассоциация готовилась к этому дню двести лет,

и только у Ассоциации есть сила и способность взять на себя власть, когда наступят перемены. Я не собираюсь исполнять твои приказы, отродье амбалов! Это ты будешь подчиняться мне!

Джайлс все еще держался за спинку кресла, хотя последствия выстрела уже начали проходить. Лазер мог быть смертельным, если луч попадал в уязвимую часть тела, но в мягких тканях он делал идеально чистую, самозаживляющуюся ранку, которая — если не считать теплового шока в момент попадания луча — наносила телу значительно меньший ущерб, чем многие более ранние виды оружия. Отчасти это походило на то, как если бы его проткнули исключительно тонкой шпагой, раскаленной в жаре кузницы. Выстрел Бисет, насколько мог сейчас судить Джайлс, пришелся в верхнюю часть плеча и пронзил в основном плоть и мышцы, не задев ни кости, ни важных кровеносных сосудов. Невероятная удача. Но, пожалуй, не стоит вести себя так, будто он уже оправился.

— Ассоциация? — спросил Джайлс, опираясь на кресло и глядя на Бисет. — Какая ассоциация?

Бисет рассмеялась ему в лицо.

— Глупец! Чрезмерно образованный глупец! Неужели ты думаешь, что мировые революции

свершаются группкой таких философов, как твой дружок? — она кивнула на Пола. — Или полусотней революционеров вроде «Черного четверга»? — Она повернулась к Маре. — Которые торжественно идут на расстрел, чтобы стать мучениками за правое дело? Да они даже этого не смогут сами сделать как надо! — она сплюнула в сторону Мары. — Лишь у нас, у Ассоциации, есть достаточно своих людей в полицейской форме, уже подготовленных и вооруженных, чтобы все были убиты вовремя, четко и аккуратно, — а иначе все пойдет прахом.

— Ну ладно, — сказал Джайлс. — Но что же это за Ассоциация?

— Что за Ассоциация? — спросила Бисет, поворачиваясь к нему. — А ты как думаешь? Ассоциация, объединение всех трудяг, совершающих реальную работу под формальной властью вас, так называемых магнатов. Руководители высокого ранга производственных и обслуживающих структур, государственные и полицейские чиновники, такие как и я. — Она прервала собственную тираду: — Вы правда считали, что я обычная полицейская? Я заместитель директора департамента расследований по сектору Северо-Восточная Европа. Я и несколько тысяч таких же,

как я, — но каждый из нас контролируют тысячи подчиненных, — и составляем Ассоциацию, настоящую подпольную организацию трудяг, поставившую себе цель избавиться от вас, магнатов, почти с того самого дня, как вы пришли к власти.

Она повернулась обратно к Маре и почти демонстративно потребовала от нее:

— Займись наконец делом. Выстрели в него так, как ты собиралась. Давайте вернемся к делу.

— Минуточку, — сказал Джайлс почти инстинктивно, стремясь выиграть время, которое, казалось, истекало. Голова шла кругом не только от полученной информации, но и от напрашивающихся выводов. Нужно было найти слова, которые разозлят Бисет настолько, что она продолжит говорить. — Так что же, получается, ты не из неофитов Пола? А я-то думал, ты из тех, кто в него поверил.

Бисет клюнула.

— Поверил? — Она почти выплюнула это слово. — В него? — Последнее слово слетело с ее языка, будто спрыгнула ядовитая жаба. — Пусть дураки верят в эти грезы. Я же отношусь к прагматичным людям, благодаря которым все и происходит — с тех самых пор, как вы захватили

власть. С чего бы мне вдруг слушать таких людей, как он или она? — Она перевела взгляд с Пола на Мару. — Это не простая работа — избавить планету за двенадцать часов от миллионов людей. Нам нужно полгода спокойной подготовки, чтобы все устроить, — спокойной, чтобы ни один магнат не встревожился и не проявил любопытства. А этот придурок, — она бросила взгляд на Пола, — позволил вашим сыщикам-любителям из штурмовиков Окэ выследить его здесь, на 20В-40, хотя вся Всемирная полиция старалась навести их на ложный след. Убьешь ты его или просто увезешь обратно — не удастся замять тот факт, что он оказался так далеко и получил здесь убежище у людей и инопланетян. Это спровоцирует расследование магнатов в отношении действий полиции, и наши планы по аккуратной ликвидации тоже окажутся раскрыты.

Она резко замолчала. Джайлс быстро заговорил:

— Так вы знали, что я лечу именно на 20В-40? — Он покачал головой. — Нет, вы не могли этого знать…

— Не могли? — вспыхнула Бисет. — Разумеется, мы все знали! Я специально из-за вас оказалась на борту звездолета. А этих, — она равнодушно

кивнула на остальных трудяг, — взяла с собой в качестве помощников. Они из низших слоев Ассоциации и по сути ничего не знали, кроме того, что должны выполнять мои приказы. — Она помолчала и взглянула на Мару.

— Все, кроме этой. Ее пришлось взять ради дружеских отношений с идиотами из «Черного четверга»!

— Как интересно! — изрек Джайлс чистую правду. — Но скажите только одно…

Однако Бисет эти расспросы уже надоели.

— Ничего не скажу. — Она повернулась к Маре. — Ладно, девочка, оружие у тебя. Стреляй в него, мы уже слишком задержались!

Мара подняла руку с пистолетом. Его тонкий ствол превратился в крошечный круг с черной точкой в центре. Джайлс готов был поклясться, что за этим кольцом он увидел в лице Мары нечто не соответствующее этому применению оружия — она словно бы умоляла понять ее.

Затем черная точка в центре круга мигнула — и тут же наступила темнота.

Он очнулся — если можно назвать так процесс болезненного и неуверенного постепенного возвращения сознания — и обнаружил, что находится в маленьком темном пространстве. В

нескольких дюймах от его лица показалось лицо Мары. Он узнал ее, хотя с фокусировкой зрения было не все в порядке. Затем вдруг осознал, что ее руки что-то делают с его телом — судя по всему, привязывают его к сиденью рудовозной тележки, на которой он прибыл сюда.

— Что ты делаешь? — попытался спросить он, но его речь была похожа скорее на невнятное ворчание.

— Тише… — выдохнула она ему на ухо, продолжая заниматься своим делом. — Берегите силы. Молчите и слушайте. Другого выхода не было. Я не могла не выстрелить в вас второй раз. Они считают, что я выстрелила так, что вы умрете минут через пятнадцать, еще до того, как автоматическая тележка довезет вас до купола Комплекса. Но я скорректировала выстрел. Если вы доберетесь до врача в ближайшие пару часов, все будет в порядке. Вы должны выжить. Ты должен… — Ее губы слегка коснулись его щеки, когда она затягивала ремень, обхватывающий его плечо и грудь. — Это все, что я могу для вас сделать. Я почти в той же мере в руках Бисет, как и вы. Но помните… ничего не делайте, пока тележка не доставит вас в Комплекс. Затем нажмите стандартное сочетание клавиш управ-

ления, соответствующее доставке в ближайшую больницу. Не тратьте время на попытки связаться с местной полицией. Понимаете?

— Да, — сказал он или подумал, что сказал. Но Мара поняла. Она чуть заметно кивнула, и ее лицо исчезло.

Он обнаружил, что смотрит сквозь ветровое стекло рудовозной тележки на закрытую металлическую дверь, через которую въезжал сюда, поблескивающую в свете фар. Через мгновение диафрагма раскрылась, и тележка тронулась. Она выехала из-под купола и покатилась по каменистой, похожей на лунную поверхности 20B-40.

Далекий белый карлик, солнце этого мира, стояло теперь высоко в небе, и каменистая равнина с беспорядочно торчащими скалами перед лобовым стеклом движущейся тележки выглядела мешаниной черных и серебристых пятен, а свет фар сделался бледным, почти невидимым. Купол ночного неба, усеянный звездами, накрывал все это, вместе со всеми другими обиталищами, включая главный купол Комплекса, невидимый во тьме далеко впереди, за горизонтом. Несмотря на отличную подвеску, тележка тряслась и раскачивалась, передвигаясь по неровной поверхности с крупными валунами.

Эта тряска вызвала легкую тошноту на фоне состояния отупения и дискомфорта, обволакивающих Джайлса. Никакой особой боли он не ощущал, но лишь какую-то общую неуютность, пропитавшую его, казалось, насквозь, до мозга костей. Голова почти не соображала, тело казалось тяжелым и обессиленным.

Хоть это потребовало больших усилий, в конце концов он заставил себя задуматься о том, где находится и что с ним происходит. От этих усилий в голове немного прояснилось, возможно, организм выбросил в кровь немного адреналина. Он стал лучше осознавать свое окружение, но при этом усилился дискомфорт. Отчетливо ощущались два накладывающихся друг на друга болевых воздействия, как если бы на большой ушиб давил какой-то невыносимо тяжелый груз. Первая область боли охватывала левое плечо, вторая располагалась чуть выше грудины. Смутно припомнилось, что Бисет выстрелила как раз в плечо. Боль над грудиной, должно быть, там, где затем Мара прожгла его лазером.

Вопрос «зачем» терзал его притупленный разум. Зачем требовалось тратить столько сил, чтобы пристрелить его — почти что, — а затем отправить обратно в Комплекс на его же тележке?

Он попытался сесть, чтобы посмотреть, все ли в порядке с самой рудовозной тележкой, но правая нога зацепилась за что-то на полу у его ног. Еще одним невероятным усилием он приподнялся, чтобы заглянуть туда сверху вниз. Там лежало тело Хэма, словно бы свалившегося с соседнего сиденья, а за пояс серых рабочих штанов все еще был заткнут лазерный пистолет.

Совершать любые движения было словно поднимать огромный вес, но двигаться он мог. Медленно, в несколько судорожных попыток, Джайлс смог наклониться вперед, нагнуться и достать из кобуры оружие. Он обхватил пальцем спусковую кнопку и направил лазерный пистолет на сиденье рядом с собой. Нажал на кнопку.

Ничего не случилось. Либо заряд истощился, либо батарею вынули. Он с усилием убрал бесполезное, но все еще опасное оружие под куртку и снова откинулся на спинку сиденья.

Он почувствовал, как усталость закрепляет на нем мягкие, но массивные оковы. Тележка продолжала катиться вперед, направляясь к главному куполу комплекса, в ночи пока еще невидимому на горизонте.

Джайлс второй раз потерял сознание…

16

Он внезапно очнулся от горького ощущения желчи в горле.

Его тошнило… или, точнее, стошнило бы, не будь его желудок пуст. Но жжение кислоты, подступившей к горлу, привело его в чувство.

Теперь в голове у него прояснилось. Он стал лучше ощущать свое тело, и сигналы по нервам от зон болевого воздействия начали проходить более нормальным образом — не как острая боль, а скорее как ноющая. Под кислым привкусом, застрявшим во рту, он чувствовал жгучую жажду, и глаза его горели так, будто он долго не мигая смотрел в сильно запыленном воздухе. Но при этом, однако, разум вновь действовал четко, с чрезмерной настороженностью человека, находящегося в состоянии сильного жара. Глянув себе под ноги, он увидел все еще лежащее там тело Хэма. Затем посмотрел через лобовое стекло движущейся тележки и различил высокий черный полукруг — главный купол комплекса теперь частично закрывал впереди звезды.

Внезапно его озарило, Джайлс осознал весь план организации Бисет и ее подпольщиков-трудяг. Барси знает, что Джайлс поехал увидеться

с другом мертвого юстикара. Теперь будет зафиксировано, что он вернулся с одним из трудяг с погибшего звездолета, спасшимся вместе с ним, — и этот трудяга застрелен, а у него самого два ранения и разряженное оружие. Судя по словам Мары, Бисет предполагает, что к тому времени, когда тележка автоматически прикатит на стоянку под куполом Комплекса, он превратится в такой же труп, как и Хэм.

В такой ситуации расследование будет проводить Всемирная полиция, поскольку только она компетентна в тех случаях, когда в чем-то незаконном подозревается магнат. Сама Бисет как одна из спасшихся на той же шлюпке будет автоматически отстранена от расследования. Это означает, что следователя вызовут с Земли, и тому предстоит отправиться в путешествие и провести в нем несколько дней или недель — конечно же, недель, подумал Джайлс, если Всемирная полиция настолько пронизана членами подпольной Ассоциации трудяг, как утверждала эта полицейская. Тот, кого отправят, почти наверняка окажется членом Ассоциации и затянет расследование на такой срок, какой понадобится Ассоциации.

Это даст подполью упомянутые Полом и Бисет

шесть месяцев или столько времени, сколько потребуется, чтобы подготовить массовую резню магнатов и трудяг-чернорабочих.

Джайлс приложил усилия, чтобы пошевелиться. Ему удалось протянуть руку и включить голосовое управление автопилотом рудовозной тележки.

— Изменить пункт назначения, — прохрипел он, когда перед ним загорелся маленький белый огонек. — Новый пункт… место, где живут альбенаретцы. Их сектор под куполом Комплекса. Мне нужно найти альбенаретского капитана…

На миг он усомнился, что его слова восприняты автопилотом как четкое и адекватное указание. Но затем машина резко изменила направление движения. Тяжело дыша, Джайлс откинулся на спинку сиденья. Теперь оставалось только ждать — и надеяться, что выбранное им новое место назначения не слишком далеко по времени.

Тележка, трясясь и покачиваясь, неслась вперед. Через некоторое время он смог разглядеть, что они движутся вдоль высокой металлической стены, служащей основанием купола Комплекса. Должно быть, направляются к другому входу, не тому, через который он выезжал. Минут через пятнадцать Джайлс увидел, что приближается

въезд под Купол. Но двери его не раздвинулись, когда они приблизились, и его тележка поехала дальше. Он впал то ли в дремоту, то ли в действительно бессознательное состояние.

Тележка резко остановилась.

Джайлс встрепенулся и огляделся. Он был уже внутри купола, на стоянке. Примерно в двадцати метрах от него находилось здание, выраставшее, казалось, из самого купола, а в стене этого здания напротив Джайлса был прозрачный сегмент, через который на него смотрела голова альбенаретца. Щель тонкого рта открывалась и закрывалась, будто он что-то говорил.

Джайлс запоздало включил интерком.

— Повторяю, что вам здесь надо? — спрашивал альбенаретский голос на человеческом языке. — Вы прибыли сюда и подали опознавательный сигнал, но не ответили на мой вопрос. Что вам надо?

— Прошу прощения… — прохрипел Джайлс. — Интерком был выключен. Извиняюсь. Мне надо… Я хочу еще раз встретиться с капитаном Райумунг.

— С каким капитаном Райумунг? У нас здесь несколько альбенаретцев такого чина и ранга.

— С той… с капитаном Райумунг, которая по-

теряла свой корабль из-за взрыва… которая прибыла в этот мир на спасательной шлюпке с несколькими людьми, и я — один из них. Я магнат, Стальной. Она знает меня. Вы позовете ее?

Последовала небольшая пауза, затем альбенаретец снова заговорил.

— Я понял, о ком вы говорите. Теперь она Райумунг бывший капитан. Я постараюсь найти ее и передать сообщение. Вы зайдете внутрь?

Джайлс машинально попытался встать, но обнаружил, что сил для этого нет.

— Я… мне придется подождать ее здесь. Извините. Скажите ей… это. Я прошу прощения. Попросите ее прийти ко мне. Но поторопитесь.

— У нас никогда не бывает лишних задержек.

Как только интерком замолчал, Джайлс тут же впал то ли в полудрему, то ли в бессознательное состояние. Очнулся он от стука по стеклу справа, к которому прислонился головой.

Он распрямился, повернулся и посмотрел наружу. Сквозь стекло на него смотрело альбенаретское лицо. Интересно, виден ли инопланетянину Хэм, лежащий в тени у его ног? С нарастающей тревогой он нашарил чуть ниже прозрачной части ручку, открывающую дверь. Та открылась, и он то ли выпал, то ли шагнул из тележки и

оказался лицом к лицу с чужаком.

— Капитан Райумунг? — с трудом произнес он на альбенаретском.

Темные глаза смотрели на него сверху вниз.

— Теперь я бывший капитан, — произнесла инопланетянка на человеческом языке. — Но я знаю вас, магнат. Что вам от меня нужно?

Джайлс прислонился к корпусу рудовозной тележки, чтобы не упасть. Колени предательски дрожали. Через минуту они перестанут держать его. Он пытался продолжить говорить по-альбенаретски, но усилия для этого оказались чрезмерными.

— Я обещал вам кое-что, — сказал он на своем родном языке. — Я обещал сказать вам, кто заложил бомбу, уничтожившую ваш корабль.

Лицо инопланетянки наблюдало за ним. Ее голос произносил человеческие слова с жужжащими интонациями.

— Это уже неважно. После раздумий я отдала ту жизнь, которую носила. Она созреет и родится у другой. Так что все связи разорваны, и больше не имеет значения, как погиб мой корабль.

— Это не имеет значения… — Он уставился на нее, истощенный от ран, не в силах сообразить, как справиться с этим новым поражением. — Вы

отдали своего… Почему?

— Я не получила чести от приземления. Это вы привели шлюпку к месту посадки и спасли ваших людей. Для меня это не позор, но и не смывает бесчестья. Хорошо бы найти и наказать того, кто убил моих товарищей по кораблю и мой корабль, но это уже не имеет отношения к той жизни, которую я носила. Я ее отдала. Сохранять отношения с моим ребенком имело бы смысл только в случае, будь у меня шанс восстановить честь; но откуда такая перспектива? Ведь корабль и все, кто служил ему, погибли, и этого уже ничем не изменить.

— Но если эта потеря сможет привести к великому благу для всех альбенаретцев — всей расе, — что тогда?

— Великому благу? — Темные глаза внимательно следили за лицом Джайлса. — Для всей расы?

— Да.

— Каким же образом? И откуда вам, человеку, знать, что будет великим благом для альбенаретцев?

— Потому что в данном случае это связано с великим благом и для людей.

— Такая взаимосвязь невозможна, — сказала капитан. — Между нами почти нет сходства,

человек.

— Вы уверены? — спросил Джайлс. Он едва держался на ногах и постепенно начал сползать по борту транспортного средства, к которому прислонился. Капитан стояла молча. — Вы прожили со мной — и другими людьми — столько дней на спасательной шлюпке и по-прежнему уверены, что мы совсем непохожи и нет ни малейшего шанса найти что-то общее?

Высокая фигура стала расплываться в его глазах.

— Возможно… — Вдруг две мощные руки схватили его за плечи, приподняли и прижали к борту тележки. — Вы больны?

— Немного… ранен.

Он шевельнул губами, пытаясь сказать еще что-то, но не нашлось сил произнести ни слова. Словно сквозь туман он видел, что голова капитана наклонилась вперед и заглянула в тележку. С такого положения она не могла не увидеть Хэма.

Джайлс ждал, что она потребует объяснений или поднимет тревогу, но этого не произошло. Вместо этого он почувствовал, что его отодвинули в сторону, чтобы открыть дверь рудовозной тележки, а затем подняли и занесли внутрь, и тело капитана заслоняло ту помощь, которую

она ему оказывала, от прозрачной панели, за которой все еще сидел другой представитель ее расы, наблюдая за происходящим.

Его вдавили в кресло, и фиксаторы автоматически выскочили, чтобы удерживать его там. Дверца транспортного средства захлопнулась. Через секунду открылась дверь с другой стороны тележки, и высокая фигура капитана забралась в нее, чтобы занять соседнее с ним место. Она потянулась к рычагам управления; тележка тронулась, развернулась и выехала из купола там, где он въезжал.

Альбенаретка направила их транспортное средство куда-то прочь от купола. Помолчав несколько мгновений, она заговорила:

— Я — бывший капитан, и теперь умру, как наземник, не знавший космоса, без почестей и сожалений со стороны товарищей по кораблю, помнящих меня. Но осталось кое-что незаконченное. Вы бросили мне вызов, чтобы спасти всего лишь одного из ваших людей-рабов, и здесь с вами другой, явно мертвый, и вы явно более чем «немного ранены». Кроме того, вы спросили меня, может ли быть что-то общее между людьми и альбенаретцами, и этот вопрос меня озадачил. До нашего полета на спасательной шлюпке я

бы не задумываясь отвергла подобную идею. А теперь не знаю…

Ее речь прервалась в нетипичной для нее манере. Он расслабился, стараясь максимально не сопротивляться тряске.

— Вы можете говорить? — спросила она вскоре.

— Да. — Это слово показалось едва слышным шепотом. Он приложил усилие и постарался, чтобы его голос звучал более внятно. — Теперь я понимаю многое, чего не понимал раньше. Альбенаретцы вовсе не ищут смерти, не более, чем мы. Смерть — лишь промежуточный этап перехода к чему-то более величественному — к единению всей расы со Вселенной.

— Разумеется.

— Нет… вовсе не «разумеется». Вы не имеете представления о том, как сложно людям понять такую концепцию. Смерть для нас уникальна и индивидуальна — это либо конец всего, либо освобождение нечто, называемого «душой», которая в конечном счете и устанавливает взаимоотношения личности со Вселенной.

— Такими отношениями обладает раса, — сказала капитан. — Отдельная личность — всего лишь небольшая частичка.

— Для вас, альбенаретцев, но не для нас. В этом вся разница. Мы всегда воспринимаем себя отдельными личностями. «Когда я умру, — скажет любой из нас, — наступит конец света». Вы, альбенаретцы, не можете по-настоящему оценить такой образ мыслей, как и мы не можем по-настоящему оценить ваш Путь и его повороты.

— В таком случае у нас нет ничего общего.

— Есть. Общая недостаточность. Мировоззрения наших обеих рас были адекватными до тех пор, пока каждая из них жила только и исключительно в мире своего появления. Но теперь обе странствуют по космосу, и вам недостаточно просто переложить Путь и его повороты из понятий единственного мира в универсальные термины. Такой путь ведет к остановке развития и физической смерти для всей вашей расы. Точно так же и нам, людям, теперь недостаточно заявления: «Когда я умру, Вселенная исчезнет». Потому что теперь мы увидели Вселенную и знаем, что она слишком велика, чтобы исчезнуть лишь потому, что умер один человек. В качестве отдельных личностей мы сталкиваемся со Вселенной, слишком большой для нас.

— Общая недостаточность не может нас связывать.

— Связывает то, что в обоих случаях мы можем чем-то помочь друг другу, — сказал Джайлс. Внезапное озарение снова посетило его, подсказывая новые аргументы в этом споре. — То, чего не хватает нам, людям, отчасти уже есть в мировоззрении вашей расы — опора на идею, что выживание расы важнее всего. Как отдельные личности мы слишком незначительны, чтобы противостоять Вселенной, но как раса — вполне способны. Это то, чего не хватает в нашем мировоззрении. А вам, альбенаретцам, не хватает вот какой нашей черты: отдельная личность готова бороться за выживание даже тогда, когда вся мудрость расы уверяет, что выживание невозможно. Вспомните: вы сдались, а я все-таки привел сюда спасательную шлюпку.

Эхо его слов затихло в маленькой кабине рудовозной тележки, за окнами которой расстилался безжизненный ночной пейзаж из серебристых пятен и неземной черноты. Джайлс повернулся и уставился на неподвижную круглую голову своей инопланетной собеседницы, ожидая ее реакции. Какой будет эта реакция, он предсказать не мог. В человеческих понятиях он самым жестоким образом напомнил ей о ее неудаче в том, чем она особенно гордилась.

— Это так, — наконец медленно произнесла капитан. — И это действительно не укладывается у меня в голове. Вы сделали то, чего никак не могли сделать.

— Потому что у меня не было выбора. Я должен был добраться до 20В-40, даже если бы Вселенная, все альбенаретцы и все остальные люди сопротивлялись этому или считали невозможным.

Капитан медленно повернула голову и посмотрела на него.

— Но то, что вы описали — это анархия. Никакая раса не сможет выжить, если ее представители таковы.

— Наша выжила. И даже, как видите, вместе с вами, альбенаретцами, путешествует через космос.

Она отвернулась от него и какое-то время смотрела через ветровое стекло на каменистую равнину.

— Если вы правы, — наконец сказала она, — как мы можем помочь друг другу, ваш народ и мой?

— Мне нужна ваша помощь, — признался Джайлс, — чтобы спасти человека от других людей, которые хотят использовать его как предлог для уничтожения множества человеческих жизней, по сути миллионов. Вместе мы способны

забрать его у них, а также лишить их оправдания, примерно так же, как вместе мы благополучно привели спасательную шлюпку к этой планете. Ведь хотя на последнем участке вы не могли управлять шлюпкой, до того момента я не смог бы управлять ею. Я был не способен к этому до того, как прожил столько дней на борту этого маленького судна и узнал нечто о вашей и нашей расе, из чего понял, сколь многое из того, во что я раньше верил, было неверным.

— Но если мы и сделаем что-то вместе, что это докажет?

— Это докажет, что мы способны восполнять недостатки друг друга, — сказал Джайлс. — Докажет, что вместе мы способны на такое, с чем никто из нас не справится по раздельности. Спасти жизни нескольких человек и одного капитана Райумунг — это не очень значительное достижение. Но спасти жизни многих людей, а тем самым потенциально спасти жизни многих альбенаретцев, предоставив им возможность следовать по Пути при новом уровне понимания и сотрудничества между нашими расами — это станет достаточно заметным достижением, чтобы убедить и вашу расу, и мою, что обе должны научиться рассуждать иным образом и работать

вместе, в космосе и на планетах, а не только в каких-то узких отдельных сферах. И польза от такого изменения наших взглядов, возможно, доставит великую честь вам и вашему ребенку.

Она слегка пошевелилась в кресле — беспокойно, как ему показалось.

— То, о чем вы говорите, выходит за рамки применимости моей личной чести. Вы хотите чего-то необычного.

— Я знаю, — согласился он. — Если на альбенаретском для этого и есть слово, мне оно не известно. А на языке людей это называется «дружба».

— «Дружба», — повторила она. — Это весьма странное понятие, если оно не основано ни на родстве, ни на долге, ни на логических основаниях сотрудничества.

— Она основана на взаимном уважении и симпатии. Этого достаточно? Или нет?

Он сидел, ожидая ее ответа. Альбенаретка снова повернула к нему лицо. Как всегда, ее взгляд и тон голоса были непроницаемы.

— Все это ново для меня, — сказала она наконец. — Правда, я заметила, что между представителями вашей и моей расы на 20В-40… — она резко замолчала. — Ну, во всяком случае, пока

достаточно того, что вы сказали. Куда же, по-вашему, нам нужно поехать сейчас?

Лихорадочное возбуждение, придававшее ему силы, вдруг схлынуло, и Джайлс обмяк в кресле.

— В истории передвижений этой тележки имеется один пункт назначения — тот, куда я ездил, прежде чем стал разыскивать вас… — хрипло пробормотал он.

Ее рука потянулась к диску прокрутки журнала и стала вращать его.

На маленьком прямоугольном экране пульта управления тележки замелькали цифры.

— Нашла, — сказала она. — Теперь задала координаты автопилоту.

Рудовозная тележка резко повернула направо. Джайлс закрыл глаза и позволил себе уплыть на затопившей его слегка тошнотворной слабости…

— Мы прибыли, — объявил голос капитана.

Он снова открыл глаза и обнаружил, что тележка стоит неподвижно, словно бы заблудившись где-то среди освещаемой белым карликом равнины. Постепенно его глаза адаптировались, и он разглядел впереди сквозь ветровое стекло очертания одиночного купола.

— Отлично, — пробормотал он. — Вы остановились снаружи.

— Мы договорились лишь о том, что делать до этого момента, — сказал капитан. — Вы хотите, чтобы теперь мы въехали внутрь?

— Да, — ответил Джайлс, приходя в себя и снова черпая силы в лихорадочном возбуждении, всегда готовом прийти на помощь. Но при этом ощущал, что боль и глубокая слабость тоже никуда не исчезли и тугой металлической лентой охватывали всю верхнюю часть его тела.

— Да, — повторил он, — но не надо въезжать. Здесь где-то должен быть обычный вход, там, возможно, мы сможем войти так, чтобы они об этом не знали.

Он попытался сесть, но смог лишь слабо пошевелить руками.

— Подождите, — сказала капитан.

Она повернулась и потянулась к задней части тележки, к отсеку, где хранились термокостюмы на случай аварийной ситуации. Один из них встряхнула перед собой на вытянутых руках — но тот оказался явно рассчитанным на заметно меньшую человеческую фигуру.

— Вы не можете выйти без термокостюма, — в отчаянии произнес Джайлс, уже надевший прозрачный шлем. — Снаружи слишком холодно.

— Других здесь нет, а этот мне не подходит, —

равнодушно сказала капитан. — Но тут недалеко, так что это не имеет значения.

Она вышла из машины, обошла ее и открыла дверцу со стороны Джайлса. Взяв его на руки, направилась вместе с ним к куполу. Дыхание вырывалось у нее облачками пара, и почти сразу же вокруг рта и носа начали образовываться сосульки. Судя по всему, она без труда удерживала на весу тело Джайлса, и по каменистой неровной земле шагала спокойно и размеренно.

Она стали обходить купол и почти с другой стороны от большой двери, ранее впускавшей тележку Джайлса, нашла маленький вход, управляющая кнопка рядом с которым светилась красным, что означало, что дверь не заблокирована. Капитан, продолжая держать Джайлса, нажала кнопку, и дверь скользнула в сторону. Она внесла человека внутрь, дверь за ними снова закрылась, и зажегся свет, освещая небольшую прихожую и еще одну дверь.

— Теперь вы можете идти? — спросила она.

Джайлс покачал головой.

— Это не имеет значения, — сказала она. — Тогда я понесу дальше.

Она подошла к следующей двери, открыла ее и поднялась по короткому пандусу в застелен-

ное коврами внутреннее пространство дома. Из коридора, ведущего вправо, доносились голоса, и капитан повернулась и понесла Джайлса в ту сторону. Вскоре они прошли сквозь световую завесу, накрывавшую вход, и оказались в гостиной, в которой Джайлс ранее уже побывал.

Капитан остановилась. На отражающей стене в противоположном конце комнаты появилось изображение ее и Джайлса. Он в своем скафандре выглядел бледным, но в остальном вполне заурядным, тогда как капитан искрилась черным и серебристым, как и пейзаж снаружи, потому что мех, покрывающий ее тело, теперь был усеян крошечными кристалликами льда в тех местах, где теплый влажный воздух помещения соприкоснулся с ее холодным телом.

Она подошла к ближайшему незанятому плавающему в воздухе креслу и усадила в него Джайлса, а затем сняла с него шлем. После этого распрямилась и повернулась к находящимся в комнате людям, все это время молча смотревшим на нее.

— Я принесла сюда знакомого вам магната, — сказала она. — Он должен сделать кое-что — в том числе с моей помощью. Но прежде чем помочь вам, я хочу увидеть, есть ли между вами или

между ним и вами нечто, называемое «дружба». Вы должны понимать, что означает это слово вашего языка.

17

Сидя беспомощно в кресле, Джайлс проклинал себя. Он понял, что совершил самую дурацкую из возможных ошибок — оказался в плену антропоморфизма. В эмоциональном порыве он упустил из вида, что у капитана нет того человеческого представления о дружбе, к которому он пытался апеллировать. С чего он вдруг решил, что может так просто представить себя на месте существа с иной физиологией и воспитанного в иной культуре?

Бисет, Эстевен, Грос, Ди, Фрэнко и даже Мара, собравшиеся возле кресла, в котором сидел Пол Окэ, стояли молча, уставившись на Джайлса и капитана. Но теперь Пол оказался в кресле связанным, и тонкая струйка крови стекала из уголка его рта. Очевидно, Пол каким-то образом проявил свой норов, и Бисет обрушила на него свой гнев. Возможно, еще есть надежда. Пол для него был самым близким другом за всю жизнь. Он сейчас, может быть, признает дружбу с Джайлсом и этим удовлетворит капитана. Без помощи

альбенаретки у них обоих нет никакой надежды, и Пол должен понимать это.

— Пол, — поспешил обратиться к нему Джайлс, — капитан Райумунг узнала от меня, что существует такая штука, как «дружба». Но для нее это лишь слово. Ведь мы с тобой когда-то были друзьями, Пол, не так ли? Ты не откажешься признать это, правда?

Он вложил максимум выразительности в последние слова, чтобы Пол понял невысказанное послание: «Поддержи меня — и выживешь сам, иначе нам обоим конец».

Пол уставился на него.

— Я… — начал было Пол, но в его лице и теле проявилась какая-то напряженность. Джайлс увидел на его лице то, чего не видел уже много лет. — Нет, — уверенно ответил Пол. — Чего бы я ни выигрывал, соглашаясь с тобой, мой ответ: нет. Я никогда не лгал, не солгу и сейчас. Мы выросли вместе, но никогда не были друзьями. У меня не было друзей, как и у тебя. Ни один настоящий магнат не способен на дружбу. У него есть только долг.

Он без смущения встретил взгляд Джайлса. Тот слабо мотнул головой — мимолетная надежда рушилась на его глазах, но он не мог винить в

этом другого человека. В конце концов, Пол Окэ дал ответ теми словами, на которых держалось все его воспитание, такими словами, в соответствии с которыми и сам Джайлс когда-то был готов жить и умереть.

— Ладно, — сказал он, — но если дело только в этом, Пол, то я больше не настоящий магнат. После путешествия на шлюпке я понял, что есть нечто и поважнее, чем долг. — Он перевел взгляд на трудяг, стоявших возле кресла со связанным Полом. — Даже в отношении всех вас. Сначала я хотел только попасть на 20В-40 и найти Пола, потому что так мне велел долг. Отправившись в полет на спасательной шлюпке, я имел твердое намерение спасти всех вас — это тоже мой долг, так поступил бы любой из *Стальных*. Но за время полета я познакомился с вами поближе. Я полюбил вас, всех вас, как людей, несмотря на то, что поступки каждого из вас разочаровывали меня, раздражали и огорчали. Вы не ангелы. Люди такими никогда и не бывают. Вы даже не из магнатов. Но вы — те люди, с которыми я жил и чуть не погиб, и теперь вы все что-то значите для меня. Вы — и все трудяги, подобные вам, там, на Земле. — Он печально оглядел их. — В самом деле никто из вас не понимает, о чем я говорю?

Неужели среди вас нет никого, кто бы тоже это почувствовал — то, о чем я говорю?

Мара внезапно отделилась от группы и присоединилась к нему.

— Верните ее! — прорычала Бисет. — Эстевен, Грос, притащите ее обратно!

Двое мужчин переглянулись в нерешительности.

— Ну же, действуйте! — возмутилась Бисет. — Делайте, что я вам приказала!

Мужчины отвернулись друг от друга и оба подошли к креслу Джайлса. Но, дойдя до кресла, не потащили назад Мару, которая теперь стояла за спиной Джайлса, положив руки ему на плечи. Вместо этого они встали по обе стороны от Мары и повернулись лицом к Бисет.

— В чем дело, болваны? — пылала гневом Бисет. — Тащите ее сюда!

— Нет, — заявил Эстевен. Его лицо было бледным и покрыто каплями пота. — Ты мне не хозяйка. Если бы все случилось так, как ты планировала, я бы уже сошел с ума или умер бы от тонка. Джайлс спас меня от капитана и спас меня от этой дряни! С какой стати я должен подчиняться тебе?

— Совершенно верно, — согласился с ним

Грос. — Мы тебе не принадлежим.

— Не принадлежите? Ты, амбалье отродье… — Бисет замолчала, потому что все остальные, только что стоявшие рядом с ней, направились к Маре, Эстевену и Гросу рядом с Джайлсом. — Вернитесь все немедленно!

Только Ди при этом замедлилась, услышав приказ женщины-полицейского, но Фрэнко схватил ее за руку и потащил с собой. Все подошли к Джайлсу и повернулись лицом к Бисет.

— Мы не чья-то собственность, — сказал Эстевен. — Здесь, в колониальном мире, все по-другому. Ты не можешь бить нас, или судить как преступников, или отправлять на принудительные работы только потому, что тебе так захотелось. Здесь тебе еще потребуется доказать, что мы в чем-то виновны.

— Ты так думаешь? — мрачно сказала Бисет. Она сунула руку в карман и достала лазерный пистолет. — Я могу убить вас всех, а потом скажу, что вы были революционерами из «Черного четверга». Меня продержат под домашним арестом, пока не прибудет следователь с Земли, и кого бы сюда ни послали, он меня оправдает. Так что можете считать, что вы уже в могиле…

Она следила лишь за теми, кто ей противосто-

ял. Капитан внезапно рванулась к ней большими шагами. Бисет резко вскинула лазерный пистолет, чтобы нацелиться им в упор на высокую фигуру альбенаретки.

— Назад! — приказала она. — Я убью и вас, если понадобится.

Но капитан не остановилась. С такого расстояния Бисет не могла промахнуться.

В отчаянии Джайлс выхватил из кармана куртки свой незаряженный лазерный пистолет и навел на нее.

— Бисет! — выкрикнул он.

Она бросила в его сторону взгляд, увидела лазер и повернула свое оружие, чтобы выстрелить в него, а затем направить луч на капитана. Но времени для всех этих действий уже не оставалось. Джайлс увидел мерцающий свет на конце ствола оружия Бисет, услышал, как Грос вскрикнул и хлопнул ладонью по обожженному предплечью, затем высокая темная фигура капитана налетела на более низкую человеческую фигуру перед ней, и Бисет упала.

Джайлс, расслабившись, обмяк в кресле, и в глазах у него замельтешило. Сознание его оставалось ясным, но головокружение угрожало унести его прочь. Он видел двух… нет, трех капитанов.

Он заморгал и попытался приглядеться, но все трое остались. Комната вдруг оказалась полна альбенаретцев, а также здесь оказались другие люди, которых не было несколько секунд назад. Один из них, Амос Барси, сейчас наблюдал, как двое с полицейскими повязками — явно сотрудники местной полиции 20В-40 — развязывали Пола Окэ.

Освобожденный Пол поднялся на ноги, и его повели из комнаты. Проходя мимо кресла, в котором все еще сидел Джайлс, он задержался.

— Запомни этот день, Джайлс. Сегодня ты лишил человечество возможности самосохранения и направил его на путь окончательной гибели, по которому уже идут эти альбенаретцы.

— А может, новый путь для обеих рас — это дорога к жизни, — ответил Джайлс. — Надо подождать и посмотреть, не так ли, Пол? Но готов держать пари, что мой путь — верный.

Пол молча повернулся и позволил увести себя.

Двое унесли тело Бисет, а там, где стоял Пол, теперь оказался человек с медицинской сумкой, который принялся обрабатывать раны Джайлса. Поверх его головы он увидел высокую фигуру альбенаретца, подошедшего и смотрящего сверху вниз.

— Капитан? — неуверенно спросил Джайлс на бейсике. Даже проведя столько дней на спасательной шлюпке, он сомневался, что способен опознать конкретного альбенаретца.

— Я удовлетворена, — сказала она. — Похоже, стоящая штука эта дружба. И мне сказали, что некоторые другие представители нашей священной расы, побывавшие на новых мирах, таких, как этот, тоже так считают.

— Сказали… — Джайлс оглядел комнату, другие высокие темные фигуры. — Откуда они все взялись?

— Я сама не подозревала, — сказала капитан. — Но очевидно, что пока вы ждали меня, ваше спокойствие и другие необычные особенности поведения вызвали беспокойство у того из нашей расы, кто встретил вас и послал за мной. Из предосторожности он связался с местной полицией людей, и те прикрепили к вашей рудовозной тележке подслушивающее устройство, пока вас возле нее не было. Нас слушали, когда мы разговаривали по пути сюда, и за нами следовали как мои соплеменники, так и ваши.

Джайлс слегка покачал головой. После укола, сделанного медиком, боль начала отступать, а силы возвращаться, но нельзя сказать, чтобы он

полностью пришел в себя.

— Не понимаю, — сказал он.

— За нами внимательно следили с того самого момента, как мы появились здесь, на 20В-40, магнат. Насколько я могу судить, в колониях на этих новых мирах наши расы кажутся более похожими друг на друга, чем в других местах. Но я жду, когда вы исполните свое обещание.

— Обещание?

— Вы обещали сказать мне, кто из вас, людей, уничтожил мой звездолет. Я хочу услышать это сейчас.

— Джайлс… — предостерегающе сказала стоявшая рядом с ним Мара. Но он поднял руку, успокаивая ее.

— Я скажу.

— Джайлс!

— Не беспокойся, все будет хорошо. Слушайте. — Он повернулся к капитану. — Я установил бомбу на борту вашего корабля.

— Вы? — Высокое и худое тело капитана чуть заметно подвинулось к нему.

— Да. Это было частью плана, разработанного «штурмовой группой» Окэ, чтобы я попал на 20В-40, не вызывая при этом подозрений Пола, что кого-то из нас послали убить его. — Джайлс

покачал головой. — Подумать только, я покинул Землю с намерением убивать. Но в тот момент я многое понимал неправильно. — Он снова посмотрел на капитана. — Идея была в том, чтобы нанести вашему звездолету небольшие повреждения и вынудить вас повернуть к 20В-40 для ремонта. Когда мы оказались бы тут, я покинул бы корабль и нашел Пола.

— Продолжайте. — Голос капитана казался отстраненным, без малейших эмоций.

— Чтобы реализовать задуманное, — устало рассказывал Джайлс, — мне требовалось взорвать бомбу в определенный момент. Вот почему я знал кое-что о курсе вашего звездолета и в какой стороне располагалась система 20В-40 от того места, где все это случилось. Взрыв, по нашим расчетам, должен был повредить корабль ровно настолько, чтобы вынудить вас отклониться с маршрута, но не помешать кораблю безопасно долететь до 20В-40. В мои планы вовсе не входило добираться сюда на спасательной шлюпке.

На последних из этих слов в его голос вернулась жесткость и уверенность.

— Ты все тщательно спланировал, — сказала капитан. — Но бомба оказалась чересчур мощной?

Джайлс покачал головой.

— Она была ровно такой, как надо. Но ей была оказана «поддержка», на которую я вовсе не рассчитывал. Кто-то добавил к ней вторую бомбу, гораздо более мощную, настолько, что она полностью разрушила ваш звездолет. — Голос его стал печальным. — Милостивый боже, ну разве могла кучка революционеров-любителей раздобыть что-то такое, от чего металл запылал, как сухие листья?

— Но для чего понадобилась вторая бомба? — требовательно спросила капитан.

— Для другого плана, о котором я не подозревал. В соответствии с ним я должен был добраться до 20В-40 на спасательной шлюпке, что в итоге и произошло. Но не один, а с группой людей. — Джайлс с трудом поднял руку и указал на Мару и других трудяг со шлюпки, все еще стоявших вокруг его кресла. — Предполагалось, что если звездолет погибнет, альбенаретцы предпочтут умереть вместе с ним — все, кроме одного, который поведет шлюпку в безопасное место из чувства долга перед немногими выжившими людьми.

— Почему вы согласились на эту вторую бомбу и другой дальнейший план? — бесстрастно поин-

тересовалась капитан.

— Я этого не делал. Обо всем этом знал только один человек на спасательной шлюпке. И этот человек выдал себя впервые лишь тогда, когда я пришел сюда, под этот купол. Бисет.

— Женщина, которую я только что убила?

Джайлс кивнул.

— Бисет призналась, что планировала доставить этих людей и себя вместе со мной на 20В-40 на спасательной шлюпке. Признавшись в этом, она выдала себя. Чтобы обеспечить такое, она должна была сама установить вторую бомбу, причем настолько сильную, чтобы не только уничтожить корабль, но и быть уверенной, что не выживет никто из трудяг, кроме тех, кого она отобрала на Земле. Не сомневаюсь, что если бы вы до взрыва осмотрели звездолет, то обнаружили бы, что все спасательные шлюпки, кроме нашей, были непригодными для использования.

В комнате повисло долгое молчание. Наконец капитан произнесла:

— Откуда ей было знать, что я… — голос чужака дрогнул, но затем она продолжила так же бесстрастно, как обычно, — что вы сможете справиться с управлением судном и приведете его на 20В-40, а не к Белбену?

— Она и не знала. Она и ее люди были такими же невеждами в отношении образа мысли альбенаретцев, как и я. Ей даже не приходило в голову, что вы поведете шлюпку куда-то еще, а не к ближайшей безопасной планете, которой была 20B-40. Когда же вы решительно заявили, что мы летим на Белбен, даже если все прибудут туда мертвыми, ей пришлось использовать джокера из своей колоды — того человека, которого она захватила как раз на случай, если потребуется сделать какую-то грязную работу. — Он повернул голову и посмотрел на Эстевена. — Она давала тебе сначала и наркотик, и бумагу, так ведь? А потом сказала, что бумаги больше нет.

— И я ей поверил! — воскликнул Эстевен. — Я поверил ей! Вот почему испортил книгу.

— Да, — согласился Джайлс и повернулся к капитану. — Теперь вам известно все, Райумунг.

— Да, — сказала она и высоко подняла голову. — И теперь, зная все это, я заберу обратно своего ребенка и продолжу жить. Мое бесчестие отменено, поскольку я убила того, кто убил мой корабль; а кроме того я удостоена чести, обретя то, что вы называете «дружба», и я объясню, что это такое, остальным представителям своего великого народа.

— И когда вы сделаете это, можно будет познакомить их с еще одним словом. Это «сотрудничество» — оно означает, что люди и альбенаретцы, если станут друзьями, могут совместно вести звездолеты через просторы Вселенной.

Темные глаза яростно сверкнули.

— Вы многое сделали, магнат, — мрачно сказала капитан. — Но будьте осторожны. Не пытайтесь сделать слишком много слишком быстро.

Взгляд ее оказался уставлен на Джайлса, и тот медленно кивнул.

— Возможно, вы правы, — согласился он. — В любом случае желаю вам счастья, Райумунг!

— Представители священного народа не нуждаются в счастье. Только в понимании Пути, в соответствии с которым творится судьба всех существ.

Она повернулась, чтобы покинуть их. Но вдруг снова обратила взгляд на Джайлса.

— Но только не рабы, — сказала она. — Однако я обнаружила, что изменила свое мнение о других существах, находящихся здесь. — Ее взгляд скользнул по трудягам, окружавшим Джайлса. — Они доказали, что все они не рабы. Рабом была только та, которую я только что убила. Именно это послание, более великое, я и несу альбена-

ретцам, а «дружба» — менее значительное. Ибо, говоря откровенно, уважение между нами и вами должно быть превыше всего остального.

Она развернулась и двинулась прочь, высокая, непреклонная, удаляясь большими размеренными шагами, так, будто теперь ясно видела свой путь к самым величественным вершинам вечности.

Чума из космоса

Посвящается Хьюберту Притчарду, в память о многочисленных чудесных днях

1

Склонясь над шахматной доской, доктор Сэм Бертолли так сильно нахмурился, что густые черные брови сошлись над глазами в сплошную черту. Он протянул руку и передвинул королевскую пешку вперед на квадрат. И расслабился, лишь когда экран полыхнул зеленым — это означало, что сделан правильный ход. Точно так же поступил Фишер в 1973-м, на Берлинском турнире. Консоль тихо зажужжала, чужой слон скользнул по диагонали и остановился. Компьютер играл за Ботвинника, противника Фишера на том историческом матче; ход был неожиданным и коварным. Сэм еще пуще нахмурился и совсем уже в три погибели сгорбился над консолью.

Киллер, сидевший по ту сторону стола из нержавейки, с громким шелестом перевернул журнальную страницу.

В отделении неотложной хирургии царила

тишина, а за его стенами гудел, гомонил, бубнил о чем-то своем окруживший больницу город. Он соблюдал дистанцию — но всегда был готов ворваться с ревом сирены. Нью-Йорк огромен, в нем двенадцать миллионов жителей. В любой момент распахнется дверь и внесут одного из них, бледного от болевого шока или сизого от цианоза.

И на этом самом столе, за которым уютно расположились отдыхающие медики, с человека срежут окровавленную одежду, и от благостной тишины не останется и помину. Помещение заполнится воплями дикой боли или предсмертными стонами.

Сэм пошел конем на королевском фланге, чтобы в самом начале сорвать атаку противника. Экран вспыхнул красным — Фишер ходил не так.

И в тот же миг зазвенело металлом сигнальное устройство на стене. Киллер оказался за дверью еще до того, как его журнал шлепнулся на пол. Сэм задержался и задвинул шахматный блок в консоль, чтобы не торчал. Он знал по опыту: есть секунда или две, пока принтер распечатывает карту вызова. И верно: едва блок скрылся в нише, из соседнего паза появился край карты. Выдернув ее, Сэм большим пальцем левой руки втопил

кнопку «Принято» и поспешил наружу.

Дверь кабины «Скорой» была открыта, выл турбинный двигатель, водитель сидел за баранкой. Сэм запрыгнул в машину и схватился за поручень, приготовился к сумасшедшему старту. Киллеру плевать, что машина велика и тяжела, он обожает рвать с места в манере банковского грабителя. «Скорая» аж тряслась, ей передавалась вибрация турбины, и только тормоза удерживали автомобиль на месте. В тот самый миг, когда Сэм очутился на сиденье, Киллер отпустил их и вдавил педаль газа. Машина ринулась вперед, от рывка захлопнулась дверца кабины. Они устремились вниз, к выезду на магистраль.

— Док, куда на этот раз?

Сэм напряг глаза, разбирая медицинские символы на распечатке.

— Угол Пятнадцатой улицы и Седьмой авеню. А-семь-одиннадцать, какое-то дорожно-транспортное происшествие, один пострадавший. Скажи-ка, ты можешь проехать хотя бы футов сто, не мотая эту махину? Мне надо взять хирургический комплект.

— До поворота еще три квартала, — невозмутимо ответил Киллер. — У вас семь секунд, потом надо будет держаться.

— Спасибо.

Сэм протиснулся по узкому коридору, отстегнул от борта серый стальной ящик, вернулся на сиденье и поставил его на пол между ногами. Посидел, глядя, как сбоку мелькают дома и неподвижные автомобили. О выезде медиков к месту ДТП была оповещена по радио служба транспортного контроля, на консольном дисплее каждой машины в радиусе четырех кварталов возник сигнал «прижаться к обочине и остановиться». Специально для «Скорой» светофоры зажигались зеленым, а трели ее сирены очищали улицы от пешеходов. Доктор Бертолли едва успевал замечать неподвижные велосипеды и озадаченные лица седоков.

Все глаза следили за белым силуэтом стремительно проносящегося мимо медицинского автомобиля.

Флегматичный интерн стоически переносил резкий крен на поворотах, сохраняя невозмутимое выражение мужественного, с квадратной челюстью лица. Делать Сэму было совершенно нечего, сейчас работал Киллер, его задача — доставить врача к месту происшествия. А гадать, что они там обнаружат, нет смысла. Очень скоро все выяснится.

Крупного телосложения, с большими руками, покрытыми курчавым черным волосом до верхних фаланг, Сэм был жгучим брюнетом; как бы часто он ни брился, щеки оставались синеватыми; между бровями пролегла глубокая складка. Такая внешность больше подходит для полицейского или профессионального боксера, чем для врача.

Но Сэм Бертолли был врачом, причем отличным; год назад он попал в пятерку лучших выпускников медицинского колледжа. Через несколько недель, к концу июня, у него закончится интернатура и начнется ординатура. Он четко распланировал свою жизнь — и строго придерживался плана.

Киллер Домингес казался его полной противоположностью. Маленький, с несоразмерно большой головой, он был беспокойным и нервным, как петух на орлиной ферме.

Тощие руки крепко держали рулевое колесо, мышцы были постоянно напряжены, челюсти энергично мололи жвачку.

На сиденье он всегда держал толстую подушку — она позволяла легко управляться с баранкой, зато короткие ноги едва доставали до педалей. Но в больнице не было водителя лучше его, и, прежде

чем устроиться на эту должность, он шестнадцать лет проработал таксистом. Лабиринт городских улиц был родной средой обитания для Домингеса, и он себя чувствовал уютно, лишь когда гнал по ним несколько тонн металла. Ньюйоркец в восемнадцатом поколении, Киллер был превосходно приспособлен к такой жизни и не мыслил себе иной.

С визгом тормозов «Скорая» повернула на Седьмую авеню и подкатила к собравшейся на углу толпе. Полицейский в синем мундире дал знак остановиться у тротуара.

— Несчастный случай, доктор, — сказал он Сэму, спустившемуся с тяжелым ящиком. — Мужчина хотел воспользоваться старым уличным подъемником и умудрился сунуть ногу под платформу. Оттяпало почти полностью! Я был рядом, за углом, услышал крик.

Толпа раздалась в стороны, пропуская врача и полицейского. Сэм присмотрелся к молодому блюстителю порядка: слегка волнуется, но старается не подавать виду. Они приблизились к подъемнику, и Сэм, прежде чем щелкнуть застежками ящика с хирургическим комплектом для оказания первой помощи, подверг место происшествия неспешному, тщательному осмотру.

Платформа находилась на фут ниже тротуара, и на ней лежал в темной кровяной луже полный седой мужчина лет шестидесяти. Левая нога была подогнута под туловище, правая защемлена между металлической окантовкой ниши подъемника. У пострадавшего были закрыты глаза, кожа приобрела восковой цвет.

— Кто-нибудь имеет представление, как работает эта штука? — обратился Сэм к толпе зевак.

Они снова расступились, пропустили спешащего на зов подростка.

— Я, док! Я знаю! Тут ничего сложного, красная кнопка — вниз, черная — вверх.

— Ты только знаешь — или уже это делал? — спросил Сэм, прижимая универсальный диагностический прибор к внутренней стороне запястья пациента.

— Делал много раз, — ответил мальчуган тоном оскорбленной невинности. — Ящики спускал…

— Вот и отлично. Становись к пульту и по моей команде опускай платформу на фут. Когда я скажу «вверх», подними ее вровень с тротуаром.

В тот же миг ожили миниатюрные дисплеи прибора.

Температура тела — ниже нормы, кровяное давление слишком слабое, пульс чересчур быст-

рый для мужчины в этом возрасте. Конечно, сказываются шок и серьезная кровопотеря, вон какая лужа на платформе.

Правая штанина была разорвана, врач широко развел края. Нога почти полностью отсечена чуть выше колена, в белую плоть культи глубоко вдавился черный кожаный ремень. Сэм перевел взгляд на встревоженное лицо полицейского.

— Ваша работа?

— Да. Я же сказал, что был рядом, когда это случилось. Нам только в самых крайних случаях можно притрагиваться к пострадавшему, и я решил, что это как раз такой случай. Очень уж сильно хлестала кровь, он бы скоро умер. Вот я и перетянул ногу его же ремнем. А потом он потерял сознание.

— Вы все сделали правильно, спасли ему жизнь. Пусть он потом скажет вам спасибо. А сейчас оттесните толпу и передайте моему водителю, что нужна каталка.

Пока Сэм говорил, его руки работали. Вынимали из ящика металлический турникет с пультом управления, проталкивали под поврежденную ногу напряженный жгут.

Едва тот появился с другой стороны, Сэм нажатием на кнопку возвратил ему гибкость, обернул

его вокруг ноги и вставил конец в пульт управления. Когда передвигающиеся по жгуту шары оказались над основными кровеносными сосудами, он включил питание. Турникет напрягся, шары прижались к ране, полностью остановили кровотечение.

— Опускай, — скомандовал он и ввел пациенту в вену противошоковое — два миллиграмма адреналина.

Платформа вздрогнула и резко опустилась. Раненый застонал, замотал головой. Сэм посмотрел на искалеченную ногу. Выглядела она жутко, металлические кромки отделили ее почти полностью. Бедренная кость сломана, обрубок держится только на полоске кожи да на том, что осталось от прямого мускула и портняжной мышцы.

Врач быстро принял решение. Достал из ящика большой и острый как бритва скальпель, крепко взялся ниже окровавленного колена и одним точным движением рассек плоть, что удерживала отрубленную ногу. И вот ампутированная конечность обернута стерильным пластиком, а пострадавший отодвинут от края платформы. Теперь можно ее поднимать.

Киллер был наготове, с помощью полицейского работники «Скорой» переложили раненого

на медицинскую тележку. С профессиональной точностью движений Киллер накрыл его покрывалом до подбородка и повез к машине, которая стояла с опущенной задней дверью-аппарелью.

Опытная бригада трудилась споро и четко: Сэм пристегивает каталку к борту, Киллер закрывает дверь.

— Док, мы торопимся? — спросил водитель, забравшись на свое сиденье.

— Гони как можно быстрее, только без резких поворотов. Я ему дам плазму.

С этими словами Сэм вытянул из прикрепленного наверху контейнера шланг, сорвал колпачок со стерильной иглы и воткнул ее в вену спереди от локтевого сустава, не забыв протереть спиртом вялую кожу на предплечье пациента.

— Как он, док? — спросил Киллер, быстро, но плавно ведя машину по опустевшей улице.

— Не так уж и плохо для подобной травмы. — Сэм ремешком пристегнул универсальный прибор к запястью незнакомца.

Устройство не только показывало важнейшие параметры состояния пациента, но и регулярно записывало данные на крошечном диске.

— Но ты все-таки свяжись с больницей, пусть готовят операционную.

Пока Киллер говорил по рации, Сэм направил на грудь ультрафиолетовую лампу, и в ее лучах стала видимой татуировка: тип и группа крови, дата рождения, медицинские препараты, вызывающие аллергию. Все это он переписал в карту вызова. И тут над головой ожил динамик.

— Это Перкинс, неотложная хирургия. Мою руки. Что там у вас?

— Эдди, тут у нас ампутация, — проговорил Сэм в лацканный микрофон. — Правая нога перерублена в четырех дюймах выше коленной чашечки. Пациенту шестьдесят три года, пол мужской, первая группа крови…

— А что с конечностью? Сэм, ты ее захватил или мне разогревать ногу из наших запасов?

— Я везу его ногу. Слегка почистишь от омертвелой ткани, и сгодится.

— Присылай остальные данные, к вашему приезду все будет готово.

На разгрузочной платформе уже поджидали санитары. Они опустили заднюю дверь и забрали каталку с пациентом.

— Это вам тоже пригодится. — Сэм передал сверток.

В карте оставалась лишь одна незаполненная графа. Он вписал время прибытия и сунул лист в

ящичек на каталке.

И лишь после этого заметил вокруг необычную суматоху.

— Док, вроде что-то серьезное, — сказал подошедший Киллер. Он чуял всеобщее возбуждение, только что ноздри не трепетали. — Пойду выясню, в чем дело.

Он поспешил к группе санитаров, которые на краю платформы складывали в штабель опечатанные ящики.

Действительно, происходило что-то серьезное. Это было очевидно. У дальнего конца платформы стоял грузовик, в его кузов заносили медикаменты. А рядом в поджидающую «Скорую» забирались два интерна.

— Доктор Бертолли? — раздался за спиной у Сэма женский голос.

— Он самый.

Сэм повернулся и увидел высокую девушку. Зеленовато-серые глаза — почти вровень с его глазами, взгляд уверенный. Волосы натурального рыжего, почти огненного цвета.

И даже бесформенный медицинский халат не в силах утаить изящные линии ее фигуры.

Где-то Сэм уже видел эту девушку — может, в кафе для медперсонала? — но ни разу с ней не

разговаривал.

— Я Нита Мендель из отделения патанатомии. Похоже, в городе какое-то ЧП. Доктор Гаспар распорядился, чтобы я отправилась с вами.

У нее не было ни значка, ни медицинской шапочки — значит, не медсестра.

— Вот наша машина, доктор. Добро пожаловать на борт. А поподробнее не можете сказать, что случилось?

— Лучше по имени: Нита. Нет, я совсем не в курсе. Меня выдернули из лаборатории и бросили сюда.

Подбежал Домингес, остервенело жуя резинку.

— Док, двинули! Здрасте, доктор Мендель! Дело и впрямь нешуточное, коли вас стащили с седьмого этажа. — В больнице Бельвью Киллер знал всех и каждого, и ни одно событие не могло миновать его ушей. — Запрыгивайте. «Мясной экспресс» отправляется через шесть секунд.

— Куда едем? — осведомился Сэм, глядя на дюжину загруженных в «Скорую» коробок, каждая с наклейкой «Первая помощь».

— Аэропорт Кеннеди, — прокричал Киллер, перекрывая вой двигателя и визг тормозов.

Машина свернула за угол и нырнула в туннель, который начинался на Двадцать третьей улице и

уходил под Ист-Ривер.

Два врача сидели в салоне друг против друга, и Сэм никак не мог не заметить, что на спутнице очень короткий лабораторный белый халат, что он почти целиком открывает загорелые ноги. И эти ножки куда симпатичнее, чем та, которую ему довелось недавно нести под мышкой. Так бы и любовался без конца. Медицинская профессия приучает к аскетичности, чистоплотности и упорядоченности, но разве плохо, когда в этот строгий, суровый мир проникает толика женственности?

— Аэропорт, — сказала она. — Значит, крушение… Надеюсь, это не пятимаховый лайнер. Такие самолеты рассчитаны на семьсот пассажиров…

— Скоро узнаем, по радио что-нибудь скажут.

Впереди уже солнечно светился край туннеля. Сэм крикнул в кабину:

— Киллер, должны быть новости, настройся на «Общественные радиостанции Нью-Йорка».

«Скорая» выскочила наружу, и динамик грянул «Болеро» Равеля. Киллер поискал другие станции, но нигде не передавали новостей, поэтому он вернулся на официальную городскую волну — важное сообщение в первую очередь передадут по ней.

Оглашая окрестности раскатами болеро, они мчались по пустой автостраде.

— Впервые еду на «Скорой». Так волнующе!

— Не ездили по неотложным вызовам? Даже в интернатуре?

— Да. Защитив кандидатскую, я осталась в Колумбийском университете. Вообще-то, моя область — цитология. А вы заметили, что на дороге совсем нет машин?

— Трасса полностью автоматизирована. Радиопредупреждение о нашем выезде отправлено на несколько миль вперед, его получили все машины. Когда мы приближаемся, они останавливаются у обочины.

— Где вы видите машины? Пустое шоссе.

— Вы правы, мне самому следовало это заметить.

«Скорая» приближалась к одной из подъездных дорог аэропорта. Глядя в окно, Сэм сказал:

— Никогда не видел, чтобы полиция закрывала этот проезд. Все машины останавливают…

— Смотрите! — Нита показывала вперед.

Автомобиль накренился, это Киллер перестроился на полосу внутреннего движения, чтобы обогнать колонну.

Семь громоздких военных грузовиков, грохоча,

качаясь и подпрыгивая, следовали за штабной машиной на предельной скорости.

— Мне это не нравится. — У Ниты расширились глаза. — Тревожно. Что случилось, как вы думаете?

Она вдруг сделалась очень женственной и совсем не похожей на врача. Сэм подавил соблазн коснуться ее руки, успокоить.

— В ближайшее время мы это узнаем, невозможно долго скрывать большое событие.

На полуноте оборвалась музыка, заговорил диктор:

— Мы прерываемся на экстренный выпуск новостей. Два часа назад на орбитальные станции слежения поступил сигнал тревоги с лунного телескопа. Обнаружен неизвестный объект, приближающийся к Земле вдоль плоскости эклиптики. Вскоре он был опознан. Это «Перикл», космический корабль, предназначенный для вхождения в атмосферу планеты Юпитер…

— Невероятно! — ахнула Нита. — Сколько лет о нем не было вестей!

— …Попытки установить с «Периклом» радиосвязь ничего не дали, и позже, когда он вышел на орбиту Земли, сделал шесть полных витков, а затем покинул орбитальную траекторию — как

утверждает Космическое агентство, с явным намерением совершить посадку при крайне плохом управлении маневровыми двигателями. Экипаж «Перикла» проигнорировал все предупреждения, сделанные как по радио, так и визуально, и не попытался приземлиться в Сахаре или на космодроме Вумера. Вместо этого он практически вертикально опустился на расположенный около Нью-Йорка аэропорт Кеннеди. Нарушен нормальный график полетов, аэропорту причинен серьезный ущерб; возможно, не обошлось без жертв. О развитии событий — в наших дальнейших выпусках…

— Жертвы… — пролепетала Нита. — Как думаете, их много?

— Там может быть настоящий ад, — мрачно ответил Сэм. — Ежедневно прилетает и улетает порядка двух тысяч рейсов. И похоже, никого не успели предупредить. Конечно, все зависит от того, где сел корабль, в конце взлетки…

— Или на здания!

— Этого мы пока не знаем. Но, как я помню, «Перикл» размерами с высотный дом, и это едва ли не самая крепкая вещь из созданных человеком. Вряд ли корабль серьезно пострадал, но не завидую я тем, на чью голову он опустился.

— Как же так? Почему? Глупо же! Разве экипаж не понимал, что делает?

— Вы только что слышали новости. При посадке корабль плохо управлялся. Он провел в космосе больше двух лет, и уже никто не ждал его возвращения. Неизвестно, в каком состоянии вернувшиеся астронавты. Это чудо, что ему вообще удалось сесть.

— Матерь Божья! — воскликнул Киллер, тыча пальцем в лобовое стекло. — Вы только поглядите!

Впереди вздымалась автострада, подпираемая огромными столбами, а внизу раскинулась сложная развязка, там встречались потоки транспорта из Лонг-Айленда, Манхэттена и Международного аэропорта имени Джона Кеннеди. С высшей точки арочного наземного моста открылся вид на аэропорт, на низкие, разбросанные по большому пространству ангары и прочие постройки. Теперь там появилось новое сооружение, темная глыба, вздымающаяся на огромную высоту, в пять раз выше диспетчерской башни и шириной с городской квартал. По всей протяженности аэропорта расстелился дым.

И вдруг эта картина исчезла — они уже ехали вниз по эстакаде.

— Вы поняли, где он? — спросила Нита.

— Не совсем. Но в стороне от пассажирского терминала, это точно.

Их встретили полицейские — как городские, так и военные. Они махали жезлами, направляя «Скорую» по лабиринту подъездных путей к воротам, которые открывались прямо на летное поле. Вот полицейский поднял руку, требуя остановиться, а затем распахнул дверь со стороны водителя.

— Это у вас медикаменты из больницы Бельвью?

— В салоне. — Киллер ткнул большим пальцем себе за плечо.

— Разгрузитесь за ангаром «Скандинавских авиалиний», я покажу.

Полицейский втиснулся в кабину рядом с Киллером. Он ехал, держась за открытую дверь: лицо в копоти, мундир измят и грязен.

— Вон, видите «Скорую»? Станьте рядом. Ну и дела тут у нас, просто кошмар! Эта шутиха перла вслепую, она испекла на рулежке «Дуглас — девяносто пять», другой взорвала в воздухе и уселась аккурат на топливозаправщик. Мы еще не разобрались с жертвами. В жизни не видел таких страшных трупов…

Когда машина остановилась, полицейский спрыгнул и подозвал ближайших техников, чтобы выгрузили коробки. Сэм вышел из кабины и помог Ните спуститься. Появился изнуренный капитан полиции.

— Врачи? — спросил он.

— Да, — ответил Сэм. — Куда нам теперь?

— Здесь хватает докторов, как раз прибыл чартер с участниками медицинского конвента. А вот лекарства нужны позарез. Башня сообщила, что где-то на рулежке находился административный самолет, когда спустилась эта дьявольская штуковина. Я еще не выяснял, что с ним случилось, тут и без того дел по горло. Может, посмотрите? Рейсы перенаправляются на другие аэродромы, так что не опасно ехать напрямик.

— Конечно! Сейчас же и поедем. Домингес, ты слышал?

— Покатили, док! — прокричал Киллер. — Держитесь!

И дал по газам, да так, что тяжелая «Скорая» прыгнула вперед, точно заяц.

Сэм это предвидел, а потому успел обхватить Ниту за талию, не позволил упасть. Уже на ходу щелкнув тумблером, водитель поднял заднюю дверь.

— Ну и чудище! — подивился он, глядя в боковое окно.

Машина двигалась в объезд «Перикла» — ни дать ни взять жук, огибающий комель дерева. Киллер старался держаться подальше от выжженной земли и вздыбленных кусков бетона; все это еще дымилось. Юпитерианская ракета была бы очень похожа на короткий и толстый артиллерийский снаряд, если бы не окружавшие ее трубы реактивных двигателей. Она имела невероятно мощный корпус, о толщине и прочности которого позволяли судить выбоины — метровой глубины, но не сквозные. «Перикл» вообще был сплошь изрыт, изъязвлен, испещрен — не корабль, а кусок угольного шлака. Разглядывая эту громадину, экипаж «Скорой» подавленно молчал.

— Впереди самолет! — выкрикнул вдруг Сэм, и Киллер втопил педаль тормоза.

Небольшой летательный аппарат опрокинулся в воздухе вверх тормашками, разбился всмятку, а затем еще и вспыхнул; в результате остался бесформенный огарок. С первого взгляда стало ясно, что людям уже ничем не поможешь.

И все же врачебный долг требовал попытаться. Сэму удалось приотворить боковой люк и осмот-

реть внутренность «Дугласа». Ни одного живого, только обгорелые трупы.

— Возвращаемся, — вздохнул он. — Может, там от нас будет прок.

У Ниты в лице не было ни кровинки. Испугавшись, что она лишится чувств и рухнет на изуродованную рулежку, Сэм схватил ее под руку.

— Я… сомневаюсь, что смогу быть чем-то полезна, — проговорила она. — У меня не было врачебной практики, я работала в лаборатории, вела исследования…

— Это как в институте на показательной операции. Не волнуйся, все будет в порядке. В первый раз любому трудно, но руки автоматически делают то, чему тебя учили. И я абсолютно уверен, что ты хороший врач.

— Спасибо на добром слове. — Ее щеки чуть порозовели. — Я постараюсь. Просто не хочется выставить себя дурой.

— Нита, ты не дура. И стыдиться тут совершенно нечего. Нормальному человеку не доставляет радости картина катастрофы, да еще с такими жертвами…

— Смотрите! — воскликнул Киллер. — Вон туда, наверх!

Раздался скрежет, и с борта корабля, с двадцатифутовой высоты, посыпались куски окалины. Очертился круг диаметром десять футов. Фрагмент корпуса вывинчивался, точно огромная заглушка.

— Воздушный шлюз, — прокомментировал Сэм. — Они выходят.

2

Внутри металлической горы гудели моторы, клацали тяжелые детали, иногда раздавался крик. Толщина корпуса почти сводила эти звуки на нет. А вообще над аэропортом висела неестественная тишь, гнетущее безмолвие; впервые за многие-многие годы не ревели турбины и не выли пропеллеры. Поблизости опустилась стая скворцов, ее привлекли обнажившиеся на горелой земле насекомые. С океана прилетела чайка, она парила на неподвижных крыльях и лишь живо вертела головой, следила за скворцами — не обнаружили ли те что-нибудь съедобное. Вдруг, напуганная скрежетом, она заложила крутой вираж. Огромная, тяжеленная «заглушка» воздушного шлюза полностью вывинтилась из отверстия.

— Киллер, выгружай хирургический ком-

плект и аптечку, — распорядился Сэм. — Потом съездишь и расскажешь полицейским, что тут произошло. Быстро!

«Скорая» затихла вдали, теперь слышался только тонкий вой корабельных электромоторов. Он нарастал по мере того, как массивная дверь, освобожденная от запоров, отходила вбок. Когда образовалось достаточно широкое отверстие, наружу вывалилась складная металлическая лестница и распрямилась в падении; нижний конец замер под ногами у врачей. В отверстии люка появился человек, свесил ноги, неуверенно нашарил ими ступеньку — и начался медленный, мучительный спуск.

— Вы нездоровы? — прокричал астронавту Сэм. — Нужна медицинская помощь?

Никакого ответа, лишь заторможенные движения рук и ног.

— Я, пожалуй, заберусь и помогу ему спуститься…

— Он падает! — воскликнула Нита.

В десяти футах над землей руки астронавта потеряли силу, он сорвался, кувырнулся в воздухе и упал на бок. К нему подбежали врачи.

— Поаккуратней! — предупредил Сэм. — Ты освобождай руку, а я переверну его на спину. Будь

осторожна, у него вроде перелом.

Лицо астронавта было бледным, его покрывали красные нарывы — большие, с грецкий орех. Некоторые из них, лопнувшие, истекали гноем. Такие же прыщи виднелись на шее под воротом серого комбинезона и на тыльной стороне кистей.

— Какая-то разновидность фурункулеза, — медленно произнес Сэм. — Правда, ничего подобного я раньше не видел. Надеюсь, это не…

Он не закончил фразу — Нита испуганно ахнула. Сэм поднял голову, заглянул в ее расширившиеся глаза и понял, что в них отражается его собственный страх.

— Пахиакрия Тофольма, — произнесла она едва слышно.

— Или что-то наподобие. А может, и нет. Не будем гадать, лучше примем все меры предосторожности.

Он прекрасно помнил, что тогда произошло. Бактерия, которую подхватил лейтенант Тофольм в первой венерианской экспедиции, никак себя не проявляла до его возвращения на Землю. Обошлось без эпидемии, хотя погибло много людей и многим, чтобы остановить распространение инфекции, пришлось ампутировать руки и ноги.

После этого происшествия был ужесточен карантин для возвращающихся космических кораблей — к угрозе инопланетной заразы отнеслись очень серьезно.

Сэма вывел из задумчивости приближающийся шум моторов. Он вскочил на ноги и побежал навстречу «Скорой», за которой следовали два полицейских автомобиля.

— Остановитесь! — крикнул врач, вскинув руки.

«Скорая» завизжала тормозами, полицейские попытались ее объехать.

— Нет! Дальше нельзя! — загородил дорогу Сэм. — Лучше сдайте назад минимум на полсотни футов. Из корабля вышел человек, и он болен. Нужно срочно установить карантин. Рядом с пациентом можем находиться только мы с доктором Мендель.

— Все слышали? — хрипло обратился капитан полиции к своим подчиненным. — Отгоните машины.

На месте осталась только «Скорая».

— Док, я могу пригодиться. — Киллер говорил беспечным тоном, но при этом был белый как мел.

— Спасибо, Киллер, но мы с доктором Мен-

дель и сами справимся. Мы еще не выяснили, что с этим парнем, поэтому чем меньше здесь топчется народу, тем лучше. Отгони машину к полицейским, потом подробно доложи о случившемся нашему начальству, и пусть оно свяжется со службой общественного здравоохранения. Если не будет других распоряжений, я доставлю пациента, и тогда в больнице тоже понадобится надежная карантинная зона. После того как доложишь, загерметизируй машину, чтобы не осталось ни одной щели. Будут новости — сообщи мне. Действуй.

— Приказ ясен, доктор. — Киллер, криво ухмыльнувшись, сдал назад.

К этому времени Нита успела открыть и аптечку, и хирургический комплект. Теперь она крепила к запястью пациента манжету универсального диагностического прибора. Девушка услышала приближающиеся шаги и сообщила, не поднимая глаз:

— Похоже, сломана лучевая кость. Дыхание поверхностное, температура сто пять[2]. Он все еще без сознания.

Сэм опустился рядом на колени:

---

[2] Примечания: 2
По Фаренгейту, или 40,6° по Цельсию.

— Нита, ты лучше уезжай, я сам все сделаю. Нет смысла рисковать обоим.

— Чепуха! Какой тут риск? Да если бы он и был, я все-таки врач.

— Спасибо. — Улыбка на миг согнала тревогу с его лица. — Раз так, воспользуюсь твоей помощью…

Тут у пациента открылись глаза, из горла вырвался невнятный булькающий звук. Сэм осторожно отжал ему челюсть депрессором языка и осмотрел ротовую полость.

— Попугайский язык, — констатировал он, увидев характерную сухую, ороговелую поверхность, результат острой лихорадки. — Кажется, отекла слизистая оболочка горла.

Астронавт неподвижно глядел в лицо врачу, шейные мышцы судорожно подрагивали.

— Сэм, посмотри на пальцы! Они шевелятся, будто пишут. Этот человек хочет нам что-то сообщить.

Доктор сунул ему в руку массивный фломастер и подставил планшет так, чтобы можно было писать. Пальцы неуклюже двигались, оставляя на бумаге прерывистые каракули. Астронавт, при падении сломавший правую руку, явно был правшой. Кое-как выведя строчку и не закончив

фразу, он снова лишился чувств. Сэм осторожно уложил его на землю.

— «Бол», — прочитала Нита. — Дальше «но» или «на»… и «бор».

— «Бол… на бор…»? Он хочет сказать, что на борту есть больной? Или болезнь? Значит, там могут быть и другие пострадавшие. Пойду выясню.

Нита хотела что-то сказать, но осеклась и взглянула на дисплей прибора.

— Состояние не меняется, но все равно надо срочно отвезти пациента в больницу.

— Мы не сможем этого сделать, пока не получим команды от службы общественного здравоохранения. Давай пока устроим его покомфортнее. Не пытайся вправить руку, достаточно наложить иммобилизационную шину. Я поднимусь на борт, а ты не забудь надеть перчатки, это уменьшит вероятность заражения. Сам я тоже их надену.

Перчатки, а точнее, краги длиной по локоть были сделаны из тонкого, но очень прочного пластика. Врачи надели их, вставили в ноздри тампоновые фильтры. Сэм повесил на плечо аптечку и быстро взобрался по лестнице. Пробравшись через круглое резьбовое отверстие, очутился в шлюзовой камере. В металлическом ящике размером с добрую комнату смотреть было

не на что, кроме большой двери в противоположной стене и прикрепленного рядом видеофона. Легко было догадаться, что эта внутренняя дверь ведет непосредственно на борт «Перикла». Разглядев подле нее на стене пульт, Сэм вдавил кнопку с пометкой «Откр.».

И ничего не случилось. Внутренняя дверь была заперта, пульт не работал. Сэм перепробовал все кнопки — безрезультатно. Он повернулся к видеофону и нашел рядом список. Центральному посту соответствовал номер 211, врач набрал его. Прогудел зуммер, ожил экран.

— Алло?! Есть тут кто-нибудь? Я в шлюзовой камере.

Экран почти целиком заполняло пустое противоперегрузочное кресло, а за ним, вне фокуса, расплывались очертания стеллажей с аппаратурой. Сэм позвонил в соседний отсек, с тем же результатом. Он стал набирать номера подряд с начала списка, слушая, как разносится по помещениям эхо его собственного голоса.

Пусто. Ни души. Больной астронавт, очевидно, прилетел на родную планету в одиночку.

Вернувшись к лестнице, Сэм заметил, что число подъехавших машин увеличилось, но все они остановились поодаль. Из одной вышел поли-

цейский и двинулся к кораблю, и одновременно грянул усиленный мегафоном голос:

— Доктор Бертолли, с вами хочет поговорить руководство вашей больницы. Офицер передаст портативный видеофон. Воспользуйтесь им, пожалуйста.

Сэм помахал рукой, давая понять, что услышал, затем спустился, поставил аптечку и прошел к видеофону, лежащему на полпути между кораблем и машинами.

— Как наш пациент? — спросил он, возвратившись к Ните.

— Мне кажется, его состояние ухудшилось. Пульс слабеет, дыхание все поверхностней, а температура не падает. Может, дать ему жаропонижающее или антибиотик?

— Сначала поговорю с больницей.

Он включил аппарат, на миниатюрном экране возникла картинка и разделилась надвое — это заработала конференц-связь. С одной стороны плотного сложения седой мужчина, которого Сэм никогда прежде не видел, а с другой — встревоженное лицо доктора Маккэя, начальника отделения тропической медицины и бывшего руководителя исследовательской группы, разработавшей процедуру лечения пахиакрии

Тофольма.

— Доктор Бертолли, это профессор Шейбл из Всемирной организации здравоохранения, — сказал Маккэй. — Нам сообщили о вышедшем из корабля человеке. Мы можем взглянуть на пациента?

— Разумеется, доктор.

Сэм направил аппарат камерой на лежащего без сознания астронавта, затем продемонстрировал шкалы универсального датчика и описал увиденное на борту «Перикла».

Наконец показал лист бумаги с каракулями.

— Вы уверены, что на корабле больше никого нет? — спросил Шейбл.

— Не уверен, ведь я не прошел дальше воздушного шлюза. Зато обзвонил все отсеки, где есть видеофоны. Никто не ответил и не появился на экране.

— Вы сказали, что не смогли управлять механизмом внутренней двери воздушного шлюза.

— Да, он не реагирует. Похоже, обесточен.

— Что ж, меня это радует. — Шейбл, по всей видимости, принял какое-то решение. — Механизм сработал, чтобы выпустить астронавта; должно быть, астронавт затем собственноручно его отключил. Вкупе с предупреждением о болезни на

борту это достаточная причина, чтобы немедленно установить карантин. Территория вокруг корабля будет взята под охрану, сам он стерилизован снаружи. Никто к нему не приблизится, пока мы не выясним, с какого рода инфекцией имеем дело.

— Доставьте пострадавшего к нам, — распорядился доктор Маккэй. — Из карантинной зоны все пациенты будут переведены в другие больницы.

— Может, сначала я окажу ему первую помощь?

— Разумеется. Наш опыт рекомендует в подобных ситуациях обычную поддерживающую терапию. Даже инопланетная болезнь воздействует на организм ограниченным числом способов. Предлагаю сбить температуру аспирином и дать антибиотик широкого спектра действия.

— Мегациллин?

— Отличный выбор.

— Мы выедем через несколько минут.

Нита приготовила инъекции, не дожидаясь, когда Сэм закончит разговор. С уколами управились быстро. Уже подъезжала «Скорая», опуская заднюю дверь-аппарель. Пока Сэм выкатывал тележку, прибыли два самолета вертикального взлета. Должно быть, они все это время барражи-

ровали в воздухе, ждали команды от Всемирной организации здравоохранения. Самолеты медленно обогнули корабль и скрылись из виду, а потом раздался оглушительный рев и повалил густой черный дым.

— Что это? — спросила Нита.

— Огнеметы. Они простерилизуют корпус и землю вокруг, ни единого квадратного дюйма не пропустят. Нельзя допустить распространения инфекции.

Повернувшись, чтобы поднять дверь, Сэм увидел невдалеке на земле скворца. Тот двигался кругами, волоча крыло. Не только люди пострадали при аварийной посадке «Перикла»; должно быть, птицу задело обломком.

И еще одного скворца заметил врач — лежащего, раскрыв клюв, на боку.

3

Киллер на этот раз превзошел сам себя. Он понимал: чем быстрее пациента доставят в больницу, оснащенную всем необходимым для лечения, тем больше у того будет шансов выкарабкаться. Впрочем, это обстоятельство лишь послужило спусковым крючком. Заревел турбодвигатель, «Скорая» молниеносно разогналась, и водитель

увидел, что полиция открыла для нее «зеленую улицу» прямо до автострады, к этому моменту тоже полностью освобожденной от транспорта. Когда спидометр показывал сто миль, тяжелая машина выскочила на бетонную трассу и Киллер переключился на более высокую передачу, втопил педаль акселератора до отказа и перестроился на среднюю полосу. По бокам сопровождали сине-зеленые полицейские вертолеты.

Вот между ними вклинилась третья «вертушка», в боковом окне забликовала линза телекамеры. Значит, за «Скорой» наблюдают, картинка транслируется на весь мир. Киллер крепче сжал баранку и на пересечении с Флашинг-Мидоуз выкрутил ее так резко, что машина влетела в поворот боком, по широкой дуге, оставив на белом дорожном полотне длинные полосы жженой резины. Знай наших!

В салоне автомобиля «Скорой помощи» умирал человек.

С помощью жаропонижающего врачи контролировали его температуру, но пульс был нестабильным и неуклонно слабел. Направив на грудь пациента инфракрасную лампу, Сэм попытался прочесть видимые лишь в ее лучах медицинские данные, но фурункулез не позволил

разглядеть татуировку.

— Мы можем еще что-нибудь сделать? — беспомощно спросила Нита.

— Необходимо побольше узнать о механизме заболевания. Пока что мы делаем все от нас зависящее.

Сэм заметил нервное шевеление ее пальцев, заглянул в напряженное лицо. Эта девушка не успела привыкнуть к мрачной близости смерти.

— Хотя постой, кое-что все-таки можно предпринять прямо сейчас. И у тебя получится гораздо лучше, чем у меня. — Он дотянулся до одного из ящиков со снаряжением, отстегнул крышку. — Твоему отделению патанатомии понадобится кровь и слюна на анализ, предлагаю заготовить нативные препараты.

— Да, конечно. — Она выпрямилась. — Это сэкономит время, а в больнице оно очень пригодится.

Говоря, она с механической точностью раскладывала инструменты. Сэм не пытался помочь, знал, что в таких ситуациях работа — лучшая терапия. Откинувшись на скамье, он покачивался вместе со стремительно несущейся «Скорой». В звукоизолированном салоне слышалось только хриплое дыхание пациента и шипение воздуш-

ных фильтров.

Когда Нита управилась с препаратами, Сэм накинул на каталку кислородную палатку, прочно ее загерметизировал и надел фильтр на выпускной штуцер.

— Меньше опасность заражения, — пояснил он. — Как и нагрузка на сердце пациента.

Короткий гул гидравлики, и задняя дверь-аппарель опускается на безлюдную платформу.

— Док, я помогу с каталкой, — сказало переговорное устройство голосом водителя.

— Не нужно, Киллер, мы с доктором Мендель справимся сами. Оставайся в кабине, пока дезинфекционная бригада не обработает машину. Это приказ.

— С врачами не спорят. — Щелчок, и внутренняя связь отключилась.

Бертолли катил тележку к лифту, а Нита следила за пациентом. Краем глаза Сэм видел поджидающий техперсонал в герметичных противочумных костюмах из пластика, с ранцевыми опрыскивателями. Один из этих людей вскинул руку, и Сэм понял, что руководить дезинфекцией автомобиля «Скорой помощи» взялся сам Маккэй, начальник отделения тропической медицины.

— Этот лифт управляется дистанционно, —

сообщил настенный динамик, когда каталка с больным оказалась в кабине.

Дверь затворилась, а раскрылась уже на шестидесятом этаже. Здешний коридор тоже был пуст, все боковые двери наглухо заперты; этаж ждал санобработки. Впереди находился арочный, как у склепа, входной проем, в нем раздвинулись толстые створки, пропустили пострадавшего и сопровождающих его людей в шлюзовую камеру изолятора.

Затем отворилась внутренняя дверь.

— Переложим его на койку и отправим препараты в лабораторию.

В собственном голосе Сэм уловил нотку облегчения и устыдился, догадавшись о его причине: часть ответственности теперь ляжет и на другие плечи. Не только он будет виноват, если умрет пациент.

Пока Нита укладывала препараты в капсулу доставки, Сэм хлопотал с разложенными на прикроватном столике приборами функциональной диагностики, крепил их один за другим к телу пациента. Черный корпус не крупнее покерной фишки вмещал в себя сфигноманометр и термометр, а также автономный источник питания. Хирургическим клеем врач прикрепил к запя-

стью так и не пришедшего в себя астронавта прибор; сработало термореле, и с микропередатчика пошел сигнал на антенну встроенного в спинку кровати монитора.

«Плохо, — отметил Сэм, считывая данные. — Очень плохо».

Он подключил электроэнцефалограф и электрокардиограф. Их бы настроить поточнее, но времени в обрез. Затем серологический и кислотный анализатор крови. Вся эта информация поступала не только на монитор, но и на экран в консультационном зале. Сэм не замечал, что накрепко сцепил пальцы, пока сидел и ждал сообщения о результатах.

Прогудел сигнал вызова, и на экране видеофона появилось лицо доктора Гаспара.

— Доктор Бертолли, диагноза пока нет, — сказал он. — В данный момент мы можем лишь признать, что имеем дело с совершенно неизвестной болезнью. И вот еще что: космическое агентство установило личность потерпевшего. Это коммандер Ранд, штурман «Перикла». Скоро к вам на монитор поступит его медицинская карта, управление кадров только что ее прислало.

— Будут ли какие-либо рекомендации по лечению?

— Только поддерживающая терапия, каковой, впрочем, вы уже и занимаетесь…

Говорившего прервал тревожный гудок монитора — над линией ЭКГ вдруг запульсировал красный свет.

— Фибрилляция! — воскликнул Гаспар.

Но Сэм не нуждался в подсказке. Он рывком выдвинул ящик из шкафа, извлек дефибриллятор. Ослабленное болезнью и перенапряжением сердце Ранда билось хаотично, сокращалось в диких спазмах; оно не качало кровь, а содрогалось, как смертельно раненный зверек в конвульсиях.

Дважды мощный разряд пробежался по сердечной мышце, остановил неконтролируемый тремор. Постепенно сердцебиение пришло в приемлемый ритм. Сэм вернулся к инструментальному шкафу. Там уже стояла Нита, доставала электрокардиостимулятор.

— Наверняка понадобится.

Сэм кивнул. Когда он делал разрез на груди, чтобы ввести зонд-электрод, возобновилась фибрилляция. На сей раз врач не пытался восстановить сердечный ритм ударом тока, а поспешил подсоединить кардиостимулятор.

— Включай! — скомандовал он, рассматривая восковую кожу лежащего в глубоком обмороке

человека.

За спиной у Сэма гудел аппарат жизнеобеспечения, посылал на точно размещенные электроды микротоки, удваивал нервные сигналы, позволял им достигнуть больного сердца. Оно снова забилось, подстроилось под искусственную стимуляцию, и по венам Ранда побежала кровь.

Но это было начало конца. Жизнь астронавта уходила капля за каплей, он так и не пришел в сознание.

До его смерти — официальной смерти — оставалось еще несколько часов, однако уже было ясно, что он обречен.

Спасти астронавта могло только чудо, но его не произошло, да и не ждали чудес врачи, хлопотавшие над больным.

Нита ассистировала Сэму, и они прибегли к помощи всех доступных технических устройств и медикаментов, но безрезультатно. Антибиотики не возымели никакого действия, и инфекция, что бы она собой ни представляла, беспрепятственно и с жуткой скоростью распространилась по всему организму. Судя по симптомам, поражению подверглись многие, если не все, органы, почечная недостаточность и некроз перевели пациента через невидимую границу между жизнью и

смертью.

Когда это случилось, Сэм не смотрел на монитор. Видеофон произнес голосом Гаспара:

— Доктор, ЭКГ больше не читается. Благодарю вас и доктора Мендель, вы сделали все, что от вас зависело. Теперь уже ясно, к сожалению, что помочь пациенту было невозможно.

Экран померк. Сэм неторопливо обесточил машины, которые до последнего мгновения добросовестно стимулировали жизнедеятельность коммандера Ранда, и перевел взгляд на мертвеца. Долгую минуту врач стоял в оцепенении, наконец спохватился: надо думать, надо что-то делать.

Пациент мертв. Finis[3]. Надо заботиться о живых.

— Здесь нам больше делать нечего. — Он взял Ниту за руку и потянул прочь от койки.

Девушка не могла оторвать взгляда от воскового лица, пока Сэм не надвинул на него простыню.

— Ступай в дезинфекционную камеру, — сказал он. — Одежду и обувь, все вплоть до белья, брось в бункер для сжигания. Вымойся самым тщательным образом. Для новичков там инструкция на стене.

---

[3] Примечания: 3
Конец *(лат).*

Она направилась к двери, медленно стягивая перчатки, и вдруг остановилась:

— Нет… Ты работал больше, чем я, поэтому иди первым.

— Мне надо кое-что доделать. Ступай.

На этот раз она не протестовала.

К тому времени, когда Нита вернулась из дезинфекционной камеры, облаченная в стерильный хирургический комбинезон и шлепанцы, комната преобразилась. С койки убрали все белье и даже матрас. Исчез и покойник. Девушка недоуменно оглядывалась, пока Сэм не указал на квадратную дверь из нержавеющей стали:

— Он там. В морг по обычной процедуре его отправить нельзя, пришлось заморозить жидким азотом. Это затруднит вскрытие, но так решило начальство. Ну да ты и сама все понимаешь, ты же работаешь в отделении патологии. Пожалуйста, никуда не уходи, пока я не вымоюсь. Последнее распоряжение сверху для нас — находиться здесь и ждать дальнейших инструкций.

Нита опустилась на стул. Избавившись от груза ответственности, она вдруг осознала, что у нее совершенно не осталось сил. Так и просидела до возвращения Сэма.

Он подошел к инструментальному шкафу,

выдвинул несколько ящиков и в одном из них обнаружил записывающие устройства.

— Надо было раньше это сделать. Если мы хотим справиться с инфекцией, необходимо как можно скорее выяснить, что она собой представляет.

Одно из устройств девушка повесила на пояс, а Сэм подошел к стеллажу и порылся среди медикаментов.

— Доктор, я выписываю рецепт. — Он протянул бутылочку. — Знаешь, что это за лекарство?

— Це два аш пять о аш.

— Совершенно верно, этиловый спирт. Мы прошли одну и ту же школу. Существует великое множество способов применения этого вещества, но, учитывая, что пациенты нуждаются в срочном лечении, я предпочел бы наиболее простой и эффективный.

— Внутривенно?

— Ну это было бы слишком радикально.

Он достал из кухонного холодильника коробку апельсинового сока, смешал его с алкоголем в пропорции один к одному и наполнил мерные стаканы. Врачи улыбнулись друг другу и выпили, и никто при этом не смотрел на блестящую дверь в стене, хотя каждый не забывал о ней ни

на секунду.

Они предпочли сесть у окна, лицом к городским небоскребам. Смеркалось, зажигались огни, и за темными шпилями зданий небо покрывалось багрянцем, который на востоке переходил в пурпур.

— Мне бы раньше вспомнить кое-что, — посетовал Сэм, невидяще глядя в вечерний сумрак.

— Ты о чем? От нас действительно ничего не зависело…

— Нет, это не имеет отношения к бедняге Ранду, по крайней мере прямого. Что-то произошло на корабле. Как раз перед нашим отъездом.

— Я не заметила ничего необычного. Мы были одни, потом прилетели беспилотники, и мы сразу уехали…

— Это они! — Сэм так резко обернулся, что плеснул на пол спиртовым раствором, но даже не заметил этого. — Я не про беспилотники, а про птиц. Ты видела птиц?

— Извини, но я не понимаю…

— Они лежали на земле рядом с кораблем. Я успел их заметить, когда закрывал дверь «Скорой». Скворцы. Их было несколько, и они выглядели покалеченными. Помнится, я решил, что птицам досталось при посадке корабля. Но их там

не было, когда мы подъезжали, помнишь? Стая села уже после того, как остановилась машина.

Договаривая эти слова, он кинулся к видеофону, стал лихорадочно нажимать кнопки. Профессор Шейбл участвовал в телеконференции, но он переключился, чтобы ответить на вызов Сэма. Молча выслушал про птиц, и тревожная складка на переносице углубилась.

— Нет, доктор Бертолли, мне об этих скворцах не докладывали. Считаете, есть связь…

— Очень надеюсь, что ее нет.

— Вокруг корабля установлена карантинная зона, она тщательно охраняется. Я пошлю людей в противочумных костюмах, они там все изучат. О любых находках вам будут докладывать. А тем временем… Извините, прошу немного подождать.

Профессор отвернулся от видеофона и быстро посовещался с кем-то невидимым. Снова появившись на экране, он держал в руках кипу фотографий.

— Это с электронного микроскопа, копии уже отправлены вам. Выявлен и изолирован предположительный инфекционный агент. Это вирус, по многим признакам похожий на Borreliota variolae.

— Оспа! Но симптомы…

— Да, мы отдаем себе отчет, что симптомы совершенно другие. Речь идет о чисто внешнем сходстве, на самом деле ничего похожего на этот вирус я прежде не видел. Поэтому прошу вас и доктора Мендель о помощи.

Нита, молча подошедшая к Сэму сзади, слушала разговор. Она ответила за обоих:

— Конечно, доктор Шейбл, мы сделаем все, что в наших силах.

— Вам придется пожить в карантине, причем не могу сказать, сколько времени. Пока мы не выясним мало-мальски природу заболевания. Там у вас тело коммандера Ранда…

— Хотите, чтобы мы сделали вскрытие? — спросил Сэм. — Перемещать труп — значит подвергать опасности заражения живых.

— На самом деле это компетенция ВОЗ, но в данных обстоятельствах…

— Профессор Шейбл, мы охотно выполним ваше поручение. Все равно в карантине заняться больше нечем. Операция будет записываться?

— Да, весь процесс мы заснимем дистанционными камерами. И еще попрошу сделать препараты каждой ткани для микроскопического исследования.

Даже ультразвуковыми ножами трудно было резать мерзлую человеческую плоть. Вдобавок это занятие наводило на мрачные мысли. Сразу же выяснилось, что не было никакой возможности спасти Ранду жизнь. Тело астронавта оказалось испещрено гнойниками, в каждом органе врачи обнаружили крупные кисты. Сэм делал основные разрезы, а Нита готовила микроскопические препараты тканей.

Время от времени очередной запечатанный контейнер по трубам пневмопочты, проходя стадию стерилизации, путешествовал к поджидающим специалистам.

Этот процесс был прерван лишь единожды, когда профессор Шейбл сообщил, что возле корабля обнаружены мертвые птицы, целая стая скворцов и чайка. Трупы собрали и доставили в лабораторию Всемирной организации здравоохранения.

Уже после полуночи Сэм и Нита закончили вскрытие и простерилизовали инструменты. С полотенцем на мокрых волосах Нита вышла из камеры дезинфекции и увидела, что коллега рассматривает распечатанные фотографии.

Сэм показал ей снимок:

— Только что прислали из лаборатории ВОЗ. У

мертвых птиц такие же кисты.

— О нет!

— А вот так выглядит вирус. Похоже, он идентичен тому, что убил Ранда.

Нита взяла снимки и устало опустилась на кушетку у окна, подобрав под себя ноги. Халат из тонкого хлопка едва доставал ей до колен, с лица была смыта косметика.

«В ней мало осталось от врача, — подумал Сэм. — Просто женщина, причем весьма привлекательная».

— И это означает, что… — Фраза, произнесенная испуганным голосом, повисла в воздухе.

— Нам пока неизвестно, что это означает. — Измотанный до предела, Сэм знал, что Нита чувствует себя ничуть не лучше. — У нас тьма вопросов и острая нужда в ответах. Почему корабль так долго находился на Юпитере? И почему возвратился только один человек? Как он заразился? Есть ли связь между его болезнью и тем, что случилось с птицами? Связи не может не быть, но я ее пока не вижу. Если вирулентность настолько высока, что птицы умирают в считаные минуты после заражения, то почему мы сами еще живы?

Произнеся последнюю фразу, он сразу же об этом пожалел, но сказанного не воротишь. Нита

сидела, опустив голову и закрыв глаза, и вдруг потекли слезы.

Не думая о том, что делает, он взял обеими руками ее кисть. Нита крепко сжала его пальцы — человек в преддверии беды нуждается в поддержке. Через минуту она вытянулась на кушетке, фотография скользнула из пальцев на пол. Сэм запоздало осознал, что девушка крепко спит.

Переносить ее на более удобное ложе он не стал, лишь нашел одеяла и подушку. К нему самому, несмотря на усталость, сон не шел. Выключив верхний свет, Сэм налил себе спирта с апельсиновым соком и улегся на свободную кушетку.

Что же это за чума из космоса? Мысли гонялись друг за дружкой кругами. Должно быть, он задремал — открывает глаза, а в окно льется солнечный свет. Новый теплый день.

Он взглянул на свой универсальный диагностический прибор: показания в норме.

По соседству, в диетической кухне, позвякивала посуда.

— Так и будешь спать без просыпа? — донесся оттуда голос Ниты. — Уже полседьмого.

Она принесла Сэму чашку кофе. Тот заметил, что девушка расчесала и стянула волосы в конский хвост, а губы тронула помадой. Она была

свежа, как это летнее утро.

— Хотела позвонить в лабораторию ВОЗ, но решила дождаться твоего пробуждения. — Нита повернулась к видеофону.

— Не спеши, — остановил ее Сэм. — Сначала завтрак, потом новости… если я угадал, что ты приготовила завтрак.

— Изысканная домашняя кухня: фермерские сосиски и свежайшие яйца, все прямо из морозильника.

— Веди!

По молчаливому согласию они не говорили о работе, пока с аппетитом завтракали в лучах раннего солнца. Высоко над городом — надежно изолированные палаты… Чем не вселенная на двоих? И только сигнал вызова может нарушить это уединение. Но видеофон пока молчит.

Нита разлила по чашкам кофе. Потягивая его, врачи смотрели в окно на чистое небо и устремленные ввысь островерхие башни.

— Ты местный? — спросила Нита. — Ньюйоркец?

Сэм кивнул:

— Здесь родился и вырос, здесь живу и работаю — если не считать девяти лет службы в войсках ООН.

— Девять лет! Мне сразу показалось, что ты немножко…

Она не договорила, и Сэм, заметив смущение, рассмеялся:

— Немножко староват для интерна? Ты абсолютно права.

— Я не хотела…

— Нита, я тебя умоляю! Если меня и расстраивал тот факт, что я на десять лет старше однокашников по мединституту, то это в прошлом. Я давно обзавелся слоновьей шкурой. Не жалею и тех лет, что отдал армии. Я ведь мечтал о военной карьере. И в отставку, между прочим, вышел капитаном.

— А для отставки были какие-то особые причины?

— Пожалуй, одну причину могу назвать, хотя решение уйти из армии возникло не сразу. Том, мой лучший друг, был военным врачом, и малопомалу я пришел к выводу, что в его профессии смысла побольше, чем в моей. Он никогда меня не агитировал, но отвечал на любой дурацкий вопрос и разрешал стоять рядом и наблюдать операции.

Последней каплей стал тот случай в тибетской деревне. Ночью мы десантировались, чтобы

вклиниться между индийцами и китайцами. Я больше нигде не видел такой нищеты, таких болезней. И подумал тогда: а что еще, кроме оружия, мы можем принести в этот убогий край?..

Осиное жужжание видеофона заставило Сэма прерваться, он быстро повернулся к висящему на кухонной стене аппарату, включил. На экране сфокусировалось лицо доктора Маккэя. Отделение тропической медицины всю ночь трудилось не покладая рук, это было видно по черным кругам под глазами его начальника. Маккэй был краток:

— Коллеги, как вы себя чувствуете? Надеюсь, нет подозрительных симптомов?

Сэм глянул на свою манжету, затем на прибор Ниты.

— Все показания в норме, симптомы отсутствуют. А что, есть еще заболевшие?..

— Слава богу, ни одного. Но вы подвергались риску инфицирования, вот я и беспокоюсь. — Маккэй на миг закрыл глаза и потер бугристый лоб. — На данный момент не зарегистрировано новых случаев патологии, неофициально названной болезнью Ранда. По крайней мере, ни один человек не заражен.

— Птицы?

— Да. Территорию всю ночь осматривали с фонарями, и после рассвета мы получили новые доклады. Птичья чума, мертвые птицы. ВОЗ уже предупредила население, что к птичьим трупам прикасаться нельзя и что о замеченных необходимо срочно оповещать полицию.

— А на других животных вирус воздействует? — спросила Нита.

— Пока ничего подобного не обнаружено, только птицы, и можно это считать великим везением. Обнадеживает и то, что у вас нет никаких симптомов. Но прошу оставаться на связи со мной и сообщать немедленно, если случится… гм… что-нибудь из ряда вон выходящее. Удачи.

Он отключился.

Нита глотнула кофе.

— Остыл, надо еще сварить. — Она поместила два герметичных контейнера в лучевую печь. — С этой болезнью все очень странно, она не подчиняется никаким правилам.

— Нита, а с чего бы ей подчиняться правилам? Как-никак болезнь явилась из космоса, с другой планеты, — вирусу и полагается быть чужеродным. Но что бы ни представлял собой этот микроорганизм, воздействовать на жертву он может ограниченным числом способов. Будь

болезнь действительно неземной, она оказалась бы совершенно безвредной для человека. Представь, к примеру, грибок, поражающий только кремнийорганические формы жизни…

— Или бактерию, способную жить только при двадцати градусах ниже нуля!

— Верно. Получается, что болезнь Ранда абсолютно новая для нас, а вот наши реакции на нее — нет. Лихорадка, нефроз, фурункулез, гноекровие. Мы с тобой видели, что инфекция распространилась по всему телу, но ведь известно немало болезней, одновременно поражающих множество органов. Получается, новая — лишь комбинация этих факторов.

Сэм взял из рук девушки горячий контейнер и наполнил свою чашку.

— Тебя послушать, так у человечества есть надежда. Мне же видится, как чума из космоса ураганом проносится по планете.

Он вдруг нахмурился, вспомнив:

— Ну а птицы? Как ты объяснишь их смерть?

— Мы не знаем наверняка, что птицы имеют отношение к происходящему. Возможно, причиной их гибели стала болезнь Ранда, а возможно, другая, которую они приобрели ранее. Предположим, они погибли от инфекции, родственной

той, которая поразила Ранда. В этом случае будет кстати, если объявится один человек, инфицированный этим вирусом. Мы бы создали вакцину, если бы еще раньше не нашли эффективное медикаментозное средство. Жаль, что я не могу следить за работой лабораторий.

— Я бы тоже не отказался от такой возможности, но давай привыкнем к мысли, что мы здесь надолго. Ты патологоанатом, будешь готовить препараты ткани, это достаточно хлопотное занятие. А вот чем заняться интерну со «Скорой»? Обзвоню-ка я друзей из больницы, попытаюсь узнать, что творится во внешнем мире.

Все утро Нита трудилась в маленькой, но отменно оснащенной лаборатории, которая входила в карантинный комплекс. До девушки доносились обрывки видеофонных разговоров Сэма да шипение и клацанье прибывающих капсул пневмопочты. Около полудня она сделала перерыв и застала коллегу у расстеленной на столе карты.

— Смотри, — подозвал он Ниту жестом, — вот это Лонг-Айленд, здесь аэропорт Кеннеди. По моей просьбе сотрудники ВОЗ прислали копии отчетов о вскрытии птиц. Я отметил на карте места, где эти птицы были обнаружены, и количество трупов в каждом месте. Ничего интересного

не замечаешь?

Нита провела пальцем по красным чернильным циферкам.

— Сразу бросается в глаза, что почти все они найдены на южном берегу. Много плотных пятен в Сидархерсте, Лоренсе и на Лонг-Бич.

— Да, пока что их находят только на южном берегу. Вот здесь, в Рейнольдс-Ченнеле около Лонг-Бич, насчитано две тысячи мертвых уток. Не припомнишь, в какую сторону был обращен открытый люк «Перикла»?

— Нет… Я не заметила — до того растерялась.

— А я не был уверен, поэтому позвонил в аэропорт.

Люк был обращен почти точно на юго-восток, вот так.

Он взял параллельные линейки и одну наложил на розу ветров, а другую подвел к углу аэропорта, где стоял приземлившийся космический корабль. И прочертил красную линию от аэропорта через Лонг-Айленд в океан. Когда Сэм убрал линейки, Нита ахнула:

— Линия идет прямиком через Лонг-Бич, через центр области, где погибло большинство птиц. Но такого просто не может быть… если только ветер не дул именно в эту сторону.

— Помнишь, вчера почти не было ветра? Изредка порывы со скоростью максимум две мили в час, причем в разных направлениях.

— Ты пытаешься сказать, что вирус, заразивший птиц, вылетел из корабельного люка, как… как луч прожектора, и прошелся по местности, заражая все на своем пути?

— Нита, я ничего не пытаюсь сказать, ты сама сказала. Полиция предоставила цифры, я их обработал. Возможно, вирус распространился именно так, как ты говоришь. Ошибкой было бы думать, что инопланетный организм обязан соблюдать земные порядки. Все, что случилось до сих пор, не очень-то укладывается в наши нормы. — Произнося эти слова, он расхаживал по комнате и бессознательно бил кулаком о ладонь. — Такие важные события, а я сижу взаперти. Даже если болезнь Ранда опасна только для птиц, нас тут продержат до конца наших дней. Будут наблюдать, не зная наверняка, но допуская, что однажды проявятся симптомы…

Его заставило умолкнуть жужжание видеофона. У Шейбла из Всемирной организации здравоохранения вид был измученный, голос — едва слышный.

— Доктор Бертолли, к вам везут пациента, будь-

те готовы его принять.

— У этого пациента…

— Да. Болезнь Ранда. Полицейский. Один из тех, кого отправили собирать мертвых птиц.

4

Пока Сэм нетерпеливо дожидался, когда откроется внутренняя дверь, Нита подготовила койку. Замигала лампочка, оповещая, что закрылась внешняя дверь, загудели скрытые моторы, зашипели воздушные клапаны. Наконец внутренняя дверь отворилась достаточно, чтобы Сэм мог заглянуть в проем.

Он увидел каталку, а на ней полицейского, все еще в мундире. Пациент приподнялся на локтях:

— Док, что я здесь делаю? У меня нет этой хвори. Ну, температурю немножко. Летний насморк в это время года обычное дело…

Сказано это было тихим, ровным голосом, как будто полицейский пытался успокоить сам себя. Врач увидел на его лице красные припухлости — что это, начинающиеся нарывы? Сэм взял планшет с прикрепленным листом бумаги. «Фрэнсис Майлз, тридцать восемь лет, род занятий — полицейский». Все это выведено аккуратным почерком, зато в нижней половине листа

крупные буквы писались явно второпях: «Вирус болезни Ранда: положительный результат».

— Не волнуйтесь, Фрэнк, вы здесь для того, чтобы мы все выяснили. — Не меняясь в лице, Сэм вернул планшет на место. — А теперь ложитесь, чтобы не свалиться, а мы вас перенесем на койку.

Врач затолкал каталку в карантинную зону, и позади закрылась массивная дверь.

Нита была очень любезна, она взбила для полицейского подушку, принесла ему меню, сказала, что у него очень голодный вид, даже нашла в недрах холодильника бутылку пива. Сэм проворно приклеивал контакты датчиков к сухой и горячей коже пациента; на все про все ушло пятнадцать минут, поскольку дело требовало аккуратности. Между тем у Фрэнка начался жар, уже почти созрели первые нарывы.

Сэм закрылся в кабинете и набрал на индукционной панели видеофонный номер.

— Мы получаем информацию с вашей аппаратуры, — сказал доктор Маккэй.

— Вы можете дать рекомендации?

— Это на стадии обсуждения…

— Но ведь какие-то мысли наверняка уже есть? — Сэм сжал кулак, чтобы не сорваться.

— Мы разошлись во мнениях. В прошлый раз поддерживающее лечение оказалось неэффективным, но, возможно, в сочетании с интерфероном, который вы вскоре получите, оно даст более приемлемый результат. С другой стороны, гипербарическая оксигенация с соответствующим…

— Доктор Маккэй, — перебил Сэм, — у нас тут нет барокамеры. Оксигенация потребует новой транспортировки пациента. Приборы не скажут вам всего, но вы должны понимать: этот человек умирает у меня на глазах. Я никогда не видел, чтобы болезнь прогрессировала настолько стремительно. А вы такое видели?

Маккэй устало покачал головой, и Сэм наклонился поближе к видеофону:

— Вы дадите разрешение на поддерживающую терапию с интерфероном и антибиотиками, во избежание реинфекции? Я должен хоть что-нибудь сделать!

— Да, доктор Бертолли, разумеется. Это же ваш пациент, и я полностью согласен с вашим решением. Я сообщу комиссии о принимаемых мерах.

Отключив связь, Сэм обнаружил, что во время разговора Нита стояла у него за спиной.

— Слышала? — спросил он.

— Да. Ты принял единственно верное решение.

Им не понять, не видя пациента, что с ним происходит. Я ввела суритал, шесть кубиков. Он был сильно возбужден, почти в истерике. Я правильно сделала?

— А как иначе, если любые наши действия сейчас продиктованы состоянием пациента? Глянь, не прибыл ли интерферон.

Капсула ждала в приемной корзине. Сэм быстро приготовил инъекцию, а Нита протерла тампоном кожу на руке полицейского. Покрытый жуткими красными нарывами, тот лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал ртом.

Сэм ввел ему в вену большую дозу, зная, что кровь разнесет интерферон по всем органам. Затем вколол немного жидкости в фурункул.

— Это для контроля. — Он очертил след иглы йодным маркером. — При местном применении интерферон всегда более эффективен. Сочетая его с жаропонижающим, мы можем получить позитивные результаты.

Серьезного улучшения не последовало, но все же температура понизилась на два градуса. Маккэй и его бригада мониторили действия двух врачей, предлагали коррективные меры. Дородный офицер полиции находился на попечении Сэма, и того коробило отношение к его пациенту,

как к морской свинке. Но он не протестовал, сознавая, что по сути Фрэнк и есть огромная морская свинка. Если удастся поставить его на ноги, процедура лечения будет применима и к другим инфицированным.

Эти другие не заставили себя ждать. Их свозили в Нью-Йоркскую больницу, там тоже была оборудована карантинная зона, намного обширней, чем в Бельвью. Трудились в этой зоне только добровольцы. Следить за статистикой заболевания было непросто, официальные службы утаивали факты, предоставляя куцые отчеты, а телевидение и радио явно контролировались органами, ответственными за моральное состояние общества. Сэму хватало проблем с пациентом, иначе бы он, наверное, взбесился, сидя в карантине и зная, что вокруг по городу расползается чума.

— А это еще зачем? — спросил он, когда Нита извлекла из капсулы пневмопочты проволочную клетку с голубями.

Последние несколько часов он краем глаза следил за работой девушки, но не разговаривал с ней.

Нита откинула с глаз рыжеватую прядь и указала на стол:

— Я весь день читаю отчеты лабораторий,

которые занимаются вирусом Ранда. До одного эксперимента там еще не додумались, и его безопаснее поставить здесь, в карантине. Тем более что у нас есть пациент с этой болезнью.

— И что это за эксперимент?

Она порылась в бумагах и протянула Сэму лист:

— Это первый патологоанатомический отчет. Как выяснилось, невозможно заразить человеческую ткань in vitro вирусом из клеток коммандера Ранда. Это пытались сделать ночью, пока он был жив. Также установлено, что нельзя передать вирус лабораторным животным: обезьянам, морским свинкам, кроликам…

— Что же получается? Вирус и нам не передается, а значит, нет смысла держать нас в карантине. Но как же тогда заразился этот полицейский?

— Минутку, дослушай. Вирус Ранда поражает птиц, любые их виды. И самое неприятное, что больные клетки птиц способны передавать инфекцию человеческим клеткам. Вот как подцепил эту заразу наш бедный Фрэнк.

— На человеке это проверяли? На волонтере?

— Что ты! Конечно нет! Только на препаратах ткани in vitro и на клетках HeLa.

Сэм нервно расхаживал по комнате, он не мог

стоять на месте.

— Похоже на жизненный цикл трематод при шистосомозе: человек — моллюск — человек. Но вроде не описано случаев, когда бы вирус вел себя как кровяной сосальщик. Человек инфицирует птицу, а птица человека — такое бывает, но чтобы при этом не было перекрестного заражения внутри вида… Постой! А птицы способны заражаться друг от друга?

— Да, это доказано.

— Тогда очевиден следующий шаг… Ага, теперь понятно, зачем тебе понадобились птицы. Хочешь выяснить, способны ли люди реинфицировать их. Если опыт даст положительный результат, это будет означать, что наш Фрэнк и покойный Ранд заражены одним и тем же вирусом. И тогда нам рано или поздно удастся разорвать цепочку инфекционного процесса и покончить с эпидемией.

Нита уже подготовила шприц. Она просунула руку в клетку и ловко схватила птицу, та даже не трепыхнулась. Лишь тихонько воркотнула и моргнула розовым глазом, когда игла проткнула ей шкуру. Нита сунула птицу в другую клетку, а ту поместила в изолированный отсек.

— Вот что интересно, — произнес Сэм. — Зара-

зит ли вирус, побывавший в организме полицейского, клетки другого человека? Может, проходя через птиц, вирус значительно меняется?

— Так не бывает, я уже проверила. Здесь нет условий для такого опыта, но я отправила образцы гноя на шестой этаж. Там выяснили, что вирус не инфицирует человеческие ткани.

Сэм пошел проверить состояние пациента. Тот спокойно спал. Никаких перемен врач не заметил, значит, болезнь пока не прогрессирует, хотя высокая температура держится. Сэм вернулся в лабораторный отсек и сел за стол напротив Ниты, что-то писавшей на планшете с зажимом.

— В лаборатории решено называть их альфа-рандом и бета-рандом, — сообщила она. — Мне кажется, эти названия станут официальными.

— А в чем разница?

— Альфа-ранд — это то, что было у коммандера Ранда. Вирус смертельный, но не передаваемый человеку и другим животным иначе как через птиц. Бета-ранд внешне идентичен ему, он убивает птиц и может передаваться человеку.

— И он инфицирует других птиц.

— Да, с легкостью. Поэтому и распространяется так быстро.

— Значит, нужно поскорее выяснить, стано-

вится ли передаваемый человеку бета-ранд альфа-рандом. Если да, волноваться не о чем. Погибнет много птиц, но на этом этапе можно остановить болезнь и не допустить реинфицирования людей.

— Именно на это я и надеюсь, — сказала девушка, глядя на прикрепленные к птичьей клетке приборы. — Если птицы заболеют, то у них обнаружится бета-ранд, и это будет означать, что у твоего пациента альфа-ранд, тот же вирус, что и в первом случае. Таким образом, будет доказано, что болезнь существует только в двух формах и получить ее можно только от птиц. Едва иссякнет резервуар инфекции, все закончится.

И оба взглянули на голубя, который расправил крыло и повалился на бок.

— Температура поднялась на четыре градуса, — сказала Нита.

Образовался первый нарыв, и врачи поняли, что болезнь пошла слишком знакомым курсом.

— Отправлю в лабораторию препараты крови, — сказала Нита, — пусть на них посмотрят в электронный микроскоп. Но мне кажется, у тебя тоже нет сомнений.

— Никаких. — Сэм вынул из автоклава шприц. — Итак, у нас целый набор факторов и

недостает только одного, чтобы доказать истинность или ложность версии. — Он направился к лежащему на койке пациенту.

— Нет! Не смей!

Девушка кинулась к Сэму и перехватила его руку; шприц упал на пол и разбился. Сэм повернулся к ней, взглянул без гнева.

— Нельзя этого делать! Мне звонили из ВОЗ, несколько раз повторили, что есть основания привлечь волонтеров, но решено подождать. Слишком опасно, и нет необходимости…

— Необходимость есть. Пока не доказано, что альфа-ранд не передается от человека к человеку, допускается вероятность эпидемии. А значит, мне… нам придется сидеть тут безвылазно. Кто-то должен сделать себе прививку альфа-ранда от этого полицейского. Я контактировал с самим Рандом, а значит, по логике я и есть волонтер. Возражения?

— Могу я…

Он улыбнулся:

— Мой дорогой доктор, ситуация не из тех, когда вперед пропускают женщин и детей.

Девушка долго молчала, затем отвернулась и открыла автоклав.

— Ладно, не драться же мне с тобой, — сказала

она. — Может быть, ты и прав. Но здесь я цитолог, и я не позволю криворукому интерну подцепить гепатит или пиемию. — Она взяла новый шприц. — Возражения?

— Хорошо, — кивнул Сэм.

Пока Нита готовила культуру, он стоял спиной к пациенту. Интуиция подсказывала, что коллега не обманет, не введет стерильную воду или нейтральную плазму. Слишком уж важен этот эксперимент. Пусть она женщина со всеми присущими женщине чувствами и эмоциями, но прежде всего она врач.

— У меня все готово, — сказала Нита.

Он сам протер спиртом кожу и, когда увидел, что девушка колеблется, забрал у нее шприц. Повернул иглой вверх, выдавил несколько капель, затем спокойно сделал укол.

5

— Альфа-рранд не размножается в человеческих тканях, — сказала Нита, до судорожной белизны сплетя пальцы, — поэтому ты почти не рискуешь.

Сэм догадался, что она пытается убедить не столько его, сколько себя. Очень уж резкая перемена. Еще вчера девушка хлопотала в тихой и

чистой лаборатории, а сегодня смотрит в глаза смерти.

— А может, и вообще не рискую, — сказал он. — Вот что, свяжись-ка с Маккэем, сообщи, чем мы тут занимаемся, а я пока взгляну на пациента.

Полицейский все еще спал. Но не стало ли более хриплым его дыхание? Сэм нажал кнопку копирования на панели медицинского рекордера, и аппарат заурчал, сканируя историю болезни, которая писалась с той минуты, когда пациент очутился на койке. Щелчок, и лист миллиметровки падает на ладонь. Врач просмотрел кривые, вычерченные разными приборами; все они говорили об устойчивом ухудшении вплоть до момента введения интерферона. Три часа назад состояние больного стабилизировалось, даже немного улучшилось благодаря жаропонижающему. Но теперь ремиссия закончилась, снова пошла вверх температура, упало кровяное давление — жизнь пациента повисла на волоске. Сэм немедленно сделал новую инъекцию интерферона. Но признаков того, что она подействовала, не заметил.

— Доктор Маккэй очень рассердился, — сказала Нита. — А потом велел тщательнейшим образом фиксировать происходящее. Он тебя назвал

безумным идиотом, это цитата… но поблагодарил за поступок. Ты… что-нибудь чувствуешь? — Она повернула руку Сэма так, чтобы он видел дисплей на манжете.

— Нет, вообще никакой реакции, да ты и сама видишь. И с чего бы ей быть? Человеческая тканевая культура достаточно устойчива. Если бы альфа-ранд мог воздействовать на наши ткани, мы бы это уже поняли.

Снова на руках у доктора Бертолли умирал пациент, и снова ничего нельзя было исправить. Интерферон помог отсрочить на несколько часов неизбежное, но больше он не действовал. Температура неуклонно поднималась, от жаропонижающего уже не было проку. Сэм подключил аппаратуру принудительного дыхания и сердцебиения, а потом и искусственную почку, когда почечная недостаточность стала слишком явной. Оставалось надеяться на ресурсы организма, на то, что он все еще способен бороться со всепроникающим вирусом. А еще на переливание крови и на подавление антибиотиками вторичных инфекций. Смириться с поражением Сэм просто не мог, но он не мог и выиграть эту битву. Лишь когда Нита взяла его за руку и послышались ее всхлипывания, он отвернулся от пациента.

— Сэм, он мертв. Пожалуйста, прекрати. Ты уже ничего не можешь сделать.

Моментально навалилась тяжелейшая усталость. Сколько это длилось, двенадцать часов или больше? Он глянул на часы и заодно на свое запястье, обтянутое манжетой с датчиками. Показания в норме, разве что пульс понижен, но это от изнеможения. Надо же, совершенно забыл о прививке! Будь этот штамм болезни Ранда вирулентным, он бы уже дал о себе знать. Но Сэм здоров, и следовательно, эксперимент себя оправдал. Маленькая победа на фоне огромной трагедии…

— Ты присядь, — сказала Нита. — Вот крепкий кофе.

Сэм сделал маленький глоток, а вторым почти осушил чашку.

— Какие новости? — спросил он. — Уже третий час ночи.

— Нас выпускают отсюда, это решение доктора Маккэя. Он сказал, раз до полуночи не проявились симптомы, больше нет необходимости в карантине…

Сэм попытался встать, но Нита удержала его за руку.

— Не спеши. Посиди, допей кофе и дослушай.

Он поколебался, затем тяжело откинулся на стуле.

— Кофе хорош, не откажусь от добавки. — Сэм чуть улыбнулся. — Прости, что веду себя как болван, но это не просто грязное дело, оно еще и личное — даром, что ли, Ранд свалился с корабля прямо к нам в руки. Посиди со мной, попей кофе.

Нита наполнила чашки, в свою добавила сливки и сахар.

— В городе все плохо, — сказала она. — Это видно по медицинским отчетам. Бета-ранд летален, его очень легко подхватить. Зараженная птица вскоре умирает, но перед этим успевает покрыться вирусом сплошь, до кончиков перьев. По всей видимости, в человека он проникает даже через кожу, причем не обязательно держать птицу в руках, достаточно наступить на то место, где она побывала. Оставивший носителя вирус живет недолго, но время его жизни пока не установлено.

— Сколько больных на данный момент?

Она ответила не сразу:

— Более трех тысяч. Это последнее, что я слышала.

— Господи, как же быстро! И что предпринимается?

— Пока лишь временные меры. Но как раз сейчас в Бельвью, во второй аудитории, идет совещание, там медицинское начальство, мэр, полиция и прочие. Председательствует профессор Шейбл из ВОЗ. Он хочет, чтобы ты присутствовал. Но я не спешила тебе об этом говорить, хотела, чтобы допил кофе.

— Я допил. — Он встал, потянулся и почувствовал, что лучше владеет собой.

Нита тоже поднялась, она была совсем рядом, и его руки будто по собственной воле легли ей на плечи. Он хотел что-то сказать, но мог лишь ощущать ее тепло через тонкий хлопок. И тогда Сэм просто привлек ее к себе и встретил ее губы, тугие и живые, и сильные девичьи руки крепко обвили его.

— М-да… — проговорил он, дивясь собственной смелости. — Даже не знаю, что на меня нашло. Сожалею…

— Точно сожалеешь? — Она улыбалась. — Ну а я нисколечко. Мне понравилось. Наверное, понравилось бы еще больше, будь ты побрит.

Сэм провел по щекам ладонями — с хрустом, как по наждаку.

— А я и забыл… Судя по ощущениям, выгляжу что твой дикобраз. Нельзя в таком виде ехать на

собрание.

Включилась обрамлявшая зеркало светодиодная лента, забликовали кафель и хромированная сантехника, да так ярко, что Сэм щурился, глядя на свое отражение. По коже скользила излучающая головка ультразвуковой бритвы, расщепляя хрупкие волоски и неприятно жужжа, когда Сэм прижимал ее слишком сильно. Конечно, жужжание воспринималось не барабанными перепонками, звук бритвы был для этого слишком высок, но он вызывал вибрацию черепных костей, а та, в свою очередь, создавала обертоны во внутреннем ухе, как будто там роились крошечные насекомые.

Выглядел Сэм неважно — глаза красные, под ними темные круги. С головной болью справится аспирин, а пять миллиграммов бензедрина помогут продержаться на собрании. Но надо заехать домой за обувью. Белая медицинская куртка и брюки — это еще куда ни шло, но карантинные хлопковые шлепанцы…

— Ты потом расскажешь, что вы там решили? — спросила перед его уходом Нита.

Он кивнул и нетерпеливо повернул рычаг, запускающий медленную процедуру открывания шлюза.

— Да, позвоню при первой возможности, — рассеянно пообещал Сэм, размышляя о том, что происходит в городе.

Надо быть готовым к многочисленным переменам.

Когда наконец завершился цикл стерилизации и внешняя дверь выпустила Сэма, первым, кого он увидел, был Киллер Домингес. Водитель дремал, пристроившись на скамье. Заслышав гул шлюза, он приоткрыл глаз — а в следующий момент уже был на ногах.

— С возвращением в цивилизованный мир, док. Мы уже боялись, что вас заперли и ключ выбросили, а потом прошел слушок, что карантин для вас кончился, вот я и пожаловал, в качестве встречающей делегации числом в одну персону. Извольте принять поздравления!

— Спасибо, Киллер. А не дошел ли до тебя также слушок, что мне надо ехать на собрание?

— Ну а как же! И Чарли Штейн из гинекологической лаборатории сказал, что вам наверняка пришлось сжечь шмотки. «В том числе и туфли?» — спросил я. И он ответил: «А то!» — Киллер пошарил под скамьей и достал пару белых туфель на резиновой подошве. — Я решил заскочить к вам домой за обувкой — и, как вижу, не

прогадал.

— Друг познается в беде! — Сэм сбросил шлепанцы, сунул ноги в туфли и застегнул молнии. — Пока я отдыхал в карантине, ты работал не покладая рук. Давай рассказывай, что творится в городе.

Киллера Сэм знал давно, но сейчас впервые увидел, как с его лица сошла философичная невозмутимость горожанина, как пролегли складки тревоги и усталости.

— Худо, док, и час от часу не легче. Все сидят по домам взаперти, но скоро закончатся продукты, и, понятное дело, народ потянется к родне на фермы. Вот тут-то и начнется потеха. Пресса и телевидение боятся сказать лишнего, но ведь можно читать между строк. Я своими глазами видел бунт в Ист-Сайде, а в газетах о том ни строчки.

— Скоро власти возьмут ситуацию под контроль, — пообещал Сэм по пути к лифту, жалея, что голосу недостает уверенности. — Как только птицы перестанут распространять болезнь Ранда, она сойдет на нет.

— Док, чего-чего, а птиц в мире хватает, — произнес Киллер, пожевывая зубочистку.

И Сэм обрадовался, увидев на лице водителя

привычную безмятежность.

Дверь в аудиторию номер два была закрыта, ее охранял суровый полицейский. Впустить Сэма он отказался, а во время разговора держал руку на поясном ремне возле пистолета. Когда удалось его убедить, что доктор Бертолли явился по делу, он с кем-то связался по встроенной в шлем рации, и через несколько минут дверь отворил Эдди Перкинс, хирург из больничного персонала. Киллер скрылся с глаз, и Эдди повел Сэма в гардероб.

— Прежде чем тебя туда запускать, надо ввести в курс дела, — сказал он. — Там сейчас настоящая битва.

— И на чьей стороне ты?

— Что за вопрос? — Эдди криво улыбнулся, достал сигареты, предложил Сэму, услышал отказ и закурил. — Меня мобилизовали в команду доктора Маккэя. Все помнят, как он справился с пахиакрией Тофольма, поэтому сейчас ему официально поручено руководить медицинскими исследованиями и лечением болезни Ранда. Его уважают медицинские власти, меньше — полицейское и армейское начальство, и уж совсем мало — помешанные на рейтингах политики. Он пытается убедить губернатора, что необходимо объявить военное положение, тем самым узако-

нив действия войск ООН. Все равно придется их звать, рано или поздно, так что лучше с этим не тянуть. И еще надо, не теряя времени, истребить всех птиц в радиусе ста миль от Нью-Йорка.

— На этой территории сотни государственных парков и заповедников. Представляю, что скажут консерваторы!

— Они уже сказали, причем лично губернатору, а тот, если ты не забыл, хочет переизбраться осенью.

— И чем же я могу помочь?

— Маккэй считает, что ты способен повлиять на результат голосования. Специально тянул с этим делом до твоего прибытия. Ты сейчас триумфально войдешь в аудиторию, все моментально заткнутся и будут ловить каждое твое слово. Какникак герой дня, парень, который первым увидел вернувшегося астронавта, и отправился с ним в карантин, и вколол себе дозу альфа-ранда, и доказал, что он не передается от человека к человеку. Как только все убедятся, что это правда, так сразу уляжется паника, и прекратятся разговоры насчет эвакуации населения, и у нас не будет проблем с помещением заболевших в карантин. Разъяснив, что между людьми альфа-ранд не кочует, ты громко и внятно заявишь, что остано-

вить его можно одним-единственным способом, а именно уничтожив несколько миллионов птиц. Ты с этим согласен?

— Что?.. А, да, конечно. Идея выглядит жутко, но и впрямь у нас нет другого способа ликвидировать эпидемию. Главное — своевременно изолировать ее очаг.

— Твой боевой дух, как всегда, на высоте! — улыбнулся Перкинс и шагнул к двери. — Убеди политиканов, и мы покончим с чумой. Только дай мне пару минут, надо намекнуть Маккэю. А потом ступай к трибуне, мы будем ждать.

Это были медленные минуты. Сэм одернул перед гардеробным зеркалом измятую белую куртку, попытался разгладить самые глубокие складки. В горле пересохло, как за миг до десантирования на вражескую территорию.

Политики! Их необходимо убедить, и причем быстро. Каждая потерянная минута расширяет очаг заражения.

Он решительно распахнул дверь в полупустую аудиторию и зашагал по проходу к группе внушительных людей в мундирах и деловых костюмах, обсевших на возвышении длинный стол. К Сэму поворачивались лица, на него устремлялись взоры. Доктор Маккэй, прервав свою речь, попри-

ветствовал его.

— Ну вот, джентльмены, наконец-то мы имеем дело с фактами. Их немного, но они неопровержимы, и на их основе можно принять логичное решение. Перед вами доктор Бертолли. Уверен, все слышали о нем.

По залу прокатился шепот. Сэм, стараясь не чувствовать цепких взглядов, преодолел четыре ступеньки. Маккэй дал знак сесть рядом.

— На данный момент доктор Бертолли является лучшим в мире экспертом по болезни Ранда. Именно он встречал нулевого пациента после приземления корабля и пытался его спасти в карантине. Также он был лечащим врачом второго инфицированного, офицера полиции Майлза. Кроме того, он экспериментально доказал, что заражаться болезнью Ранда мы можем только от птиц, но не друг от друга. Доктор Бертолли, не согласитесь ли посвятить нас в детали вашего эксперимента?

Слушая эти слова, Сэм вдруг понял, что Маккэй не только врач, но и изощренный политик. Не раскрывая сути эксперимента, профессор подготовил сцену для доктора Бертолли, и тому остается лишь выступить с драматичными откровениями. Сэм не питал особого уважения к

политикам с медицинскими учеными степенями, но сейчас сам очутился именно в этой роли. Слушателей необходимо убедить. В тишине ожидания он повернулся лицом к аудитории:

— Как показали лабораторные исследования, болезнь Ранда имеет две формы, им в целях идентификации дали названия альфа-ранд и бета-ранд. Коммандер Ранд умер от альфа-ранда, но этот вирус не способен поражать организмы, которые не принадлежат к классу aves, классу птиц. Зато есть веские основания считать, что любые виды птиц заражаются от человека. В инфицированной птице вирус превращается в бета-ранд, представляющий собой крайне вирулентную форму, и далее может передаваться другим птицам и людям. Но если бета-ранд селится в организме человека, он трансформируется обратно в альфа-ранд, что и послужило причиной смерти офицера Майлза. В этой форме болезнь не передается людям…

— Доктор, откуда вам это известно? — перебил Маккэй.

— Я ввел себе живой вирус, взяв его у Майлза.

Слушатели дружно ахнули, сидевшие за столом ближе к Сэму инстинктивно отшатнулись. Маккэй с холодной улыбочкой положил ладонь

на руку докладчика:

— Нет никаких причин для беспокойства. Если бы вирус подействовал на организм доктора Бертолли, мы бы моментально определили это по его внешности. Во всех зарегистрированных случаях симптомы проявились в течение часа. — Он убрал руку, вернулся в кресло и посмотрел в упор на Сэма, который единственный стоял на возвышении, и спросил, нарушив зачарованную тишину: — Доктор Бертолли, вы можете нам дать какие-либо советы относительно лечения болезни Ранда?

— Нет. — Сэм позволил паузе затянуться. — В настоящий момент болезнь неизлечима, любой заразившийся погибает. Единственная возможность ее остановить — уничтожить резервуар инфекции, истребить всех птиц в радиусе десяти миль от Нью-Йорк-Сити. Или в радиусе двадцати миль. Или ста. Неизвестно, какая понадобится зона, но ни одна зараженная птица не должна уйти. Я прекрасно понимаю, как шокирует вас эта идея, но альтернативы нет. Скажу еще проще: или птицы, или мы.

Аудитория взорвалась, со всех сторон летели гневные возгласы. Доктор Маккэй невозмутимо пропустил их мимо ушей, он даже сидел впол-

оборота к залу, поэтому не увидел, как взвился с места пунцовый от возмущения губернатор штата Нью-Йорк.

— Здесь присутствует специалист, который скажет нам, что следует предпринять. Профессор Бергер, директор Нью-Йоркского зоопарка. Профессор Бергер…

Директор зоопарка оказался субтильным, с розовой лысиной, которую аккуратно пересекали несколько жидких седых прядей. Он говорил, опустив голову, и Сэм почти ничего не слышал, пока в зале не установилась тишина.

— …Маршруты перелетов, обычные места гнездования, хоминг различных видов птиц. Я рассчитал максимально возможную площадь эпизоотического очага, исходя из предельной дальности перелета инфицированной птицы, статистической возможности передачи ею вируса другой птице того же вида и так далее. Опираясь на эти данные, я могу утверждать… — Он зашуршал бумагами, и в зале возник нетерпеливый ропот. — Прошу извинить, джентльмены. — Бергер поднял голову, и стали видны влажные дорожки на щеках. — Я сюда приехал прямо из зоопарка, там мы перебили и отравили наших птиц, всех до единой… Итак, цифры. Расстояние

от Манхэттена — сто миль во всех направлениях. На Лонг-Айленде чуть больше — необходимо зачистить парк Монток-Пойнт. Впрочем, зона может быть и расширена, все будет зависеть от поступающей информации.

— Это невозможно! — выкрикнул кто-то. — Почти десять тысяч квадратных миль! Тут нужна армия!

— Да, нужна армия, — подтвердил Бергер. — Необходимо призвать на помощь войска ООН. Потребуется газ, отравленные приманки, дробовики, взрывчатка…

На это аудитория отозвалась сущим ревом, в который вторгся размеренный стук молотка: профессор Шейбл требовал внимания. Когда страсти чуть улеглись, раздался его голос:

— Обсуждаемая проблема относится к компетенции Всемирной организации здравоохранения, в связи с чем я и был назначен председателем этого собрания. Считаю, что мы услышали все необходимое для принятия решения, и предлагаю немедленно приступить к голосованию.

Еще какое-то время в зале звучали протестующие реплики, но затем состоялось голосование. Было принято, пусть и не подавляющим большинством голосов, решение об эффективных

мерах. В штат будет введена армия, и на рассвете начнется бойня.

6

— По телевизору показывали пляж на Кони-Айленде, он сплошь в мертвых чайках, их волнами приносило всю ночь, так что доступ к берегу везде закрыт, черта с два теперь покупаешься.

Болтая, Киллер перемещал из одного угла рта в другой полусжеванную зубочистку и гнал большой автомобиль «Скорой помощи» посередине центральной городской магистрали. Дорога была пуста: водители подчинились приказу запарковать машины. Не встречались и пешеходы.

— Сбавь скорость, — велел Сэм. — Не забывай, у нас патрулирование, а не вызов на разрыв аппендикса.

Он сидел справа, заглядывал по пути в каждый подъезд, в каждый промежуток между домами. До сих пор ничего подозрительного не заметил.

В кабине они теснились втроем. Третьим был солдат ООН, высокий датчанин по имени Финн, нагруженный, как вьючный мул, военным снаряжением, в том числе ранцевым огнеметом, из-за которого он был вынужден ехать, сильно наклонившись вперед.

— Вон там, под машиной! — прервал вдруг свое молчание солдат, показывая на развозной грузовик.

Водитель остановил «Скорую» с визгом тормозов, при этом пассажиры чуть не врезались лбом в стекло.

Сэм покинул машину первым, повесив на плечо сумку. Комплектацию этой аптечки составили на вчерашнем собрании.

У Финна был зоркий глаз. Темная груда у заднего колеса грузовика оказалась парнем, который при появлении спасателей попытался отползти еще дальше под днище.

Сэм опустился на колени и даже в плохом освещении разглядел красные пятна и нагноения — признаки болезни Ранда. Он надел пластиковые перчатки длиной по локоть.

— Я тебе помогу выбраться, — сказал он больному, но тот, с круглыми от ужаса глазами, лишь попятился.

Сэм поймал его за ногу и вытащил из-под машины, не обращая внимания на слабые пинки. Больной еще немного посопротивлялся, потом у него закатились глаза. Врач не имел ничего против — с бесчувственным телом работать легче.

Бригада «Скорой» перед дежурством получила

обычные фильтрующие противогазы из запасов пожарного департамента, наскоро обработанные внутри биоцидной мазью.

Плотно закрепив маску на лице пациента, Сэм достал из сумки аэрозольный баллончик с антисептиком и смочил кожу и одежду больного, а затем перевернул его на бок, чтобы опрыскать и спину. Лишь после этого снял перчатки и противогаз и приступил к лечению, зная, что бета-ранд теперь не опасен. Он приготовил инъекцию интерферона, единственного лекарства, как-то противодействующего болезни.

Солдат ООН стоял у Сэма за спиной и наблюдал, хмурясь и поглаживая пусковое устройство огнемета.

— Поблизости ни одной птицы, я очень тщательно осмотрел территорию. Вы спросили, где он прикасался к птице?

— Не было возможности спросить, он в обмороке.

Киллер подвел машину и опустил дверь-аппарель, потом выкатил тележку. Глядя в лицо лежащему без сознания человеку, он склонял голову с боку на бок и морщил лоб.

— Вроде на итальянца похож, а, док?

— Может, и похож, только какая разница?

— Да просто тут в округе полно голубятников, и это в основном итальянцы. Разводят птичек — спортивных, почтовых, всяких-разных. Голубятни у них на крышах.

При этих словах врач и солдат машинально поглядели вверх — как раз вовремя, чтобы увидеть белую крапинку над далеким парапетом.

— Нет! Не мои птицы! Мои тут ни при чем! — закричал очнувшийся больной и попытался встать.

Сэм сорвал колпачок с «усмирителя» — одноразового шприца на сжатом воздухе, заполненного мощным седативным средством, — и вонзил иглу в руку сопротивляющегося пациента.

Шприц коротко прошипел, и парень снова отключился.

— Киллер, на каталку его — и в машину. Мы с Финном осмотрим крышу.

— Я там пригожусь… — запротестовал водитель.

— Здесь ты лучше пригодишься. Кто-то должен наблюдать за пациентом. За дело, Киллер.

На лифте добрались до верхнего этажа, дальше шли по ступенькам, солдат — впереди. При их приближении захлопнулась дверь, и стало ясно, что все это время за ними следили. Лестница

заканчивалась у чердачной двери, запертой на массивный висячий замок.

— Право на частную собственность необходимо соблюдать, — мрачно заговорил Финн, погремев замком. — Однако статья четырнадцатая Положения о Комитете по чрезвычайным ситуациям гласит…

Конца фразы Сэм не расслышал — солдат занес ногу в подкованном ботинке пятнадцатого размера и со всей силы ударил возле замка. С визгом из дерева вылетели шурупы, и дверь распахнулась.

Впереди стояла большая свежеокрашенная голубятня, над ней кружили две птицы. И сразу бросились в глаза десятки других — лежащих на боку. Некоторые слабо били крыльями.

— Из чего это сделано? — Солдат топнул по крыше.

Врач глянул под ноги:

— Здание новое — значит, отлито из асбестоцементной гидропульпы.

— Негорючий материал?

— Да, конечно.

— Вот и хорошо. — Финн взял на изготовку огнемет, терпеливо дождался, когда вернутся в голубятню две птицы, и вдавил гашетку.

Выстрелил длинный оранжевый язык, в мгно-

вение ока мирное фанерное сооружение превратилось в ревущий огненный столб.

Одну птицу пламя застигло в воздухе — пуфф, и на крышу падает жаркий комок.

— Убийцы!

Кричала женщина, выскочившая из дверей позади мужчин. Она попыталась вцепиться в Финна, но Сэм успел схватить ее за руки. Он держал незнакомку, пока та не залилась слезами и не обмякла. Тогда Сэм дал ей опуститься на порог и прижал диагностический прибор к ее запястью. Нет, она не заражена болезнью Ранда — просто одна из бесчисленных жертв обстоятельств. Возможно, человек в «Скорой» — ее муж.

Раздалось шипение и клокотание — Финн опрыскал крышу и горящий остов голубятни пеной из химического огнетушителя.

Пока он разбрасывал пинками дымящиеся обломки — надо было позаботиться, чтобы по его вине не случился пожар, — заговорила рация в шлеме. Финн ответил и подошел к Сэму:

— Я сообщил о нашем местонахождении, сюда направляют бригаду для обеззараживания. Можно возвращаться.

«Он был молод», — подумал Сэм о заразившемся парне, стараясь не смотреть на рыдающую

девушку.

В ожидании Сэма и Финна водитель перегнал «Скорую» к подъезду. Дверь в кабину была открыта, гудел турбодвигатель.

— Уличные беспорядки! — выкрикнул Киллер. — Около въезда в туннель Куинс — Мидтаун. Это не наш район, но там нуждаются в помощи, а получить ее неоткуда. Диспетчер велел ехать туда.

Конечно, Киллер не упустил возможности вести громоздкую карету «Скорой помощи», точно гоночный автомобиль. Они с ревом пронеслись на север по Парк-авеню, лихо свернули на Двадцатую улицу. Ехали, как было предписано, с задраенными окнами, поэтому в кабине сильно пахло отработанным топливом. Когда пересекали Грамерси, увидели бригаду чистильщиков в пластиковых противочумных костюмах. Эти люди складывали в кучу трупики птиц. Где-то под деревьями хлопнул дробовик, и на землю полетел комок черных перьев.

— Разбрасывают отравленное зерно, — сказал Киллер, сворачивая на Третью авеню и утапливая педаль акселератора. — Ну а которая на зерно не польстится, ту достанут из ружья. Такие дела… Эй, гляньте-ка вперед!

Там была пробка. Машины не двигались; многие были пусты; две, разбившиеся друг о друга, горели. Полицейский на мотоцикле помахал «Скорой», чтобы остановилась. Киллер притормозил, опустил боковое стекло. Полицейский заглянул в кабину.

— На площади у въезда на Тридцать шестую есть пострадавшие, — сказал он. — Знаете, где это?

Киллер не ответил, лишь возмущенно раздул ноздри.

— Сейчас там поспокойней, но все равно будьте начеку. — Полицейский указал на огнемет Финна. — Кроме этой штуковины, у вас есть что-нибудь для самозащиты?

— Не беспокойтесь, офицер, я хорошо вооружен. — Финн покрутился на сиденье, и в его руке появился пистолет калибра 12,7 мм, с компенсатором отдачи.

— Вижу… Только не надо на меня направлять, просто держите под рукой. Беспорядки могут возобновиться. Ведите свой танк по тротуару, он широкий, не застрянете.

Вот такая езда была Киллеру по душе. «Скорая» перевалила через бордюрный камень и покатила по тротуару к площади. Оттуда доносились

крики, рев моторов, и вдруг страшно загрохотало разбиваемое стекло. Из-за угла навстречу выбежал человек, прижимая к животу несколько бутылок со спиртным. Увидев приближающуюся машину, обогнул ее по проезжей части.

— Мародер, — презрительно оттопырил нижнюю губу Киллер.

— Это не наша ответственность… — Сэм осекся, получше разглядев человека, а затем приказал водителю: — Останови его!

Киллер блестяще справился с задачей, распахнув дверцу перед носом у бегущего. Раздался глухой удар, звон битого стекла, скрежет тормозов «Скорой». Она находилась так близко от стены, что Сэму пришлось забраться на капот, откуда он спрыгнул на асфальт рядом с мародером. Тот стоял на четвереньках над разбитыми бутылками и разлившимся виски. Сэм склонился, чтобы заглянуть ему в лицо, затем отступил и натянул перчатки.

— Из кабины не выходить! — громко скомандовал он. — Это наш пациент. И стадия не ранняя.

Сэм полез в сумку, чтобы достать «усмиритель», а когда он поднимал глаза, к его лицу уже неслась бутылка. Киллер предостерегающе вопил из кабины. Врача спас армейский рефлекс: вскинутая

рука остановила удар, другая рубанула мародеру по запястью. Противник был слаб — и как вообще ему, нашпигованному кистами, удавалось двигаться? — поэтому второй замах получился жалким. Крепко удерживая его запястье, Сэм вогнал иглу «усмирителя» сзади в шею. Буян тотчас выказал намерение повалиться на асфальт, и врачу пришлось оттащить его в сторону от россыпи осколков.

Как можно скорее Сэм вколол интерферон и рекомендованный комиссией антибиотик. Киллер отстегнул от стены и опустил полку, Финн помог уложить на нее бесчувственное тело. Потом «Скорая» двинулась дальше, и теперь солдат войск ООН шагал впереди.

До Второй авеню не добрались: улица была сплошь забита машинами, они даже на тротуарах стояли впритирку к зданиям. Сэм выгрузил легкие носилки из магниевого сплава и сумку с набором первой помощи, и они с Киллером понесли этот груз следом за Финном, пробираясь извилистым путем к площади возле устья тунеля. Буйство толпы закончилось, но на улице остались десятки убитых и раненых. Большой военный вертолет привез бригаду медиков в сопровождении солдат, он приземлился перед

въездом в туннель на проезжей части. Врачи уже хлопотали над пострадавшими. Около патрульной машины лежал окровавленный полицейский, из вены торчала игла капельницы, а резервуар с плазмой был подвешен к боковому зеркалу. Солдаты оказывали медикам посильную помощь: хватали и приводили побитых смутьянов, тех, кто не успел убежать.

Отдельно от пробки стоял горящий автофургон, обильно валил дым. Поблизости маячил лейтенант полиции. Заметив белый медицинский костюм, поманил к себе:

— Доктор, вот этому можно чем-нибудь помочь?

Он показывал на человека, скорчившегося на переднем сиденье автофургона. Из окна свисала рука в пятнах запекшейся крови. Сэм положил на асфальт свою ношу и прижал к запястью пострадавшего прибор. Температура семьдесят восемь, пульса нет.

— Он мертв. — Сэм возвратил прибор в футляр. — Что тут стряслось?

— Сначала просто собралась толпа. Мы пытались контролировать весь транспорт, идущий на Айленд и обратно: большинство зараженных поступает оттуда. На остров пропускали только

тех, кто там живет или работает, и не давали вывозить птиц. Понятное дело, образовалась пробка. Люди вовсю сигналили и орали, но в целом вели себя прилично, пока кто-то не прочел на машине название зоомагазина и не распахнул задние двери. Вот этот бедолага набил фургон птицами из своей лавки. Что собирался с ними делать, одному богу известно. Кто-то его пристрелил, машину подожгли, потом в толпе заметили пару больных чумой, и понеслось… До прибытия военных я тут уже ничего не контролировал.

— Доктор, сюда!

Финн махал рукой, указывал на двоих, лежащих на свободном пятачке. Сэм подошел и убедился: болезнь Ранда.

Он занялся одновременно профилактикой и лечением.

«Скорая» могла вместить максимум восемь человек, а зараженных было обнаружено только четыре. Битые и обожженные, кто находился в сознании, категорически отказывались ехать в одной машине с чумными. Спорить не имело смысла. Так и не очнувшегося полицейского вместе с капельницей перенесли в салон, три места остались свободными. Киллер ловко поехал по улице задним ходом, при первой возмож-

ности развернулся и под вой сирены погнал к Бельвью. По пути бригада получила радиопредупреждение: карантинные зоны в больницах переполнены, к операционным очередь.

«Скорая» обогнула здание Бельвью и встала у главного подъезда. Там дежурили добровольцы-носильщики из административных служб, принимали пациентов и доставляли их в родильное отделение, откуда недавно эвакуировали рожениц. Больница быстро заполнилась под завязку.

На складе, куда Сэм зашел пополнить аптечку, его разыскал другой интерн, Томо Милетич.

— Подпиши здесь и здесь. — Томо сунул больничный бланк. — Я забираю твой «Мясной экспресс», а ты звони в приемное, там для тебя сообщение. Кто твой водитель, Киллер?

— Да, он за баранкой. — Сэм вывел свое имя-фамилию. — А в чем дело-то?

— Без понятия, мне велели передать, я и выполняю. До встречи… если я переживу Киллерову езду.

Томо повесил на плечо набитую сумку и вышел. Сэм нашел видеофон.

— Секундочку, доктор Бертолли. — Медсестра зашуршала бумагами. — Да, в вашей комнате

посетитель, он вас ждет, а потом надо будет встретиться с профессором Шейблом, он с доктором Маккэем в кабинете тридцать девять — одиннадцать.

— А вы знаете, кто у меня?

— Нет, доктор, насчет этого ничего не написано.

— Ладно, спасибо.

Он озадаченно помял подбородок. Ну и как это все понимать? Кто такой важный пожаловал, что ради встречи с ним Сэма сняли с дежурства? И при чем тут Шейбл и Всемирная организация здравоохранения?

Сэм хотел позвонить, уже взял трубку, но решил, что лучше просто подняться в свою комнату. По пути сделал только одну остановку, чтобы смыть копоть с лица и рук.

Его ждал офицер войск ООН. Здоровяк стоял спиной к Сэму, смотрел в окно, руки были сцеплены сзади — стойка вольно, по-парадному. На столе пилотка с золотой окантовкой, значит, это генерал. Взгляд Сэма переместился с пилотки на знакомую, ручной работы кобуру, из которой торчала хромированная, с тиковыми щечками рукоятка «безоткатного» пистолета калибра 19 мм. Когда военный повернулся, у врача маши-

нально расправились плечи и возникло сильное желание отдать честь.

— Десять лет, да, Сэм? — спросил генерал Бёрк, шагая навстречу и протягивая узловатую коричневую лапищу.

Сэм ответил на рукопожатие, плотно соединив пальцы, — вспомнил в последний момент, что это снижает риск переломов.

— Да, сэр, не меньше десяти. — Ничего лучше на ум не пришло.

Внешне Бёрк не изменился, разве что прибавилось гусиных лапок на висках возле горящих темным огнем глаз да чуть больше выпятилась массивная челюсть. Но что этот человек здесь делает?

— Сэм, давай так: ты не будешь говорить мне «сэр» или «генерал», а я за это не стану обращаться к тебе «доктор». — Еще одно мощное пожатие, и Бёрк отпустил руку интерна. — Для своих я Секач.

— Я знаю, как вы получили прозвище, это случилось при мне. — Улыбка далась Сэму нелегко.

Дело было на Тайване, когда уже шла эвакуация. Ночная атака партизан застала всех офицеров в столовой, в огромной палатке. Генерал редко бывал без оружия, и это оказался

именно такой случай. Но Бёрк заскочил на кухню, схватил огромный мясницкий нож и заверещал как апач, тем самым подкрепив слух о своем полуиндейском происхождении. Потом прорезал в стене палатки дыру и напал на противника с тыла. Такую ночь забыть невозможно, особенно если ты ее пережил вторым лейтенантом, самым зеленым юнцом среди офицеров подразделения.

— О черт, а я и забыл! Ты тогда был сопливым салажонком, но учился быстро.

Сэм ожидал хлопка по спине, так что успел чуть повернуть корпус и сберег лопаточную кость от раздробления.

У Секача Бёрка был широкий рот и гипертрофированные мускулы — ни дать ни взять пародия на истинного техасца. Но при такой внешности он был одним из самых хитрых и изворотливых генералов в войсках ООН. Этот человек ничего не делал без умысла.

— Секач, зачем пожаловал? Уж всяко не для того, чтобы возобновить старое знакомство.

— Узнаю нашего Сэма! Ты всегда норовил сразу взять быка за рога. Плесни-ка чего-нибудь, и я введу тебя в курс.

В шкафчике хранилась початая бутылка ирландского виски, и Сэм, знавший вкусы Секача,

нашел стакан для воды и наполнил его до середины. Он поколебался, но вспомнил, что снят с дежурства, и налил себе.

— За ирландцев, за их болота, за их виски! — Генерал поднял стакан. — Uisce beatha[4].

Виски Бёрку хватило на один глоток, и он мрачно заглянул в стакан, прежде чем его отставил.

— Эта чума из космоса — проблема не из маленьких. Мы с тобой за всю службу таких не знавали. И она растет как снежный ком. Сэм, мне нужна твоя помощь.

— Секач, от меня тут мало что зависит. Из армии я давно уволился, сейчас у меня медицинских забот полон рот.

— Знаю. И отпущу тебя к ним, как только мы закончим. Будь другом, объясни кое-что. Ты был возле корабля, когда вышел Рэнд. Ты разговаривал с ним, видел, как он писал. Что он хотел сообщить и почему запер корабль после того, как вышел? Есть какие-нибудь догадки?

— Только те, что отражены в отчете. Я делал вскрытие — и с тех пор постоянно думаю о случившемся. В любом случае не стоит придавать записке слишком большого значения.

---

[4] Примечания: 4
Вода жизни *(итал).*

— Это почему же?

— Если не вдаваться в клинические подробности… у него был поврежден мозг. Высокая температура, в крови сплошные токсины — Рэнд уже терял сознание. То, что он написал — о болезни на корабле, — может быть ужасно важным. Но с той же долей вероятности это может быть и горячечным бредом.

Генерал расхаживал по комнате, при каждом шаге звякали его анахронические шпоры. Он резко повернулся и вперил в Сэма суровый взор:

— Но ведь это всего лишь догадки, а как оно на самом деле, ты не знаешь. Что скажешь насчет «Перикла»? Когда ты звонил, не заметил ли необычного? Еще кого-нибудь? Трупы, признаки насилия? Хоть чего-нибудь?

— Секач, я видел только то, о чем написал. Внутреннее устройство космических кораблей мне знакомо только по телевизионным декорациям. Ничто из увиденного не показалось из ряда вон выходящим. И в отсеках я не заметил признаков жизни. Это легко проверить: пошли кого-нибудь в воздушный шлюз, пусть он понажимает на кнопки, как это делал я, и все заснимет.

— И правда легко — если бы я мог последовать твоему совету. Но как ты себе представляешь

съемку через полдюйма стали?

— Ты о чем?

— О том, что Шейбл, эта старая дева из ВОЗ, до смерти боится инфекции. Он распорядился наварить поверх люка стальную плиту. Профессор никому не позволит осматривать шлюз и что-то там снимать.

— Не стоит судить его чересчур строго, учитывая, что случилось, когда люк был открыт. А тут еще предостережение штурмана. Пока мы не выясним природу болезни Ранда, самое разумное — запечатать корабль.

Генерал так гневно взъерошил волосы, что они едва не затрещали от статики.

— Может, и так. А может, на борту есть сведения о том, как туда проникла болезнь и кто от нее умер. И даже — такое ведь тоже нельзя исключить — как с ней бороться. Нам бы сейчас любая подсказка пригодилась.

— А вдруг там другие вирусы, еще пострашнее? Не по этой ли причине Ранд запер за собой внутреннюю дверь? Важные записи он бы положил в карманы перед высадкой. Хватило же ему рассудка привести корабль домой и не разбить при посадке. Признай, Секач, моя аргументация не менее логична. Согласиться с тобой я мог бы

в одном-единственном случае: если бы ситуация развивалась по наихудшему сценарию. Открывать или не открывать люк — это сейчас не вопрос жизни и смерти. Где гарантия, что, открыв, мы не усугубим проблему? В настоящий момент болезнь Ранда берется под контроль. Как тебе известно, заразиться ею можно только от птиц, поэтому мы их истребляем. Когда будет уничтожен источник инфекции, эпидемия сойдет на нет.

— Я все знаю про чертовых птиц, поэтому и пришел к тебе. Мой штаб на Форт-Джее, а подчиненные мне войска разбросаны по Лонг-Айленду. Солдаты с дробовиками, птичьим клеем и сачками для бабочек гоняются за пичугами. Ребята поработают на совесть, уж я-то об этом позабочусь. Но так войны не выигрываются. Должна действовать разведка. Необходимо выяснить, что произошло на корабле. Сэм, ты теперь знаменитость, люди к тебе прислушаются. Если скажешь «давайте заглянем в «Перикл» хоть одним глазком», общественность надавит на Шейбла, и старик уже не сможет отказать. Ну что, сынок, поможешь?

Сэм глядел в стакан, гонял по кругу янтарную жидкость.

— Не обижайся, Секач. Хотел бы помочь, но не могу. В данной ситуации — никак. Я согласен с Шейблом.

— Решение окончательное?

— Окончательное.

— Это ошибка, сынок, и тупое упрямство, но я никогда не обижаюсь на людей, которые стойко удерживают свою позицию. Все-таки подумай хорошенько, и как только надумаешь, обращайся ко мне. — Бёрк чуть не раздавил в лапище кисть Сэма и повернулся к двери.

— Секач, я подумаю, но пока не изменится ситуация, не изменится и мое мнение.

Хлопнула дверь. Сэм криво улыбнулся и пошевелил онемевшими пальцами. За десять лет Секач нисколько не сдал.

Сэм осушил стакан и достал из шкафа чистый медицинский костюм. Теперь он понимал, почему Шейбл захотел встретиться с ним.

Секретарша доктора Маккэя заставила ждать, и когда наконец она отворила дверь, Сэм вошел в тишину. Маккэй сидел за своим широким столом, а профессор Шейбл молча пыхал трубкой в углу. Сэм понял: миг назад разговор шел о нем. Что именно говорилось, он узнает достаточно скоро.

— Доктор Маккэй, вызывали?

— Да, Сэм. Мы с профессором Шейблом хотим с вами побеседовать. Придвиньте кресло, устраивайтесь поудобнее.

Маккэй выглядел расстроенным. Он зашуршал на столе бумагами. С еле заметной ухмылкой Сэм опустился в кресло. От Маккэя эта ухмылка не укрылась, и он был слишком хорошим диагностом, чтобы не понять ее значения.

— Ладно, Сэм, не будем ходить вокруг да около. Мы организовали этому невежде Бёрку встречу с вами, решив, что лучше играть в открытую. Скажите, он просил вас о помощи?

— Совершенно верно.

Повисла напряженная пауза.

— И? — Шейбл, сам того не осознавая, наклонился вперед. — Что вы ему ответили?

— Ответил, что не могу помочь, и объяснил почему. В сложившихся обстоятельствах, профессор Шейбл, я считаю правильным ваше решение исключить любой доступ на корабль. Не знаю, что мы приобретем, если откроем шлюз, а потерять можем очень многое.

— Весьма рад это слышать, доктор Бертолли! — Шейбл, откинувшись в кресле, большим пальцем умял в трубке несгоревший табак, затем подсыпал свежего. — Борьба с болезнью Ранда — дело

очень хлопотное, но нам придется вдвое трудней, если надо будет еще и сражаться с генералом Бёрком. Этот человек крайне напорист, что делает его ценным военачальником на поле боя. Но он, к сожалению, лезет в политику. Бёрк слишком умен, чтобы действовать, не заручившись серьезной поддержкой, но в данный момент он представляет только горстку экстремистов, мечтающих проникнуть в «Перикл», а новостные агентства сотрудничают с нами, идеи генерала и его группировки не освещаются прессой. Тем не менее ситуация может полностью измениться, если Бёрк привлечет на свою сторону популярную фигуру вроде вас. В этом случае мы не сможем и дальше вести битву под ковром. Согласитесь, едва ли нынче для нас позволительна такая роскошь, как политические дебаты. На самом деле положение отчаянное…

— Отчаянное? — удивленно переспросил Сэм. — Мне казалось, что борьба с эпидемией ведется успешно.

— Только в пределах города, и успехи весьма относительны. Мы столкнулись с огромными трудностями, будучи вынуждены одновременно контролировать истребление птиц и передвижение населения. Не существует агента со стопро-

центной избирательностью, который бы убивал только птиц, как не существует и агента со стопроцентной эффективностью. Нам уже пришлось расширить внешнее кольцо, поскольку инфекция прорывается то там, то здесь. С человеческим фактором бороться очень нелегко, доходит до вооруженного сопротивления. Птицеводы срывают наши попытки уничтожить все поголовье кур. Они не усматривают связи между их здоровыми птицами и людьми, которые заболели в восьмидесяти милях от фермы. Достаточно многие видели пораженных болезнью Ранда, и теперь население убеждено, что у нее всегда летальный исход. Люди стремятся покинуть зараженную зону, кто тайно, а кто и с применением оружия, и мы, конечно, вынуждены на насилие отвечать насилием, у нас просто нет выбора, мы должны любой ценой остановить распространение чумы, пока не создадим лекарство от нее.

Сказав это, Шейбл машинально взглянул на доктора Маккэя; то же самое сделал и Сэм.

— Изучение вируса что-нибудь дало? — нарушил интерн подавленное молчание.

Маккэй отрицательно покачал головой, сцепив перед собой на столе предательски дрожащие руки.

Сэм моментально все понял. На плечах Маккэя лежала чудовищная ответственность.

— Мы создали множество исследовательских групп, они трудятся круглые сутки, но пока не продвинулись ни на шаг. Разве что теперь чуть лучше представляем себе развитие болезни, знаем, что первые симптомы проявляются в течение получаса после контакта. Ну еще разработали поддерживающие методики, но они не лечат, а только тормозят болезнь. Пока ни один заболевший не пошел на поправку, а таких с каждым часом все больше. Как видите, нам и без генерала Бёрка хватает…

— Сэм, позвольте, я объясню, для чего вас пригласил, — перебил Шейбла Маккэй.

— Конечно, я к вашим услугам.

— Хочу включить вас в мою исследовательскую группу. Мы пытаемся разгадать тайну болезни Ранда, подходим к ней с самых разных сторон, и нам, конечно, пригодится любая помощь. Вы для нас сущий клад.

Сэм помедлил, стараясь получше сформулировать фразу.

— Доктор Маккэй, это очень лестное предложение, но я не понимаю, чем могу быть вам полезен. Для такой работы нужны патологоанатомы, ви-

русологи, терапевты, эпидемиологи, цитологи, и мне известно, что с вами сотрудничают лучшие специалисты в этих областях. Среди них я был бы не на своем месте. Это ведь чистая случайность, что я оказался возле корабля, когда вышел штурман. Ну еще сгодился на роль морской свинки, проверил на себе альфа-ранд, когда этого потребовали обстоятельства. Вот и все заслуги. Я всего лишь интерн, и хотя надеюсь стать опытным хирургом, сейчас от меня больше проку в бригаде «Скорой помощи». Спасибо за предложение, но я не хочу быть обузой для вашей команды.

— Спасибо, Сэм, что пытаетесь облегчить жизнь старику. Но я действительно желаю заполучить вас в команду, именно как врача, не говоря уже о важном политическом факторе. Безусловно, под моим началом вы бы принесли больше пользы, чем в компании генерала Бёрка. Но принуждать вас я не собираюсь. Видит бог, всем нам работы хватит с лихвой.

Загудело переговорное устройство, Маккэй поспешил нажать на кнопку.

— Да, конечно, — сказал он в микрофон. — Приведите ее.

Сэм встал и попрощался, и тут в дверях появилась с кипой бумаг Нита Мендель. Она останови-

лась на пороге:

— Доктор Маккэй, если вы заняты, я могла бы подождать.

— Нет, все в порядке. Мы с профессором хотим просмотреть отчеты. Оставьте их, и вы свободны.

Из офиса Сэм и Нита выходили вместе.

— Кофе? — предложил он. — Или нет, лучше чего-нибудь посущественней. Я уже и забыл, когда ел в последний раз.

— Согласна, хотя вряд ли мы найдем кофе вкуснее того, что пили в нашем уютном карантине.

Они улыбнулись. Просто теплое воспоминание, ничего больше. Для «больше» не самое подходящее место, не самое подходящее время.

Сэм понял свои чувства и повернулся к ним спиной. В мире сейчас такой кавардак, что не до личных желаний.

Врачи вошли в лифт и поднялись на этаж, где находилась столовая для персонала.

— Хороший суп, — сказала Нита, отмеряя ложкой точные микропорции.

— И дешевый, что очень важно для голодных интернов. Нита, в этих отчетах есть что-нибудь новенькое? Несекретное?

— То, что там есть, не засекречено, но и не

предназначено для огласки. Больницы прислали статистику инфицированных. Только в Манхэттене восемь тысяч. А с другими боро и пригородами — двадцать пять. Военные реквизировали множество гостиниц под госпитали, не хватает персонала и медикаментов, хотя волонтеров достаточно.

Сэм отодвинул ополовиненную тарелку и встал.

— Значит, пора за работу. Я и не подозревал, что все так плохо.

Он умолк. Невнятно бубнивший на столе репродуктор вдруг произнес его имя:

— …Для доктора Бертолли. Просьба сообщить доктору Бертолли, что его ждут в офисе доктора Маккэя. Это срочно. Доктор Бертолли…

Сэм добрался быстрым шагом, преодолев желание припустить бегом. Распахнул дверь и увидел Маккэя и Шейбла, они рассматривали узкую полоску бумаги.

— Сэм, похоже, для вас есть дело. — Маккэй улыбался, протягивая листок. — Это сообщение из округа Ориндж, от местного семейного врача. Он лечил пациента с болезнью Ранда. Утверждает, что нашел лекарство.

7

На специальном уступе на уровне двадцать пятого этажа была оборудована вертолетная площадка. Там стоял зелено-белый полицейский вертолет, в проеме его двери вышедший из лифта Сэм увидел сержанта полиции, типичнейшего ньюйоркца, негра с кожей почти такой же темной, как его мундир. Полицейский спрыгнул и помог врачу загрузить сумку, потом вернулся на борт и с лязгом задвинул дверь.

Засвистели сопла, расположенные на концах длинных лопастей, затрясся пол под ногами, машина взмыла, развернулась по крутой дуге и направилась на север.

Расположившись в кресле, сержант рассматривал проносящиеся внизу крыши Манхэттена. Небоскребы делового центра сменились жилыми районами с крапинами лужаек и деревьев, затем синевой большого озера в Гарлемском парке, который раскинулся на месте былого района трущоб.

Севернее парка тянулись серебряные нити истсайдского и вестсайдского монорельсов, они сходились, расходились, пересекались. Когда вертолет описал широкий полукруг над рекой

Гудзон, сержант взглянул на Сэма.

— Вы доктор Бертолли, — сказал он. — Начальство велело доставить вас в округ Ориндж и привезти назад целым и невредимым. Но не сказало, чем вы там будете заниматься. Это что, сверхсекретная миссия?

— Нет, — ответил Сэм. — Наверное, просто боится, что поползут слухи до того, как мы узнаем правду. Вроде тамошний врач утверждает, что вылечил болезнь Ранда…

— Вы про чуму из космоса? — Слышавший разговор пилот повернулся вполоборота. — Говорят, если подцепишь ее, тебе хана. Ни единого шанса выжить.

Сэм взглянул на сержанта. Здоровяк улыбнулся и пожал плечами:

— Пилота зовут Форсон. У него не только большие уши, но и болтливый язык, и летчик он аховый, а с нами эта деревенщина только потому, что родом из той медвежьей дыры, куда мы направляемся.

— Медвежья дыра? Сержант, не слишком ли ты сер для столичного жучилы? — Пилот набрал высоту, чтобы пролететь над башнями моста Джорджа Вашингтона. — Когда-нибудь я тоже стану сержантом, и тогда держись. Чисто из де-

ревенского любопытства я слушаю твою с доком изысканную беседу. Док, так это не шутки? Насчет парня, которого вылечили?

— Мы для того и летим, чтобы это выяснить. — Глядя на полицейских, спокойно и четко выполняющих свою работу, Сэм решил, что нет смысла утаивать правду от этих людей. — Нам пока не удалось найти лекарство от болезни Ранда. Тот, кто ею заражается, умирает. Так что вы должны понимать важность задачи. Надо добраться до места и вернуться с пациентом и врачом.

— Те края я знаю как свои пять пальцев. — На лице пилота не шевелился ни один мускул, глаза прятались за большими темными очками. — Я родом из Стони-Пойнт, этот город со славной историей, наши предки хорошо надрали там задницу англичанам, и я исходил все окрестные леса. Сброшу вас аккурат посередке Стоунбриджа.

— Не надо сбрасывать, просто высади, — холодно произнес сержант.

— Всего лишь фигура речи, сержант. Сядем в городе, останется только найти нужный дом.

Достигнув Хаверстро, они отклонились от реки и полетели над лесистыми склонами и озерами, чьи пляжи сейчас были пусты.

— Приближаемся, — сообщил Форсон. — Внизу

трасса Семнадцать-А, от съезда дорога ведет к Стоунбриджу. Ферма должна быть где-то возле шоссе.

Вертолет снизился и пошел над узкой второстепенной дорогой. Впереди виднелось скопление зданий, по шоссе не двигались машины, даже в центре города улицы были пусты. Вертолет пересек город, а когда снова полетел над сельской местностью, вдалеке над рощей показался дым.

— Должно быть, это там. — Пилот стукнул пальцем по листу с машинописным текстом, прикрепленному скотчем к приборной панели. — Ферма возле Стоунбриджа, мы найдем ее по дыму.

Миновав купу берез, они ясно увидели дымящиеся развалины сельского жилого дома и амбара. При появлении вертолета бросились врассыпную несколько коров и кур, но никто из людей не показался.

— Не нравится мне это, — сказал сержант. — Дом еще дымится, кругом ни души. Это точно та ферма, которая нам нужна?

— Отсюда не определить, — ответил Форсон, креня машину и ведя ее по крутой дуге. — Хочешь спуститься или сначала облетим город?

Животные разбежались, а на расчищенной

местности близ фермы по-прежнему не было видно людей.

— Сначала вокруг города, сюда вернуться успеем. Доктор, вы как, согласны?

— Конечно. Не вижу, что мы тут можем сделать, и нет уверенности, что это нужное нам место.

— Впереди тоже дым, — сказал пилот, когда они двинулись к западу от хутора над ухабистой грунтовкой.

Во дворе следующей фермы стоял человек, махал подлетающему вертолету. Над печной трубой курился дым.

— Вот это уже больше похоже, — сказал сержант.

Машина повернула, негр сощурился и машинально расстегнул кобуру с «безоткатным» пистолетом калибра 12,7 мм.

— Места хватит, чтобы сесть?

— Места тут хватит для пяти таких птичек. Мы прибыли.

Вертолет опускался вертикально, поднимая тучу пыли, прижимая к земле траву. Машина мягко коснулась земли и закачалась на шасси. Сэм потянулся к дверной ручке, но сержант положил ладонь ему на плечо:

— Доктор, лучше я выйду первым. В городе

слишком тихо, и тот дом сгорел. Очень уж крепко пахнет неприятностями. Подождите здесь и приглядите за Форсоном.

Пилот заглушил двигатели.

— Сержант, тут всегда тихо. Ты просто непривычный к сельскому житью. — Ухмыльнувшись, он добавил: — Как думаешь, почему я перебрался в город?

Сержант спрыгнул и медленно зашагал к мужчине, который забежал в дом, выскочил и снова замахал. Он был сед и носил старомодные подтяжки поверх белой рубахи.

— Добро пожаловать! — прокричал он. — Я доктор Стиссинг! Это я звонил! Пациент внутри.

Сержант на ходу ощупал его взглядом и коротко кивнул, затем вошел в дом. Через несколько секунд появился и крикнул в сторону вертолета:

— Мы на месте! Тут человек на койке.

Сэм, ждавший с черной сумкой на изготовку, спустился на землю.

Доктор Стиссинг выглядел растерянным, нервно мял покрытый седой щетиной подбородок. Хорошо за семьдесят, решил Сэм. Они пожали друг другу руки.

— Я доктор Бертолли, больница Бельвью. Можно взглянуть на вашего пациента?

— Да, конечно, доктор. Прошу, входите. Очень рад вас видеть! Ей-богу, рад! Представляете, звонит Хэдли, перепуган до смерти. И как тут не испугаться! Я пришел, гляжу — болезнь Ранда. Да он и сам уже понял, что за хворь подцепил. Вот и лечу его с тех пор в одиночку. Жар удалось сбить, Хэдли пошел на поправку. Сам я уже больше суток не сплю, вот-вот с ног свалюсь…

— Можно штору отодвинуть? — спросил Сэм.

В комнате было темно, очертания лежащего на койке человека угадывались с трудом.

— Ну конечно! Просто я глаза ему берег.

Сержант отдернул черную штору, а Сэм подошел к кровати, взглянул на человека средних лет, с красными нарывами на лице, приложил универсальный диагностический прибор к его запястью.

— Мистер Хэдли, как вы себя чувствуете?

— Хэдли — имя, не фамилия. А чувствовал я себя и получше, вот те крест. Но пока доктор не пришел, было совсем паршиво.

Сэм расстегнул пижамную куртку на груди Хэдли, увидел два-три нарыва, пощупал под мышками. Лимфатические железы увеличены.

— Больно, — пожаловался Хэдли.

— Не беспокойтесь, это пройдет.

— Стало быть, он вылечен? — Доктор Стиссинг так волновался, что слова набегали друг на дружку. — Я знал, я ему говорил, эти новые антибиотики делают чудеса! Чума, в смысле болезнь Ранда…

— Хэдли повезло, — устало сказал Сэм. — Нет у него болезни Ранда. Обычный фурункулез, осложненный воспалением лимфоузлов. Антибиотики с этим справились.

— Но как же симптомы… лихорадочное состояние… Болезнь Ранда, все сходится. Я практикую достаточно долго…

— Хэдли, давно ли вы заболели? — спросил Сэм.

— Пару дней назад. А температура поднялась, как только ракета приземлилась, и я об этом доктору сказал. Ох и худо же мне было, думал, сдохну.

— Это из-за высокой температуры. А нарывы давно вас мучат?

— Появляются иногда. Я их всякий раз за неделю чую… А тут вдруг температура подскочила, и я понял: это чума…

— Нет, Хэдли, это не чума из космоса. — Стиссинг тяжело опустился на деревянную табуретку у изголовья кровати. — Просто тяжелая форма

фурункулеза, нарывы и жар. Доктор, простите, что зазвал вас сюда.

Снаружи вдруг затрещало малокалиберное стрелковое оружие, затем грохнуло мощное «безоткатное». Сержант, схватившись за пистолет, бросился вон из комнаты, Сэм устремился следом.

— Останьтесь здесь! — обернулся Сэм к растерявшемуся семейному врачу.

Он выскочил в прихожую. Сержант уже распахивал переднюю дверь. Под шквалом малокалиберных пуль разлетелся в щепки косяк, в половицах появились дырки. Сэму случалось бывать под обстрелом, причем достаточно часто, чтобы развить необходимые рефлексы. Он моментально упал и перекатом ушел с линии огня. А сержант поник в дверном проеме, рука протянута к пистолету, который лежит снаружи на крыльце.

Еще несколько пуль ударили в дверь. Сэм ухватил сержанта за ногу и оттащил от проема. Разорвал пропитанный кровью мундир, увидел крошечную дырку. Пуля, должно быть, имела большую мощность, сержанта свалил гидростатический шок. Сэм перевернул полицейского, чтобы осмотреть выходное отверстие, тоже

маленькое и почти не кровоточащее. Сержант открыл глаза и попытался сесть, врач удержал его на месте:

— Не дергайся, ты ранен.

— Да иди ты! — Сержант оттолкнул руку Сэма и кое-как принял сидячую позу. — Что там творится?

Сэм быстро выглянул в зашторенное окно и убрал голову, прежде чем брызнули осколки стекла. Он успел увидеть темные силуэты людей, бегущих к вертолету, и пилота, свисающего из дверного проема.

— Не вздумайте сопротивляться! — раздался снаружи голос. — Тогда мы тоже не будем стрелять.

Сэм встал возле шторы, и сержант с трудом поднялся на ноги рядом с ним. Нападавшие сбросили пилота на траву и полезли в машину. Один из них, тот, что обращался к людям в доме, держал на руках девушку лет двадцати, прикрываясь ее телом. Платье изорвано, голова безвольно висит — несложно было догадаться, что сделали с этой несчастной.

— Только попробуйте рыпнуться, я ее сразу пристрелю! — кричал мужчина. — Давайте помогите мне ее прикончить. Вот что, нам не нужны

лишние проблемы, просто хотим убраться подальше от чумы. Наш Энди может управлять вертушкой, научился в армии. Мы ее заберем и свалим. Будьте благоразумны, и больше никто не пострадает.

Он попятился к вертолету с девушкой на руках. Зажглись сопла, закрутились, все ускоряясь, лопасти. Когда вертолет закачался на шасси, мужчина оттолкнул девушку и быстро забрался в проем. Сэм и сержант отскочили от окна, в которое ворвался рой пуль. Мародеры завладели оружием пилота, пистолетом калибра 12,7 мм, с компенсатором отдачи. Выстрелы откалывали от стены куски шириной в фут.

Сержант приблизился к выходу, будто не замечая крошащих дерево пуль, и подобрал пистолет левой рукой. Огненный шквал прекратился, вертолет двигался прямо вверх.

Без всякой спешки сержант вышел на крыльцо, снял оружие с предохранителя, вытянул руку, как при стрельбе в тире. Чтобы не погубить девушку, которая так и лежала лицом вниз, он дождался, когда вертолет встанет на горизонтальный курс, и выжал спуск.

Трижды громыхнул, выплюнув огонь, ствол, и полудюймового диаметра, со стальным сердеч-

ником пули вырвали из корпуса вертолета куски алюминия. Оборвался свист сопел, замедлились лопасти. Еще два выстрела. Вертолет накренился и нырнул в кленовый лесок возле дома. Грянул взрыв, взвились языки пламени. Никто не выбрался из обломков.

— Несанкционированная попытка покинуть зараженную территорию, — сказал сержант, неловко засовывая пистолет левой рукой в кобуру на правом бедре. — В такой ситуации необходимо уничтожать и транспортное средство. — Он мрачно глянул на труп пилота. — И Форсон был хорошим копом. — На лице вдруг появилась безрадостная улыбка, сержант похлопал по значку, блестевшему позолотой и эмалью. — Впервые на состязаниях по стрельбе пришлось сменить руку.

Он вдруг обмяк, но Сэм успел подхватить его, усадил на крыльцо.

— Помолчи и не дергайся, надо заткнуть дырку.

Сержант сидел, вытянув вперед ноги, а Сэм опрыскал сульфапрепаратом из баллончика входное и выходное отверстия пули, наложил самофиксирующийся бинт. На крыльцо осторожно вышел Стиссинг.

— Доктор, вас не затруднит закончить перевязку? — спросил Сэм, вставая. — А я взгляну на других.

Пилот был мертв, винтовочная пуля оторвала ему затылок. Люди на борту изувеченного вертолета тоже не нуждались во врачебной помощи — взорвавшиеся с глухим хлопком топливные баки не оставили им шансов. Сэм направился к девушке. Она так и лежала ничком, поскуливая и всхлипывая.

— Я врач, — сказал он.

Когда дотронулся до ее плеча, она отпрянула и зарыдала еще пуще. Сэм хотел отвести ее в дом и осмотреть, но без применения силы. Он обратился за помощью к Стиссингу:

— Доктор, вы знаете эту девушку?

Близоруко моргая, Стиссинг подошел, наклонился, присмотрелся.

— Вроде это дочурка Лесли… — Он отвел руки девушки от лица. — А ну-ка, Кэти, вставай, пошли в дом. Что толку тут валяться?

Добрые увещевания возымели действие — Кэти поднялась и запахнула разорванное платье. Сопровождая ее, Сэм миновал сержанта, который сидел на крыльце и свирепо кривился, разглядывая обломки вертолета. В гостиной девушка

обессиленно опустилась на кушетку. Стиссинг приступил к осмотру, а Сэм пошел искать постельные принадлежности.

— Ничего серьезного, только физические травмы, — сказал позднее Стиссинг, отведя Сэма в сторону, чтобы Кэти не могла услышать. — Царапины, ушибы — как всегда при нападении и изнасиловании. Такое мне не в диковинку. Но есть и кое-что посерьезнее. Их дом по ту сторону города, они жили вдвоем — мать умерла раньше. К ним вломились эти люди, пьяные, грубые. Кэти их называет мародерами. Когда полезли к ней, отец попытался дать отпор, и его тут же убили, а после подожгли дом. Ничего подобного в наших краях раньше не случалось…

— По пути мы видели пожарище, дом сгорел дотла. С вашими пациентами надо что-то делать.

— Видеофон не работает, — войдя, сообщил сержант. — Надо возвращаться.

— Ты не в том состоянии…

— Чтобы удержать меня в этих лесах, мало одной пулевой дырки.

— Возьмите мою машину, она в сарае, — предложил Стиссинг. — А мы с Хэдли и девочкой останемся здесь, дождемся помощи из окружной больницы. Тамошние работники пригонят ма-

шину обратно.

— Сожалею, доктор, — сказал сержант, — но эти жлобы первым делом позаботились о вашей тачке, выломали замок зажигания. Придется нам топать пешком.

Сэм обдумал слова полицейского.

— Ты, пожалуй, прав. Было бы тут много банд, нас бы предупредили, так что вряд ли мы еще на кого-нибудь наткнемся. Вам, доктор Стиссинг, больше нечего опасаться, но на всякий случай закройте ставни и забаррикадируйте дверь, а мы при первой же встрече с местной полицией договоримся о помощи для вас. Сержант, выступаем, я только сумку прихвачу.

— Одна просьба, док. Можешь расстегнуть мой ремень и передвинуть кобуру налево? Так мне будет проще.

Они шли посередине шоссе, направляясь к городу. По пути встретился дом с опущенными и запертыми жалюзи на окнах. На стук в дверь никто не откликнулся. Когда добрались до следующей фермы и поднялись на крыльцо красного кирпичного дома, стоящего в стороне от дороги, из приоткрытого окна высунулся ствол дробовика.

— Ни шагу дальше! — скомандовал невидимый

мужчина.

— Я офицер полиции, — с ледяной злостью сообщил сержант. — Сейчас же убери оружие, если не хочешь очень серьезных проблем.

— Да откуда мне знать, кто ты? Я тебя первый раз вижу. А форму городского копа ты мог и спереть. Проблемы мне и правда без надобности, так что давайте проваливайте.

— Нам нужно только позвонить, — сказал Сэм.

— Видеофон не работает, авария на линии.

— У вас есть машина?

— Да, у меня есть машина, и она останется здесь, на тот случай, если мне понадобится уехать. А теперь убирайтесь! Может, вы заразные, чуму космическую разносите, а я тут с вами разговоры разговариваю. — И хозяин фермы грозно качнул стволом.

— Стратегическое отступление, — шепнул Сэм, хватая разгневанного сержанта и уводя. — Тут ничего такого нет, чтобы стоило лезть под картечь.

— Безмозглая деревенщина! — ругался сержант.

Жители Стоунбриджа заперлись не менее надежно, чем окрестные фермеры. И ни одной машины на виду. Врач и полицейский пересекли городок и прошли еще милю до автострады. Не

доходя, услышали хлопки. Сержант остановился и взялся за пистолет.

— Я достаточно поохотился на уток, чтобы узнать эти звуки. Дробовик!

— Даже два. Там дуэль, что ли?

Они пошли по обочине, поближе к деревьям, стараясь ступать бесшумно. Впереди между дубами проглядывала очередная ферма, мелькали перебегающие люди. Закричала женщина, треснул выстрел. Сержант вытащил из кобуры пистолет, на лице появилась холодная улыбочка.

— Похоже, в этот раз мы поспели к самому началу заварухи. — Он прицелился.

Возле дороги стоял автомобиль, листва не помешала Сэму узнать его очертания. Забежав вперед, врач отклонил руку полицейского.

— Ты чего? Это же мародеры.

— С чего ты взял? Глянь вон туда, разве это не военная машина?

Зайдя за поворот, они ясно увидели камуфлированный в оливковых тонах полугусеничный вездеход с эмблемой ООН — обрамленной ветками планетой — на боковой броне. Миновав его, очутились во дворе фермы; крики к тому времени сменились задыхающимися рыданиями. Смущенный кряжистый капрал держал за плечи

женщину, а та плакала, прижимая к лицу фартук. Лейтенант присматривал за двумя солдатами, которые рассыпали в загоне для кур отравленное зерно. Рядом с этим загоном стояла проволочная вольера, ее дверь была открыта, снаружи на земле валялись во множестве мертвые индейки. Живые птицы сидели на ветвях дуба, с которых свисали детские качели. Внизу солдат выстрелил из многозарядной гладкостволки, снес дробью птицу с насеста.

Между деревьями смолкло эхо выстрела, тишину теперь нарушали только глухие всхлипы женщины. Когда приблизились Сэм и сержант, офицер обернулся; как и его подчиненные, он носил на рукаве новозеландскую эмблему.

Взгляд перескочил с забинтованного полицейского на его спутника в белом костюме и с черной сумкой.

— Если вы врач, то прибыли как нельзя кстати. Эта фермерша… — Лейтенант указал на женщину, которую все еще сотрясали рыдания.

— Она ранена? — спросил Сэм.

— Физических травм нет, у нее истерика, шок, или как это у вас называется… И вот так всякий раз — селяне очень плохо понимают, почему мы истребляем их птицу. Эта женщина выпустила

из загона индеек, а потом пыталась остановить моих людей. Ну, по крайней мере, хозяин вменяем, а то другие бросаются на нас с ружьями. Он в доме, с детьми.

Сэм осмотрел женщину и, пользуясь тем, что ее держал солдат, вколол в плечо дозу денилина, быстродействующего успокоительного средства. Когда привел ее в дом, она уже шаталась. С помощью мрачного мужа Сэм уложил ее в постель.

— Проспит не меньше двенадцати часов. Если за это время не придет в чувство, дайте таблетку. Хватит одной, чтобы ваша жена успокоилась на сутки. — Врач оставил у кровати пузырек с психотропными таблетками.

— Всех кур у нас перебили, всех индеек. Доктор, по какому праву?

— Права тут ни при чем, это необходимость. Птицы разносят болезнь, способную погубить все ваше семейство. Вам дадут расписку. Когда все закончится, получите кур или денежную компенсацию.

— Всего лишь бумажка, — пробормотал фермер.

Сэм хотел что-то сказать, но сообразил, что словами тут не поможешь. Он вышел и застал за беседой склонившихся над картой военного и

полицейского.

— Сержант посвятил меня в ваши проблемы, — сказал лейтенант. — Я бы и рад предоставить транспорт до города, но не могу, у меня только этот вездеход. Впрочем, возможен компромисс. Здешние фермы расположены тесно, и пока мои люди проверят одну-две ближайшие, водитель доставит вас вот сюда. — Он показал на карте. — У Саутфилдса по скоростной автостраде Томаса Дьюи часто проходят на юг колонны, вы без труда поймаете грузовик. Устраивает?

— Да, вполне. Еще одна просьба: мне надо доложить о случившемся в больницу, и я уверен, что сержант тоже хочет связаться со своим подразделением, но здесь не работают видеофоны. У вас в машине есть рация?

— Есть, но связь только на армейских частотах. Я не могу вас подпустить к аппарату, но готов передать сообщение.

— Вот и отлично, — кивнул сержант, раскрывая блокнот.

Он вырвал листок и протянул Сэму, потом сам аккуратно написал левой рукой донесение. Сэм несколько минут обдумывал текст, понимая, что он будет прочитан многими и что не следует чересчур вдаваться в подробности. Он написал:

«Нью-Йорк-Сити, больница Бельвью, доктору Маккэю. Результат отрицательный, обычный фурункулез. Бертолли».

До города добрались уже в сумерках, и на сквозной магистрали капрал войск ООН посигналил фонариком колонне продуктовых фур. Остановилась головная машина, люди в кабине сидели с оружием — они уже неоднократно подвергались нападению. До Нью-Йорка ехали медленно.

Около девяти утра Сэм отметился в больнице о прибытии.

— Доктор, для вас сообщение. — Медсестра порылась в бумагах и достала конверт с фамилией Бертолли.

Сэм вскрыл его, вынул узкий листок, прочитал написанное толстым фломастером: «Сразу позвони. Оч. важно! 782–98. Нита».

Похоже, и впрямь что-то серьезное.

В больничном вестибюле было несколько видеофонных кабинок. Сэм вошел в ближайшую и набрал номер.

— Алло? — сказал он, когда на экране появилось женское лицо. — Получил твою записку…

— Сэм, ты один? — спросила Нита, и он сразу заметил, что зрачки у нее шире нормального, а у речи дрожащий тембр.

— Да, а в чем дело?

— Можешь сейчас же подняться ко мне? Я в лаборатории двенадцать — сорок два.

— Уже иду… Но что случилось?

— Не по видеофону! Это слишком страшно!

На экране расплылись, истаяли ее черты.

8

Когда Сэм выходил из лифта, Нита ждала на пороге лаборатории. Без единого слова провела его внутрь и заперла дверь.

— Такая таинственность… Может, расскажешь наконец, что происходит?

— И расскажу, и покажу все, что мне удалось сделать. А потом ты сам решишь, как действовать дальше.

— По видеофону прозвучала фраза «Это слишком страшно!». Что ты имела в виду?

— Потерпи, пожалуйста. — Она сильно, до белизны сжала губы. А потом заговорила вновь: — Сначала посмотри. Я хочу, чтобы ты сам сделал выводы, не задавая мне вопросов. — Нита повела рукой, показывая стойки с пробирками и разложенные приборные стекла. — Руководство группы поручило мне сделать ступенчатые тесты на сопротивление вирусу Ранда — с целью

накопить эмпирического материала. Пройдя компьютерную обработку, эта статистика может пригодиться другим исследователям. Работа несложная, у меня появилось свободное время, и я решила провести несколько последовательных экспериментов по изоляции и пересеву тканевых культур.

— Надо понимать, такими экспериментами занимаются и другие группы?

— Верно. Но речь не идет о дублировании чужой работы, я ставила вполне самостоятельные опыты. Была надежда, что после ряда пересевов вирус ослабнет или изменится и у нас появится возможность успешно бороться с ним, но он остается все таким же смертельным. Зато я обнаружила кое-что еще…

— Что?

— Сначала ознакомься с результатами.

Опять сжав губы, она вручила Сэму папку. И пока он листал бумаги, Нита терпеливо ждала.

— Вроде ничего из ряда вон, как ты и сказала… Погоди-ка, вот тут интересная серия. Ты меняла ткани? Сначала птичья, потом человеческая?

— Да, я использовала лабораторных голубей и человеческую тканевую культуру «Детройт-шесть». Всего сделала семь пересевов и в конце

получила бета-ранд от птицы. Он так же опасен, как раньше, но у него изменился один фактор. Я этого не предвидела, обнаружила чисто случайно. Вот тут.

Нита указала на зачехленную клетку. Сэм поднял чехол, увидел лежащую на боку и тяжело дышащую собаку. На животе сквозь короткий мех проглядывали круглые багряные нарывы. Сэм опустил ткань и взглянул на Ниту:

— Ты проверяла?

Она кивнула.

— Значит, у собаки болезнь Ранда…

— Да. Видимо, этот вирус следует называть гамма-рандом. Нечто новенькое. Больше никакие штаммы ранда, ни альфа, ни бета, не заражают собак, даже после шести пересевов от человека к птице. Но на седьмом пересеве происходит что-то невероятное…

— В жизни ни о чем подобном не слышал. Маккэй знает о твоем открытии?

Она покачала головой:

— Нет, дальше пойти я не рискнула, очень уж страшно. Оставила для тебя записку. Решила, если ты не вернешься в ближайшее время, позвоню доктору Маккэю. Сэм, что нам делать?

— Тебе надо незамедлительно встретиться с

Маккэем, сообщить о результатах. Вряд ли ему понравится такая новость… Ты хоть представляешь, что теперь будет?

— Да, — произнесла Нита так тихо, что Сэм едва расслышал.

И она обессиленно опустилась на стул.

— Пока болезнь распространяют только птицы, справиться с ней — задача посильная. Но что, если вирус успеет мутировать в гамма-ранд? Тогда подключатся собаки. А дальше? Эти перемены не укладываются ни в какую логику, не имеют известных земных аналогов. Раз так, не следует ли предположить существование неземных аналогов, инопланетной логики? Если мы установим поведенческий алгоритм вируса, узнаем законы, по которым он живет, то сумеем его остановить.

— Сэм, это не инопланетная болезнь, а вполне земная. Ей подвержены люди…

— Да, но она вышла из корабля, который прилетел с Юпитера. Значит, она и зародилась на этой планете.

— Уже доказано, что это не так. — Нита порылась в толстой кипе распечаток, нашла нужный лист и протянула Сэму. — Это предварительный отчет, но он говорит о многом. Для вируса были искусственно созданы условия, близкие к юпи-

терианским, плавно повышались температура и давление, — и он погибал задолго до того, как достигались расчетные параметры.

— Но это невозможно!

— Невозможно все, что связано с этим вирусом, и тем не менее факт есть факт. Сэм, подумай, что бы мы могли предпринять. Я в глухом тупике…

— От нас двоих теперь мало что зависит, но есть Маккэй и его команда. У них имеется все необходимое, чтобы понять значение этих перемен.

Сэм взял девушку за руки, помог встать. Такие холодные пальцы, и в лице под макияжем ни кровинки, и под глазами темные круги от изнурения.

— Передадим ему все результаты, а потом ты отдохнешь. Когда спала в последний раз?

— Я тут подремала на кушетке, этого хватило. — Она увидела себя в зеркало и закусила губу. Затем рассмеялась и поискала расческу в сумочке. — Не хватило, ты прав. С таким лицом только в фильмах ужасов сниматься. Дай мне чуть-чуть привести себя в порядок, и пойдем к Маккэю.

— Я позвоню, узнаю, у себя ли он.

Дозвониться до офиса Маккэя удалось далеко не сразу.

Вновь и вновь Сэм набирал номер и слышал

короткие гудки. Наконец ответила секретарша. Она явно была на грани истерики, казалось, вот-вот разрыдается.

— Сожалею, но доктор Маккэй очень занят.

И снова гудки. Сэм не успел сказать ни слова.

— Чем же занят Маккэй, интересно? — проговорил он, глядя на потемневший экран. — И что так расстроило секретаршу?

— Надо пойти и выяснить. — Девушка уложила бумаги в папку. — А что секретарша вся на нервах, так это неудивительно — напряжение ужасное, и легче не становится.

Лифт беззвучно домчал их до тридцать девятого этажа, и в кабину хлынул гул голосов, абсолютно несвойственный тихой больнице. Возле открытой двери кабинета Маккэя собралась небольшая толпа. Сэм узнал медсестру из отделения скорой помощи и тронул ее за плечо:

— Энн, что случилось?

— Доктору Маккэю стало плохо. — Она выглядела встревоженной и усталой, как, впрочем, и все в огромной больнице. — Перетрудился, потерял сознание. Говорят, инфаркт миокарда…

Сэм протолкался к двери, за ним следовала Нита. В офисе людей было меньше, секретарь отсутствовала. Следующая дверь, в кабинет, была

приотворена, и Сэм заметил там говорящего по видеофону Эдди Перкинса. На его негромкий стук Эдди оглянулся и дал знак войти, а потом, снова жестом, велел закрыть дверь.

— Да, разумеется, — говорил Эдди в аппарат, — мы будем заглядывать сюда и информировать вас о состоянии доктора Маккэя. До свидания. — Он отключил связь и выцарапал сигарету из лежавшей перед ним на столе пачки. — Ну и кавардак! Все мечутся, будто конец света настал, а тут еще доктор Маккэй вышел из игры. Как-то так сложилось общее мнение, что никто другой не способен покончить с чумой, что его команда — греческий хор, чья задача — веселить дирижера.

Зажужжал видеофон, Эдди с отвращением взглянул на него и вынул изо рта сигарету. Разговор с губернатором штата Нью-Йорк занял три минуты, Перкинс старался успокоить собеседника, потом сослался на занятость и отключился.

— Теперь понимаете, о чем я? — спросил он, зажигая кривой окурок.

— А чего ты ждал от них? — хмыкнул Сэм. — Это ведь Маккэй разобрался с пахиакрией Тофольма, вот они и поверили, что старик достанет нового кота из того же мешка. И кто теперь его заменит?

— Ты меня спрашиваешь? Я только в последние дни был у него помощником, вот и рулю, пока Шейбл и другие начальники не соберутся и не решат, как быть дальше. Через час у них заседание.

— Ну а если назначат главным тебя?

— Да, — задумчиво произнес Эдди, медленно пуская дым из ноздрей. — Это не исключено. Чем в таком случае я могу быть полезен вам?

Нита раскрыла папку, разложила перед Перкинсом листы и кратко рассказала об открытии. Слушая, Эдди просматривал отчеты. Когда зашла речь о зараженной собаке, он вскинул голову:

— Нита, мне это совсем не нравится. — Он сложил листы и отодвинул папку. — Утром пришлю к тебе в лабораторию кого-нибудь из патологоанатомов, послушаем, что он скажет. А пока спасибо за инициативу. Вот только будет ли прок от нее?

— Эдди, похоже, ты не понимаешь, насколько это серьезно. — Сэм улыбнулся, чтобы смягчить слова. — Если болезнь Ранда перейдет к собакам, будут большие неприятности. Мало нам переносчиков-птиц…

— Сэм, я же сказал, что приму меры. — В голосе Перкинса появилась раздраженная нотка. — Успокойся, пожалуйста.

— Успокаиваться рано. Мы знаем, что собаки уязвимы для вируса Ранда. Нельзя терять время…

— Предлагаешь всех псов в округе перестрелять? Мало тебе птиц? А ты хоть догадываешься, какая поднимется буря?

— Не бури надо бояться. Если понадобится, перебьем и собак. И лучше это сделать сейчас, не дожидаясь, когда они заразятся.

— Доктор Бертолли, хочу вам кое-что напомнить. — Голос Перкинса сделался бесстрастным, удлиненное лицо — суровым. — В этой больнице вы рядовой интерн, а интерн — не та инстанция, которая принимает решения. Начальство разберется…

— Да ладно тебе, Эдди. Помнишь, когда мы были студентами…

— Разговор окончен! — Перкинс хлопнул по столу ладонью.

Чтобы совладать с нервами, Сэм набрал полную грудь воздуха и медленно выпустил его. Потом встал:

— Пойдем, Нита.

— Минуточку! — Перкинс тоже теперь стоял. Он уперся кулаками в стол, наклонился вперед. — Есть два факта, которые вам неизвестны. Первый:

сегодня у нас появилась вакцина, способная лечить болезнь Ранда на ранней стадии. Второй: мы не позволим вирусу семикратно поменять носителя, как это сделала доктор Мендель. Одно дело — лабораторные опыты, и совсем другое — реальный мир. Мы контролируем распространение чумы и уничтожаем переносчиков. Есть более чем веские основания надеяться, что даже в случае гибели всех заразившихся на данный момент людей резервуар инфекции будет ликвидирован. Так что не раскачивайте лодку.

— Доктор Перкинс, это все? — без малейших признаков гнева спросил Сэм.

— Это все. Занимайтесь своим делом, а я буду заниматься своим.

Подал голос видеофон, и Эдди сел, чтобы ответить. Сэм и Нита вышли.

Они не сказали друг другу ни слова, пока шагали по вестибюлю и ждали лифта. Нита с тревогой посмотрела на крепко сжатые челюсти спутника и, дотронувшись до его руки, ощутила твердость напряженных мышц.

— Сэм, не принимай близко к сердцу. Другие нас поймут…

— Ничего они не поймут, если не ознакомить их с отчетом! Эдди тоже играет в политику, неужели

не видишь? Не раскачивать лодку! Отличный способ борьбы с эпидемией.

— Все же он по-своему прав. Дело движется, ситуация берется под контроль…

— Уж я-то насмотрелся, как оно движется. Но суть не в этом. Как бы оно ни двигалось, нельзя недооценивать угрозу, необходимо принимать правильные меры, чтобы чума не распространилась по всей планете.

Перед ними раздвинулись створки, и в ту же секунду заговорил динамик в кабине лифта. Другие динамики, расположенные в коридоре, вторили:

— Доктор Рюссель, доктор Кристенсен, доктор Бертолли, доктор Инвар. Просьба явиться в отделение скорой помощи. Доктор Рюссель, доктор Кристенсен…

— Что это? — с тревогой посмотрела Нита на Сэма.

— Новые неприятности. Лодка раскачивается сама, и плевать она хотела на пожелания доктора Эдварда Перкинса. Так что не жди, Нита, когда он передумает, а отправь копию отчета в ВОЗ, профессору Шейблу.

— Через голову Перкинса? Я не могу…

— Не надо быть такой воспитанной и дисциплинированной, от этой роскоши мы должны

на время отказаться. Поставь в известность Шейбла.

Сэм вошел в кабину и скрылся за дверью.

— Ах, доктор Бертолли, — пробормотала Нита, нажимая кнопку вызова лифта, — как же плохо вы вписываетесь в наш цивилизованный, упорядоченный мир.

Прибыла кабина, и Нита увидела свежие кровавые потеки на белых гладких стенах и алые брызги на сером полу.

Она содрогнулась. Пожалуй, мир не такой уж и цивилизованный…

— Новый бунт, а больше я ничего не знаю, — сказал Рюссель. — Крис! А ну убери грязные ножищи, чистого костюма мне уже не дадут.

Развалившийся на каталке Кристенсен ответил на это раскатистым храпом. Остальные трое интернов глядели на него с завистью, клонясь вправо-влево. «Скорая» мчалась по пустым улицам. Бригаде, к которой присоединился Сэм, выпало небывало долгое дежурство.

— Как обстановка в городе? — спросил он. — Я весь день бродил по лесам, охотился на предполагаемое лекарство от болезни Ранда.

— И что, нет лекарства?

— Так и болезни не было. Обыкновенные пры-

щи. Сельский доктор — старый подслеповатый энтузиаст, ему бы лет тридцать назад уйти на заслуженный отдых.

— Все катится к черту, — сказал Рюссель. — Население не верит, что люди заражаются только от птиц, а не от других людей. Отсюда и беспорядки: драки, пьянство, вандализм, изнасилования, буйство религиозных фанатиков и прочие милые шалости. У кого есть таблетка амфетамина? Чую, впереди еще одна бессонная ночь.

— Это страх, — сказал Инвар. — Людям страшно выйти из дома, вот и нарушилась в городе нормальная жизнь.

Электроснабжение, видеофонная связь и другие основные службы работают благодаря военным, подвозится продовольствие, но в городе такой величины это не может продолжаться бесконечно. Напряжение растет, случаи заболевания чумой множатся, у жителей не выдерживают нервы. А тут еще запрет на любые передвижения — последняя соломинка на хребте верблюда. Это разумно с эпидемиологической точки зрения, но обывателю кажется, что его пожизненно заперли в клетке.

— И обыватель, возможно, прав, — произнес Сэм, думая о собаке из лаборатории Ниты.

— Не нужно пессимизма, доктор! — вскинул брови Рюссель. — Будем смелыми, умными, одухотворенными…

— Мы врачи или бойскауты? «Ни снег, ни дождь, ни жара, ни мрак…»

— Это девиз почтальонов, а не бойскаутов, — пробормотал на носилках Кристенсен, переворачиваясь на другой бок. — И вообще, сколько можно языки чесать, а, кумушки? Дайте отдохнуть человеку.

С воем сирены их обогнал полицейский автомобиль, впереди надрывно сигналила пожарная машина. Фоном этим звукам служил глухой, грозно нарастающий рев, как будто «Скорая» приближалась к камнедробилке.

— Что за чертовщина?

— Толпа, доктор. Граждане нашего добропорядочного штата выражают недовольство действиями законно избранных властей.

— Ревут, как звери.

— Почему «как»? — Кристенсен со стоном открыл глаза. — Мы и есть звери. Под тонким лоском затаился хищник с налитыми кровью глазами. В бой, коллеги! «Что ж, снова ринемся,

друзья, в пролом…»[5]. Вроде так сказал старина Шекспир?

«Скорая» резко остановилась, Сэм опустил дверь-аппарель, и в салон ворвался многоголосый рев. Короткий отдых закончился, прервалось добродушное перешучивание; лица стали суровыми и сосредоточенными. Врачи вернулись в жестокий мир.

Они покинули машину. Подбежал водитель, помог выгрузить каталку.

Бригада «Скорой» как будто попала в кошмарный сон.

Машина остановилась под одной из высоких арок на Двадцать третьей улице. Совсем рядом возвышался мост Вагнера, громадина, протянувшаяся через реку Гудзон до Нью-Джерси; все три яруса были ярко освещены, но транспорт полностью отсутствовал. Прилегающий лабиринт дорожной развязки был заполнен народом, голоса слились в яростный вой, лица синие в свете ртутных ламп или багровые в сиянии факелов. Позади толпы горела шеренга складских зданий. Военные и полицейские стреляли над головами, но эти хлопки тонули в шуме пожарных брандс-

---

[5] Примечания: 5
Шекспир У. Генрих V. Перевод Е. Бируковой.

пойтов. В лучах прожекторов, расставленных за барьерами из грузовиков и металлических кабельных катушек, виднелись группы защитников правопорядка. Среди этих подвижных декораций лежала сцена — полевой госпиталь. В грубом свете военных прожекторов угадывались очертания человеческих тел. Раненые ждали, когда ими займутся врачи, но хватало и тех, кому помощь уже не требовалась.

— Доктор, помогите! Доктор!

Сэм обернулся на эти слова, ясно расслышав их в шуме и гаме. Ему махал молоденький солдат.

С медицинской сумкой на плече Сэм двинулся на зов, пробираясь между лежащими.

— Ее только что принесли. Доктор, я не знаю, что делать…

Санитар был совсем мальчишка. В такую переделку он явно попал впервые. Его учили помогать людям с переломами и проникающими ранениями, а тут дочерна обожжена нога и весь бок, одежда пригорела к коже. Баллончика с противоожоговой пеной не хватило даже на обработку ноги. Глядя на пострадавшую круглыми от страха глазами, паренек все давил и давил бесполезную кнопку.

— Я ею займусь, — пообещал Сэм, сразу обратив

внимание на неподвижный взгляд и отпавшую челюсть женщины. — А ты позаботься вон о том полицейском. У него пулевое ранение, нужна давящая повязка.

Когда санитар отошел, Сэм, заранее зная результат, прижал датчик к женскому запястью. Обширный ожог четвертой степени, смерть от болевого шока. Накинув на труп простыню, Сэм направился к другому пострадавшему.

Резаные и пулевые раны, переломы, расколотые черепа. Большинство пострадавших — военные и полицейские, немногочисленные гражданские получили травмы в давке или при столкновении с блюстителями закона. В истерических попытках вырваться из города бунтовщики применяли любое подручное оружие.

Сэм перевязал руку полицейскому и отвел его в «Скорую», а по возвращении увидел вновь прибывшего. Тот, прислонясь к опоре эстакады, закрывал лицо ладонями. Солдат находился в тени; Сэм осторожно вывел его на свет, увидел тюрбан и шевроны хавильдара и вспомнил, что утром в порту высадилась пакистанская бригада. Между пальцами обильно сочилась кровь, капала на землю.

— Ложитесь, — распорядился Сэм, подведя его

к свободным носилкам. — Хавильдар, вас не затруднит открыть лицо, чтобы я мог им заняться?

Очень неохотно, под нажимом Сэма, пакистанец убрал руки. Хлынувшая кровь не помешала разглядеть кривую, почти круглую рану. Щека пробита до кости, вырвана ноздря, из раны торчат осколки стекла…

— Разбитая бутылка? — спросил Сэм, вколов морфин из шприц-тюбика.

— Да, доктор. Он напал неожиданно и воткнул ее мне в лицо. Я не успел защититься. Зато потом как дал ему прикладом в живот! Боюсь, это нарушение приказа, зато я остался жив.

Сэм извлек пинцетом последний видимый осколок (если в ране осталось стекло, его найдут и удалят в больнице) и обработал рану по всей протяженности сшивающей машинкой на батарейке. При каждом прикосновении устройство соединяло края раны и скрепляло их ниткой. Получались большие стежки; временный шов сослужит свою службу до прибытия пациента в хирургическое отделение больницы. У пакистанца не были перерезаны крупные сосуды, поэтому рана теперь почти не кровоточила.

Посадив хавильдара в «Скорую», к другим пострадавшим, нуждавшимся в срочной транс-

портировке в больницу, Сэм обнаружил, что рядом дожидаются двое военных. Сержант козырнул:

— Доктор, на верхнем ярусе у нас раненые. Вы можете помочь?

— Сколько их? И что с ними?

— Только двое… Угодили под брошенную железяку, но вроде легко отделались. И лучше бы вам поспешить, пока там не началось… Мы поставили вторую баррикаду — не хватает людей, чтобы удерживать все съезды и въезды. Передняя линия скоро отступит к ней.

Сэм без колебаний повесил сумку на плечо и указал на выгруженные из «Скорой» два ящика с медикаментами:

— Берите их, и пошли.

Посвистывая турбинами, их ждал большой, с двумя горизонтальными винтами боевой вертолет. Едва врач и солдаты очутились на борту, машина с душераздирающим воем ринулась вверх, сместилась вбок и мягко опустилась на верхний ярус эстакады подле баррикады из опрокинутых легковых и грузовых машин. Там нервно топтались солдаты — они не видели толпу, но явственно слышали ее рев.

Сэм проследил за выгрузкой ящиков и занялся

пострадавшими. Один боец получил сотрясение мозга и травму, чреватую потерей глаза, другой — рваную рану, но тут пока достаточно повязки. Поблизости раздавались крики, военные по обе стороны моста присоединяли к гидрантам пожарные шланги и тянули их к баррикаде. Сэм услышал топот бегущих, с той стороны через барьер перебирались солдаты, многие в изорванных мундирах и с окровавленными повязками.

— Приготовиться! — громко скомандовал капитан. — Прорвана первая линия обороны. В шеренгу, гранатометы к бою!

Позади офицера Сэм забрался на крыло штабной машины. Отсюда по всей ширине просматривалось дорожное полотно. По нему в направлении барьера бежали разрозненные группки солдат, их преследовал рев толпы. Он все нарастал, и казалось, это торжествующе ревет громадный зверь. Спустя миг эстакада заполнилась людьми, они взбегали по пандусам и лестницам — жуткая черная масса, толпа без лидеров и целей, движимая лишь страхом и желанием выжить. Она приближалась стремительно, в первых рядах уже различались отдельные люди, размахивающие кусками арматуры и палками, краснели разинутые рты, но что они выкрикивали, невозможно

было разобрать в реве толпы.

За спиной у Сэма заверещал свисток, ему вторили чавкающие хлопки гранатометов. Стреляли полицейские точно, гранаты ложились ровным рядом и выбрасывали жгуты серого дыма. Толпа дрогнула и остановилась и, окутавшись химическими клубами, взвыла в отчаянии.

— Газ их остановит? — спросил Сэм.

— Раньше не останавливал, — устало ответил капитан.

На дорожное полотно падали все новые гранаты, но дым сносило сильным речным ветром. Некоторые бунтовщики уже пробирались через клубы газа, кашляя и прикрывая глаза, падая и вставая. Таких смельчаков все прибавлялось, и вот уже вперед двинулась вся толпа.

— Брандспойты! — скомандовал хриплый голос, и мощные водяные струи ударили по ногам, валя наступающих и отшвыривая их назад. И снова бессловесный тысячеголосый вой, и снова пятится толпа.

— Осторожно! — выкрикнул Сэм, но шум был такой, что его не услышали даже стоящие в пяти футах.

По опоре с нижнего яруса вскарабкался человек, рывком перевалился через ограждение. В

зубах он по-пиратски держал большой кухонный нож, из разрезанного края рта на подбородок сочилась кровь. Его заметил один из солдат и обернулся, но было поздно, бунтовщик уже нападал, замахиваясь ножом. Упали оба. Человек из толпы поднялся, его лезвие потемнело от крови. Тотчас другой солдат свалил его, рубанув по шее ребром ладони, — Сэм знал этот коварный прием из арсенала дзюдо, — и пинком выбил нож.

Бунтовщик стонал и держался за горло, отползая от солдат, а Сэм уже бежал к раненому бойцу. Тот кое-как поднялся на колени, непонимающе глядя на окровавленную руку.

— Не двигайся. — Врач уложил его на асфальт, вспорол рукав.

Глубокое проникающее ранение в предплечье — не сказать что опасно, но болезненно. Сэм наложил антисептическую давящую повязку. По ушам снова и снова бил рев толпы, но он как будто сменил тональность — что это, азарт, воодушевление? И добавился новый звук, низкий и пульсирующий, но более громкий.

Сэм поднял голову и увидел капитана, тот неистово махал из штабной машины. Жесты предназначались для сержантов, тем надо было отогнать солдат от баррикады.

Капитан выпрыгнул из автомобиля и подбежал к ограждению, возле которого находился Сэм.

Пульсирующий гул перерос в вибрирующий рев. Огромный автофургон несся, наверное, со скоростью шестьдесят миль в час. Он снес баррикаду, но при ударе лопнуло переднее колесо. Машина завихляла по всей ширине дороги, громадный черный кузов накатился на кабину, все шестнадцать колес, заклиненные тормозными колодками, оглушительно визжали и оставляли на асфальте клочья горелой резины. Грузовик врезался в ограждающий брус по ту сторону дороги от Сэма; кабина накренилась, одно колесо свесилось с эстакады.

И это все, что Сэм успел увидеть, прежде чем в пролом неудержимо хлынула торжествующая толпа. Бунтовщики уже не обращали внимания на солдат, даже на тех двоих, кого грузовик раздавил, точно муравьев. Они сломя голову бежали к мосту — подгоняемые страхом, верящие, что впереди ждет свобода.

— Им не прорваться, — с презрительной усмешкой проговорил капитан. — Тот конец моста надежно перегорожен, там отряд нью-джерсийской полиции. Эти мерзавцы, убившие моих людей, сейчас дорого заплатят.

— Вы о чем? — спросил Сэм.

— О том, что нам запрещено стрелять по толпе и даже защищаться, а вот ньюджерсийцы церемониться не станут. У них очаг заражения, не знаю, как далеко отсюда, и они должны любой ценой удержать кольцо. Там снесли бульдозерами дома, вспахали контрольно-следовую полосу, натянули колючую проволоку. — Капитан отвел взгляд от мертвых подчиненных и трудно, прерывисто вздохнул, подавляя гнев. Он снова заговорил, и в голосе звучала печаль и усталость: — И у них есть приказ, я своими глазами видел… приказ стрелять в любого, кто попытается проникнуть на огороженную территорию.

Толпа уже не орала, слышался только топот многих ног — все новые бунтовщики пробегали сквозь пролом в барьере.

К этому шуму добавился свистящий гул вертолета; подняв голову, Сэм увидел приближающиеся со стороны реки бортовые огни. Должно быть, пилот заметил военный вертолет около баррикады. Он описал круг и пошел на снижение. Взмыл, когда летчик обнаружил бегущую по мосту толпу, а как только живой поток ослабел, вертолет снова устремился вниз. Вот он попал в свет фонарей моста, и Сэм разглядел на борту эмблему

национальной гвардии штата Коннектикут.

По-прежнему в пролом вбегали бунтовщики, но уже не такой густой толпой. Разгневанный капитан бесстрашно протолкался среди них. За ним последовал Сэм — по ту сторону баррикады могли быть пострадавшие. Когда поравнялись с вертолетом, чьи лопасти все еще медленно вращались, пилот опустил стекло.

— Я прямо из Уотербери, вашего города не знаю. Поможете?

— Я из Карачи, знаю даже меньше вашего, — проворчал капитан.

— А вам куда надо? — спросил Сэм, озираясь в поисках жертв.

— В Бельвью. Вам известно, где это?

— Конечно! Моя больница. А с какой целью летите?

По спине побежал холодок — казалось бы, ни с того ни с сего.

— Надо кое-что туда доставить. Может, покажете, как добраться до вертолетной площадки? У меня в салоне собака, мертвая, упакованная.

Холодок окреп, добрался до сердца, сдавил жестокой рукой. Сэм откинул брезент и посветил фонариком. Многие слои полиэтилена, в который был герметично упакован труп, не помешали

различить уродливые красные нарывы.

9

В лаборатории были выключены лампы, светился лишь экран монитора над рабочим столом, бросая призрачные синевато-зеленые лучи на лицо Сэма, подчеркивая складки на коже и черные круги под глазами. Врач с ненавистью смотрел на палочки вируса Ранда — кривые, громоздящиеся, страшные. Размноженное, как сатанистская икона, изображение поступало из главной вирусологической лаборатории во многие помещения огромной больницы.

Сэм зевнул и заставил себя отвести взгляд от экрана. Надо поспать.

Он здорово устал, но и заснуть не удавалось.

Почти всю ночь шел дождь, и теперь в мозглый мрак просачивался серый рассвет. Надо поспать… За разговором Нита опустила голову на руки и моментально уснула; пышные волосы рассыпались по столу. Дышала она легко и ровно, полуобращенное к Сэму лицо было очень красивым в своей безмятежности.

Пиликнул сигнал оповещения, и на экране дрогнула картинка. Дрогнула, но не сменилась — все то же вирусное кружево от края до края.

Заговорил динамик:

— Результат идентификации положительный. Фурункулы на теле присланной из Коннектикута собаки содержат вирус болезни Ранда, это он демонстрируется в данный момент. Мы планируем дальнейшие эксперименты с целью выявления других потенциальных носителей возбудителя инфекции, но уже сейчас можем осторожно предложить название гамма-ранд…

Нита выпрямилась на стуле, поправила прическу. При этом она напряженно вслушивалась и, сонно моргая, глядела на экран.

— Слишком уж рано это случилось, — в бессильной ярости сжимая кулаки, проговорил Сэм. — Я надеялся, что переход болезни через семь различных носителей займет больше времени. А тут и недели не прошло…

— Да, это случилось, и мы не можем игнорировать явный факт…

— Явных фактов, которые нельзя игнорировать, тьма-тьмущая — они на каждом шагу! — Сэм вскочил со стула, нервно заходил по комнате; злость не позволяла усидеть на месте. — В зараженной зоне ситуация хуже некуда, мы катимся в первобытную дикость. Я собственными глазами видел, как это происходит. До чего же тонок, ока-

зывается, покров цивилизованности… Создается веками, а теряется за считаные дни.

— Ты несправедлив к людям, Сэм. Просто они боятся.

— Да знаю я! Мне и самому страшно, ведь я-то, в отличие от них, понимаю, как быстро распространяется болезнь Ранда и как слабы мы против нее. Но помню и то, что забыли другие: надеяться нам можно исключительно на свой ум, на способность думать, прежде чем действовать. Вокруг нас люди совершают безрассудные поступки и тем самым обрекают себя на верную смерть и норовят весь мир утащить с собой в могилу. Они бунтуют, их убивают. Они пропускают мимо ушей разумные советы и прячут своих драгоценных курочек и попугайчиков. А что будет, когда мы возьмемся за собак? Не трогайте Рекса, он мой лучший друг! А на самом деле Рекс теперь самый страшный враг, он вот-вот подцепит вирус, который убьет и его самого, и безмозглого хозяина. Но прежде чем они умрут, поднимется паника. Я видел, как это происходит, — отвратительное зрелище, можешь не сомневаться. Человек в толпе — не человек, а зверь. На моих глазах убивали, насиловали, пытались вырваться из охраняемой зоны. Кому-нибудь это обязательно удастся, мы

не сможем удержать всех. Найдет лазейку зараженная собачонка, и болезнь двинется дальше.

— Разве можно судить людей за то, что у них есть эмоции? — Нита говорила тихо, тогда как Сэм почти кричал.

— Я тоже человек, — сказал он, останавливаясь напротив девушки, — и у меня не меньше эмоций, чем у любого другого. Знаю, что чувствуют люди за этими стенами, слышу, как верещит в моем собственном сердце потерявшаяся обезьянка. Но для чего нам дан разум, если не для контроля над эмоциями?

— Рассуждать о контроле над эмоциями и при этом в бешенстве топать ногами? — усмехнулась Нита. — Интересное зрелище.

Сэм открыл было рот, но удержался от возмущенной реплики и улыбнулся:

— Разумеется, ты права, от моего бешенства нет никакого проку. Просто иногда наши эмоции — как обнаженные нервы… А еще я хочу сказать, что ты необычайно красива, когда у тебя спутаны волосы и ты сидишь в голубом сиянии вируса Ранда.

— Что, все так плохо? — встревожилась она, пытаясь расправить волосы.

— Нет, оставь. — Сэм потянулся, чтобы отвести

ее руку.

Когда он дотронулся до ее кожи, что-то изменилось. Нита посмотрела на него, и в ее глазах он увидел отражение собственных чувств. Сэм потянул девушку за руку, желая, чтобы она встала, и обнаружил, что она уже поднимается сама. И понял, что ее губы ждут.

Поцелуй — это контакт, это соединение, это обмен. Некоторым расам и народам он вообще не знаком, у некоторых вызывает отвращение. Они очень многое потеряли.

Поцелуй может быть холодной формальностью, например, данью семейным отношениям, но может быть и прелюдией к акту любви. Иногда это откровение на немом языке чувств, признание, которое невозможно выразить никакими словами.

Потом Нита прижалась лицом к его груди, и он догадался, что она улыбается. Говоря, Сэм водил пальцами по кромкам ее губ.

— Похоже, сейчас наши чувства лежат на поверхности, наши слова и поступки продиктованы ими. И я веду себя по-дурацки…

— Сэм, ты ошибаешься.

— …Ну если не по-дурацки, то уж всяко смешно. Знала бы ты, как я ненавижу воздушные замки

и розовые сопли. Все эти юные сердца из мыльных опер, трепыхающиеся в мертвой хватке любви с первого взгляда… Мне кажется, любовь суть нечто иное, нечто поистине драгоценное, и она не разменивается по мелочам. А когда она приходит, надо иметь силы признаться в этом. Нита, я люблю тебя. Понимаешь ли ты, что это совсем другая любовь, понимаешь ли, что она настоящая?

— Я тоже люблю тебя и очень хорошо себе представляю, что ты чувствуешь. Наверное, нехорошо так говорить, но я чуть-чуть благодарна болезни Ранда… Милый, женщины эгоистичны. Что-то мне подсказывает: если бы не давление обстоятельств, ты бы и дальше молча тянул свою лямку, у тебя и минутки бы не появилось, чтобы поразмышлять на столь фривольную и пустяковую тему, как существование противоположного пола.

— Ничего себе пустяковая тема! — воскликнул Сэм, ощущая в объятиях живое, теплое, нежное тело.

В темной комнате раздался четкий сигнал видеофона.

— О черт! — буркнул Сэм.

Нита рассмеялась и попыталась высвободить-

ся.

— Представляю, что ты чувствуешь, — повторила она, — но нужно ответить на звонок.

Он улыбнулся и неохотно отпустил ее, а она включила свет и направилась к видеофону. Дождь поутих, но то и дело порывистый ветер громко стучал каплями по оконным стеклам. Сэм глядел на город — мокрый, серый, будто напрочь вымерший. Было далеко видно с двенадцатого этажа, вплоть до Первой авеню, и двигалась внизу только зелено-белая полицейская машина. Но вот и она скрылась на боковой улице. Разговор прекратился; когда Сэм обернулся, Нита потягивалась, и это приятное зрелище изрядно приободрило его.

— Хочу вымыться, переодеться и найти чего-нибудь на завтрак, — сказала она. — Через час собрание, похоже, опять военный совет. Она сказала, там будет профессор Шейбл.

— Она — это кто?

— Секретарша доктора Маккэя. Или, наверное, уже Перкинса.

— А про меня она ничего не говорила? Служба оповещения знает, что я здесь.

— Нет, только попросила меня явиться. Конечно, тебе тоже нужно там быть.

— С чего ты взяла? Я всего лишь рядовой интерн, вроде так меня назвал Эдди Перкинс? А это сборище политиков.

— Не спорь, Сэм, просто явись туда.

Он улыбнулся, но улыбка вышла кривоватой.

— Ладно, без проблем.

Для собрания был отведен конференц-зал не из маленьких. В нем уже сидело десятка три людей. Многих из них Сэм знал: начальники отделений, привлеченные исследователи, даже два чиновника в форме Службы общественного здравоохранения. На пороге он вдруг остро почувствовал, насколько дерзким выглядит его появление в этом зале.

Должно быть, Нита ощутила его сомнения и дала им решительный отпор; она крепко взяла его за руку, подвела к стулу и усадила. Теперь отступать уже поздно, да и нет в этом необходимости.

Люди, знавшие Сэма, встречая его взгляд, лишь кивали или приветственно поднимали руку, а прочие не обращали внимания.

— Доктор Бертолли? — раздался за спиной ворчливый голос с сильным иностранным акцентом.

Сэм поспешил встать и увидел скалящегося мужчину с окладистой черной бородой и сломанным носом. Знакомая персона, хотя вроде они

прежде не встречались.

— Да, доктор Хатьяр, это я. Чем могу быть…

— Как самочувствие? — Хатьяр наклонился вперед, оказавшись нос к носу с Сэмом.

Того покоробила бы такая фамильярность, будь на месте венгра кто-нибудь другой. В больнице ходило немало слухов об этом знаменитом иммунологе. Его считали гением; изобретенная им радиоактивная дифференциация недавно заменила в лабораториях реакцию преципитации в геле по Оухтерлони.

Но этот человек также славился сильной миопией и тщеславием. Крайне нуждаясь в корригирующих линзах, он категорически не желал этого признавать. В лаборатории близорукость ему почти не мешала, зато серьезно усложняла общение с людьми.

— Как самочувствие? — повторил он, напряженно всматриваясь в Сэма. — Выглядишь неважно.

— Просто усталость. Я мало спал, но это единственная причина. Никаких симптомов болезни Ранда.

— А вот это не очень хорошо, небольшая лихорадка нам бы не помешала. Уверен, что температура в норме?

— К сожалению, в норме.

— Ладно, не будем терять надежду. Надо взять сыворотку крови. Вообще-то, сыворотки у меня хоть отбавляй, но вся она получена от пациентов, которые впоследствии умерли. Из твоей, возможно, удастся выделить антигены…

— Сэм, ты вроде дежуришь на «Скорой»?

Вторгшийся в разговор голос звучал деловито и холодно, но Сэм сразу понял, кто стоит у него за спиной. Эдди Перкинс.

Сам он, повернувшись, сказал как мог беспечно:

— Дежурил. Сменился почти полсуток назад. В городе все хорошо, лучше просто не бывает.

— Понятно… А разве тебя сюда звали?

Они смотрели друг на друга в упор, и Перкинс сохранял бесстрастное выражение, только глаза выдавали ледяную ярость.

— В таком случае, Сэм, вынужден попросить…

— А ты, собственно, что за птица?! — взревел Хатьяр, подавшись вперед и жутко оскалившись: попытка разглядеть незнакомца потребовала сильного напряжения лицевых мышц.

— Доктор Хатьяр, я Перкинс, ассистент доктора Маккэя, временно исполняю его обязанности…

— Ну так и исполняй! А от нас отстань, мы

заняты.

Хатьяр просунул лапищу под руку Сэму и оттащил его от тотчас побагровевшего Перкинса. Сэм испытал мимолетное торжество, отравленное мыслью, что Эдди своего позора не простит.

Шейбл постучал молотком, разговоры в зале прекратились, приглашенные расселись у длинного стола. Профессор и сам сел, уставился на лежащие перед ним бумаги, собрал их в аккуратную стопку. Наконец произнес голосом, полным тревоги, которую испытывали все:

— Прежде всего хочу поставить вас в известность, что мы собрались по инициативе Всемирной организации здравоохранения. Я попросил доктора Перкинса, который замещает доктора Маккэя, пригласить вас сюда для консультаций. Хочу выразить признательность за регулярные отчеты, за то, что вы постоянно сообщаете о результатах вашей деятельности. Усилия ВОЗ сводятся в основном к контролю над переносчиками инфекции, к установлению карантинной зоны. Лечение инфицированных доверено руководству местных медицинских учреждений, и в помощь им приданы группы военных врачей. Однако настал момент, когда необходимо принять ряд важных политических решений, и для этого нам,

представителям ВОЗ, необходимо досконально понимание ситуации. Мы должны знать, чем располагаем сейчас, что вы предпринимаете и есть ли надежда обуздать болезнь. Короче говоря, нас интересуют любые детали.

Он закончил, и зал погрузился в молчание. Наконец Эдди Перкинс прокашлялся и огляделся:

— С вашего разрешения, я попробую доложить обстановку. Если инфицированного вирусом Ранда не лечить, он умирает в течение десяти-двенадцати часов, и это происходит в ста процентах случаев, исключений пока не зарегистрировано. Поддерживающая терапия позволяет увеличить этот период почти до сорока восьми часов, что дает надежду…

— Какую еще надежду? — прервало Перкинса злое ворчание доктора Хатьяра. — Ни черта эта твоя поддерживающая терапия не дает. Отсрочить смерть — не значит вылечить больного.

Перкинс с трудом удержал себя в руках.

— Доктор Хатьяр, возможно, вы правы, но я всего лишь описываю ситуацию. Не соблаговолите ли проинформировать нас о результатах работы руководимой вами исследовательской группы иммунологов?

— Результаты нулевые.

— Нам это мало о чем говорит.

— Да тут вообще говорить не о чем. Я ни на шаг не продвинусь, пока не выделю антитело. Болезнь Ранда очень проста: альфа, бета, гамма. У всех этих штаммов простые реакции. Не существует слабых форм заболевания, и, по всей видимости, ни один организм не способен на иммунный ответ. Он просто погибает.

— Доктор, а вы можете сказать, — обратился к венгру Шейбл, — есть ли шансы… В смысле, каковы перспективы обнаружения необходимого вам антитела?

— Нет шансов. И перспектив никаких. От нас ничего не зависит, пока не появится совершенно новый фактор.

В этот раз пауза вышла продолжительнее. Никто не изъявлял желания выступить по главному вопросу повестки дня, Перкинсу пришлось обращаться поочередно к руководителям исследовательских групп. Многие оказались не так откровенны, как Хатьяр, — возможно, просто боялись сказать правду, — но их доклады подводили к одному и тому же неутешительному заключению.

— Итак, если не возражаете, я резюмирую, — заговорил профессор Шейбл, и на этот раз дрожь

его голоса нельзя было объяснить одной лишь усталостью. — Ситуация далека от нормальной. Нам известно, откуда появилась болезнь Ранда и каким образом она распространяется. Мы знаем ее первые симптомы и ее исход, каковой можем отсрочить лишь на несколько часов. Зараженный организм не способен продуцировать антитела для борьбы с инфекцией, антибиотиков против болезни Ранда не существует, интерферон дает ограниченный эффект, и нет химических агентов, способных разрушать вирус, не причиняя одновременно фатального вреда здоровью носителя. Еще нам известен весьма необычный факт: болезни Ранда подвержены определенные классы животных. Эти животные способны заражать других представителей своего класса, а также людей.

У нас накопился большой список неблагоприятных факторов, и он бы стал смертным приговором человечеству, если бы не один нюанс: вирус не передается от человека к человеку.

— Пока не передается. — Нита тотчас прижала ко рту ладонь, будто сожалея о сказанном.

Но ее слова прозвучали в тихом зале ясно. Заскрипели кресла, все участники собрания повернулись к ней.

— Извините, профессор. Я не хотела вас прервать, и у меня нет доказательств. Если угодно, назовите это голословным предположением. Оно возникло, когда я провела бета-ранд через семь носителей и обнаружила, что гамма-ранд заразен для собак…

Слушая, профессор Шейбл торопливо перебирал бумаги.

— Простите, но я не вижу отчета об этом эксперименте.

— Эксперимент проводился неофициально, за рамками плановых исследований, по моей личной инициативе. Отчет находится на стадии оформления.

— Официально вы работаете или нет — не важно. Ваша обязанность — сообщать мне о результатах сразу по их получении.

— Я хотела сообщить, но… — она бросила взгляд на Эдди Перкинса, который сидел, наклонясь вперед, бледный от напряжения, — … но работа закончилась вчера вечером. Мне не удалось встретиться с доктором Маккэем, как раз в тот момент у него случился приступ, а потом была такая суматоха… Вскоре в Коннектикуте обнаружили инфицированную собаку и стало известно о новой угрозе.

— Надо было, невзирая на суматоху, отправить мне отчет. Доктор, не обижайтесь, я вас не критикую, ситуация и впрямь была сложной. Хочу лишь подчеркнуть, что любая новая информация о болезни Ранда, какой бы тривиальной она ни казалась, должна немедленно поступать ко мне. А теперь прошу продолжать. Насколько я понял, у вас предчувствие, что болезнь Ранда в какой-то момент начнет передаваться от человека к человеку?

— Боюсь, профессор, это предчувствие мне не подкрепить никакими фактами. Все мы понимаем, что вирус имеет инопланетное происхождение, а значит, условия его существования отличаются от земных. Чтобы трансформироваться, он вынужден менять различных носителей, переходить от человека к птице, от птицы к человеку. Это повторяется несколько раз, и внезапно он приобретает способность заражать собак. Спрашивается, что будет, когда вирус несколько раз переселится из человека в собаку и назад? Подозреваю, можно ожидать очередной трансформации и появления носителя нового типа. Это не кажется невероятным, учитывая случившееся раньше. Не исключено, что произойдет финальная мутация и контагиоз-

ность станет абсолютной. И это будет выглядеть вполне нормально. На самом деле ненормально выглядит нынешняя неспособность вируса распространяться среди людей без посредников.

— Логично, — кивнул Шейбл. — Конечно, я молюсь, чтобы этого не произошло. Но, безусловно, нам не следует закрывать глаза на опасность. Предлагаю срочно разработать программу исследований. Доктор Перкинс, какие меры вы можете предложить?

Пока в зале обсуждались задания для научных групп, Сэм наклонился к Ните и тихо спросил:

— Зачем ты вынула Эдди из петли?

— Пришлось, Сэм. Тут все держится на них с Маккэем, да и нельзя вешать за одну ошибку. Не будем раскачивать лодку.

— Насчет лодки — это слова Перкинса. Моя бы воля, вообще бы ее перевернул. Он был обязан немедленно передать твой доклад Шейблу. Скажи ты об этом сейчас, и ему крышка. Не та ситуация, чтобы прощать такие грехи.

— Ты что, злопамятный? Хочешь отомстить?

— Не спорю, я был бы рад его падению, но дело не в мести. Этот человек не соответствует должности, и пока он распоряжается вместо Маккэя, мы рискуем получить новые проблемы…

Их заставил умолкнуть стук молотка. Заговорил профессор Шейбл:

— Благодарю вас за информацию и хочу объяснить, почему она мне понадобилась. Как вы знаете, только что состоялось заседание Совета безопасности ООН, с участием президента США и начальников штабов. На нем было принято решение. Через несколько часов начнется операция, которой военные дали пафосное название «Полная победа».

Объединенными усилиями будет раз и навсегда прекращено распространение болезни Ранда. Имеющая приблизительную форму круга Красная зона, где сейчас блокирована болезнь, подлежит полной эвакуации. Мы уже переселяем жителей в карантинные лагеря и расширяем Синюю зону, пояс ничейной земли вокруг мертвой Красной зоны. Там все ровняется бульдозерами, при необходимости применяется взрывчатка и огнеметы. По этой территории мы разбрасываем ядовитую приманку. На данный момент средняя ширина Синей зоны составляет двести ярдов, и планируется увеличить ее как минимум до полумили. Если работы и дальше будут идти по графику, одновременно с эвакуацией Красной зоны закончится оборудование Синей. После чего

над Красной зоной мы взорвем радиоактивное вещество с двухмесячным периодом полураспада.

Оглушенная словами профессора аудитория долго молчала, пытаясь осознать их значение. Более восьми тысяч квадратных миль самой дорогой земли в мире! Мертвая зона — ни человека, ни зверя, ни насекомого, ни даже микроба в почве! Пустые города-призраки: Нью-Йорк, Ньюарк, Филадельфия.

Шейбл продолжал ровным и мрачным голосом:

— Все это необходимо сделать как можно быстрее, потому что мир напуган. Когда болезнь будет локализована, когда мы убедимся, что ее переносят только животные, продолжится операция «Полная победа». — Он перешел на едва слышный шепот. — Вы должны понять, что эта программа является компромиссом. Население планеты живет в страхе, и на то есть очень серьезная причина. Единственная приемлемая альтернатива — сейчас же сбросить на Красную зону водородную бомбу…

Не в силах видеть перед собой перепуганные лица, Шейбл опустил голову. Старик, невольно ставший рупором чужих страхов… и угроз.

— Доктор Шейбл… — Сэм встал, слегка удив-

ляясь собственной дерзости, но понимая, что высказаться необходимо, а там будь что будет. — Доктор Шейбл, мы все согласны с тем, что операция «Полная победа» является логичным ответом на вопрос, который не способна, по крайней мере в данный момент, решить медицина. И в глобальных масштабах применение водородной бомбы выглядит оправданным, хотя лично меня перспектива превратиться в кучку пепла привлекает слабо. Также мне не очень нравится прозрачный намек, что отправка ракет с ядерной начинкой — оптимальный выход из положения. Впрочем, мое неудовольствие — это малосущественная деталь. Более важно невысказанное отчаяние, стоящее за столь радикальным шагом: раз нет медицинского решения, будем выжигать территорию. Я с этим не согласен. Считаю необходимым провести кое-какие исследования, прежде чем прибегать к крайним мерам.

Он умолк, чтобы перевести дух, и заметил, как пристально, в мучительном напряжении все смотрят на него. Совершенно неожиданно на головы этих врачей свалилась проблема, не имеющая никакого отношения к медицине.

Проблема элементарного выживания.

— О каких исследованиях речь? — нетерпеливо

спросил Хатьяр.

— Необходимо проникнуть на борт корабля «Перикл» с целью выяснения природы болезни. Возможно, там найдутся записи на пленке или бумаге. Коммандер Ранд написал о болезни на борту, и нет оснований не верить человеку, которому удалось вернуться живым с Юпитера. Ну а если будут применены героические атомные меры, никто не упрекнет нас в том, что мы напустили на планету новую чуму…

Речь Сэма прервал резкий стук молотка.

— Доктор Бертолли, — заговорил профессор Шейбл, — в отношении «Перикла» мы ничего не можем предпринять. Совет безопасности ООН требует оставить корабль в неприкосновенности. На финальной стадии операции «Полная победа», после эвакуации и радиоактивной нейтрализации территории, «Перикл» будет уничтожен ядерным боеприпасом. Болезни Ранда и другим вирусам из космоса не дадут ни единого шанса выморить человечество. Сожалею, но решение принято, и оспаривать его бесполезно. Те, от кого все зависит, не станут слушать ни меня, ни вас. Единственное, что способно их остановить, — это эффективное средство лечения болезни Ранда. Если такое средство обнаружится, операция «Пол-

ная победа» может быть отменена. Но лекарства у нас нет, и мы не в силах остановить запланированный ход событий.

Возразить на это было нечем. Тем не менее некоторые протестовали, причем наиболее возмущенно — доктор Хатьяр, но лишь для проформы. Все понимали: на самом высоком уровне их судьбу решили за них. С ними даже не посоветовались.

Профессор Шейбл чутко прислушивался к разговорам, когда мог, отвечал на вопросы и наконец с великим облегчением закрыл собрание. Сэм вместе с Нитой отправился в ее лабораторию. Оба молчали, и тишина казалась осязаемой. Через стеклянную дверь они прошли в палату, где на койках лежали пациенты с болезнью Ранда. Нита избегала смотреть на них.

— Сэм, мне страшно. Все так неожиданно… полетело в тартарары. Эти разговоры о бомбах и радиации… Исследовательская программа практически брошена… Наши пациенты и те, кто еще успеет заразиться, считай, мертвы.

— Да, мертвы. Решение Совбеза превращает нас, врачей, в кладбищенских смотрителей. Но попробуй взглянуть на происходящее со стороны. Мир в ужасе, и он готов пожертвовать своей

малой частью, чтобы спасти остальное. И это разумно и оправданно — для всех тех, кто не принадлежит к этой малой части. Я не спорю с таким выбором, но меня не устраивает бессмысленная изоляция «Перикла». Тут нет логики, есть только страх. Существует вероятность, что на борту корабля лежит ключ к тайне чумы, и мы, найдя его, спасем очень многих.

— Милый, ты же слышал, что сказал Шейбл: от нас ничего не зависит. Попасть на корабль нельзя. Значит, искать ответ придется здесь, в лаборатории.

Поблизости не было посторонних, поэтому Нита взяла Сэма за руку, ободряюще пожала — и вдруг резко отпустила. И не заметила, как у него расширились глаза.

— Сэм, когда у тебя начинается дежурство? — спросила она, отпирая дверь лаборатории.

— Через час, — ровным голосом ответил он и направился к шкафу с приборами и инструментами.

— Мы будем делать то, что должны, не поддаваясь страху… А это зачем? — Она смотрела на диагностический прибор в руке Сэма.

— Надеюсь, пустые опасения. У меня из-за недосыпа понижена температура, вот и показалось,

что твоя рука слишком горяча…

Он прикоснулся к ее коже прибором, и стрелка термометра тотчас скакнула на отметку 102 градуса[6].

— Наверное, простуда или что-нибудь вроде этого. — Ему не удалось скрыть тревогу в голосе.

Лекарства от болезни Ранда не существовало, зато имелись простые и эффективные средства для ее выявления.

Через пять минут оба знали, что чума из космоса получила новую жертву.

10

Заболевший врач — это уже не врач, а рядовой пациент.

Он ничем не отличается от других больных, и у него нет привилегий. Все, что мог сделать Сэм для Ниты, — это договориться, чтобы ее поместили в двухместную палату.

Вторая койка пустовала, и несложно было угадать судьбу человека, который ее занимал.

Он сам сделал Ните уколы, помимо прочего ввел сильное успокоительное средство, а когда уходил, она уже спала. Автомат бесшумно

---

[6] Примечания: 6
Или 39° по Цельсию.

затворил за ним дверь. Сэм знал, что Нита обречена, — вирус Ранда разит надежней, чем посланная в сердце пуля.

Что же теперь делать?

Только одно.

На посту медсестры был видеофон, Сэм позвонил в службу оповещения, попросил определить местонахождение профессора Шейбла и соединить, если тот еще в больнице. Некоторое время экран оставался темным, по нему лишь разбегались концентрические окружности, сообщая, что сигнал удерживается, и Сэм коротал время, глядя через плечо дежурной медсестры на дисплеи палатных мониторов. В помещениях был погашен свет, но сестра без труда видела спящих пациентов благодаря чувствительным к инфракрасному излучению камерам.

Видеофон все молчал. Сэм набрал на пульте номер койки Ниты и затребовал увеличение. Над бегущими показаниями датчиков появилось ее лицо. Она быстро слабеет…

— Доктор, профессор Шейбл ответил.

Сэм убрал с дисплея изображение и повернулся к видеофону:

— Профессор, нам нужно встретиться. Это очень важно.

— Но я уже ухожу…

— Разговор не займет много времени. Пожалуйста, не отказывайте.

Шейбл с экрана сверлил взглядом Сэма, словно пытался прочесть его мысли.

— Ладно, раз уж вы настаиваете. Но прошу не задерживаться. Я в тридцать девять — одиннадцать.

А ведь это номер офиса Маккэя, вспомнил Сэм, спускаясь на лифте. Значит, там Перкинс. Плохо. Дело срочное, а он будет совать палки в колеса.

Секретарша немедленно сообщила о прибытии Сэма и пропустила его в кабинет. Шейбл сидел за столом, укладывал в кейс бумаги, а Перкинс у окна нервно затягивался табачным дымом.

— Чего вы хотите? — без околичностей, с несвойственной ему резкостью спросил профессор.

— Я хочу побывать на борту «Перикла». Необходимо найти…

— Исключено, и вы это знаете. До вас доведено решение Совета безопасности.

— К черту Совет безопасности! Он далеко, а мы здесь, и это наше дело, и какие-то чинуши из Стокгольма не могут нам указывать. Их беспокоит вероятная угроза, но ведь мы способны

эту угрозу начисто ликвидировать. В воздушный шлюз я войду один. Как вы помните, я уже это сделал однажды и ничего со мной не случилось. Ни к чему не прикоснусь, пока вы не приварите позади меня к корпусу плиту. Конечно, для связи понадобится видеофонный провод. Это абсолютно безопасно, понимаете? Доложив, я останусь на борту, проведу там столько времени, сколько понадобится…

— Затеял спасти мир в одиночку? — холодно спросил Перкинс.

— Это не обсуждается, — проговорил Шейбл. — Решение принято, больше никаких дискуссий.

— Нельзя слепо выполнять чужие решения, когда речь идет о жизни и смерти…

— Впадаешь в истерику, — хмыкнул Перкинс. — Профессор, помните, я говорил, что этот человек ненадежен? Теперь вы убедились в моей правоте?

— Это я-то ненадежен? — разозлился Сэм. — Забавно такое слышать от Эдди Перкинса. Великоваты тебе туфли Маккэя, и для общего дела будет лучше, если уволишься. Кстати, сообщил ли ты профессору Шейблу, что отказался принять отчет Ниты об альфа-ранде в собаке?

— Доктор, прекратите! — перебил рассержен-

ный Шейбл.

— Я боялся, что это случится, — не глядя на Сэма, сказал Перкинс, — и поэтому вас предупредил. Обвинения он предъявил мне с глазу на глаз, но я не отреагировал, и теперь он их оглашает. С этим придется что-то делать.

— Это с тобой придется что-то делать, Перкинс, — процедил Сэм, с неимоверным трудом обуздывая ярость. — Ты здорово напортачил, а теперь выкручиваешься и врешь. Может, хирург ты и неплохой, но администратор уж точно дерьмовый.

Оба его не слушали. Шейбл повернулся к переговорному устройству и нажал кнопку.

— У вас дежурит полицейский? Пришлите его сюда.

Застигнутый врасплох таким поворотом, Сэм не понимал, что происходит, пока не отворилась дверь и не вошел полицейский в звании лейтенанта.

— Очень не хочется этого делать, — сказал Шейбл, — но ситуация не оставляет выбора. Простите, Сэм. Надеюсь, вы меня поймете. Это не арест, а превентивное задержание. Вы нас вынудили. К вам могут прислушаться безответственные люди, а попытка проникнуть на корабль способна

причинить огромный вред.

Сэм уже не слушал. Опустив голову, устало шаркая, он плелся к выходу. И надеялся при этом, что они кое о чем забыли. На пороге остановился, и лейтенант взял его за руку.

Точно, забыли. В приемной никого, кроме секретарши.

Лысеющий, сорока с лишним лет, полицейский в одиночку пришел арестовывать врача, который разошелся во мнениях с другими врачами. Обвинение носит политический характер, но в условиях военного положения оно будет иметь особую силу.

Сэм повернулся к врачам:

— Ну спасибо, Эдди.

Они забыли, что без малого десять лет Сэм прослужил в пехоте. Что он воевал.

Снова поворот. Лейтенант не ждал неприятностей, он не успел принять твердую стойку. Сэм захватил его запястье, безупречно проделал болезненный армлок из стойки, резко развернул полицейского, одновременно выведя из равновесия, присел и толкнул плечом в поясницу. Лейтенанта швырнуло через весь кабинет, прямо на побледневшего Эдди Перкинса. Сэм успел заметить, как оба валятся, прежде чем захлопнул

дверь и мимо перепуганной секретарши проскочил в коридор.

Сколько у него времени?

Коридор был пуст. Сэм бежал по нему и напряженно думал, как действовать дальше. На панику нет времени, и нельзя бежать вслепую — через несколько секунд начнется погоня. Ждать лифт тоже слишком опасно. Сэм распахнул дверь на пожарную лестницу и помчался вниз, разом перескакивая через пять ступенек. Заставил себя убавить прыть — сейчас не дай бог сломать ногу. Двумя этажами ниже отворил другую дверь. Там были люди, поэтому он шел по коридору медленно. Через распашные двери проник в старое крыло, к лифтам.

Что дальше?

Полицейский, очевидно, выскочил в коридор, чтобы догнать Сэма, убедился, что его там нет, и вернулся. В отсутствие лейтенанта Перкинс и профессор ничего не предпринимали, они были слишком растеряны. Но затем полицейский взялся за дело. Из офиса Шейбла пошли звонки с требованием перекрыть выходы — сначала главный, потом все остальные. Следующий этап — объявление тревоги по всей больнице. Комната Сэма тоже взята под охрану, ему не переодеться.

Даже если он выберется из здания, далеко ли уйдет во всем белом?

Перед ним растворились двери лифта, и он шагнул в кабину.

— Ты чего такой потный, старина? С пробежки? — За Сэмом в лифт вошел доктор Кон Рассел.

— А то ты не знаешь? Мы же вместе катались в «Мясном экспрессе».

— Я тебя не видел с тех пор, как мы доехали до моста. Ну и ночка! Так что же случилось?

Дверные створки сдвинулись, Рассел нажал на кнопку своего этажа — двадцать девятого, жилого, прямо над этажом Сэма.

— Много чего случилось. Для начала — у доктора Ниты Мендель болезнь Ранда.

— О господи! Это та рыжая девчонка, что была с тобой возле «Перикла»?

Из кабины они вышли вместе.

— Она самая. Все катится к чертям… Слушай, у тебя суритала не найдется? Мне необходимо поспать часок-другой.

— Конечно есть, у меня в комнате. А у тебя в сумке разве его нет?

— Ничего не осталось. И тащиться на аптечный склад нету сил…

В комнате Рассел открыл шкаф, и пока он рыл-

ся в докторской сумке, Сэм затворил входную дверь.

— Может, тебе лучше ноктек принять или что-нибудь наподобие? — доставая шприц-тюбик, спросил Кон.

— Суритал я пил еще с молоком матери, — ответил Сэм, принимая шприц. — Несколько кубиков — и усну как младенец.

— Если вколешь больше шести кубиков, сутки проспишь как убитый, — проговорил Рассел, поворачиваясь.

Сэм хлопком вогнал иглу ему в предплечье, прямо через рубашку, и надавил на тюбик.

— Прости, дружище. — Он удерживал Рассела, пока тот не перестал сопротивляться и не опустился на колени. — Зато тебе не придется теперь отвечать за пособничество и укрывательство. Еще и отоспишься как следует.

Он быстро уложил интерна на койку и запер дверь.

Сэму повезло и в том, что у них с Коном почти совпали размеры одежды. Он переоблачился в синий комбинезон, добавил кожаный галстук-шнурок — такая нынче мода. За окнами шел дождь, поэтому Сэм положил в черную сумку дождевик.

Переодеваясь, он мысленно прокладывал маршрут бегства из огромной больницы. Сэм свалил полицейского двадцать минут назад — достаточный срок, чтобы предупредить посты у основных выходов. Но есть и другие пути, через клиники и кухни; эти двери обычно не запирают и не охраняют. Который выбрать? Наверняка к полицейским уже прибыло подкрепление, и оно будет распределено по второстепенным выходам, как только его начальство ознакомится с поэтажным планом больничного комплекса. Это означает, что надо искать лазейку, о которой не вспомнят, пока не заблокируют все двери.

Вскоре он уже знал, куда надо идти, и был уверен, что этот путь надежный. Главное — не встретить кого-нибудь знакомого, осведомленного о том, что Сэм в бегах. Чтобы уменьшить вероятность такой встречи, Сэм прошел через только что оборудованную, еще не начавшую работать рентгеновскую клинику и спустился по лестнице в задней части одного из старых зданий. Никем не замеченным он добрался до коридора на первом этаже, надел дождевик и открыл окно.

Несколько недель назад какие-то дети, будучи пойманы, рассказали, как они взломали это окно

и проникли в больницу. Обращенное в сторону переулка, оно находилось невысоко над землей.

Никто не видел, как Сэм свесил ноги с подоконника, закрыл за собой окно и аккуратно спрыгнул.

Из больницы он выбрался, но как действовать теперь?

Плана дальнейших действий у него не было, да и до сего момента Сэм больше подчинялся инстинкту, чем рассудку.

Его ловили, он убегал, зная, что те, кто ловит, ошибаются и необходимо побывать на корабле. «Перикл» — вот что на самом деле важно, и есть только один человек, способный помочь.

Генерал Бёрк из войск ООН.

Дождь лил как из ведра, на перекрестках вихрились водовороты, и беглеца это только радовало: меньше прохожих — меньше риска. Непогода отлично оправдывает спешку: Сэм побежал по Тридцать четвертой улице и свернул в первый попавшийся бар — новый, автоматизированный, круглосуточный. Клиентов не было, но бар все равно работал. Перед Сэмом гостеприимно распахнулась дверь, и он заметил в глубине помещения видеофонную кабинку.

— Доброе утро, сэр. Мокровато сегодня, не прав-

да ли?

Деловито протирая стакан, Сэму кивнул робот, розовощекий и лысый, как и полагается типичному бармену.

Но если чуть наклониться и заглянуть за стойку, увидишь, что он человекообразен только выше пояса. Как показали исследования, посетитель, особенно если он навеселе, предпочитает имитацию человека безликой машине.

— Двойной скотч, — заказал Сэм, подойдя к стойке.

Он нашел временное убежище, адреналин выветрился, зато накатила усталость. Сэм уже и забыл, сколько времени провел без сна. Алкоголь поможет еще немного продержаться.

— Пожалуйста, сэр, ваш двойной.

Бармен наполнил стакан доверху, даже с миллиметровой выпуклостью, удерживаемой силой поверхностного натяжения. Одно достоинство у роботов уж точно есть — они не проливают напитки.

Сэм протянул банкноту:

— Мне бы сдачу мелочью — надо позвонить.

— Вот вам мелочь, сэр. Клиент всегда прав.

Сэм допил виски и закрылся в видеофонной будке. «Что там Бёрк говорил насчет своего шта-

ба? Форт-Джей — это вроде в Бронксе? Ну конечно, нет, это на Губернаторском острове. Здорово же я вымотался, если память отказывает».

Он позвонил в справочную, получил от компьютера номер, набрал. Но ответил не Форт-Джей, а местный оператор:

— Вы пытаетесь позвонить на военный объект. У вас есть допуск?

— Нет, я по личному вопросу. Скажите, а без допуска можно как-нибудь дозвониться?

— Да, я вас соединю с управлением полиции на Сентестрит, вы объясните цель…

— Спасибо, не надо. Дело не такое уж важное.

Поспешив отключиться, Сэм заметил, что весь взмок.

Либо до Форт-Джея и раньше мог дозвониться только обладатель допуска, либо кто-то очень быстро соображает и еще быстрее действует. Но в любом случае связаться с генералом будет непросто. Время уходит, и вместе с ним — шансы на спасение Ниты.

А ведь нельзя исключать, что звонок отследили и сюда уже мчит полиция. Сэм выскочил под ливень и побежал на запад по Тридцать четвертой улице. Там есть прохожие, не много, но он теперь не одиночка, который бросается в глаза. Как же

связаться с Бёрком? Другого пути на Губернаторский остров нет, туннель наверняка под охраной, и до Бэттери, где он начинается, надо еще добраться. Три мили — невелико расстояние, но полиция обязательно заметит и остановит одинокого пешехода. Такси нет, а в метро ходит один автоматизированный поезд в час. Украсть машину? Для этого необходим навык автоугонщика.

Он добрался до Лексингтон-авеню и остановился под монорельсом, заметив движение — с севера приближался поезд. Сэм бросился к станционному эскалатору, взбежал по нему, выбиваясь из сил. Еще не все знают, что доктор Бертолли улизнул из больницы. Если успеет на этот поезд, он намного опередит погоню.

Когда врач добрался до платформы, поезд уже стоял.

Пока Сэм запихивал монеты в турникет, пока бежал, время стоянки истекло и двери начали закрываться. Полностью автоматизированный, без машиниста и кондуктора, состав отправлялся, как только приборы убеждались, что никто не ждет посадки.

— Стоять! — в бессильной ярости выкрикнул на бегу Сэм.

Нет, не успеет…

Худенькая девушка, единственный пассажир в вагоне, услышала возглас и просунула руку в узкую щель между створками. Они резко раздвинулись, и прежде чем снова сошлись, Сэм очутился внутри.

— Спасибо! — проговорил он, едва дыша от изнеможения, и рухнул на сиденье.

— Да не за что. Когда-нибудь и вы меня выручите.

Она прошла в другой конец вагона и села лицом в противоположную от Сэма сторону. В эти дни люди старались держаться друг от друга подальше.

Мимо бесшумно проносились дома, по оконному стеклу хлестал дождь. Сэм расстегнул ворот комбинезона и отер на шее пот. Он порылся в черной сумке и закрыл ее, ничего не взяв. Не так уж сильна усталость, чтобы прибегать к химическим средствам. Их надо приберечь на самый крайний случай.

По членистой серебристой трубе монорельса поезд мчался к центру Манхэттена.

На Уолл-стрит была станция, там Сэм и сошел, провожаемый равнодушным взглядом девушки. Кроме него, никто не покинул поезд, и на платформе над пустыми ущельями улиц он оказался

один. Деловой центр Нью-Йорка, финансовое сердце Северной Америки, середина рабочего дня — и ни души кругом. Сэм втянул голову в плечи и под проливным дождем зашагал на юг.

Через квартал у въезда в туннель дежурили полицейские, рядом на примыкающей улице стояла патрульная машина, а на остановке дистанционно управляемых микроавтобусов, курсирующих между Манхэттеном и Губернаторским островом, маячили люди в форме. Сэм укрылся в глубокой дверной нише, откуда был виден портал туннеля.

Интересно, здесь всегда так много полицейских? Если пост усилен по причине бегства доктора Бертолли, надо что-то предпринимать, тут оставаться опасно.

Из туннеля вынырнул грузовик и беспрепятственно покатил по улице, лишь один полицейский махнул водителю рукой. Затем с противоположной стороны подъехала штабная машина, ее остановили. Двое охранников приблизились, остальные чутко наблюдали, и шлагбаум при этом был опущен. Автомобиль пропустили только после того, как была удостоверена личность водителя.

Сэм совсем собрался уходить, как вдруг из тун-

неля показалось еще одно транспортное средство — судя по узкому корпусу и высоким колесам, джиттер. Знакомая по армейской службе машина, сверхмощная и сверхлегкая благодаря дюралю, магниевым сплавам и пенорезине, водить такую — лучшее удовольствие на свете. Джиттеры есть только в войсках ООН.

Врач покинул дверную нишу. Как только убедился, что охрана туннеля больше не может его увидеть, побежал.

«Куда направляется этот джиттер? Скорее всего, на север, но в Ист-Сайд или Вест-Сайд? Или в какой-нибудь ближайший квартал? Надо его перехватить на первом же перекрестке».

Сэм прибавил скорости, задыхаясь от натуги.

Когда врач повернул за угол, оказалось, что джиттер уже проехал. Но он остановился у светофора: педаль сцепления выжата, двигатель на холостом ходу.

Вот что значит дисциплина! Улицы пусты, а водитель все равно ждет зеленого сигнала. Рядом с ним сидел офицер.

— Стойте! — выкрикнул Сэм, когда сменился цвет светофора и джиттер рванул вперед. — Эй, стойте!

Водитель машинально нажал на тормоз, офи-

цер обернулся, мгновенно навел на незнакомца «безоткатный» автомат калибра 19 мм.

— Я врач! — воскликнул Сэм, потрясая черной медицинской сумкой.

Это вроде подействовало. Офицер что-то сказал краем рта, машина развернулась по узкой окружности и подъехала к Сэму. Но военный по-прежнему держал его на мушке.

— Что вам нужно? — спросил второй лейтенант — крепкий, сухощавый и совсем молодой.

Сэм взглянул на его потрепанный наплечный знак, разглядел голубя с оливковой ветвью в клюве и костылем под крылом и не удержался от улыбки.

— Вы из Пятой воздушно-десантной, должны знать Секача…

— Имеете в виду генерала Бёрка? Излагайте быстрее.

Лейтенант был весь на нервах, и пистолет он не опускал.

В любую минуту могла появиться патрульная машина; полицейских обязательно насторожит такая странная сцена вблизи охраняемого туннеля. Надо срочно убедить этого юнца!

Сэм принял бесстрастный вид, подступил к офицеру и заговорил, почти не открывая рта:

— Лейтенант, он Секач для друзей, причем только для близких друзей. Вы меня понимаете? Прошу передать ему записку.

Сэм полез в сумку за рецептурными бланками, стараясь не обращать внимания на мушку автомата, которая отслеживала каждое его движение.

— Почему я должен что-то передавать?

— Потому что я вас прошу, а Секач ждет этого сообщения. Если не получит, как думаете, что он с вами сделает?

Врач писал быстро и не глядя. Затягивалась напряженная пауза.

«Секач, я передумал. Мы заглянем внутрь. Есть проблема. Пришли за мной лодку. Ист-Ривер, пристань 15. К-н Салажонок».

— Сэр, на остров я вернусь через час, не раньше, — проговорил лейтенант прежним тоном.

Но, услышав слово «сэр», врач понял, что победил.

— Меня вполне устраивает. — Сэм сложил листок и вручил собеседнику. — Лейтенант, в ваших же интересах не читать эту записку и не показывать ее никому, кроме генерала Бёрка. Так будет лучше для всех.

Без единого слова офицер сунул бумагу в кар-

ман и застегнул его. Даже если прочитает, не беда: понять сообщение способен только Секач. Подпись тоже ни для кого другого не имеет смысла. Бёрк помнит, что Сэм уходил в отставку капитаном, и вдобавок лейтенант опишет его внешность. Если генерал получит записку, он немедленно отправит людей за Сэмом.

Джиттер с ревом умчался прочь. Уже десять утра — лодка никак не может прибыть раньше одиннадцати. Сэм медленно двинулся на север, бдительно высматривая патрульные машины. Мимо проехали две, но обе были замечены заблаговременно. В подъезде, где укрылся доктор, стоял открытый мусорный бак, и Сэм поглубже закопал сумку — чем меньше при нем медицинских вещей, тем труднее его опознать. На Мэйден-лейн, где уже виднелись серые воды Ист-Ривер, он вошел в роботизированный бар. Посетителей там хватало, чума — не та угроза, что способна отвадить моряков от злачного заведения.

Робот-бармен был выряжен под пирата — на глазу повязка, на шее платок. Сэм заказал сэндвич с ростбифом (в морозильнике еще не иссяк запас этого полуфабриката) и бутылку пива, неторопливо позавтракал. Около одиннадцати он брел по набережной, искал укромное местечко,

чтобы дождаться лодки. На пятнадцатой пристани, у начала Флетчер-стрит, возле склада стояло несколько громоздких ящиков, и Сэма, сидящего между ними на корточках, нельзя было увидеть с берега.

Там было сыро и неудобно, зато хорошо просматривалась пристань. Правда, из-за тумана и дождя не до самого конца.

Иногда доносился рокот мощного двигателя, мимо проходило судно, но слишком далеко, в тумане не разглядеть.

Один мотор тарахтел особенно громко, Сэм даже высунулся из укрытия, но это оказался катер речной полиции, пришлось нырять назад в щель между ящиками. Катер прошел вблизи торца пристани, но, по счастью, не свернул и не причалил.

К полудню Сэм промок и встревожился, а к часу успел придумать восемьдесят способов казни для лейтенанта — только попадись, разгильдяй!

В час тринадцать вдоль пристани скользнул темный силуэт разведывательной шлюпки и причалил почти бесшумно, лишь клокотали гидравлические сопла. На носу стоял лейтенант. Продрогший, одеревеневший Сэм кое-как вы прямился, и лодка развернулась носом к нему.

— Знали бы вы, какие проклятия я уже слал на вашу голову, — улыбнулся врач.

— Я не в обиде, сэр. — Помогая Сэму спуститься по трапу в шлюпку, лейтенант нервно кусал нижнюю губу. — К туннелю я вернулся меньше чем через час, но там была какая-то проблема с полицией, образовалась пробка. Только полчаса назад удалось добраться до генерала, и я передал ему вашу записку. Вы были правы, сэр. — Он смущенно улыбнулся. — На моей памяти Бёрк никогда так не спешил, даже в бою. Взорвался, точно атомная бомба! Где-то достал эту лодку со всем снаряжением и рулевым, назначил меня старшим. И уложился в десять минут.

— Пора. — Рулевой открыл дроссель, и шлюпка описала узкий круг.

Сэм и лейтенант прошли в нос и укрылись за низким защитным стеклом. И в следующий миг увидели катер речной полиции. Обогнув причал, тот направлялся к ним.

— Ложись! — скомандовал лейтенант, но Сэм уже распластался на днище, укрылся за низкими бортами. — Под брезент.

Рулевой не глядя пнул сверток брезента, и тот докатился до середины шлюпки, где лежали ящики с боеприпасами.

Сэм подполз к нему, подтянул к себе, попытался развернуть, не высовываясь при этом. Жесткая ткань сопротивлялась; в отчаянии Сэм со всей силы ударил ногой, и брезент поддался. Чтобы укрыться под ним, пришлось прижать колени к груди и самому прижаться к неразвернувшейся части скатки. Прежде чем спрятать и голову, он успел увидеть, как лейтенант повернулся к катеру и на всякий случай положил палец на предохранитель своего автомата.

— Глуши мотор… Что вы здесь делаете? — перелетел через сужающееся водное пространство усиленный мегафоном голос.

— Продолжай движение, но как можно медленней. — Тихо произнесенная команда адресовалась рулевому.

Врач вспотел в своем душном укрытии, не шевелясь и не видя, как приближается катер.

— Служебное дело! — прокричал лейтенант.

— Не понял. — Катер находился уже так близко, что полицейский отложил мегафон. — Ловите конец, будет досмотр.

На брезент шлепнулся трос, но Сэм был к этому готов, он не вздрогнул. Лейтенант ногой сбросил конец в воду.

— Досмотра не будет, — сказал он. — Мы на

задании. Выгрузили кое-какое снаряжение и теперь согласно приказу следуем назад.

На палубе катера все полицейские были вооружены; один стоял за турелью, наклонив вниз счетверенный «безоткатный» пулемет. Медленно движущаяся шлюпка уже миновала корму катера. На нее злобно смотрел лейтенант полиции.

— Немедленно остановитесь! Иначе…

— Это военная зона, вы не можете мне приказывать. — Лейтенант вскинул и направил на катер автомат. — Когда скажу «счастливого пути», давай полный газ, — негромко велел он рулевому и повысил голос: — Если попытаетесь задержать, открою огонь. Полагаю, вам не нужны подобные инциденты. Или я не прав? Давайте пожелаем друг другу счастливого пути и расстанемся.

За кормой громко забурлило, шлюпка понеслась вперед. Лейтенант был готов к рывку, он ни на миг не потерял цели.

— А ну стоять! Стоять! — рявкал мегафон.

Но никто не стрелял. Пока катер разворачивался, шлюпка обогнула конец пирса и пошла вниз по течению, подпрыгивая на волнах. Лейтенанту пришлось сесть.

— Не догонят? — откинув брезент, спросил Сэм.

— Мы на одном сопле идем. — Лейтенант протянул пачку сигарет. Он безмятежно улыбался, но лоб был покрыт каплями, как под дождем. — Новейшая техника — ни брони, ни вооружения, зато по скорости ей равных нет.

Сэм взял сигарету и оглянулся. Пристань скрылась в тумане, катера тоже не видно.

— Благодарю вас, лейтенант…

— Хэйбер. Деннис Хэйбер. Или просто Ден.

— Спасибо, Ден. Это было не просто.

— Уж поверьте, это было просто. Генерал сказал: или приплывешь с ним, или он приплывет без тебя, но если приплывешь без него… Ну вы же знаете генерала. Лучше ежедневные перестрелки с полицией, чем невыполнение приказа.

— Вы правы.

Они схватились за скобы — шлюпка описала крутой вираж, огибая буй, и снова легла на прямой курс к Губернаторскому острову. Впереди уже виднелся темный силуэт форта. Рулевой закрыл дроссель и свернул к узкому причалу, который тянулся параллельно берегу. Включился двигатель поджидавшего там джиттера. Из машины вышел Секач и собственноручно помог Сэму выбраться из шлюпки. Пальцы что клещи.

— Сэм, я рад, что ты передумал. И впрямь пора

что-то делать с кораблем. Быстренько проведем грамотную информационную кампанию, получим общественную поддержку и вскроем его.

Лейтенант Хэйбер сел впереди, а Сэм с генералом расположились на низком заднем сиденье.

— Секач, поздно устраивать кампании. Слишком многое изменилось, и я… Хотя лучше все расскажу с глазу на глаз.

— С глазу на глаз? — Генерал сдвинул густые брови и осклабился.

Эта хорошо знакомая Сэму мина означала, что с Бёрком теперь лучше не спорить.

— Что еще за плащи и кинжалы? Забыл, где мы? Это моя машина, мой водитель… И Ден — мой офицер. Давай, парень, выкладывай.

— Меня ищет полиция.

— И это все? Ха-ха! Здесь тебя не арестуют, не бойся. Если не секрет, почему тебя ищут?

— Кое-кто не хотел, чтобы я связался с тобой.

— Выходит, этот кое-кто дал маху. — Генерал смотрел на Сэма краем глаза. — А почему нельзя связываться со мной, что в этом плохого?

— Секач, это же очевидно: они боятся проблем и не желают нашего вмешательства в операцию «Полная победа».

— Сэм, я, наверное, нынче плоховато сообра-

жаю. Как можешь ты или я вмешаться в «Полную победу»?

— Ты способен повлиять на решение Совбеза насчет уничтожения «Перикла» атомной бомбой.

— А вот это уже интересно. — Голос Бёрка сделался вдруг ледяным. — Впервые слышу об этом решении.

Джиттер тряхнуло от резкого торможения, и он остановился перед зданием штаба.

— Пошли в мой кабинет, — сказал генерал Сэму, затем повернулся к лейтенанту и водителю. — Никто из гражданских сегодня не прибывал на остров, и фамилия доктора Бертолли прозвучать не должна.

— Есть, сэр, — козырнул лейтенант Хэйбер. — Генерал, в ближайшее время вы будете один у себя в кабинете?

— Соображаешь, сынок. Ты еще можешь понадобиться, так что посиди в канцелярии. Здесь есть капрал, он доставит распоряжение на пристань.

Как только затворилась дверь кабинета, Секач дал возмущению долгожданный выход.

— Политиканы! — фыркал он, громкими шагами меря комнату. — Бараны безмозглые! Сидят там на толстых задницах и повелевают судьбами!

Без малейших сомнений поставили человечество на грань гибели! Вот скажи, чем, кроме страха, продиктовано это их решение? Может, старой философией, что живет еще в темном, затянутом паутиной углу политиканского ума? Философией, которая утверждает, что любые международные проблемы можно решить при помощи бомбардировок? Если угроза необычна, если ты не знаешь, как от нее избавиться, — взрывай! Кретины! Болтают о войне с болезнью, но при этом не понимают, что такое настоящая война и как ее вести. Нужны надежные разведданные, и добыть их мы можем только внутри космического корабля.

— Секач, похоже, они и тебя боятся, хоть ты и в подчинении у ООН. Иначе ты бы уже знал о решении уничтожить «Перикл».

Генерал открыл шкаф для документов и достал двухквартовую бутыль бурбона.

— Посуда в ящике стола, — сказал он Сэму, а потом наполнил высокие стаканы почти до края. — Они и правда верят, что я вломлюсь в «Перикл»?

— Очень похоже на то.

— Ну а с чего бы мне это делать? И тебе какой резон забираться туда? По-твоему, что мы можем там найти?

Сэм вдруг обмер, а затем, так и не пригубив, вернул стакан на стол. Он теперь точно знал, что нужно искать на корабле.

И это не было логическим выводом. Интуитивная догадка выпрыгнула из темных глубин подсознания и соединила все обрывки нити, которые он собирал с момента посадки «Перикла».

Но поделиться ею Сэм не мог, а потому был вынужден отвечать уклончиво:

— На борту должны быть какие-то записи. Любая мелочь, способная нам помочь, сейчас исключительно важна, упустить ее мы никак не можем. И вот еще что…

— Я слушаю.

— Это всего лишь предположение, причем такое дикое, что даже говорить стыдно… Кажется, я знаю, что мы там найдем.

— Сэм, ты понимаешь, что предположение — это слишком мало? Его бы, может, хватило несколько дней назад, тогда бы мы подняли шумиху и заручились поддержкой, чтобы побывать на корабле. Но сейчас пресса и общественное давление — недоступные для нас ресурсы, и единственный способ заглянуть в отсеки «Перикла»…

Генерал умолк. Он долго крутил в стакане жидкость, наконец выпил одним глотком.

— Секач, я договорю за тебя. Единственный способ проникнуть на борт — силовой. Там ведь охрана.

— То, о чем ты говоришь, сынок, называется изменой. Я человек военный, должностное лицо, и мы имеем дело с угрозой международной безопасности. Если сделаю то, о чем ты говоришь, меня расстреляют.

— А если не сделаешь, люди будут умирать уже не тысячами, а десятками тысяч. За все эти дни мы ни на шаг не продвинулись в поисках лекарства от болезни Ранда. Секач, я тоже давал присягу — и теперь готов ее с легкостью нарушить. По той простой причине, что наверху никто не понимает истинного масштаба катастрофы, там принято ошибочное решение…

— Я не сомневаюсь, что оно ошибочное, но все равно ты требуешь слишком многого! На корабле нужно побывать, с этим не спорю, но пускаться в такую авантюру, имея вместо фактов только дикие догадки…

Секача прервал тихий стук в дверь. Генерал подскочил к ней, распахнул и взревел:

— Какого черта?!

На пороге стоял смущенный лейтенант Хэйбер.

— Виноват, сэр. Я не пропускал к вам звонки и

посетителей, но сейчас вас требуют по горячей линии, не имею права отказывать.

Генерал колебался лишь мгновение.

— Все в порядке, Ден. Переключи на мой аппарат.

Он затворил дверь и уселся за огромный стол, на котором стояли три видеофона, в том числе красный, блестящий.

— Прямая линия высшей секретности, — пояснил он, взяв трубку. — Не попадайся в кадр.

Разговор вышел коротким, это был практически монолог — Бёрк отвечал только «да» и «нет». Но за это время генерал как будто постарел лет на десять. Секач обессиленно опустил на стол огромные ладони.

— Все-таки это случилось, — проговорил он наконец. — Новая вспышка чумы, люди падают на улицах. Лаборатория в твоей больнице подтверждает…

— Ты хочешь сказать…

— Да. Теперь вирус передается от человека к человеку, ему больше не требуется посредничество птиц или собак. И как только об этом услышит Совбез, он потянется за бомбой, тут и к гадалке можно не ходить. Выжжем очаг чумы, и дело с концом. И плевать, что в этом очаге застряло

несколько миллионов человек, в том числе мы с тобой. — Он встал и затянул ремень. — Придется вскрыть «Перикл», сынок. Больше в этом аду нам не на что надеяться.

11

— Первое. — Генерал загнул большой палец. — Это военная операция, так что организовать ее возьмусь я, с твоего позволения. Небольшой мобильный отряд под моим командованием — то, что нужно…

— Какая необходимость тебе самому в это лезть? — спросил Сэм.

— Что значит — какая необходимость? Это мое шоу, мне его и вести. Не имеет значения, в тылу я отдаю приказы или на передовой. Добавим к этому осточертевшую канцелярскую работу — поверь, я рад любой возможности вырваться на свежий воздух. Второе: поскольку разведка имеет медицинский характер, с нами должен быть врач, и этот врач — ты. Третье: нужен человек, кое-что смыслящий в космических кораблях, желательно знакомый с «Периклом», чтобы провести нас на борт и показать интерьер. Выбор очевиден.

— Стэнли Ясумура?

— Верно. Как только приземлился «Перикл»,

Ясумура вылетел из Калифорнии. С тех пор он ко всем, и ко мне в том числе, пристает с просьбой о допуске на корабль. Похоже, чувствует свою личную ответственность за случившееся, ведь он был одним из ведущих конструкторов проекта. Думаю, он согласится участвовать в нашей затее, но надо с ним побеседовать, прежде чем посвящать в детали.

— По видеофону этого сделать нельзя, ты на прослушке.

— Сынок, у нас, у военных, имеется кое-что в загашнике. Я пошлю в гостиницу к Ясумуре Хэйбера с рацией. Это новая разработка, с микросхемой-скремблером и генератором качающейся частоты для шифрованной связи — ни перехватить, ни раскодировать. Данный этап операции беру на себя. Тебе понадобятся медикаменты?

— Не могу представить, какие и для чего.

— А коли так, приказываю выспаться, чтобы ночью был как огурчик.

— Нельзя ждать до ночи!

Сэму очень отчетливо представилось лицо Ниты — бледное, неподвижное. В головокружительной чехарде событий удавалось отгонять воспоминания о ней, но теперь они набросились с удвоенной силой. Нита слабеет с каждой

минутой.

— Придется ждать, Сэм. Мало того что у тебя видок, будто ты десять дней кряду пропьянствовал и отказался от сна как от дурной привычки. Мы не можем вот так взять да подъехать к кораблю и залезть в него по трапу. Стоянка оцеплена городской полицией, у охраны приказ стрелять в любого, кто проникнет за проволоку. Вдобавок вход закрыт плитой и внутренняя дверь шлюза на замке. По-твоему, днем у нас есть шансы? Да и на подготовку требуется время. Вот что, ступай-ка в соседнюю комнату, там у меня кушетка — я иногда ночую на службе. Можешь не спать, просто полежи. Все, что тут будет говориться, ты услышишь. Какой с тебя прок, если вырубишься в начале операции?

Сэм не обнаружил слабых мест в аргументации Секача, да и при виде кушетки понял, как страшно он устал.

— Я полежу, — сказал он, — отдохну. Но спать не хочется.

Кто-то накрыл его одеялом. Через затворенную дверь из кабинета проникал невнятный бубнеж.

Сэм проснулся, резко сел. Было уже довольно темно, за исполосованным дождевой влагой стеклом — серое пасмурное небо.

Теперь он был рад, что поспал. Похоже, будет ночь не из легких. Сэм открыл дверь; обступившие стол офицеры вскинули голову. Генерал отложил синюю светокопию и повернулся вместе с креслом:

— Как раз вовремя, а то я уже собирался будить. Мы на финальном этапе подготовки. Еще час, и будет достаточно темно. Сэм, ты знаком с доктором Ясумурой?

Офицеры расступились, и вприпрыжку подбежал невысокий, кругленький нисей[7]. Инженер был одет в непомерно большую полевую военную форму.

— Здравствуйте, доктор Бертолли, я о вас наслышан. — Он схватил руку Сэма, энергично пожал. — С тех пор как прилетел в город, все пытался с вами связаться, но вы были недосягаемы.

— До меня ваши звонки не доходили, доктор Яс…

— Стэнли, я просто Стэнли, а доктор здесь вы, Сэм. Генерал посвятил меня в план нашего спасения. Он послал ко мне в отель вооруженных людей с интересной рацией, потом связался по ней со мной и объяснил, что происходит. Ну я

---

[7] Примечания: 7

Нисеи — потомки японцев, переселившихся в США.

и согласился помочь. Его солдаты вручили мне этот мундир, не угадав слегка с размером, и удостоверение личности, так что сюда я добрался без проблем. А теперь вы должны ответить на мои вопросы. Когда находились в воздушном шлюзе…

— Ясумура, потерпите немного, — вмешался генерал Бёрк. — Давайте все делать по порядку. Не повредит, если мы еще разок пройдемся по плану и заодно посвятим в него Сэма. А потом вы дадите техническую консультацию.

— Я всего лишь хотел узнать…

— Узнаете. Садись, Сэм, налей себе и взгляни на эту карту. Мы вот здесь, на Губернаторском острове, на северном крае Верхней бухты. Надо пересечь половину Лонг-Айленда, набитого полицейскими и штатскими, чтобы добраться до аэропорта Кеннеди. Правильно?

Сэм кивнул.

— Но можно это сделать проще и без лишней публичности. Я про водный маршрут. — Секач показал пальцем. — Пересекаем Нарроус и Нижнюю бухту, идем вдоль Кони-Айленда на восток, потом через Рокуэй. Пробираемся сквозь Джамейку и высаживаемся на краю аэропорта, у спуска для гидросамолетов.

— Только одна ошибка, — постучал по карте Сэм. — Весь маршрут — больше тридцати миль, на лодке мы всю ночь проплутаем в этих бухточках и проливчиках.

— Какая лодка? Джип на воздушной подушке. Кроме всего необходимого снаряжения, он выдержит только четырех человек, но этого вполне достаточно. Я, ты, Хэйбер — хватит бойцов для устранения любого препятствия. Итак, мы уже в аэропорту. Хэйбер сегодня облетел его на вертолете, мы нашли для этого правдоподобный предлог. Ден сделал снимки, да и глаза у него были открыты. Докладывай, сынок.

Лейтенант постучал по карте в том месте, где край аэропорта примыкал к мелководью бухты.

— Тут совсем нет охраны, но на увеличенных аэрофотоснимках мы обнаружили ультрафиолетовые датчики сигнализации и инфракрасные детекторы. Обойти их труда не составит. Сложности начнутся вот здесь, около «Перикла». Вокруг него полно датчиков, а еще колючая проволока и вооруженные полицейские патрули. Главная проблема — как снять охрану, чтобы при этом не поднялась тревога. Полагаю, что мы не хотим никого травмировать? — Он посмотрел на генерала и быстро отвел глаза.

Затянулась пауза; Секач бесстрастно смотрел на карту.

— Все мы, за исключением вас, доктор Ясумура, побывали на многих войнах в самых далеких уголках света. Пятая воздушно-десантная дивизия — американская, и мы, следуя политике ООН, никогда не участвовали в боевых действиях на территории Северной Америки. Нам случалось убивать, но исключительно в тех ситуациях, когда нельзя было добиться мира иным способом. После мы сожалели, но при этом отдавали себе отчет, что у нас не было выбора. А сейчас мы служим в родной стране, и наш противник — горстка обыкновенных полицейских, которые несут скучную караульную службу и выполняют приказы начальства. Не воюй там, где вступил в армию, — этот принцип миротворческого контингента ООН уже не кажется мне нелепым. Итак, оружие на предохранителе, дубинкой пользоваться можно, и если дойдет до серьезной драки, то победить, парни, должны мы. Слишком высоки ставки. Вам понятно?

— До этого вряд ли дойдет, — сказал Сэм. — У меня в сумке безыгольный инъектор с данилином, быстродействующим седативным препаратом. Вырубает взрослого мужчину за считаные се-

кунды.

— Прихвати свой шприц, сынок, и мы обеспечим тебе возможность им воспользоваться. Будем надеяться, что все пройдет гладко, а если не пройдет, каждый из нас знает, что делать. Итак, мы разобрались с охраной, преодолели проволоку и добрались до корабля. Что дальше? Доктор Ясумура, как мы проникнем внутрь?

— Через воздушный шлюз, другого пути нет. Корабль строился с расчетом на юпитерианскую гравитацию и атмосферу, на нем разве что атомная бомба способна оставить вмятину. — Нисей взял сделанный этим утром аэрофотоснимок «Перикла». — Поверх люка приварили плиту, потом срезали и унесли трап. Нам предстоит подняться на высоту двадцать футов. Я услышу какие-нибудь предложения на этот счет?

В кабинете находилось полдюжины офицеров из комсостава дивизии, и эти люди более чем серьезно обсуждали задачу нелегального проникновения на борт космического корабля. Сэм знал, что никого из них не смущает выбранный генералом силовой вариант; это особенные люди, надежнейшие из надежных. Они, может, и не шагнут с обрыва по приказу Секача, но последуют за ним, если он шагнет первым.

— Из чего сделан корпус? — спросил седоватый капитан с эмблемой инженерных войск.

— Специально для этого проекта создан титановый сплав. Не содержит железа.

— Значит, магниты не годятся. А самая длинная складная лестница у нас — пятнадцать футов…

— Нарастите ее, — перебил генерал. — Времени в обрез, займитесь этим. Так, мы уже на лестнице, стоим перед плитой. Как с нею справиться?

— Генерал, это нетрудно, — ответил инженер. — Вы захватите портативный лазер, мы такими режем в полевых условиях толстый металл. Плита, как я понял, изготовлена из среднепрочной стали, для лазера она как масло для ножа.

— Мы в воздушном шлюзе. Доктор Ясумура, вам слово.

— Понадобятся инструменты: мультиметр, бороскоп, кое-что еще. У коммандера Ранда был всего один способ заблокировать внутреннюю дверь. Мне бы только вскрыть пульт, и я восстановлю управление. Мы прочешем корабль от носа до кормы и выясним, что означает «бол… на бор…». Я разыщу бортовой журнал и узнаю, как пилотировался «Перикл» во время посадки. Там должны быть математические выкладки…

— Ясумура, умерьте энтузиазм, он вам пригодится на корабле. Предлагаю пойти на склад и взять все необходимое для погрузки на джип. Лейтенант Хэйбер отправится вместе с вами за техникой для преодоления охранной сигнализации. Сержант Беннет доставит сюда кофе и сэндвичи. Выполнять.

Через пятнадцать минут возникло первое затруднение.

— Сэр, нам никак не увезти на джипе все оборудование, — доложил Хэйбер.

— Что за детский лепет, сынок? Хоть в лепешку расшибись, но запихни!

— Сэр, я должен уточнить: джип со всем грузом и четырьмя пассажирами просто не оторвется от земли. Мощности не хватит.

— Значит, берем вторую машину. Понадобится еще один водитель.

— Разрешите мне, сэр? — предложил сержант Беннет.

— Разрешаю. Переоденься в ночной камуфляж и захвати банку маскировочной краски.

Снаружи лучи натриевых ламп пронизывали тьму, придавали дождевым каплям синеватый глянец. Под сигаровидными джипами лежали черные тени. Ревели моторы и свистели пропел-

леры; опираясь на воздушную подушку, машины висели в ярде над землей.

— Да опустите же вы их! — прокричал генерал.

Как и остальные участники ночного рейда, он был одет во все черное: комбинезон, ботинки, надвинутый на самые брови берет. Лицо, шея, руки покрыты небликующей мазью цвета сажи.

— Сэр, двигатель прогрет, бак полон, рация и радар проверены, — доложил водитель переднего джипа, опустив машину и выбравшись наружу. — С грузом можно идти на полной скорости.

— Ну так вперед! Я поведу головную машину, со мной Сэм и Ясумура. Хэйбер, ты на втором джипе, сержант у тебя стрелком. От нас не отставай и будь готов повернуть на юго-запад, как только увидим пристани на бруклинском берегу. Отсюда пойдем точно на восток, не забывай посматривать на компас. У меня есть радар, а у тебя — только компас да наш зад, уж постарайся нас не потерять. Возможно, у полиции работает радиолокатор, поэтому я подготовил спектакль: нас сопроводят пять вертолетов на минимальной высоте, а мы пойдем на максимальной, и все эхосигналы сольются в один. Как только окажемся в тени береговых сооружений, мы снизимся и оторвемся от эскорта, а тот еще какое-то время будет

следовать прежним курсом. Вопросы? Вопросов нет. Отлично, выдвигаемся.

Шум джипов уже тонул в гуле снижающихся вертолетов.

Генерал просигналил, и все фонари разом погасли. Площадку затопила водянистая мгла, джипы на воздушной подушке двинулись к берегу, там соскользнули по рампе. Исчезли за пеленой дождя навигационные огни вертолетов.

— Впереди берег, до него футов двести, — доложил согнувшийся над кожухом радарного экрана Сэм.

— Не вижу ни черта, — проворчал генерал. — Хотя нет, вот он. — Секач коснулся кнопки микрофона. — Включите глушители, будьте готовы к повороту. Поворачиваем!

Из-за глушителей скорость снизилась на треть, и вертолеты с ревом унеслись во тьму. Два джипа направились в открытый океан, и лишь рябь на воде да тихий свист пропеллеров выдавали их продвижение. Толкаемые воздушными струями, машины пересекли Верхнюю бухту, проскочили под едва освещенным мостом Нарроус и оказались в Верхней бухте, где гуляла более высокая волна с Атлантики. На безопасном расстоянии от берега глушители были выключены, джипы по-

неслись во мгле с предельной скоростью, как на автогонках. Дождь к этому времени прекратился, слева проглядывали сквозь прорехи в тумане далекие шеренги огней.

— Что это? — спросил генерал.

— Кони-Айленд, фонари вдоль улицы и пляжа, — ответил Сэм, вглядываясь в экран радара.

— А, черт! В кои-то веки нужна паршивая погода, и тут, как назло, проясняется. Что у нас впереди?

— Рокуэй-Инлет. Он ведет в Джамейка-Бей. Не меняй курс. Мы сейчас посреди пролива, скоро пройдем под мостом.

Они не заметили автомобилей на мосту, который словно висел в небе, окунаясь концами в туман. Под ним джипы проплыли с заглушенным мотором. Впереди лежали незастроенные топкие берега, протоки, камышовые островки — сердце Джамейка-Бей. Судну на воздушной подушке что вода, что суша — все едино. Вот уже бухта осталась позади, а впереди показалась ровная береговая линия и огни, отмечающие край аэропорта Кеннеди. Остаток пути джипы преодолевали впритирку к воде.

— Сигнальные устройства — по краям освещенной зоны, сэр, — прошептал в генеральском

наушнике голос Хэйбера.

— Значит, садимся и дальше идем пешком.

Беззвучно, как тени, машины приникли к земле, из них выбрались люди и выгрузили снаряжение.

— Сержант, ты у нас самый опытный по части обманок. Установи их, а мы тут подождем.

Беннет взвалил на спину тяжелый ранец со снастями и пополз по грязи, водя перед собой стержнем с датчиком.

Остальным темнота не позволяла следить за его продвижением. Сэм обуздывал нетерпение и старался не думать об умирающей Ните. Он жалел, что устанавливать обманную технику поручили не ему, хотя за десять прошедших лет знакомые конструкции наверняка были заменены более совершенными. Чтобы не вспоминать о девушке на больничной койке, Сэм пытался вообразить, чем занимается Беннет. Датчик размеренно выписывает дугу за дугой над землей, и вот на подсвеченном лимбе дрогнула стрелка. Не проблема обезвредить инфракрасный детектор, достаточно накрыть колпаком, поднесенным на конце стержня. Сложнее с ультрафиолетовым сигнальным устройством, это хитрая штука. Прежде всего требуется точно определить ха-

рактеристики луча, не задев его при этом, потом надо установить специальную лампу и наконец плавным непрерывным движением, тщательно отработанным на тренировках, подвести к воспринимающему устройству крошечный УФ-генератор, чтобы датчик не заметил перемены в поступающем луче. Лишь после этого можно преломить первоначальный луч и направить его на фотоэлемент, получив таким образом безопасный проход шириной в несколько дюймов.

Нита, Нита…

Мучительно тянулись минуты, рассеивался туман, проглядывали все новые звезды. Хорошо хоть, нет луны.

Впереди вырос черный силуэт, и рука Сэма будто по собственной воле нашла рукоятку пистолета. Это был сержант Беннет.

— Сэр, все готово, работа была — пустяк. Я вас проведу, только идти надо след в след.

Они двинулись гуськом, со всей аккуратностью, какую допускали лестница и тяжелые ранцы. Изоляционные колпаки не позволили инфракрасным детекторам заметить идущих, и хотя люди пересекали невидимый луч, сигнализация не срабатывала, поскольку обманное устройство подавало на фотоэлемент ровный

поток ультрафиолета.

— Ну вот и все, — сказал наконец Хэйбер. — Между нами и охраной больше ничего нет.

— Укрытий тоже нет, — проворчал генерал, — и дождь прекратился.

Вокруг корабля на земле горело несколько ламп — Сэм знал, что они установлены вдоль охраняемой ограды из колючей проволоки. Но между освещенными участками он видел и черные промежутки. К ближайшему из них генерал направил свой отряд, чтобы провести его точно посередине между осветительными приборами. Последнюю сотню футов преодолевали на животе. Пришлось и в грязи полежать неподвижно, когда неподалеку в круг света забрел скучающий полицейский, держа на сгибе локтя автомат девятнадцатимиллиметрового калибра. Все терпеливо ждали, и наконец, чавкая грязью, охранник ушел, превратился в темный силуэт на фоне ночного неба.

Генерал шепотом проинструктировал:

— Беннет, вырубай датчики. Как только управишься, мы разрежем проволоку. Сэм и Хэйбер, ползите к фонарю и будьте готовы успокоить копов, которые с той стороны появятся. Ясумура остается здесь, и чтоб ни звука! Приступаем.

Стэнли Ясумуре досталась самая мучительная задача — ждать, пока остальные действуют. Над ним, точно гора, нависал «Перикл». Инженер пытался рассмотреть корабль, оценить повреждения, но преуспел в этом крайне мало.

Генерал и сержант трудились слаженно, обезвреживали разнообразные сигнальные устройства. Сэм и Хэйбер канули во мглу. Все, что оставалось Ясумуре — это лежать пластом в грязи, мерзнуть, мокнуть и ощущать, как в груди бешено бьется сердце.

По ту сторону освещенного круга возникло движение, затем появился второй полицейский, и шел он прямиком к Ясумуре. Нисею казалось невероятным, что охранник его не видит и не слышит людей, пробирающихся к колючей проволоке. И куда подевались те двое, которым поручено нейтрализовать часовых?

Будто услышав этот немой вопрос, за спиной у полицейского выросли две тени и стремительно сблизились с ним.

Хэйбер обхватил шею часового, и вместо вопля получился сдавленный хрип. Сэм поймал и выкрутил мечущуюся руку, а затем прижал патрубок инъектора к ладони и нажал на спуск. Короткое шипение, и дисперсная струя седатив-

ного препарата введена в подкожную ткань. Несколько секунд беззвучной борьбы, и полицейский обмяк, не сумев крикнуть или выстрелить.

— Отлично. — Из мрака появился генерал. — Уложите его и заберите оружие. Сейчас пойдем за проволоку. Захватите лестницу и остальное снаряжение — и за мной.

— Вторая линия снизу — под током, — сообщил сержант Беннет, показывая на деревянную опору высокого, более десяти футов, ограждения. — Я поставил изолированный шунт, так что пройти можно, только до концов не дотрагивайтесь.

В темноте громко щелкнули кусачки, Беннет развел в стороны концы перерезанной проволоки. Когда образовалось отверстие высотой три фута, Бёрк сказал:

— Так достаточно. Пошли.

В лазейку пробрались по одному, передавая вперед ранцы. Потом по изувеченной земле обогнули хвостовую опору исполинского черного корабля и в свете далеких ангаров увидели открытую дверь воздушного шлюза.

— Лестницу! — шепнул генерал.

Хэйбер установил сложенную лестницу вертикально и нажал кнопку на пульте. Два миниатюрных электромотора с автономным питанием,

вмонтированные в нижнее колено, тихо загудели, лестница вытянулась и уперлась верхним краем в борт корабля как раз под люком. Сэм повесил на плечо мощные батареи и преобразователь тока для лазера, который нес Ясумура. Врач полез вверх; остальные удерживали лестницу.

— Надо будет это вставить. — Ясумура сунул ему конец провода с фишкой.

Рабочее тело лазера было заключено в тубу шириной с молочную бутылку; колоколовидный кожух на ее конце вмещал в себя выходное зеркало, которое автоматически располагалось на нужном расстоянии от объекта; также этот раструб предназначался для защиты глаз оператора от жгучего света.

Нисей приставил лазер к широченному, полудюймовой толщины стальному листу, который был приварен к корпусу корабля поверх люка, и включил питание. Аппарат загудел — слишком громко для тайной ночной операции — и медленно двинулся вбок, оставляя на металле черную полосу. Едко запахло окалиной.

Работая сосредоточенно и уверенно, Ясумура прорезал неполную окружность диаметром в ярд. Затем перенастроил лазер и обработал последние дюймы в самом низу. Мощный луч монохром-

ного света уже не прожигал сталь, а нагревал докрасна. Инженер отключил устройство и налег плечом.

Закачалась лестница, Сэм поспешил забраться повыше и обхватить ноги Ясумуры.

Инженер снова поработал лазером в режиме нагрева, и на этот раз стальной диск поддался, лег почти параллельно невидимому снаружи полу. Ясумура осторожно переступил через раскаленную кромку и исчез в шлюзовой камере.

— Теперь мы, — сказал Бёрк, и тяжело нагруженный оборудованием Хэйбер полез вверх.

— Сэр, с вашего разрешения, — обратился к генералу сержант Беннет, — я бы остался здесь. На земле от меня будет больше пользы. Если сунутся полицейские, я их успокою, доктор дал мне шприцы. Сейчас ведь очень важно выиграть время.

Бёрк колебался лишь долю секунды.

— Ты прав, Беннет. Прикрывай нас и будь осторожен, зря не рискуй.

— Есть, сэр. — Сержант отдал честь и отступил к лазейке в ограждении.

Генерал пробрался через отверстие в плите. Ему пришлось приподнять тяжелую черную ткань — люди, попавшие в шлюзовую камеру до него, обеспечили светомаскировку. Дождавшись

командира, они закрепили ткань на краях отверстия и зажгли походную лампу. Проморгавшись в резком свете, Ясумура поспешил к пульту; при этом он радостно потирал ладони. Как и в тот раз, когда здесь побывал Сэм, орган управления люками не реагировал, так что инженер, не теряя времени, приступил к демонтажу лицевой панели.

— Ты этим видеофоном пользовался? — спросил генерал.

— Этим, — ответил Сэм и принялся нажимать кнопки.

Отсеки молчали.

— Никаких признаков жизни, как и признаков беспорядка, — проворчал Бёрк, скребя темную от мази челюсть. — А ну-ка, Сэм, позвони на центральный пост. Тоже глухо? М-да, загадка.

Врач и генерал Секач услышали приглушенный лязг и обернулись. Ясумура и Хэйбер, обнажив нутро распределительной коробки, опустили тяжелую панель на пол. Инженер совал в разные места тестер, проверял, есть ли напряжение в цепях. Он замкнул плоскогубцами две клеммы, и на его лбу углубилась морщина.

— Странно, — сказал Ясумура. — Похоже, эта коробка вообще не запитана. Не понимаю… Может,

Ранд собрал какое-то устройство, чтобы прекратилась подача тока на внутреннюю дверь, когда он открывал внешнюю? Он мог установить таймер, чтобы устройство сработало с задержкой.

— Намекаешь, что дверь тебе не по зубам? — резко произнес Бёрк.

— Я этого не говорил. Но будет непросто…

— Как насчет блока питания лазера? Его заряда хватит?

— Ну конечно! Какой же я идиот, что сам об этом не вспомнил! Заряда больше чем достаточно, даже придется понизить мощность…

Внятная речь сменилась бормотанием. Инженер вскрыл блок питания и быстро поменял соединения, а затем протянул два провода к открытой распределительной коробке.

— Пробую! — Концом изолированной отвертки он замкнул реле.

Ничего не произошло.

— Так откроется или нет? — Голос Бёрка потрескивал, как рассеянная молния.

— Должна была открыться… Внутри корабля что-то разъединено.

— Забудь про электричество. Разве нет другого способа пройти через эту дверь? Или через стену?

— Генерал, вспомните о предназначении этого корабля. Шлюз, который будет открываться в атмосфере Юпитера, должен иметь внутренний люк такой же прочный, как и внешний, как и весь корпус. Он вдвое толще, чем дверь самого надежного банковского хранилища в мире.

— И как же это следует понимать? Мы забрались в этот чертов шлюз, но дальше ты нас провести не можешь?

Снаружи вдруг затрещал пулемет, по корпусу застучали пули. Все повернулись к прорезанному в плите отверстию.

Свет мощного прожектора проникал даже через черную плотную ткань.

12

Но свет исчез уже через секунду. Внизу около корабля загрохотал автомат.

— Они знают, что мы здесь, — пробормотал Бёрк, — и Беннет долго не продержится. Ясумура, открой проход…

Снова осветился занавес, и тотчас в нем образовался ряд круглых отверстий. По шлюзовой камере с визгом заметались посланцы смерти. Металлическим стенам нипочем были бронебойные пули полудюймового калибра, и тем

оставалось лишь рикошетировать снова и снова.

Это продолжалось меньше секунды, потом опять треснула автоматная очередь, и свет снаружи погас. Внутри тоже — пуля расколола лампу. Во мгле, затопившей шлюзовую камеру, раздался приглушенный стон.

Зажегся карманный фонарик Ясумуры, его луч добрался до лейтенанта Хэйбера. Тот распластался на полу, штанина масккостюма пропиталась кровью. Сэм быстро разрезал ткань и наложил повязку.

— Еще кто-нибудь ранен? — спросил он.

— Я цел, — буркнул генерал. — Ты как, Ясумура?

— Нормально. Послушайте, можно закрыть внешний люк. Так будет лучше?

— Это защитит нас от пуль и даст какое-то время, — проворчал Секач. — Сынок, ты наконец-то зашевелил мозгами.

— Внешняя дверь — не проблема, — не слишком внятно проговорил инженер. Держа фонарик в зубах, он руками принялся менять соединения в распределительной коробке. — Ее мотор — здесь, его питают эти провода…

Замкнутое Ясумурой реле выбросило искры, и раздался высокий воющий звук. В стене зарабо-

тал электромотор.

— Должна зак…

Фразу оборвала пулеметная очередь. В занавесе появились новые дыры, через них хлынул свет прожектора. И он уже не погас — Беннет больше не отстреливался. Сэм, Ясумура и Бёрк кинулись на пол. Снаружи медленно двигалась массивная дверь. Пальба не прекращалась, но пули теперь не залетали в камеру, а с вибрирующим визгом отскакивали от сверхпрочного борта. Дверь стукнулась о стальную плиту, та вдавилась, порвалась. Громче завыл мотор, силясь преодолеть щель шириной в несколько дюймов.

— Мотор перегружен, скоро предохранители вылетят, — сказал Ясумура.

— Это не беда. — Бёрк поднялся на ноги. — Ну так как же мы откроем внутреннюю дверь? Может, лазером?

— Тут замок как у банковского сейфа. Мотор приводит в действие скрытую в двери зубчатую передачу, та загоняет в гнезда на косяке стержни трехдюймовой толщины. Лазер слабоват, перерезать их не получится.

— Значит, проблема в том, — заговорил Сэм, — что на мотор не поступает ток? Ему что-то мешает?

— Верно…

— А ты можешь проделать в двери небольшое отверстие, только чтобы просунуть руку и соединить мотор с блоком питания? И потом открыть дверь, как открыл наружную?

— Именно этим мы и займемся! — с энтузиазмом воскликнул Ясумура. — Сэм, ты уверен, что правильно выбрал профессию? — И он принялся рисовать на двери восковым карандашом. — Здесь стержни, здесь шестерни… а мотор должен находиться вот тут. Если резать в этом месте, мотор не заденем, и можно будет подвести к нему провода.

Он бросил карандаш в инструментальный ящик и потянул провода из блока питания. По-прежнему снаружи стреляли, но ни одна пуля не залетела через щель в камеру. Зазужжал лазер, Ясумура приставил его раструбом к нарисованному на металле кругу величиной с блюдце.

Работа продвигалась медленно, прочный металл стойко сопротивлялся, луч проникал на считаные миллиметры.

Описав полный круг, он зашел на второй, чтобы углубить борозду. Запахло окалиной. Генерал подкрался к двери, попытался что-нибудь рассмотреть, прикрывая ладонью глаза от режущего

света, затем приставил автомат к плечу и дал очередь. И тут же распластался на полу: грянула ответная пальба, застучали в дверь пули, загудел, точно огромный колокол, «Перикл».

— Хотели подогнать пожарную машину с лестницей. Я их шуганул, но они все равно подберутся, или кто-нибудь додумается протянуть шланг и достать нас мощной струей. Как успехи?

— Скоро закончу, — ответил задыхающийся от натуги инженер, налегая на лазер. — Очень уж прочный металл…

В прорезанном отверстии лязгнул тяжелый горячий диск.

— Открывай скорей! — обрадовался Бёрк и снова выстрелил в щель.

Теперь надо было хотя бы на дюйм выдвинуть из отверстия металлический диск, чтобы ухватить его большим шведским ключом. Дело шло крайне туго, но вот стоявший на подхвате Сэм зацепил раскаленную чушку, выдернул и швырнул на другой конец шлюзовой камеры. Ясумура, не обращая внимания на затлевший рукав, сунул в отверстие руку с фонарем.

— Есть! — обрадовался он. — Давай длинную отвертку и провода от блока питания.

Подсоединить провода к механизму, заключен-

ному в полой двери, было едва ли проще, чем до этого механизма добраться. Маленький инженер трудился, до крови закусив губу; по лицу ручьями лился пот; кожа на руке покрылась жуткими волдырями.

— Готово, — прохрипел он наконец. — Пускай ток.

В отверстии сердито загудел мотор. Через минуту, когда гул сменился визгом, Ясумура выключил питание и, светя фонариком, вгляделся в полость.

— Стержни вышли. Ну что, попробуем открыть?

Они налегли, упираясь в палубу подошвами, до треска напрягая мускулы. Дверь не поддавалась.

— Еще разок, — просипел Бёрк, — и теперь со всей силы.

Сжимая зубы, скалясь от натуги, они давили на тяжелую дверь. Подполз Хэйбер, налег, стремясь хоть самую малость помочь товарищам.

И вот дверь с крайней неохотой поддалась.

— Пошла, пошла! — хрипел генерал.

Образовалась щель шириной в долю дюйма. Но она все расширялась, и в нее лился свет, и вот уже образовался достаточный промежуток, чтобы пропустить человека.

— Хватит, — решил Бёрк.

Сэм уложил на палубу раненого лейтенанта, а Секач осторожно, с автоматом на изготовку проскользнул в проем. За порогом он хохотнул и опустил оружие.

— Едва ли эта штука годится для перестрелки с микробами. Идите за мной. И вещи захватите.

Вещи передали через проем, затем Сэм помог Хэйберу встать и протиснуться к Бёрку.

— Гляньте-ка! — В коридоре Ясумура показал на отверстие в стене коридора — с рваными, закопченными краями. — Тут была распределительная коробка управления воздушным шлюзом. Заряд взрывчатки — и ее нет. Бикфордов шнур дал Ранду необходимое время, чтобы выбраться в камеру. Но зачем?..

— Мы для того и пришли сюда, чтобы это выяснить, — сказал Бёрк. — Хэйбер, ты у нас не самый мобильный, так что оставайся в арьергарде. Позаботься о том, чтобы снаружи никто не приперся нам мешать.

— Есть, сэр.

— Доктор Ясумура, я полагаю, начать поиски лучше с центрального поста. Не возьметесь ли нас туда проводить?

— Разумеется. Надо пройти вот по этому при-

мыкающему коридору до лифта, а лифт доставит нас прямо на пост.

Ясумура пошел первым; громкое эхо шагов разнеслось по гигантскому кораблю. Шли осторожно, заглядывали в каждый дверной проем, хоть и не знали, даже не догадывались, чего опасаются.

— Стойте! — скомандовал нисей.

Все тотчас замерли с оружием на изготовку. Ясумура указывал на толстый изолированный провод, пересекавший у них на пути пол коридора. Он появлялся из неровной дыры в стене и исчезал в другой такой же.

— Когда корабль улетал с Земли, этого провода здесь не было.

Сэм опустился на колени, присмотрелся:

— Провод как провод, должно быть, из корабельных запасов. На Юпитере «Перикл» провел без малого два года, наверняка экипажу понадобились какие-то переделки.

— Все равно мне это не нравится, — с подозрением глядя на массивную жилу, сказал инженер. — Палубы специально соединены кабелепроводами, чтобы ничего не тянуть в коридорах. Не трогайте, я после им займусь.

Кроме распределительной коробки около

воздушного шлюза, ничто на пути маленького отряда не носило явных следов повреждений. Исправно работал атомный реактор, по проводам шел ток, в отсеки поступал воздух, вполне пригодный для дыхания, хоть и с характерным техническим запашком из-за бесконечной регенерации. Лифт моментально отреагировал на вызов, раскрылись двери кабины.

— Центральный пост прямо над нами, в носу корабля. — Ясумура нажал кнопку.

Кабина с гулом поднималась, охватившее пассажиров напряжение росло с каждой секундой — как будто в людях закручивались стальные пружины.

Но вот снова раздвинулись створки, Сэм и генерал вышли, машинально подняв оружие. Беспокойство чуть отпустило, когда в куполообразном отсеке не обнаружилось признаков жизни — как и признаков смерти.

Та же картина, что показывал экран видеофона в шлюзовой камере.

— Это еще что за диво? — указал Ясумура на металлический ящик, приваренный к палубе у стены напротив входа. — Еще одно новшество, не предусмотренное конструкторами. Интересно, для чего оно понадобилось?

Кубический, со стороной фут, ящик состоял из криво нарезанных кусков листовой стали. Судя по слишком широким, грубым сварным швам, его изготовил малоопытный мастер. Из отверстий в боковинах выходили провода, а сверху — кабель толщиной с мужское запястье, который тянулся к стене и скрывался в неаккуратно прорезанном отверстии. Пройдя вдоль тонких проводов, инженер выяснил, что они подсоединены к консолям. В основном это были консоли коммуникационной аппаратуры.

Сэм задержался перед этими пультами и операторскими креслами, затем обернулся к спутникам.

— И правда интересно, — сказал он. — Вроде я не видел в прошлый раз ни проводов, ни коробки. Может, это случайность, но они не наблюдаются с того места, где я тогда стоял. А стоял я прямо перед экраном видеофона.

— И это еще не самое странное, — сказал Ясумура. — Взгляните на устройства связи. Длинноволновые, УКВ — все включено.

Генерал медленно повернулся, ведя взглядом по проводам, от пультов к коробке, от коробки по массивному кабелю к стене.

— Вот что я думаю: надо выяснить, к чему под-

соединен этот толстый кабель.

— Как насчет бортового журнала? — спросил Сэм. — Наверняка там есть сведения о болезни. Можно поискать и другие записи…

— Это подождет, сначала разберемся с проводами. — Генерал направился к двери. — За мной.

Соседний отсек был заставлен навигационным оборудованием. Кабель извилисто, как дохлая змея, лежал на полу. В пластиковой панели на стене против входа для него проделали неровную дырку. Та же картина наблюдалась в двух соседних отсеках, а потом кабель нырнул в дверку и ушел вниз по ступенькам винтовой лестницы. С потолка там спускался другой кабель, чтобы соединиться с первым и исчезнуть во тьме.

— Аварийная лестница, — проговорил Ясумура. — Проходит через весь корабль.

Ступеньки этой лестницы были освещены лишь крошечными трубчатыми лампами. Люди спускались по спирали, все глубже проникая в корабельные недра.

Через открытые двери, через пробитые наспех отверстия в шахту проникали все новые кабели, и вот их уже больше десятка змеится по ступенькам. За очередным поворотом лестница кончилась, там все кабели, сойдясь в один тол-

стенный, уходили в дверной проем.

— Что здесь? — спросил генерал. — На этом ярусе?

Морща лоб, Ясумура рассмотрел нарисованный по трафарету номер на стене, потом посчитал на пальцах. Судя по лицу, он был озадачен.

— Вообще-то, здесь ничего не должно быть, кроме пустых баков, — проговорил инженер. — Нижние ярусы предназначены для топлива, а оно израсходовано в полете.

Осторожно перебравшись через паутину проводов, люди вошли в дверь и очутились перед белой стеной, в которую уходили кабели.

— Это тоже не предусмотрено конструкцией, — сообщил Ясумура.

Здесь было холодно. Сэм шагнул вперед и провел стволом автомата; посыпались мелкие белые кристаллы. От заиндевелой стенки бака к корпусу корабля шли массивные, грубо сделанные балочные фермы. Над отверстием для кабелей был прикреплен самого обыкновенного вида телевизиофонный аппарат.

— И его здесь быть не должно, — сказал Ясумура. — Мы не сочли нужным протягивать сюда линию. И вообще, аппарат выключен…

Врач подошел и нажал на кнопку, но экран не

засветился.

— Не хочешь со мной разговаривать? А придется.

Сэм дал спутникам знак отойти и, не дожидаясь, когда его остановят или хотя бы поймут намерение, полоснул очередью по узлу кабелей. Пули с визгом отрикошетировали, успев перерубить два провода.

Зажужжал видеофон, засветился экран. С него на людей смотрел юпитерианин.

Громоздкий «Перикл» погружался в вихрящиеся газовые потоки Юпитера, сражаясь с плотностью атмосферы, хваткой гравитации и даже с собственной массой. Яростно завывая, его атаковали чудовищные ветры, норовили сбить с расчетного курса, но чуткие приборы моментально фиксировали любые изменения параметров и предупреждали компьютер. Атомный двигатель с ревом выбрасывал в нужную сторону раскаленную струю, компенсационным импульсом стабилизировал продвижение корабля, не давал ему сорваться в неуправляемое падение. В густой как суп атмосфере, которую сжимала гравитация втрое больше земной, трещали молнии, по металлической шкуре «Перикла» хлестали метановые и аммиачные дожди.

Но ни малейший отзвук бушевавших снаружи стихий не доносился до центрального поста. Здесь царил деловитый покой, лишь изредка нарушаемый далеким свистом воздушного клапана, или шорохом одежды сидящего в глубоком кресле пилота, или тихой короткой фразой, обращенной к соседу. Толстый глухой борт отгораживал экипаж не только от звуков. Что-то увидеть позволяли крошечные иллюминаторы, в настоящий момент закрытые шторками, и видеоэкран, на котором лишь клубились и вихрились темные газовые массы. Куда более содержательную информацию можно было считывать с дисплеев радара, высотомера, датчика скорости.

Корабль снижался.

— Пока никаких заметных отклонений от курса, — сообщил коммандер Ранд, штурман. — Садимся аккурат на серединку айсберга.

Этот высокий блондин с добрым лицом казался слишком молодым для флотского воинского звания коммандера. Но свою должность он получил по праву, досконально освоив секреты космической навигации.

Он тщательно, с абсолютной точностью запрограммировал эту посадку. Сидеть и наблюдать — вот и все, что теперь от него требовалось.

— Зря ты называешь Риф айсбергом, — с датской неспешной аккуратностью выговаривая слова, упрекнул его второй пилот Вике. — Он изо льда, но это не тот лед, что у нас на Земле, а газ, уплотненный до невероятной твердости. Как показывает радиозондирование, это действительно прочный объект, на который мы можем безбоязненно опуститься…

— Ветер — около ста миль в час, — сказал капитан Брэмли. — А что с воздухом?

— Сто пятьдесят ниже нуля, — ответил Ранд. — Лишь на несколько градусов теплее, чем Риф. Мы почти на месте.

Готовые к любой неожиданности, они молча следили за показаниями приборов. Но все шло гладко. Снова и снова взгляд пробегал по испещренным приборами консолям, задерживаясь лишь на дисплее траектории. Там по белой курсовой линии в направлении выпуклого Рифа скользила красная капля, отмечающая позицию «Перикла». Именно благодаря своему контуру на дисплее возвышенность получила такое название. Наверняка во всепланетном океане жидкого и твердого газа хватало и других «рифов», но земляне их не искали, поскольку не имели лишних радиозондов. Этот же Риф был обнаружен одним

из первых радаров на реактивной тяге, его координаты удалось определить со всей необходимой точностью. Разумеется, пилоты допускали, что объект может оказаться всего лишь льдиной, плавающей по бескрайним морям, но через десять часов, когда «Перикл» совершил полный оборот вокруг Юпитера, Риф находился на том самом месте, где его обнаружили. И тогда он был взят под непрестанное наблюдение с орбиты. Как только радарные наблюдения подтвердили, что он прочно сидит на поверхности планеты, к нему отправились новые ракеты-зонды.

И вот теперь к этой точке приближался «Перикл». Из дюз били плазменные струи, замедляя продвижение громадного корабля почти до полной остановки. На его борту чудовищная сила вдавливала людей в противоперегрузочные кресла. Тем временем радар обшаривал своими лучами поверхность внизу, компьютер искал наиболее ровное место. Выстрелили горизонтальные дюзы, сдвинули «Перикл» вбок на нужное расстояние. Маршевые двигатели повысили мощность, струи огня вгрызались в лед, вздымали облака пара, и тот моментально замерзал, превращался в снег, уносимый вечным ветром. Наконец гора металла практически

застыла над поверхностью, скорость снижения упала до нескольких дюймов в секунду. При соприкосновении с землей корабль содрогнулся и заскрежетал, а когда выключились двигатели, в него вцепилась гравитация Юпитера.

Под этим огромным грузом конструкция застонала, затрещала, но выдержала. «Перикл» благополучно совершил посадку.

— Такое ощущение, будто мы все еще тормозим. — Ранд, преодолевая боль, выбрался из кресла.

Капитан Брэмли ничего на это не ответил, пока не подверг визуальной проверке все посты и не перекинулся парой слов с находившимися там людьми. Это не заняло и трех минут — штатный состав корабля был невелик, сорок один человек, причем только треть экипажа участвовала, да и то лишь косвенно, в управлении полностью автоматизированными системами.

— Мы не разбились при посадке, никто не получил травм. — Капитан снова утонул в кресле. — Трудновато будет жить при трех *g*.

— Неделю как-нибудь выдержим, — ответил на это Ранд.

И тут приборные панели взбесились.

Это был беспрецедентный, не предусмот-

ренный никакими инструкциями случай. За наносекунды компьютер перебрал все готовые решения, но тщетно. Одна за другой на пульте вспыхивали красные лампочки — банки памяти не содержали нужного ответа. За дело взялись бортинженеры, они тестировали и чистили контуры, пытались найти и исправить ошибку, прежде чем разразится катастрофа. Экстренные проверки показали, что корпус цел и внутрь не проникает инопланетный воздух. Мало-помалу люди успокоились и приступили к более тщательному анализу ситуации.

Причину неполадок пока обнаружить не удавалось, для этого просто-напросто не было средств, обезумевшие приборы давали самые невероятные показания. Пришлось отключать их один за другим. В конце концов загадку аварии сумел разгадать второй пилот Вике.

— Это магнитная индукция, — сказал он. — Причем огромной мощности, не меньше десяти тысяч килогауссов. Источник лежит непосредственно под кораблем, близко к поверхности планеты, совсем рядом с ледяным покровом; наши приборы находятся в радиусе воздействия поля. А то, что оно отсутствовало до нашего появления, — более чем странный феномен.

Насколько он странный, стало ясно через два часа, когда были отключены все подверженные воздействию приборы и техникам удалось определить параметры поля.

— Все очень просто, — проговорил капитан Брэмли, просматривая выданную компьютером распечатку. — Индукция и впрямь очень сильная, а в кормовой части корабля хватает железа. Притяжение сравнимо с максимальной тягой наших двигателей.

— Хотите сказать…

— Совершенно верно. Если попытаемся взлететь, пока действует поле, то взорвемся. Юпитер держит нас в прочной ловушке.

— Но как такое может быть?! — запротестовал Вике. — Даже если допустить, что эта onaagenaam[8] планета — природная лаборатория для создания сверхмощных магнитных полей…

— А если предположить, что поле создано искусственно? — очень тихо произнес капитан.

Только мигание сигнальных лампочек говорило о том, что за бортом «Перикла» на поверхности Рифа происходит какое-то движение.

В закрытых нишах внешнего корпуса прята-

---

[8] Примечания: 8
Неприятная, противная *(дат).*

лись прожекторы, из них больше половины уцелело при посадке.

Капитан пробежал пальцами по клавишам тестирующей аппаратуры, отключил неисправные устройства, затем одновременно включил все остальные.

Снаружи царила вечная ночь, ни один солнечный фотон не мог пробиться через сверхплотную, толщиной двести миль атмосферу. Изредка в этой мгле вспыхивала молния. Мощные прожекторы позволяли во всех подробностях рассмотреть окрестный ландшафт… и подступивших к «Периклу» обитателей планеты.

— Красавцами их не назовешь, — сказал Вике.

Чем выше расположены органы зрения, тем лучше видит их обладатель, чем ниже органы локомоции, тем он подвижнее, а органы манипуляции, если ими довершить гибкие конечности, обеспечат должную ловкость. Все это абсолютно необходимо разумному существу.

Благодаря закону естественного отбора юпитериане тоже всем этим обзавелись, но если они и имели сходство с гомо сапиенс, то сугубо карикатурное. Приземистые, широченные, со слоновьей шкурой и морщинистой ящеричьей головой без шеи, существа ковыляли на лапах толщиной в

три обхвата.

— Как считаете, сэр, наш свет их слепит? — обратился к капитану Ранд. — Непохоже, чтобы они испытывали хоть малейшее неудобство.

— Слепит, если в складках на макушках прячутся глаза. Впрочем, мы можем только догадываться. Наверняка об этих тварях нам известно одно: им хватает ума, чтобы генерировать магнитное поле и удерживать нас. Значит, следует подумать о контакте.

— Возможно, юпитериане уже решают эту задачу. — Датчанин указывал на экран: вплотную к кораблю подковыляла компания аборигенов. — Есть и другие, вне зоны обзора видеокамеры. Чем они занимаются, непонятно, но наши датчики фиксируют движение.

— Там у нас левый маршевый двигатель!

Брэмли поспешил набрать номер, но едва видеофон отозвался, корпус со стороны двигательного отсека загремел, точно барабан.

— Камеру на стену, я должен видеть, что у вас происходит, — распорядился капитан.

На экране сменилось изображение, теперь это была серая металлическая панель.

Буммм!..

Как будто громадный таран ударил снару-

жи в борт «Перикла». На панели образовалась выпуклость, из ее середки вынырнул красновато-зеленый стержень толщиной с человеческий большой палец. Слегка зауженный на конце, этот стержень торчал на фут с лишним. Ему хватило прочности, чтобы пробить многослойную, из особо твердых материалов изготовленную стену, но в кислородной среде он изменил цвет и задымился.

И вдруг стержень задвигался. Он изгибался, корчился, точно змея.

— Эвакуировать отсек! — скомандовал капитан и ударил по кнопке тревоги.

По всему кораблю заверещали сигнальные устройства, залязгали герметичные двери.

Все, кто видел стержень в двигательном отсеке, моментально поняли, что к ним ломится юпитерианин. Это существо крепче самой прочной стали, но оно разумное, мыслящее. Камера показывала, как оно дымится и обугливается в воздухе, но все же мало-помалу продвигается вперед, будто что-то ищет. Потом стержень скользнул обратно.

Капитан предостерегающе крикнул, но возглас был заглушен ревом холодных юпитерианских газов, под огромным давлением рвущихся внутрь

корабля.

Два человека не успели покинуть отсек, прежде чем растущее давление накрепко запечатало дверь. «Перикл» спасся благодаря счастливой случайности. В любом другом отсеке не выдержали бы тонкие перегородки, и тогда ядовитые пары, распространяясь через вентиляционную систему, уничтожили бы весь экипаж. Двигательные же отсеки были укреплены дополнительно, при выбросе плазмы из камеры сгорания толстые стены, массивные двери и автоматические запоры должны были защитить корабль. И теперь они выдержали. Под чудовищным нажимом металл гнулся и скрипел, но нигде не образовалось даже малейшей трещинки.

На девять бортовых суток юпитериане оставили «Перикл» в покое. Время от времени мимо проходил абориген, но даже не косился в сторону корабля, словно того и не существовало. Двигателю не дали остыть до полного выхода из строя, с помощью дистанционно управляемых механизмов в отсеке поставили пластырь и подперли его мощными балками. Когда же давление снизилось достаточно, чтобы там мог действовать человек в скафандре, доброволец прошел через воздушный шлюз и установил надежную заплату.

После этого воздух на борту понемногу очистился от ядовитых примесей, и люди смогли вернуться в двигательный отсек. Нельзя сказать, что у них там было много работы, — сверхмощное магнитное поле по-прежнему держало корабль в своей хватке.

Экипаж попытался установить контакт. С большим трудом удалось соорудить полупроводниковый телепередатчик, работающий на постоянной частоте. У него не было подвижных частей, а вместо вакуумной трубки конструкторы использовали ортикон системы Партини.

В корпус готового прибора залили пластик, после чего устройство поместили в большой контейнер, тем самым надежно защитив от любых перепадов давления. С помощью внешнего манипулятора контейнер вынесли наружу и поставили так, чтобы проходящий юпитерианин не мог его не заметить. Из прибора звучал усиленный голос капитана Брэмли, а на экране отчетливо виднелось лицо. То и другое люди-ящеры полностью проигнорировали. В конце концов на телепередатчик случайно набрел юпитерианин и раздавил его.

— Похоже, они нисколько не заинтересованы в общении с нами, — сказал Ранд.

Никто не улыбнулся.

На девятый день вокруг корабля снова собрались аборигены. Капитан, наученный горьким опытом, отозвал людей из нижних помещений и задраил двери. После ремонта в двигательном отсеке осталась кое-какая аппаратура связи, поэтому на центральном посту во всех подробностях видели происходившее.

На этот раз появилось отверстие меньшего диаметра, и пробойник тотчас исчез. Лишь небольшая порция холодной водородно-гелиевой смеси попала внутрь корабля, а затем в дырку полезло тонкое коричневое щупальце. Забравшись в отсек на добрый ярд, оно опустилось до палубы. После этого щупальце уже не росло в длину, а надувалось на конце, как будто в резиновую емкость по шлангу закачивали воздух. Все молча наблюдали, как эта емкость раздувается, пока она не приобрела форму и размер бочки.

И эта «бочка» была покрыта чем-то прозрачным и блестящим. Верхняя часть предмета корчилась, на ней росли грозди бугров.

Когда рост прекратился, коммандер Ранд озвучил вопрос, возникший у всех:

— И что бы это могло быть?

Брэмли смотрел и напряженно думал.

— Какая-то инопланетная чертовщина. Надеюсь, ее засунули для связи с нами. — Он набрал номер двигательного отсека. — Алло! Алло! Вы меня слышите?

В верхней части «бочки» среди утолщений образовалась щель, как будто раскрылась пасть, и зазвучал высокий, прерывистый, булькающий голос.

— Харрр-ррро-о-о… — верещала «бочка», отвратительно подражая человеческой речи. — Харрро-о-о…

Люди неделями бились над проблемой связи с юпитерианами и научились принимать их сигналы. Вероятно, напуганный экипаж взбунтовался бы, если бы не гравитация, которая превратила жизнь в непрерывную пытку. Экипаж большую часть бортовых суток проводил на плавучих койках, уменьшавших изнурительное воздействие гравитации на организм. Корабельные начальники посменно пытались учить аборигенов английскому языку при посредстве «бочки», которая, по их мнению, представляла собой биологический коммуникатор. Название «бочка» так и закрепилось за этой штуковиной. Сама она явно не обладала разумом, но под прочным покровом, надежно защищавшим от кислорода,

функционировали живые органы.

Поначалу земляне обращались к ней через динамик, но, не дождавшись агрессивных эмоций, как, впрочем, и любых других, рискнули спуститься в двигательный отсек. В течение урока люди находились у двери — мало ли что.

«Бочка» никак не реагировала на вопросы, кроме тех, которые имели самое непосредственное отношение к урокам языка, и через несколько дней земляне перестали спрашивать. Возможно, рано или поздно они получат все интересующие ответы, а сейчас необходимо сосредоточиться на обучении. Ведь как-то надо объяснить юпитерианам, что нехорошо держать гостей в магнитной ловушке.

На семнадцатый день посреди урока «бочка» вдруг прекратила лопотать и втянула единственный глаз, специально выращенный, чтобы смотреть на грифельную доску.

Преподававший в тот раз коммандер Рэнд выскочил в дверь, запер ее за собой и поднялся на центральный пост, чтобы вместе с товарищами наблюдать за происходящим. Через несколько минут снова появился глаз, уже другого цвета, и его движения выглядели более осмысленными, чем прежде.

— Что вы за существа?.. — спросила «бочка».

Так начался диалог между двумя разными формами жизни.

Для юпитериан не составило труда запомнить простейшие элементы коммуникативной механики. Судя по всему, аборигены обладали эйдетической памятью: понятое слово уже не забывалось. Не возникло проблем с существительными, которые земляне могли объяснить наглядно, такими как стул, стакан, нож, и глаголами, такими как ходить, бежать или писать. Другое дело — абстракции, тут целые тематические группы слов остались неусвоенными.

— Откуда вы прибыли? — поинтересовались юпитериане.

Услышав, что гости прилетели с Земли, третьей планеты здешнего солнца, они выпустили целую очередь вопросов:

— Что такое Земля? Что такое планеты? Что такое Солнце?

Юпитериане жили под многослойной и чрезвычайно плотной, почти жидкой атмосферой, не имея ни единого шанса увидеть звезды. Откуда же им знать о существовании иных миров? И хотя они как будто воспринимали объяснения землян, интереса не проявляли и легко отступа-

лись от предмета обсуждения. Поднимали тему — и вскоре бросали ее. Все беседы строились по единой схеме — конечно, если это было схемой, а не совпадением. Они (или он, или оно — люди на борту «Перикла» не имели возможности определить, с одним или многими юпитерианами ведут разговор) явно ничего не знали о технических науках, однако на удивление легко усваивали объяснения. Лишь одна тема заинтересовала аборигенов настолько, что они вернулись к ее обсуждению. Ранее полученные ответы, похоже, их не удовлетворили. Снова прозвучал вопрос: «Что вы за существа?»

Первым о юпитерианах кое-что понял капитан.

— Биологические науки, — сказал он. — Химия, а точнее, биохимия, нейрофизика и все такое. И электричество… Ну конечно! Биоэлектричество!

— Сэр? — озадаченно посмотрел на него коммандер Ранд.

— Попробуем вообразить, как сами юпитериане видят мир, в котором они живут. У них нет машин и механически изготовленных предметов, но им хватило ума создать устройство для общения с нами, пусть даже они сами не понимают принцип действия своего коммуникатора.

Похоже, они работали исключительно с живой материей, достигнув немыслимого уровня контроля над нею. Вы же видели, как быстро им удалось проникнуть в двигательный отсек и вырастить там «бочку».

— Да, сэр, и это многое объясняет. Но как создано удерживающее нас магнитное поле? Чтобы его генерировать, необходима техника.

— Так ли уж необходима? На Земле давно известно биоэлектричество, вспомним хотя бы электрического угря. Впрочем, не лучше ли спросить об этом юпитериан? Кажется, мы достаточно научились понимать друг друга, чтобы обсуждать столь важные темы.

— Под нашим кораблем находится источник магнитного поля, — сказал капитан «бочке». — Вам известно об этом?

— Да, его создают электрические поля силы, — по обыкновению внятно и точно ответил юпитерианский переговорщик, глядя единственным глазом на капитана, который стоял у противоположной стены двигательного отсека.

— Вам известно, что наш корабль не может взлететь, пока это поле действует?

— Да…

— Вы уберете поле, чтобы мы могли покинуть

вашу планету?

— Не будет поля силы, да… после толкования…

Ответ был достаточно ясен, если не считать одного нюанса. Землянам стоило немалого труда понять, что подразумевалось под словом «толкование». Уж точно нечто большее, нежели «разговор». Проанализировав косвенные признаки и подключив интуицию, капитан пришел к выводу, что юпитериане хотят познакомиться с анатомией человека и изучить клетки человеческого тела.

— «Толкование» у них означает «изучение». Это позволяет мало-мальски понять их мышление, но проку для нас от такого открытия мало.

Капитан послал за шприцем и перед немигающим оком представителя чуждой жизни выкачал из вены несколько кубиков крови.

— Сюда… — произнес бесцветный голос, и в бочке чуть ниже глаза появилось отверстие.

Подойдя, капитан почувствовал сильный запах нашатырного спирта. Он перелил кровь из шприца в темное отверстие, которое тотчас зарубцевалось.

— Мы должны проделать толкование… — прозвучало вслед удаляющемуся капитану. — Толкование вас…

— Я вам покажу рентгеновские снимки человеческих органов, а еще есть учебники.

— Надо проделать толкование глазом…

На стебельке затрепетал глаз, и капитан снова направился к «бочке».

— Сэр, не надо подходить! — предостерег Ранд. — Нет уверенности, что мы поняли слово «толкование».

— Похоже, сейчас это означает «разглядывание». — Капитан остановился. — Ну вот, вы потолковали со мной своим глазом. Теперь отпустите корабль?

— Не будет поля силы после толкования…

— Капитан, мне это не нравится!

— Мне тоже, но они выражаются ясно — насколько это возможно для них. Если это существо не получит интересующих его сведений, нас никогда не отпустят. И я не вправе скомандовать «добровольцы, шаг вперед».

Капитан приблизился к «бочке», стебелек вытянулся, сплющился. Подрагивая, он секунду-другую висел перед лицом человека, а потом метнулся вниз и полоснул от горла до паха. Огромная рана — и мгновенная смерть.

13

С экрана на трех потрясенных землян таращился юпитерианин. Ясумура ахнул и непроизвольно отступил на полшага.

— Что за дьявольщина? — спросил генерал.

— А ты угадай. — Сэм указал на заиндевелую стену. — Мощные опоры, толстые стены, охлажденный сверхпрочный контейнер на половину отсека…

— Там юпитерианин! — воскликнул Ясумура. — Одного доставили сюда живьем, и до чего же он уродлив! Вот уж не думал, что на Юпитере может быть жизнь…

— Мы теперь точно знаем, что она там есть, — сказал Сэм. — Но это еще вопрос, кто кого сюда доставил. Все кабели сходятся здесь, и, кроме этой твари, на корабле нет живых. Экспедиция погибла до последнего человека.

— Оно может говорить? — спросил генерал.

— Плохая проводка, толкование осложнено, — зазвучал из динамика высокий, бесцветный голос инопланетянина. — Устранить неисправности…

— Толкуешь ты отлично, — возразил Бёрк. — А ну-ка, дружок, растолкуй нам, как ты тут оказался и… — Он не закончил фразу и обернулся к

Сэму. — Чума возникла не случайно! По-твоему, этот монстр имеет к ней отношение?

— Думаю, болезнь Ранда — его работа. Я предполагал нечто подобное, когда обращался к тебе насчет посещения корабля. Но если бы я тогда сказал, что мы здесь обнаружим, разве бы ты согласился?

— Нет, я бы решил, что ты чокнулся.

— Вот поэтому и не было объяснений. Но теперь ты понимаешь: все шло, как и должно было идти. Болезнь Ранда выглядит распланированной: последовательные мутации, сменяющиеся носители, неизлечимость. Если рассматривать в таком ракурсе, это не просто случайно занесенный из космоса вирус, он…

— Искусственный!

— Вот именно. И я считаю, что это существо имеет самое непосредственное отношение к нему. Надо выяснить, верна ли моя догадка.

— Плохая проводка, — бормотал юпитерианин, — толкование осложнено…

— С проводкой разберемся, но сначала ты ответишь на наши вопросы! — Поймав себя на том, что кричит, Сэм понизил голос. — Болезнь Ранда, эпидемия в городе — твоих рук дело?

— Не содержит смысла…

— Коммуникативная проблема, — вмешался Ясумура. — Люди из экспедиции учили юпитерианина английскому, но он вынужден соотносить наши слова с предметами и явлениями из его собственной среды обитания, что исключает полную передачу смысла. Сэм, старайся формулировать максимально простые и четкие вопросы. Прежде всего нужно создать фундамент общения, а уж на нем можно будет что-то построить.

Сэм кивнул и обратился к инопланетянину:

— Я живое существо, и ты живое существо. Понимаешь меня?

— Я живое…

— Когда маленькие живые существа живут в большом существе и причиняют ему вред, это называется болезнью. Я выражаюсь ясно?

— Что такое вред? Это вещь?

— Нет, вред — не вещь, это то, что происходит… Попробую иначе. Что такое болезнь? Это когда маленькие существа разрушают большое существо. Прекращают его жизнедеятельность. Вот моя рука, видишь? Если в ней поселятся маленькие существа, она отвалится. Вот это и есть вред. Маленькие существа могут вредить человеку разными способами. Такие явления называются болезнями. Это ты принес болезнь, которая те-

перь вредит моему народу?

— Я не понимаю, что такое болезнь… Толкование осложнено, устранить неисправности…

— Выкручивается, не желает правду говорить, — проворчал Бёрк.

Сэм отрицательно покачал головой:

— Мы этого не знаем наверняка. Похоже, он предлагает сделку: если починим проводку, будет разговор. Можно срастить те жилы, что я перебил? В случае чего разъединить их нетрудно.

— Секундное дело. — Инженер легонько потер концы разрубленного кабеля сначала друг о друга, потом о металлическую палубу. — Не искрят, значит ток не сильный, авось не убьет.

Он наскоро срастил провода.

— Это ты принес болезнь, которая вредит моему народу? — повторил вопрос Сэм.

Юпитерианин вытянул глазной стебель вбок, посмотрел на что-то, находящееся вне поля зрения людей, и снова укоротил.

— Да, — последовал флегматичный ответ.

— Зачем?! — воскликнул Ясумура. — Ради чего такая подлость?

— Необходимо толкование… Что такое подлость?

— Стэнли, сделай одолжение, помолчи. — Врач

оттеснил инженера от экрана. — Понимаю твою злость, но она нам не помощница. У этого пришельца, похоже, нет никаких эмоций, вот и мы должны контролировать свои. — И повернулся к юпитерианину. — Если болезнь создал ты, тебе должно быть известно, как ее остановить. Расскажи нам.

— Толкование не завершено…

— Мне плевать, что ты подразумеваешь под «толкованием»! — Как ни пытался Сэм сдерживать ненависть к этому существу, она все-таки прорвалась, и он вскинул автомат. — Ты знаешь, на что способна эта штука, видел, как она рвет провода. Твой бак она точно так же разорвет, и тебя самого — в клочья!..

— Сэм, прекрати! — рявкнул генерал и перехватил руку, готовую нажать на спусковой крючок.

Юпитерианин молча смотрел на людей и не шевелился.

— Что толку пугать эту тварь? Сам же сказал, у нее нет наших эмоций. Возможно, даже страха смерти нет. Надо найти другой способ…

— Он есть. — Сэм высвободил руку. — Мы уже знаем, что этому гаду не по нраву. Надо перебить еще несколько проводов.

Генерал прыгнул к Сэму, но тот оказался про-

ворнее. Он круто повернулся и дал очередь. Засвистели пули, рикошетя, пробивая стены, прошивая толстые кабели. Полыхали и трещали дуговые разряды, в замкнутом пространстве оглушительно гремели выстрелы. Наконец Бёрк обезоружил врача, до последнего мгновения давившего на спуск.

— Ты разозлил бестию! — показывал на экран Ясумура.

Юпитерианин корчился, дергался вперед и назад, выбрасывал в разные стороны глаза на стебельках.

— Толкование не завершено… Многие провода неисправны…

— Не будет тебе ни проводов, ни толкования! Ни черта не будет, пока не дашь то, что нам нужно! — Сэм подался вперед, едва не коснувшись экрана лицом. — А нужно нам то, что остановит принесенную тобой болезнь!

— Толкование не завершено…

— Сэм, так ты его убьешь. Разреши срастить провода…

— Не убью. Вид у него вполне здоровый, разве что не совсем довольный. Кабели, по которым мы шли, соединены с радиоприемником и телевизором, юпитерианин получал какую-то ин-

формацию, вот почему он говорит о толковании. Все слышал?! — прокричал Сэм в экран. — Дай то, что нам нужно, и мы починим провода, и ты завершишь толкование. Давай сейчас же!

Юпитерианин замер, втянув стебельки в морщинистую «голову».

— Надо устранить… Вы должны починить…

— Давай! Потом починим.

— Толкование не…

— После!

Возгласы эхом отскакивали от металлических стен отсека. Землянин и инопланетянин, абсолютно чуждые друг другу существа, замолчали. Каждый ясно выразил свое требование, и больше говорить не о чем, пока одна из сторон не уступит.

— Сэм… — начал Ясумура, но генерал схватил его за руку и оттащил назад.

— Не будем ему мешать, — сказал Бёрк. — Сэм все разложил по полочкам, и я рад, что этим делом занимается именно он. Как бы я сам поступил на его месте, не знаю. Вряд ли решился бы на такое.

— После! — снова прокричал Сэм и направил автомат на кабели, из которых больше половины было перебито выстрелами.

Юпитерианин скользнул вбок, исчез с экрана.

— Что он задумал? — Ясумура стер заливавший глаза пот.

— Не знаю, — мрачно ответил Сэм, — но собираюсь его поторопить.

Он протянул руку, и генерал неохотно вернул автомат.

Короткой очередью Сэм перебил еще два кабеля. Через миг последовал мощный удар, сотрясший стену, к которой крепился видеофонный аппарат.

— Назад! — воскликнул Бёрк и ударом плеча отшвырнул Ясумуру в сторону.

С громким скрежетом что-то прорвалось через толстую металлическую стену. По барабанным перепонкам ударил рев газовой струи высокого давления, заклубился пар. Люди отступили, но струя вскоре исчезла, пар рассеялся. Подле резервуара лежал серый цилиндр футовой длины, лопнувший при ударе о металлический палубный настил. Внутри этого цилиндра находился другой, изготовленный из чего-то пестрого, с преобладанием фиолетового цвета. Оболочка разлагалась прямо на глазах, источая запах нашатырного спирта, да такой крепкий, что хоть нос зажимай. Под фиолетовым слоем обнаружился

другой, лимонно-желтый, потом третий, и все они таяли, распадались на куски под корродирующим воздействием земного воздуха.

Эта дезинтеграция продолжалась около трех минут, и никто не заметил, как на экране вновь появился юпитерианин. Перестала кипеть растекшаяся по полу жижа, показался цилиндр из полупрозрачного воскоподобного вещества, длиной шесть дюймов и толщиной с черенок швабры. Стволом автомата выкатив его из лужицы, Сэм опустился на корточки, всмотрелся. Двигался цилиндр специфически, — похоже, он полый, с жидкостью внутри.

— Толкование не завершено… Устранить неисправности…

14

— Это что, лекарство от чумы? — глядя на капсулу, проговорил генерал. — Или какая-то обманка?

— Устранить неисправности… — монотонно пищал динамик.

— Я посмотрю. — Инженер достал нож. — Ну и каша! Хорошо, что жилы цветокодированные.

Сэм снял берет и обернул им просвечивающую капсулу.

— Очень надеюсь, что это лекарство. Но пока не проверим… — Он встряхнул контейнер и удивленно сообщил: — Жидкость совсем не холодная. А ведь при той температуре, что в баке, она должна была замерзнуть. Секач, похоже, это оно!

— Коли так, надо доставить его туда, где от него будет польза. Мне нужен видеофон. Мне нужен лифт. Именно в таком порядке.

— Есть, генерал! — Нисей соединил концы проводов скруткой и потянулся к соседнему кабелю. — То и другое вы найдете внизу. Идите вдоль переборки до первой двери, за ней будет коридор. Пришлите кого-нибудь сюда, мне надо знать, что происходит. А я попробую подключиться к этому смышленому юпитерианину и разговорить его.

Бёрк отправил вызов на ближайший к воздушному шлюзу видеофонный аппарат. Полминуты он нервно барабанил пальцами, наконец засветился экран и отозвался лейтенант Хэйбер.

— Докладывай, — буркнул генерал.

— Сейчас тут тихо, сэр. Стрельба прекратилась, но шлюзовая камера освещается прожектором и просматривается через оптику. Я попробовал выглянуть, так мне чуть башку не снесли. Правда, проникнуть на борт еще никто не пытался.

— Хэйбер, ты там держись и на рожон не лезь. Я

с ними переговорю, и скоро мы уберемся отсюда. Похоже, у нас теперь есть лекарство от чумы, но сначала надо проверить его в больнице. — Бёрк отключился, не дав удивленному офицеру задать ни одного вопроса, и обратился к Сэму: — Я на центральный пост. Ясумура, как закончит с проводами, пусть сразу идет в шлюз к Хэйберу. Внуши ему, что это важно, и ступай ко мне.

К тому времени, когда врач передал распоряжение инженеру и узнал, что тот не успел поговорить с юпитерианином, генерал добрался до видеофона. Сэм застал его орущим в экран. Бёрк стер с лица почти всю камуфляжную мазь, чтобы никто не усомнился в его личности. Увидев Сэма, генерал дал знак подойти к аппарату.

— Ты же знаком с Шейблом из ВОЗ? Вот и поговори с ним. Меня слушать он упорно не желает.

— Генерал Бёрк, как я могу поверить вам или доктору Бертолли после всего, что произошло? Сейчас идет экстренное заседание Совета безопасности. Хотите знать, какие вопросы там обсуждаются? Боюсь говорить об этом открытым текстом…

— Я знаю, какие вопросы там обсуждаются. — Сэм изо всех сил старался контролировать голос. — Они хотят забросать бомбами, распылить

на атомы Красную зону — Нью-Йорк и окрестности в радиусе сотни миль. Но в этом нет ни малейшей необходимости. У нас появился шанс победить болезнь Ранда. — Он поднял капсулу. — Есть основания полагать, что здесь содержится необходимое лекарство. Но установить, насколько оно эффективно, можно только в Бельвью. И мы должны туда попасть как можно скорее.

— Нет! — возразил Шейбл дрожащим голосом. — Пока вы на корабле, есть шанс, что Совет безопасности не прибегнет к отчаянным мерам. Лучше оставайтесь там.

— Дайте поговорить с доктором Маккэем. Ему я смогу объяснить, что мы здесь обнаружили.

— Увы, доктор Маккэй еще не оправился от сердечного приступа. Да и в любом случае я не позволил бы вам говорить с ним…

Сэм прервал связь, потом отправил оператору сигнал соединить его с доктором Маккэем.

— Истеричная старая баба! — вспылил генерал. — Он думает, что я лгу?

Зажужжал вызов, но на экране появился не Маккэй, а Эдди Перкинс.

— Ты! — наставил он палец, дрожа от злости. — Мало создал проблем, все никак не уймешься? Я уже знаю, что ты натворил в аэропорту! Совсем

спятил, да?!.

— Эдди! — перебил Сэм. — Помолчи и послушай. Сейчас не до грызни, у тебя единственный в жизни шанс исправить часть твоих ошибок. Помоги мне, и все беды закончатся разом. Я должен поговорить с доктором Маккэем. Здесь генерал Бёрк, он объяснит, почему это необходимо. Ты его знаешь, он из войск ООН. Ему можно верить.

— Доктор Перкинс, все очень просто. Мы находимся на борту «Перикла», и нам удалось установить, чем вызвана болезнь Ранда. И у доктора Бертолли есть сыворотка против этой болезни. Мы должны срочно перебраться из корабля в больницу Бельвью. Но нам не дают этого сделать, и доктор Маккэй — единственный человек, способный помочь.

Бёрк говорил спокойно, деловито и просто, но с командирской твердостью в голосе, не допускающей пререканий.

Сэм следил за Эдди, тот сидел тихо и мучительно жевал губу. И вдруг стало понятно, что все это время Перкинс действовал без дурного умысла, просто он оказался в ситуации, чересчур сложной для него. Он не мог ничего исправить — и боялся признать, что поступает неправильно.

— Эдди, свяжи нас с Маккэем, — мягко произ-

нес Сэм.

— Маккэй болен…

— Скоро он будет мертв, как и мы с тобой, как и все остальные, если не остановить болезнь Ранда. Давай, Эдди, звони!

Перкинс конвульсивно дернулся к кнопке и исчез из виду. Генерал и врач ждали в страшном напряжении, не глядя друг на друга, а на экране видеофона закручивалась бесконечная спираль режима ожидания. Наконец появилось лицо Маккэя, и Сэм выпустил из легких застоявшийся воздух. Он и не заметил, как перестал дышать.

— В чем дело, Сэм?

Сидящий на больничной койке Маккэй пребывал в ясном сознании, хоть и выглядел изнуренным. Он внимательно выслушал рассказ об экспедиции на корабль и о ее находках, затем кивнул:

— Я вам верю. Просто потому, что не верил болезни Ранда. Вирус с самого начала вел себя невероятно, и теперь нет сомнений, что он создан искусственно и доставлен извне. Но кем и с какой… Впрочем, об этом не сейчас. Чего вы хотите от меня?

— Нужно немедленно доставить эту жидкость в Бельвью и передать ученым для лабораторных

исследований. Однако стараниями профессора Шейбла мы блокированы на «Перикле».

— Что за глупости! Я кое с кем поговорю, распоряжение Шейбла будет отменено. Я возглавляю поиски лекарства от болезни Ранда, и если таковое лекарство появилось у вас, оно должно быть сейчас же доставлено сюда.

Он отключился.

— Боевой старик, — улыбнулся генерал. — Надеюсь, у него сдюжит сердце и он добьется толку от наших безмозглых политиканов. Идем к выходу, Сэм. Посмотрим, выпустят ли нас.

Хэйбер и Стэнли Ясумура сидели, прислонясь к стене коридора, в стороне от приотворенной двери, а значит, и от линии огня.

— Не вставай, — велел Бёрк, когда лейтенант хотел подняться на ноги. — Доложи обстановку.

— После нашего разговора по видеофону — без происшествий, сэр.

— Скоро мы отсюда уберемся, так что нужно открыть внешнюю дверь. Распределительная коробка в секторе обстрела?

— Вроде нет, сэр. Можно добраться ползком, но если встать — заметят.

— Стэнли, объясни, что надо делать, — обратился Сэм к инженеру, который стиснул зубы,

преодолевая растущее желание болтать.

— Объяснить, конечно, можно, но ты слишком долго провозишься, а у меня нервы на пределе, так что лучше доверь это дело мне и пожелай удачи.

Нисей лег у двери, чуть выждал и перелез через комингс. Он беспрепятственно добрался до стены с открытой распределительной коробкой, не привлек внимания карауливших снаружи, когда встал и занялся проводами. Но на обратном пути полицейские его заметили, и по корпусу корабля забарабанили пули. Некоторые нашли щель — и давай метаться по шлюзовой камере. Ясумура рыбкой нырнул в коридор и вытянулся на палубе, обессиленный, но невредимый.

— Хорошая работа, — похвалил генерал. — А теперь откроем внешнюю дверь и посмотрим, как отреагируют эти любители пострелять.

Как только к инженеру вернулась способность держаться на ногах, он подсоединил блок питания и замкнул цепь.

Автоматические предохранители к тому времени успели остыть. Загудел мотор, медленно двинулась внешняя дверь.

Сразу же в шлюзовую камеру градом посыпались пули, но люди находились на безопасном

расстоянии от линии огня.

— Даже не смотрят, куда лупят, — презрительно сказал генерал. — И чего они добиваются такой стрельбой?

Как будто его вопрос дошел до оцепления, грохот выстрелов вдруг сменился гулкой тишиной. Она продержалась почти четверть часа, а потом кто-то прокричал:

— Генерал Бёрк, вы меня слышите?

— Отлично слышу, — проревел в ответ Секач, — но не вижу. Если войду в шлюзовую камеру, ваши неврастеники меня не шлепнут?

— Нет, сэр… Приказано не стрелять.

Если генерал и сомневался, что обещание будет выполнено, он ничем этого не выдал. Поправил берет, стряхнул засохшую грязь с масккостюма, решительно подошел к выходу и застыл в ярком свете.

— Черт бы вас побрал! — выкрикнул он. — Погасите прожекторы! Хотите меня ослепить?

До Сэма донеслись невнятные команды, и погасло два прожектора.

— Вы можете покинуть корабль. — Говоривший подошел, он оказался седым капитаном полиции.

— Мне нужен транспорт. Вертолет.

— У нас есть…

— Прогрейте двигатель. Что с моим сержантом?

— Если вы о том, который в нас стрелял, то он убит.

Генерал повернулся и зашагал к внутренней двери, бросив на ходу:

— Идем, пока они не передумали.

Сэм узнал это тоскливое выражение лица, этот застывший взгляд. Так выглядит воин, видевший слишком много мертвых друзей.

— Моя помощь вам уже не нужна, — сказал Ясумура. — Если не возражаете, я останусь здесь, просмотрю корабельный журнал и перекинусь парой слов с пассажиром.

— Да, конечно, — кивнул Бёрк. — Спасибо за все…

— Ошибаетесь, генерал, это я должен вас благодарить за посещение «Перикла».

Подъехала грузоподъемная машина, перед люком корабля застыла платформа, на нее вынесли раненого лейтенанта. Оператор развернул машину и по дуге опустил платформу на землю. В нескольких ярдах ждал вертолет, медленно кружились его лопасти. Двое военных и врач будто не замечали обступивших их мрачных, до

зубов вооруженных полицейских. Сэм, сжимая в ладони капсулу, помог Хэйберу забраться в вертолет и улечься на заднем ряду сидений.

— В больницу Бельвью, и как можно скорее. — Врач опустился в кресло рядом с пилотом.

Полицейский ничего не сказал, но открыл дроссель, и машина взмыла.

Впереди лежал изломанный, в крапинах огней абрис Манхэттена, и на этом фоне Сэм видел не менее реальное, опухшее от болезни лицо Ниты. Сколько часов назад они расстались? Наверняка сейчас она выглядит хуже, намного хуже. А может… Нет, с этой мыслью никак нельзя смириться. Нита не могла умереть, ведь спасение так близко! Или насчет спасения он заблуждается? Сэм взглянул на капсулу, которую держал на колене. Изготовленная из материала, похожего на воск, она была мягкой, проминалась при нажатии. Действительно ли там лекарство? Перебрав последние события в памяти, он успокоился. Конечно лекарство, как же иначе. Чего бы добился юпитерианин, подсунув обманку? С другой стороны, какой ему резон поступать честно? Оба вопроса бессмысленны, поскольку неизвестна логика мотивации инопланетянина.

Вертолет описал дугу над огромным зданием

больницы и пошел на посадку по лучу маяка. Подбежали два санитара.

— Займитесь пациентом, — прокричал Сэм.

Он спрыгнул с вертолета и устремился к лифту, грубо оттолкнув с пути замешкавшегося санитара. В ожидании кабины Сэм нервно колотил свободной рукой по двери.

Наконец раздвинулись створки, генерал проскочил в кабину следом за врачом.

— Успокойся, сынок, — сказал он, — мы почти добрались.

В палате было темно, Сэм включил все потолочные лампы. Раздался стон. На кровати незнакомая женщина прикрыла ладонью глаза от яркого света. Господи, это все-таки Нита! Как же плохо она выглядит!..

— Что вы здесь делаете?! И кто вы?! Вон отсюда!

Сэма дергал за руку врач, которого он видел впервые в жизни. Как тут не испугаться, когда в твою палату вваливаются люди в грязном камуфляже, с черной краской на физиономиях…

— Простите, доктор. Я доктор Бертолли. У вас найдется шприц?

Он умолк, увидев на полу возле противоположной стены автоклав, подскочил к нему и ногой

вдавил кнопку. Откинулась крышка. Содержимое оказалось горячим; Сэм и не почувствовал, как обжег пальцы, пока насаживал на конус шприца иглу. Генерал оттащил незнакомого врача в сторону и принялся ему что-то объяснять; этого Сэм тоже не замечал.

Так, теперь капсула. Сэм протер ее торец спиртовым тампоном. Игла вошла легко. Лечит ли содержимое болезнь Ранда, или это смертельный яд? Что толку гадать… Он перевернул капсулу и потянул поршень, наполнив шприц до середины соломенно-желтой жидкостью. Потом освободил иглу и протянул контейнер подошедшему сзади генералу:

— Держи проколотым концом кверху.

Сэм осторожно высвободил из-под одеяла руку Ниты, продезинфицировал локтевой сгиб. Кожа была сухой и очень горячей, тут и там багровели нарывы.

Нита! Он заставил себя не думать о ней как о близком человеке. Перед ним пациент, его пациент. Сэм помассировал большим пальцем вену и, когда та поднялась, ввел иглу. Какая доза будет достаточной? Для начала пять кубиков. Если понадобится, добавим.

Многофункциональный диагностический

прибор показывал 106 градусов[9]. В сочетании с давлением и пульсом это говорило о том, что девушка умирает. Глубокие хриплые вздохи вдруг прекратились; она выгнулась под одеялом; раздался глухой дрожащий стон.

Запаниковав, Сэм дотронулся до нее. Что он наделал?

Неужели погубил?

В следующий миг миниатюрный дисплей показал снижение температуры до 105°. Это казалось неестественным, даже совершенно невероятным. Но ведь такова болезнь Ранда — неестественна, невероятна.

И эта болезнь сдавалась прямо на глазах. За пять минут температура опустилась до нормальной, а за пятнадцать изменился цвет нарывов, они уменьшились. Выровнялось дыхание, став глубоким и медленным.

А потом Нита открыла глаза, увидела стоящих возле ее койки мужчин и улыбнулась:

— Сэм, милый… зачем ты покрасил лицо?

---

[9] Примечания: 9
Или 41° по Цельсию.

15

— Меня прислал доктор Маккэй.

Обернувшись на голос Эдди, Сэм удивился: надо же, он и не заметил, как в палате собралось не меньше дюжины людей.

— Вот. — Он вручил Перкинсу шприц. — Еще возьми у генерала капсулу и немедленно отнеси к исследователям, только держи вертикально. Скажи им, что это средство против болезни Ранда. И ради бога, будь осторожен! Я не знаю, что это такое, и там, где взял, больше нету, во всяком случае сейчас. Нужен микроанализ… впрочем, они сами знают, что делать. А я позвоню доктору Маккэю и доложу о моих результатах.

— Тебе придется подождать до утра — ему дали снотворное. Он слишком перенервничал, когда… когда добивался, чтобы вас выпустили из корабля. — Бережно держа шприц и капсулу, Перкинс двинулся к выходу, но на пороге обернулся: — Вот что, Сэм… спасибо.

И быстро ушел.

Нита крепко заснула, генерал ушел. К его возвращению Сэм отмыл от краски лицо и руки.

— У тебя пять минут, — сказал Секач. — Позвонил Ясумура, просит нас срочно прибыть на борт.

Я на сегодня вдоволь пообщался с полицией, поэтому вызвал из форта свой транспорт, он уже в пути. Сынок, мы победили?

— Пока не знаю, — ответил Сэм, вытираясь полотенцем. — Юпитерианин дал нам действенное средство, ты сам видел, как полегчало Ните, но содержимого этой капсулы не хватит и на пятьдесят человек, а больных, наверное, уже пятьдесят тысяч. Теперь все зависит от исследователей. Если они разберутся с лекарством и научатся его производить, чуме конец. Я всей душой надеюсь, что так и будет.

— Каковы шансы?

— Да разве их подсчитаешь? Может, один на миллион. От нас больше ничего не зависит, остается только ждать. А впрочем, давай-ка вернемся на «Перикл» и попробуем расспросить юпитерианина. Стэнли объяснил, зачем мы там понадобились?

— Я с ним не говорил. Мне передали, что дело, по его словам, срочное.

Когда они вышли на вертолетную площадку, Сэм с удивлением обнаружил, что уже рассвело, на западе меркнут последние звезды и небо чистое, как бывает только после дождя. С юга доносился рокот мощных моторов, он перешел

в рев, и появились пять тяжелых самолетов с вертикальным взлетом. Над больницей они двинулись по кругу, один устремился вниз, к больничной крыше, на которой ждали двое.

— Я думал, под транспортом ты подразумеваешь вертолет. — Сэму пришлось кричать, чтобы генерал услышал. — Эта площадка не предназначена для таких самолетов.

— Знаю, но у генеральского чина есть свои преимущества. Да и не в восторге я от тех полицейских, что в аэропорту. Надеюсь, небольшая демонстрация силы их умиротворит…

Голос Бёрка утонул в шуме двигателей. Шасси самолета аккуратно прикоснулись к площадке, погасли сопла, откинулся фонарь кабины, и высунулся пилот.

— Сэр, это для вас. — Он протянул ремень с кобурой, а в кобуре был длинноствольный, хромированный, с тиковыми щечками рукоятки пистолет.

— Вот так-то комфортнее, — хмыкнул, опоясавшись, Бёрк и полез в самолет.

Сэм забрался следом. В кабине троим было тесно. Как только встал на место фонарь, самолет устремился ввысь.

Остальные окружили его, и, набрав большую

высоту, все звено легло на горизонтальный курс, полетело на запад, к аэропорту Кеннеди. Там самолет с врачом и генералом на борту описал круг над громадным «Периклом», скользнул вниз мимо его тупого носа и опустился на обожженную землю.

В этот раз полицейские глядели не столь грозно. Сэм и Бёрк прошли через ворота в колючей проволоке и приблизились к трапу, который в их отсутствие подъехал к открытому люку.

— Кто-нибудь проходил в корабль? — резким тоном обратился генерал к двум охранникам.

— Нет, сэр! Нам приказано…

— Отлично. Никого не впускать!

Бёрк отстранил полицейского, не дожидаясь протеста, и затопал по металлическим ступенькам.

Сэм прошел за ним через шлюзовую камеру, затем по коридору к лифту. На центральном посту им помахал рукой развалившийся в капитанском кресле Ясумура.

— Тут все записано, — сообщил он. — Бортовой журнал вели до самого конца. Парням, которые доставили «Перикл» назад, мужества было не занимать.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Сэм.

— Сразу после посадки на Юпитере корабль оказался в ловушке — каким-то образом туземцы сгенерировали мощное магнитное поле. Первую часть журнала я прослушал выборочно, но ты можешь изучить ее как следует. Потом юпитериане установили связь с экипажем, выучили английский и убили капитана, назвав это толкованием. Взяли да вспороли ему живот…

— Это слово использовал и наш пришелец. Что юпитериане подразумевают под толкованием, ты выяснил?

— Пытался выяснить, но наш гость молчит, к видеофону не подходит. Экипаж считал, что слово означает полное понимание или досконально изучение чего-либо. Например, представление о наших основных жизненных процессах. Судя по всему, у юпитериан нет техники, они не создали машинную цивилизацию, зато им удалось развить биокультуру, и теперь с живой клеткой они вытворяют что хотят. И вот на их планете садится космический корабль с иной формой жизни на борту. Все равно что детям в песочницу бросили новую игрушку. Конечно, захотелось разломать ее и узнать, что это там тикает. Членов экипажа вылавливали одного за другим и препарировали…

— Прямо Дантов ад. — Генерал погладил рукоятку пистолета. — И в нем библейские черти, без души и чувств. Надо бы привести корабль в порядок да слетать туда снова, с полным трюмом атомных бомб…

— Нет, Секач, ты ошибаешься, — возразил Сэм. — Мы имеем дело с инопланетной формой жизни, и она, несомненно, обладает способностью думать и чувствовать, но это происходит не так, как у нас. Юпитериане не спрашивали у землян, можно ли их пустить на образцы для изучения, но разве мы обращаемся с подобными вопросами к лабораторным крысам? Разве интересуемся у цыплят, которых заражаем еще в яйце, хотели бы они вырасти здоровыми?

— Что за ерунда! Опрашивать крыс и яйца — как ты себе это представляешь?

— То-то и оно! Вот и юпитериане не умели задавать людям правильные вопросы. А может, просто не желали. Предположим, они и друг дружку точно так же без спроса разбирают на части, так какой им резон спрашивать разрешения у нас?

— Кое у кого из экипажа «Перикла» были подобные догадки, — сказал Ясумура. — Вике, второй пилот, хоть и флегматик, как большинство дат-

чан, а все-таки имел сильное воображение. Он выдвинул версию, что юпитерианин не обладает индивидуальным разумом, а подчиняется разуму коллективному. При таком устройстве общества индивидуум не боится смерти, как ноготь не боится, что его отстригут. И если другого способа существования юпитериане не знают, они вполне могли предположить, что мы похожи на них, — и без малейшего зазрения совести подвергнуть гостей вивисекции.

— Это всего лишь версия, — проворчал Бёрк. — Хотя она многое объясняет. Либо в каждом юпитерианине дремлет гений, либо у них на всех один ум, достаточно большой и мощный, чтобы решать любые задачи. На уроках английского «бочка» мигом усваивала каждое слово. Юпитериане явно ничего не знали о машинах, но в считаные дни играючи создали машинную технологию. Она понадобилась, чтобы особь выжила на земном корабле, в противоестественных условиях. Им удалось построить в корме «Перикла» резервуар высокого давления и взять под контроль органы управления кораблем. Они очень быстро выяснили, что для этого требуется.

— И что, экипаж не оказывал сопротивления? — спросил Сэм.

— Еще как оказывал, но все было напрасно. — Ясумура включил бортовой журнал и поискал на дисплее нужный заголовок. — Пока юпитериане не проникли в корабль, может, у наших парней и был шанс, но я весьма слабо представляю себе, как бы они сумели спастись. Магнитная ловушка держала «Перикл» мертвой хваткой, он бы почти наверняка взорвался при старте. Хотите услышать, чем все закончилось? Последняя запись в журнале сделана коммандером Рандом. — Стэнли нажал клавишу воспроизведения.

— …Двадцать четвертое мая, если верить хронометру на центральном посту, но мы уже не можем следить за временем. Зря я говорю «мы» — недавно юпитериане добрались до Андерсона, в живых остался я один. Щупальцам любой металл нипочем, они расползлись по всему кораблю, и отсекать их невозможно. Малейшее прикосновение — и ты парализован, а это верная смерть. Я видел, что сделали с Андерсоном. Затащили на третью палубу и сунули в один из трех баков; в двух других уже сидели наши. Они все заболели, а потом вроде пошли на поправку, но выглядели уже не так, как прежде, и в конце концов умерли. Я в жизни не слыхивал о подобной болезни… Наверное, юпитериане подвергли мутациям

найденные в человеческом организме вирусы, но это, конечно, всего лишь предположение…

Раздался дробный стук, затем разбилось стекло. Снова заговорил Ранд, теперь менее внятно:

— Вам кажется, что я пьян? Я действительно выпил, без спиртного трудно не свихнуться в такой обстановке… — Он умолк, а когда продолжил, слова звучали куда разборчивей. — Но я только что разбил бутылку. У меня есть план, и чтобы его выполнить, необходимо ясное сознание. Кто бы вы ни были, слушайте: я надеюсь исполнить свой долг.

Проникну в двигательный отсек, выдвину поглощающие стержни, разгоню реактор до взрыва. При этом погибнет только один человек, все наши уже мертвы или умрут к тому моменту. Твари умны, они досконально нас изучили, разобрались с управлением кораблем. Можно только догадываться, что они затевают. Необходимо их остановить.

Говорит коммандер Ранд. Сегодня двадцать четвертое мая, и это последняя запись в бортовом журнале, других не будет.

Голос умолк, из динамика теперь шел только фоновый шум.

Не дожидаясь, когда кто-нибудь подаст голос,

Ясумура выключил аппарат.

— Ранд прав, — сказал Бёрк. — Случившееся больше похоже на лабораторный эксперимент, чем на сознательную попытку искоренить человечество. Болезнь была подогнана под земные условия, она поразила животных, которых инопланетяне никогда не видели, и приспособилась к новым носителям путем мутаций. Все это говорит о том, что юпитериане в совершенстве постигли биохимию и научились применять ее в своих целях. Нам до сих пор не удалось выяснить, каким образом они в самом начале распространили вирус, запустив его практически по прямой линии через Лонг-Айленд, — для нашего технологического уровня это фантастика. При желании они могли бы заразить весь мир и покончить с нами за один день. Но этого не произошло.

— Так чего же они хотели… — начал генерал, но Ясумура перебил:

— Смотрите, как прыгают стрелки! На УВЧ-передатчик поступает мощный ток!

Прозвучал сигнал вызова, инженер повернулся и нажал кнопку. На экране видеофона возник человек в мундире.

— Это башня управления полетами. Что вы передаете? У нас помехи на каналах радиона-

вигации…

— Сами мы тут ни при чем, но у нас внизу есть бак, и в нем сидит тварь, которая подключилась ко всем корабельным системам. На что похож сигнал?

— Минуту, я его выведу на ваш приемник. Постарайтесь как-нибудь подавить эти гармоники, они портят нам почти все рабочие частоты.

Голос смолк, и вскоре раздался высокий стон, мучительный для нервов, как скрип ногтя по стеклу. Инженер схватился за рукоятку громкости, и отвратительный визг сменился зловещим гулом.

— Что за чертовщина? — спросил Бёрк.

Звук странным образом напоминал голос юпитерианина.

— Стэнли, — произнес Сэм, — этот сигнал может дойти до Юпитера? А когда дойдет, его поймут?

— Если волна преодолеет слой Хевисайда, не потеряв слишком много энергии, и если у них есть хороший приемник — почему бы и нет? А на что ты намекаешь?

— Ни на что не намекаю, просто строю предположения… Гляди, приборы показывают ноль. Что происходит?

Инженер осмотрел консоль, затем прошелся по

отсеку, проверил все приборные шкалы.

— Наш приятель больше не качает энергию. Интересно, что он задумал?

— Давайте спустимся. — Сэм двинулся к выходу.

Выйдя из лифта, они почувствовали сильный запах аммиака, с которым не справлялись вентиляторы, и побежали. По стене резервуара высокого давления стекали струйки конденсата, внизу на палубе образовалась лужа. Иней исчез.

— Бак нагрелся! — воскликнул Ясумура.

— И давление в нем, похоже, упало, — сказал Сэм, глядя на темный экран видеофона.

— Значит, пришелец мертв, покончил с собой, — сделал вывод генерал. — Но почему?

Сэм пожал плечами:

— Можно ли это назвать самоубийством? Скорее всего, у юпитерианина изначально не было намерения вернуться на родную планету. Он прилетел к нам, чтобы выполнить определенную задачу, — наверное, правильнее всего назвать это экспериментом. Наш мир стал для него лабораторией, а мы — подопытными животными. Эксперимент закончился, исследователь отправил отчет…

— Радиосигнал!

— Вот именно. Сообщил, что дело сделано, и умер, или отключился, без разницы. И эмоций при этом не больше, чем у нашей эпителиальной клетки: она защищает человеческий организм, умирает и отваливается от кожи.

— Одно утешение, — генерал пинком отбросил спутанные провода, — ему пришлось сообщить, что миссия провалена, эксперимент не удался.

— Почему не удался? — взглянул на Бёрка Сэм. — Что, если это был социальный эксперимент, а не медицинский? О том, как болезнь воздействует на человеческий организм, юпитериане знали с самого начала. Может быть, их интересовало устройство земного общества, наша наука? Может, они хотели узнать, как мы будем бороться с эпидемией, что предпримем, обнаружив ее виновников? Кстати, они не пытались скрыть свою роль — на борту сохранился журнал, и нам достаточно было пройти через внутреннюю дверь шлюза, чтобы узнать о присутствии чужака. Помните, он держал наготове капсулу? И отдал ее, как только убедился, что иначе мы перережем все коммуникации?

Раздался топот, все повернулись к дверному проему и увидели там Эдди Перкинса.

— Хотел связаться с вами по видеофону, не

получилось, — задыхаясь, проговорил он.

— А в чем дело?

— Болезнь… болезнь Ранда! Лекарство! Мы выяснили, что за вещество в той капсуле, и научились его производить. Все кончено. Победа!

16

Порывистый ветер швырял на окно снежинки, и те, повисев несколько секунд, таяли и каплями сбегали по стеклу. Киллер Домингес сидел верхом на стуле, положив руки на спинку, и выдыхал в сторону окна сигаретный дым.

— Ох и дрянь же погодка, — проворчал он. — Не будь у меня артрита, я бы нынче им разжился. Жаль, док, что вы уходите.

— А я не жалею. — Сэм выкопал в выдвижном ящике несколько пар белых носков и бросил их в лежащий на койке чемодан. — Это отличная комната — для замотанного интерна, который дома почти не бывает. Но очень уж спартанская. Слишком напоминает армию.

— Да и не годится она для супружеской пары, верно, док?

— И это тоже, — улыбнулся Сэм. — Я уже воображаю, как перенесу Ниту через порог. Но чего мне, Киллер, будет недоставать, так это твоего

вождения. Вот единственная причина грустить, расставаясь со «Скорой».

— Док, некогда будет вам скучать по «Мясному экспрессу». Даром, что ли, вас позвали в новую лабораторию. Вы же теперь главный спец по юпитерианам. Говорят, это они вам подкинули идею проекта?

— Можно сказать и так. — Сэм задвинул ящик комода и перешел к платяному шкафу. — Все началось, когда юпитериане дали нам лекарство против болезни Ранда. Это совершенно новое направление в медицине. Так называемая ю-молекула живет как микроорганизм и легко воспроизводится. Что позволило нам произвести достаточное количество препарата и в считаные дни одолеть болезнь Ранда. Кладешь молекулу в чашку Петри, и пошло деление.

— Ух ты! Этак любой сможет выращивать себе лекарство, и все аптеки разорятся.

— Возможно, так и будет. Мы сейчас выясняем, на что способна ю-молекула, и если она оправдает хотя бы десятую долю наших ожиданий, в медицине произойдет революция. Тогда придется благодарить юпитериан и за чуму, и за средство от нее.

— Доктор, что вы такое говорите?! Столько

народу померло…

— Предпочитаю думать о том, сколько тысяч, а может, и миллионов выживет благодаря каждому умершему. Видишь ли, мало того, что ю-молекула способна воспроизводиться — она при определенных условиях обучаема. Новые штаммы будут опасны только для тех болезней, на которые мы их натравим. И они не дадут опасного для нас потомства.

— Док, это слишком мудрено для меня. Давайте оставим все как есть: я привожу бедняг в больницу, вы их пользуете. А что это за слухи насчет второго полета на Юпитер? Разве с первым мало было неприятностей?

— Киллер, может ли хоть один слух проскользнуть мимо твоих ушей?

— Просто у меня много знакомых.

Сэм опустил крышку чемодана и щелкнул замком.

— Пока есть только инициативная группа. Мы пытаемся убедить ООН в том, что юпитериане на самом деле не враждебны. Дело идет туго, правительства сильно напуганы. Но рано или поздно мы снова посетим Юпитер, и хочется, чтобы на этот раз контакт был мирным. Уверен, полетят только добровольцы. И они примут все меры

предосторожности, чтобы ситуация с болезнью Ранда не повторилась.

Сэм не заметил, как позади отворилась дверь.

— И ты, конечно же, будешь среди добровольцев? — спросила с порога Нита, стряхивая с пальто снежинки, успевшие превратиться в капли.

Он подошел, взял ее за плечи, посмотрел в глаза и произнес очень серьезным тоном:

— Ты же не станешь меня удерживать?

— Надо бы удержать, дорогой, но разве я смогу? Лети, раз решил. Только бы это случилось не скоро…

— Это случится еще очень не скоро, да и полечу я не один. В проекте участвует Стэн Ясумура, и к нам присоединится Хэйбер, как только избавится от костылей. А знаешь, что сделал Секач… генерал Бёрк? Добился, чтобы его приняли в Космическое агентство! Он пройдет программу подготовки астронавтов и будет зачислен в состав второй юпитерианской экспедиции.

— Бедненький! В таком возрасте тренироваться на многократные перегрузки в центрифугах! Тебе его не жалко?

— Ничуть. — Сэм на прощание помахал Киллеру, взял Ниту под руку, подхватил чемодан и

направился к двери. — Кого мне жалко, так это юпитериан.